

Книга
не
о пиратах
вообще...

Ольга Вечная

Веселый РОДЖЕР

Когда человек раз за разом захлебывается, уходит под воду, но упорно всплывает в любой шторм и после любых сражений, ему присваивают статус: непотопляемый. Пережив бури и вражеские атаки, он набирается опыта. Он осторожен. Избегает рифов, берегов, опасаясь разбиться. Но бывает, что он находит цель, ради которой несется на полном ходу, не думая, не планируя. Кретин.

Меня зовут Виктор Белов, и я непотопляемый кретин. Эта история обо мне.

Пролог

«Что я знаю о боли?

Серьезно? Ты хочешь услышать именно это сейчас?

Хорошо, я отвечу максимально честно. По крайней мере, попытаюсь.

Я точно знаю, что у нее помимо прочих есть два подвида: Фоновая и Прорывная.

Первая постепенно уходит в хронику, с ней живут годами, а вот между второй и острой существует лишь одна разница: острая боль всегда неожиданная. Тогда как Прорывную ты очень быстро учишься распознавать по характерным признакам. Знакомишься с ней. Затем отношения переходят на новый уровень, становятся прочными, верными, постоянными.

Забудь про сердечную боль, Алиса. Забудь так, словно ее не существует. Как будто ты горела вместе со мной по-настоящему и точно знаешь, что такое мұка...И тебя уже не удивить ничем. Представь, что огонь открыл тебя заново, превратил в золу добрый клубок нервов, он доходчиво объяснил, как это. Когда по-настоящему больно».

Я шепчу ей все это на ухо заплетающимся языком, тяжело соображая от безмерного количества выпитого. Она так пьяна, что едва улавливает треть сказанного. Шепчет в ответ, что тоже пылает. Она не поняла ни слова из моего монолога. А завтра и вовсе не вспомнит, о чем шла речь. Идеальная собеседница для того, кто хочет излить душу, не так ли?

«Забудь, малышка, про него. Будто и не было никогда. Через год, поверь, ты действительно задумаешься: а было ли? Побереги нервы, Алиса».

Часть I

Выходить из машины не хочется, потому что красное пальто снова ждет у подъезда. Не одно пальто, разумеется. Само по себе несчастное проблем доставить не может. А вот его обладательница — вполне. Стройная блондинка кутается в белый вязаный шарфик, мерит шагами дорожку перед десятиэтажным домом, с надеждой озирается по сторонам. Ждёт. Угадайте кого.

Интересно, какой предлог она придумает сегодня.

Хорошенькая, что ни говори, девица. Теперь понятно, почему она одиноко грустила в том самом баре «Бегемоты и павлины». Странное название, безумный вечер, многопряного виски, как результат — податливая любовница. Которую следующим утром едва удалось выпихнуть из квартиры. Вот же неугомонная! Ее бывший сказал при расставании, что задыхается рядом с ней. Что ж, неглупый мужик оказался, точно подобрал выражение.

Сиденья в «Кашкае» удобные. Сползти бы вниз, спрятаться за рулем. Когда-нибудь же она должна уйти. Как бы поступил в этой ситуации обычный среднестатистический

мужчина? Сбежал на неделю к матери или другу? Ха. Пираты так не поступают. Но и пленных не берут. А обладательница красного пальто размахивает белым шарфом у подъезда третий вечер подряд, мечтая сдать себя по собственной воле. Что же с ней делать?

Проблема в том, что девка в общем-то неплохая. Смазливая, добрая, в сексе чувственная и раскованная. Но удели ей больше времени, и невинное создание наверняка решит, что впереди свадьба и, прости Господи, сменит пальто на белое платье. Красный цвет хотя бы издалека заметен. Ладно, делать нечего. В прошлый раз она забыла в квартире сережку. Становится даже интересно, как выкрутится на этот.

Кожаные кеды коснулись асфальта, пальцы метнулись к воротнику и приподняли его, закрывая шею. Как же холодно! Порывистый ледяной ветер успел скользнуть за шиворот и пробежаться по позвоночнику. Бррр. С каждым шагом яркое пальто становится всё ближе. Девушка стоит, ждет преданно, в глаза смотрит. Где ж ее родители? Сдать бы с рук на руки, была бы помладше.

— Вик, привет! — смущается. Ага, дескать, случайно поблизости проходила. Тридцать пять раз в час мимо подъезда.

— Привет. А что ты здесь делаешь?

— Если бы у меня был твой номер, не пришлось бы каждый раз приезжать. А так — не накатаешься. Далеко мы живем друг от друга.

Первая хорошая новость за день.

— Что случилось-то, Алиса?

— Стыдно признаться, но... Я нигде не могу найти свои трусики. Как считаешь, могла забыть их у тебя? Они очень дорогие и любимые.

— Ты уходила от меня без трусов?

— Не помню. Мы так быстро собирались в тот раз.

— Я поищу. Давай свой номер. Если найду — перезвоню.

Она быстро диктует номер.

— Сделаешь звонок?

— Позже. Ты извини, что не приглашаю на чай, у меня много работы.

Почему-то язык не поворачивается обидеть ее. Пара грубых фраз — и девчонка бы убежала, рыдая. Но я так не поступлю с ней. О нет, опять этот наивный коровий взгляд из-под опущенных век. Что ж делать?

— Да, я понимаю. Вот, возьми, — протягивает сверток.

— Что это?

— Там лифчик из набора. Ну, чтобы убедиться, что это именно то белье.

— Хитро придумала. Ну что ж, пока.

— Позвони, хорошо? Вик, у меня такого никогда не было, слышишь? Я бы хотела повторить.

— Возьми такси, Алиса, уже темнеет, а до метро идти далековато, — приходится сунуть несколько купюр в красный карман красного пальто. Щеки в момент вспыхнули румянцем. У нее, разумеется. Предупреждающего цвета сейчас на девушке слишком много.

— Не стоило. Но спасибо за заботу.

— Удачи, малышка.

Не слишком вежливо оставлять ее вот так у подъезда. С другой стороны, переживать по этому поводу точно не стоит, потому что девушке двадцать четыре года. Пришлось заглянуть в паспорт, уж больно молодо она выглядит. Не такая уж, в общем-то, и малышка. Сама

разберется. Тем более, что дела есть и поважнее.

В квартире чувствуется привычный дубачок. Отопление я не люблю и серьезно считаю, что прохладный влажный воздух — основа уюта. С этим заключением редко кто соглашается, поэтому для друзей приходится включать радиатор. Любовницы же потерпят. Ближе прижмутся.

Кеды остались у порога, куртка — в шкафу. Скорее в душ, смыть с себя крики Марата Эльдаровича, запахи стройки и избавиться от цемента из волос. Сложно вести себя вежливо с клиентом, если искренне считаешь его оленем. Он хочет получить прибыльный отель — он получит свой гребаный прибыльный отель, пусть даже придется переругаться в пух и прах. Для его же блага. Аминь.

Тепло одевшись после душа, я некоторое время отдыхаю в кресле, читаю почту, обдумываю планы на завтра. Затем сажусь за компьютер, открываю «3DСофт» и погружаюсь в очередной проект. Работа кипит, время пролетает незаметно. Из колонок звучит «Hollywood Undead». Идеально для творчества. Сотовый вдруг запищал, отвлекая. Тянусь к карману, но там непривычно пусто. Ага, вот же он, в прихожей на комодке остался. Взгляд тут же цепляется за белый пакет, брошенный рядом. Чужой. Откуда взялся? Ах да.

— Алле?

Верчу в руках розовый милый кружевной лифчик. Зачем Алиса его притащила? Что я с ним должен сделать по ее мнению? Фетишистка недоделанная.

— Что будешь родителям дарить на годовщину? Привет.

— Привет, Тем. Пока в планах красиво подписанный конверт.

— Не хочешь поучаствовать в покупке нового телека? Арина в доле.

— Хочу. Давай закину деньги на карту, вы с Верой только сами выберете. Мне некогда.

— Уже выбрали, но тебе придется заехать купить. От тебя в соседнем доме «Электромаркет» с нужной моделью.

— Ладно, тогда жду деньги и название.

Внезапно посещает дикая, безумная идея устроить музей интимных вещей подруг. Это ж надо, насколько сильно, оказывается, съехала крыша. Johnny 3 Tears громко поет о том, что мы молоды, сильны, и созданы не для этого мира. Как символично.

А надушила-то! Несколько секунд рассматриваю лифчик, поворачивая голову то влево, то вправо. Белье приличного размера — у Алисы хорошая тройка. Воображаю себе потайной шкаф, где за стеклом разложены трофеи под номерками. Фу, нет, противоестественно и отвратительно, безумные фантазии! Лиф выскальзывает из рук, падает на пол. Пусть полежит тут. Пока что.

Перешагнув через неожиданный подарок, я отправляюсь на кухню. Достаю из шкафа любимые трюфели, нарезаю хлеб, сыр, щедро поливаю рукколу лимонным соком. Отличный бутерброд получается. Пожалуй, стоит сделать еще один, но уже без малых трюфелизаторов, разумеется. С такими девицами, как Алиса, следует быть осторожнее. Одна неудачная ночь — и я снова на таблетках. Или удачная? Стоила ли она того?

Ответа на этот вопрос не существует.

Зато теперь у меня есть трофей. Выбросить или сохранить на память? Вернуть хозяйке? Вдруг вспоминаю: тогда в баре Алиса позволила снять с себя трусики прямо за столиком. Куда мы их дели? Запихали ей в сумочку. Точно. Это без вариантов. Вот хитрая какая. Теперь еще и за лифчиком припрется. Сам дал повод — нечего жаловаться.

Студия встречает толпой незнакомых людей. В действительности у камер суетятся около десяти человек, половина из которых здешние работники, но общаются они настолько шумно, что кажется — не менее полусотни.

— А вот и он! Знакомьтесь, Виктор Белов, владелец студии «ФотоПираты», — представляет меня Тома, наш администратор.

— Очень приятно, Вик! Мы столько о вас слышали!

Как и обычно, после этой фразы неприятный холодок пробегает по спине. Короткие крепкие объятия и легкие поцелуи в щеки поднимают настроение. Девочки улыбки, раскованны, ветрены. И восхитительно молоды. Гормоны кипят, глаза блестят от предвкушения удовольствий, которые поджидают впереди. А они поджидают, еще как. В восемнадцать лет о политике и экономике думается плохо. А вот о любви — легко в любое время, в любом месте. О чем же красоткам еще думать? Тела только-только сформировались, не терпится их сравнить с идеалом, похвастаться. Для этого они все и пришли сегодня ко мне.

— Привет, рад всех видеть. Как настроение?

— Отличное! Боевое!

— Супер. Думаю, через полчаса можно начинать. Тома, сваришь мне кофе? Здесь слишком жарко. Может, выключим радиатор?

— Виктор Станиславович, так девочки же обнаженными будут фотографироваться, — Тома пораженно смотрит, поправляет квадратные стильные очки в красной оправе, моргает. — Замерзнут.

Тома всегда печется о моделях так, словно все они — ее близкие родственницы. Смешная и добрая тетка. Если вам понадобится идеальный честный управляющий — смотрите и завидуйте. Не отдам ни за какие деньги. Сам буду работать только на нее, но не пушу!

— Меньше льда уйдет, — усмехаюсь, но больше не настаиваю. Между тем вешаю куртку на крючок, остаюсь в свободных джинсах и светлой рубашке с закатанными рукавами, спереди застегнутой на все пуговицы. Достая из чехла любимый «Canon», настраиваю объектив. Площадку с направленным освещением постепенно заполняют тощие смущенные девицы в количестве пяти человек. Их совершенные, не знающие фитнеса, но упругие и гибкие тела украшены потрясающими замысловатыми рисунками. Бедняги, всем им, включая художника, пришлось встать около шести, чтобы успеть подготовиться. На часах — начало одиннадцатого.

Марина суетится вокруг моделей, поправляет волосы. Девочки балуются, пританцовывают под «Город-призрак» Адама Ламберта. Хороший ди-джей, приятная атмосфера, мои поощряющие улыбки — обычно этого хватает, чтобы окончательно раскрепоститься.

— Работаем, — говорю, подходя ближе с камерой. Командую девчонками, иногда подхожу сам поставить позы. — Смотрим на Тому. Тома, покажи им язык... Да, да, улыбайтесь. Тома, покажи еще что-нибудь.

Тома многозначительно оттопыривает щеку языком, и модели прыскают, откидывают волосы, скользят ладонями по телам друг друга.

Я говорил, что обожаю свою работу? Уже полчаса, как я на коленях перемещаюсь по площадке с тяжелым фотоаппаратом в руках, не ощущая его веса и нытья этих самых

коленей.

— Аленка, повтори то, что только что сделала. Нет, это уже порно. Эротика, девочки, никакой пошлятины. Не переигрываем. Вы ж не в баре снимаете мальчиков, а делаете моду. Марина, займись сосками девчонок. Хей, где Марина? Ладно, сделаю сам. Не двигайтесь. Замрите вот так, да!

В помещении слишком тепло, чтобы модели долго выглядели хорошо. А так как наш стилист куда-то слиняла, приходится лично помогать... поддерживать форму. Беру лед из вазочки, обворачиваю салфеткой, провожу круговыми движениями по груди Милы. Работу и личные отношения не смешивать просто во всех случаях, кроме тех, когда ты лично натираешь соски льдом сексапильной обнаженной девице.

— Ш-ш, — шипит она, смотрит в упор, кусает губы, отчего те краснеют, сияют. Крайне соблазнительно делает это. Глаза на мгновение встречаются, через секунду зрительный контакт прерывается, оставляя после себя сотни мыслей.

Работа продолжается.

— А когда будут фотографии? — Мила топчется рядом, не отходит. Остальные девочки умываются, одеваются. Она лишь накинула халатик.

— Как только обработаю. — Вот незадача, три часа пролетели незаметно, а впереди еще магазин и вечеринка родителей. Нужно поспешить.

— А сколько на это уходит времени обычно? — Она настойчива. Будь постарше, опытнее, уже поняла бы, что заинтересовала. Но в силу юности, или слишком сильного желания понравиться, продолжает подавать сигналы. Один за другим. Еще немного, и радар начнет плавиться.

— Тебе, должно быть, холодно, — говорю, улыбаясь.

— Совсем немного. Не терпится первой увидеть, что получилось. Хотя бы одним глазком.

Почему бы и нет.

Показываю несколько фотографий на экране фотоаппарата, приближая на каждом кадре лицо Милы.

— Неплохо получилось, кажется.

— Виктор Станиславович, что насчет фотосессии в следующую пятницу? — отвлекает меня Тома.

— А что будет в пятницу?

— Артем бронировал для своих.

— Хорошо, а причем тут я?

— Ну, он в долг. Так и не оплатил.

— В долг пусть фотографирует в собственной квартире, — говорю резко, быстро, громко. Народ вздрагивает, испуганно смотрит на меня. Тома довольно кивает:

— Какое замечательное решение. Наконец-то. Как же не терпится ему его озвучить. Пусть только позвонит, — потирает руки, не скрывая восторга.

Перед тем как отправиться на праздник, следует переодеться, сменить удобную одежду на парадную. Сегодня это белая рубашка навыпуск, черные брюки, синий длинный галстук.

Что ж, первая — приятная — половина дня позади. Если успеть быстро разочаровать родственников, подтвердив, что жениться я по-прежнему не собираюсь, то можно управиться к восьми. Тогда останется время доделать проект сегодня, и получится выспаться завтра. Недурной план.

Быстрым шагом пробираюсь к выходу, в котором замерла Мила. Девушка почти покинула студию, но вдруг обернулась. Забыла что-то? Стоит прямо посреди дверного проема. Приходится протискиваться мимо. Вот незадача, какой же узкий проход. Наши тела соприкасаются, как и взгляды. Рука невольно тянется к ее руке. Чуть сжимаю ее пальцы, Мила делает так же с моими. Смотрит серьезно. Мгновение — и я в коридоре, нехотя отпуская холодную ладошку.

— Замерзла все-таки, — вдруг говорю. Мила несколько раз кивает. Она так и не смыла яркий вызывающий макияж, волосы раскрашены специальной пастелью в половину цветов радуги. Русалка, не иначе.

— Ундина, — шепчу ей напоследок.

На самом деле, я никогда не связываюсь с женщинами, которых фотографирую. На мой взгляд, это нечестно. Об этом знают многие. И, кажется, со временем появилось что-то вроде соревнований: кто сможет соблазнить «Пирата Вика» после фотосессии. Никогда не пойму, что они во мне находят. Личность, скажу прямо, не таясь, престранная и не перспективная. Жилистый, не слишком высокий мужик, покрытый с головы до ног жуткими татуировками, по карманам которого распаханы кучи комплексов и проблем. А также пилочка для ногтей. Я еще не представился? Виктор Белов — размалеванный хренов аккуратист с идеальным маникюром. Очень приятно.

— Буду ждать фотографий, — говорит она вслед. Может, к черту сон? Что я, не спал никогда, что ли?

Любопытство разбирает по пути к ресторану «Русалка и дельфин», в котором назначено празднование. В одной руке сжимаю все ту же пилку, на светофорах продолжая совершенствовать края ногтей. Вы когда-нибудь видели, как в салоне красоты куча женщин делают маникюр, и среди них затесался один подозрительный тип? Так вот, этот тип нередко я. Впрочем, мы уже успели познакомиться.

Впереди сложный регулируемый перекресток. Светофор уверенно горит зеленым, снижать скорость необходимости нет, успеваю проскочить. Сотовый трезвонит — должно быть, Тема хочет узнать, почему опаздываю. Педантичная скотина, ни разу в жизни не опоздал и бесится, если другие пытаются жить иначе. Умом-то понимает, что родственничка, то есть меня, не изменить, но каждый раз звонит и злится. Ничего, подождешь. Тем более что опаздываю я всего минут на двадцать.

Жму на газ, но вдруг замираю. Мать вашу! Нога резко переключается на соседнюю педаль, руки крепче сжимают руль. Женщина вылетела на середину дороги и замерла, таращится на летящий автомобиль. Оцепенела. Справа никого, руль резко в эту сторону. Шины с визгом тормозят по асфальту, судя по звуку, оставляя часть себя черным следом. Людей и машин справа действительно нет, зато есть фонарный столб, который мужественно принимает удар на себя. Ремни безопасности врезаются в кожу, мягкая подушка неслабо бьет по лицу, затылок ударяется о подголовник. Резкая головная боль пронзает, головокружение подключается как по команде. Тошнит. Кое-как нащупав нужную кнопку и убирая ремень, я не без труда открываю дверь и вываливаюсь на улицу. Ноги предательски подкашиваются, падаю на колени. Резкое падение только усиливает весь спектр пойманных ощущений.

— Твою мать, — вырывается стон. Вытираю тыльной стороной ладони кровь с губы. Откуда она взялась? Язык онемел и не шевелится. Я что, откусил кусочек? От этого понимания тошнит, и завтрак мгновенно оказывается за пределами желудка.

— Вам плохо? — взволнованный женский голос рядом и сверху.

Чувствую, как меня начинают оттаскивать в сторону. Хочется крикнуть, чтобы не трогали. Нужно дождаться скорой. Вдруг сломаны ребра? После аварии двигаться нельзя. Тем более, в открытой машине осталась сумка с кредитками и документами. Но язык по-прежнему не слушается, а темнота не позволяет вырваться. Она сгущается перед глазами, откуда-то появляются яркие вспышки. Рядом словно врубили двигатели самолета. Как же громко. Кто-нибудь, уведите меня со взлетной полосы! Хорошо, что я не пошел в летчики. Хотя мысли были. Да что там мысли, вступительные даже сдавал.

«Русалка и дельфин» находится в неудачном месте. Вера долго смотрит в одну точку, молча слушая проклятия, которыми сыплет Артем, проезжая квартал за кварталом в поисках парковки. Глупо открывать ресторан, не продумав стоянку для машин. Люди, едущие на метро, не ходят по таким заведениям. Или они рассчитывали, что гости придут исключительно на такси? Стоило предупредить заранее.

— Милый, не ругайся. — Вера терпелива, как никогда раньше. За прошлую неделю они поссорились восемь раз. Многовато для семи дней, не так ли? Она дала себе слово, что спасет сегодняшний день. Поэтому упорно молчит и кивает, поджимая губы.

Артем и раньше не особенно подбирал выражения, когда вел машину. Разумеется, он один лишь в мире знает, как крутить баранку, остальные водители права купили, насосали, получили в подарок. Но раньше он при ней сдерживался.

А теперь, наоборот, старается изо всех сил. Расходится в потоке матерных ругательств, как подвыпивший баянист на празднике. И уже неважно, слушает ли его кто-нибудь — наявливает так, что уши вянут. Вера мнет клатч, терпит. Если сегодняшний семейный праздник не получится пережить вместе, то настанет время главных решений.

Артемка — интересный, симпатичный, умный мужчина. Он всегда ей нравился, с первого курса. Темные густые волосы оттеняют идеальную кожу, длинные ресницы очерчивают голубые глаза, придавая выразительности. Его полные губы кривятся в гримасе ярости. Господи, пожалуйста, пусть в следующем дворе найдется местечко. Вера — атеистка, но сейчас почему-то смотрит в небо. Оно серое, затянутое мрачными тучами. Если есть хоть маленькая надежда сохранить их с Артемом союз, пусть отыщется это чертово место.

— Неужели, мать вашу! — рычит Артем, заруливая за очередной дом. — Нашлось, родимое! За сто километров от ресторана. Может, к черту этот праздник, поедем домой?

— Твои родители нас ждут. — Вера кладет ладонь на его руку. Он дергается, отстраняется. Она его раздражает, не иначе. Чем только заслужила такое отношение? Утро началось неплохо: она сварила кофе, пожарила сырники. Новое платье очень идет Вере, девушка ухожена от кончиков пальцев на ногах до кончиков прекрасно уложенных темнорусых волос. Она очень старалась соответствовать своему безупречному жениху. Соберутся его родственники, друзья семьи. Артему будет приятно смотреть на нее весь вечер. Возможно, ей удастся его соблазнить, как придут домой. Хочется верить.

— Да знаю я! Все, идем. Уже опаздываем! Ненавижу опаздывать.

Он снова звонит брату.

— Ну, получит он у меня. Телек-то в его тачке. Как мы зайдем без подарка? Белов может появиться и через час, и через два. Зачем опять с ним связались? Почему ты не переубедила меня?

— Уверена, Вик появится вовремя.

За те два года, что Вера встречается с Артемом и бывает на семейных праздниках, Вик еще ни разу не появился вовремя. Весьма разболтанный парень. Творческий человек, что с него взять.

— Это ты виновата.

— Как и обычно.

— Что?

— Поспешим, Артем. Хоть кто-то должен явиться к назначенному времени.

— Значит, ты допускаешь, что он опять задержится? Черт, возьми же ты трубку!

Артем без устали набирает его номер, пока звонок не сбрасывают. Далее телефон Вика недоступен.

Вера решает поспешить, пока он еще к чему-нибудь не придрался. Выходит из машины, оглядывается.

— Вот куда ты, а? Мы разговариваем, она вышла из машины и пошла в сторону. Стой!

— Может, Вик уже внутри? Нам идти не меньше пятнадцати минут.

— А кто в этом виноват? Ты видела, что по пути ни одного свободного места? По-твоему, я спецом припарковался так далеко? Мне в кайф шлепать по грязи полчаса?

— Я ничего такого не думаю, — Вера сжимает кулаки. Артем ростом метр девяносто, она — метр шестьдесят пять в кепке. Еще и на каблуках, в узком платье. Он делает шаг — она за это время вынуждена выдать пять. Попросить сбавить темп?

Бросает быстрый взгляд на недовольное, некогда такое любимое лицо, и решает промолчать. Туфли поджигают. Они прекрасно идут к этому темно-синему вечернему платью, но созданы скорее для того, чтобы красиво стоять или сидеть. Ну, недолго танцевать. Но никак не бежать кросс на всех парах. С досадой она отмечает, что дезодорант не справляется. Только не это. Запах пота и мокрые подмышки — что может быть ужаснее? А ведь вечер еще даже не начался.

Она сбавляет шаг, но Артем делает вид, что не замечает этого. Тянет за руку.

— Милый, чуть медленнее, хорошо? Я не поспеваю за тобой.

— Мать твою, Вера! Мы опаздываем, если ты не заметила своей тупой головой!

— Что ты сказал? — она замирает, вырывая ладонь. Это слишком. Никто никогда не имеет права в таком тоне и такими словами с ней разговаривать. Глаза мгновенно влажнеют. Нет, не от обиды. От досады и разочарования. Она так старалась сегодня. Хотела спасти этот вечер, их отношения, которыми по-прежнему сильно дорожила, помня первый счастливый год.

— Какого черта ты опять в этих туфлях? Что за мода покупать обувь, в которой невозможно ходить? Когда я выбираю туфли, в первую очередь обращаю внимание на удобство. Бабье! К сумочке они тебе подходят, да? — бесцеремонно пихает ее клатч. — Еще и дорогие, наверное? Только баба может потратить столько денег на тапки, в которых невозможно ходить!

Она честно пыталась сдержаться. Она видела цель, ради которой стоит бороться. Помнила их общие вечера под одеялом, душевные разговоры за бокалом вина, шутки и смех до боли в животе. Он любил ее смешить, раньше. И фотографировать. С тех пор прошло мало времени, но оно принесло с собой фатальные изменения. Его слова становятся последней каплей. Да, у нее здесь никого нет из родных, мало друзей, но если он считает, что она без него не справится — пусть подавится своим самомнением.

— А пошел ты знаешь куда, Артем?! Я терпела всю дорогу твоё поведение ради твоей мамы, но теперь...

Его сотовый звонит.

— Да? — отвечает он на звонок, словно не замечая, что она на грани. Как будто не понимая, что ещё мгновение — и она его бросит. Навсегда. — Что? Как такое возможно? Ты уверена? Господи, мама, я еду! — голос в мгновение меняется, становится испуганным.

— Что случилось?

Его взгляд другой, мечется в панике. Ей кажется или его руки дрожат?

— Артем, да что произошло? Не молчи! — голос срывается.

— Вик в больнице. Попал в аварию.

— О нет.

— Вера, мама сказала, что он без сознания.

— Какой ужас. Поехали в больницу скорее!

Он нуждается в поддержке. Смотрит так, что она закрывает рот, вновь затыкая в себе слова, которые рвутся наружу. Обиды подождут. У них ещё будет время разобраться в отношениях. Вера больше не жалуется, бежит с удвоенной скоростью, преодолевая боль от мозолей. Не до этого сейчас. Она гладит его по плечу, пока он за рулем, и Артем благодарно кивает. Смотрит так, как раньше.

— Даже не вздумай думать о плохом. Не смей! Слышишь?

По дороге они подбирают Арину, сестру Артема и Вика.

— Есть новости? — спрашивает Артем.

— Известно только, что он в реанимации. Вот идиот! Как только поправится, шею сверну. Вечно вляпывается в передраги. Что с ним делать-то, а?

Артем пожимает плечами и благоразумно молчит. Со сводным братом он общается исключительно по делу. Образ жизни Вика его злит, но Тёма предпочитает попридержаться язык, хотя никаких сомнений — добавить к словам сестры может много чего. Все знают, что с Ариной разговор о брате лучше не заводить. Они вечно ругаются, подкалывают друг друга, редко видятся. Но если кто-то о Белове при ней выскажется грубо или насмешливо — лучше ему бежать вприпрыжку. За брата Арина горой. Они привыкли любить друг друга на расстоянии. А теперь одному из них угрожает опасность.

У больницы, к счастью, обширная парковка. Вера с Артемом и Ариной приезжают раньше всех, затем подтягиваются родители и некоторые близкие родственники. Врачи и другие пациенты косо поглядывают на их вечернюю, праздничную одежду.

Полина Сергеевна обнимает по очереди детей, затем Веру, утыкается в её плечо. Если бы не эта добрая женщина, бросить Артема было бы намного легче. В любом случае, сегодняшний день слишком неудачный для подобных решений. Скорее бы вышел врач и сказал что-нибудь.

Вера переживает за Вика, но не более чем можно переживать за чужого человека. Она искренне хочет, чтобы все обошлось, но сердце не щемит, не рвется на части. Мыслями она по-прежнему с Артемом на той злополучной улице, в душе кипит обида. А мозг хаотично подбирает новые и новые слова, чтобы высказать ему все, что накопилось, обоснованно послать куда подальше.

Приходится одернуть себя и ободряюще улыбнуться Тёме, когда к ним направляется врач. Артем сжимает её ладонь, шепчет «спасибо» на ухо.

— Все будет хорошо, — говорит Вера.

— Ты так уверена в этом?! — опять дергается. И она снова спускает это на тормозах, убеждая себя, что не время и не место.

— Вы родственники Виктора Белова? Он в сознании, можете пройти в палату, поговорить. У мужчины несильное сотрясение и два сломанных ребра. Можно с кем-то переговорить подробнее насчет старых шрамов?

— Конечно, — вперед выходит Полина Сергеевна. — Сразу после того, как повидаю сына.

— Неприятно, но не смертельно, так? — вставляет слово Арина. Врач оценивает ее взглядом, затем кивает. В черном длинном платье и с высокой прической Арина выглядит безупречно и представительно.

— Не смертельно, — соглашается врач. — Остальные анализы в норме. Мы понаблюдаем за ним до завтра. Если состояние не ухудшится, отпустим домой под расписку. Палаты сейчас переполнены.

— Слава Богу! — выдыхает одна из незнакомых Вере родственниц Артема. — Я думала, не доживу до этого известия.

— А вы вообще кто? — спрашивает Арина, поставив Веру в тупик. Арина точно обязана знать всех приглашенных на юбилей гостей. Между тем Полина Сергеевна тоже заинтересовалась девушкой, Артем выглядит не менее удивленным.

— Добрый день, — сориентировалась та. На вид ей можно дать чуть за двадцать. Довольно высокая, милая, светловолосая. Очень симпатичная. Подробнее рассмотреть пока не получается, не до этого. — Меня зовут Алиса. Я была свидетельницей ДТП и вызвала «скорую».

— Что ж вы сразу не сказали! — всплеснула руками Полина Сергеевна. — Расскажите, как это случилось?

Алиса замаялась, скомканно поведала о том, что «Кашкай» Вика на перекрестке вдруг резко двинул в сторону и на полном ходу влетел в столб.

— Он был один?

— Да.

— Что же его отвлекло? По телефону разговаривал, что ли?

— Да какая теперь разница, — смущается Артем. — Доктор сказал, что можно увидеть его.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 2

Снова тот же матрас. Я ощущаю его жесткость лопатками, позвоночником, поясницей, провожу пальцами по простыне — не ошибся. Простынь всегда одинаковая: грубая, выбеленная, однотипная. Даже открывать глаза не нужно, чтобы догадаться, куда попал. В больницу. А запах? Смесь лекарств и хлорки... Раз я его чувствую, значит, недавно здесь, не успел привыкнуть. То есть все интересное впереди. Вот бы поспать подольше. Врачи слишком редко используют искусственную кому, пора бы предоставить пациентам право выбирать. Это всё, разумеется, шутки.

А если серьезно — вам интересно, куда уходят ваши налоги? На таких больницезависимых людей, как я. Полис мой затаскан до дыр и походит на промокашку. Куда бы ни шел, ни ехал, в итоге оказываюсь в одном из подобных бюджетных заведений. Ну да ладно, это я тоже шучу.

Я попал в аварию, судя по последним ощущениям — не слишком опасную. Главное, что

кроме меня больше никто не пострадал. Легко отделался, можно сказать. Впрочем, врача еще не видел, так что придется ждать вердикта. Врачи... сколько же раз они спасали мою задницу? Когда уже я достану их так сильно, что дадут спокойно отмучиться?

Увидев лицо матери, вдруг понимаю, что доктор меня обманул, и на самом деле в ближайшее время все же придется отчаливать на тот свет. Я что, действительно умираю? Добрая улыбчивая медсестра не пожалела обезболивающих, и до этого момента казалось, что авария — это лучшее, что могло случиться в жизни. Но сейчас впервые стало по-настоящему страшно.

— Как ты, сынок? — мать берет меня за руку, смотрит в глаза. Она неприлично обильно нарумянена для посещения больницы, но я подозреваю, что под слоем макияжа бледная, как ватман. Как же хорошо, что она тут. Не подумайте, что я из тех самых, которые до старости держатся за материнский подол. С двадцати лет живу отдельно, между прочим. И о моей личной жизни мама знает, как и положено мамам взрослых мужиков, скудно и урывками. Но сейчас, лежа на больничной койке, думается лишь о том, какое же облегчение, что она приехала. Затем просыпается совесть.

— Все в порядке. Честно. Вы зачем все тут? Праздник же. Давайте, дуйте в ресторан и зажгите хорошенько за меня тоже. Еее.

— Ага, в порядке, — фыркает Арина, поджимает губы так, что они белеют. Злится, как и всегда. Если мое хладное тело когда-нибудь обнаружат где-нибудь закопанное, знайте — во всем виновата безграничная сестринская любовь. Чтоб ее. — У тебя какой стаж вождения? Врезаться на прямой дороге в столб!

— В руках он сжимал пилочку для ногтей, — робкий смутно-знакомый голос из-за спины родственников. Это еще кто? Девушка прорывается вперед, улыбается и машет.

— Алиса? — Вот теперь мне действительно плохо. Эй, кто-нибудь, плесните морфия! — Погоди-ка, — прищуриваюсь, вглядываясь в ее лицо, — так это ты, что ли, выскочила на дорогу? Зачем?!

— Горел зеленый.

— Мне — да. Тебе — красный! Вот кто виноват в аварии! О нет, как там моя машина? Ты вообще понимаешь, что ей и полгода не исполнилось?

— Ты что, пилил ногти за рулем? — хмурится Арина. Она что, не слышит, о чем я тут говорю? Впрочем, после ее слов становится как-то некомфортно. Мать опускает глаза, отчим усмехается. В общем-то, мне плевать, что они думают о моих привычках и пристрастиях, но раздражение вдруг очнулось и цапнуло чувство собственного достоинства больно и основательно. Прямо кричать захотелось на кого-нибудь.

— Какая сейчас разница, кто виноват? — жалобно произносит Алиса.

— Очень большая! — возмущаемся мы с Ариной хором. Потом смотрим друг на друга, пытаюсь изо всех сил умертвить любимого родственника взглядом.

— Позже разберемся. Главное, что с Виком все в порядке. — Рассудила нас Вера — вечная невеста моего сводного брата. Кстати, где он? А, вон стоит, в окно смотрит.

— Телек-то в порядке? — вдруг спрашиваю. Артем заметно оживляется, подходит ближе:

— Машину должны были эвакуировать. Если хочешь, я займусь этим вопросом.

— Вик, честно слово, это случайно случилось. Совпадение! — стонет Алиса. Зареванная, милая и жалкая. Именно такой я ее и подобрал в том баре. Себе на голову.

— Исчезни с глаз, Алиса, — тихо говорит Арина.

— О машине не волнуйся, отдыхай. Завтра мы тебя доставим домой.

Вера смотрит с сочувствием. У нее такой вид, будто вот-вот разрыдается. Невольно хмурюсь, вглядываясь в серьезное лицо этой малознакомой девушки. Неужто из-за меня печалится? Да быть не может. Красивая интересная девка, зря Артем не ценит ее. Вера достаточно умная для того, чтобы с ней не было скучно коротать вечера, и вполне хозяйственная, чтобы не бояться, женившись, умереть от голода и задохнуться в пыли. Уникальное сочетание. Артем сказал, что в постели она бревно. Я снова поморщился, то ли от очередного головокружения, то ли от воспоминаний о словах брата. Не то чтобы у меня были когда-то длительные отношения, но, полагаю, так не стоит говорить о женщине, с которой живешь.

Наконец, все эти люди уходят, и я остаюсь один. Насладиться тишиной не выходит, я тут же засыпаю. А утром Арина с Верой и Алисой отвозят меня домой. Такой вот женский десант по спасению одинокого раненого пирата.

В моей квартире редко бывает столько женщин одновременно. Поймите меня правильно, время эротических экспериментов осталось в прошлом. Шучу. Конечно же, оно у меня впереди. Двадцать шесть, какие мои годы.

Пока я осторожно и медленно разубаюсь, снимаю куртку и аккуратно-незаметно запинываю трофейный лифчик Алисы за комод, его хозяйка сидит на диване с дикой счастливой улыбкой. Вера листает здоровенную пачку фотографий, забытых на столе. А Арина ходит вокруг, причитая:

— У тебя, как и всегда, пустой холодильник. Один увядший укроп!

— Это руккола.

— Вот что ты за человек-то такой? Ну как так можно? Ты хоть иногда в магазин ходишь? Когда снимешь этот дурацкий пиратский флаг со стены? — На этом моменте я ей отсалютовал безымянным пальцем. — Как тебе не стыдно фотографировать всех этих голых девиц? — заглядывает на фотографии из-за плеча Веры.

— Это искусство, сестра.

— Чужие сиськи-письки — это разврат.

Дальше верхней одежды при других я не раздеваюсь, поэтому приходится залезть под одеяло прямо в рубашке и брюках со стрелками. Конечно, можно было взять одежду попроще из шкафа, пойти в ванную, там спокойно переодеться, но в данный момент это не кажется возможным, потому что при каждом резком движении меня тошнит, и показывать больничный завтрак всем этим милым дамам не хочется. Не настолько он был хорош, в общем-то.

— Я сбегая за продуктами, — воодушевляется идеей Алиса. Арина покровительственно ей кивает, разрешая. Как у сестры это получается? Она на всех действует подобным образом: заставляет себя слушаться.

— Пойду хоть кофе сварю, — с этими словами Арина покидает комнату, оставляя нас с Верой и эрофотографиями наедине. Невеста Артема, видимо, ухода подруги даже не заметила. Рассматривает мои работы с интересом, я бы даже сказал — жадно.

— А эту я видела в «Контакте»! — вдруг радостно восклицает. — Она повсюду, во всех постах про нежность и любовь. Не знала, что это ты снимал.

Пожимаю плечами. Как-то неуютно находиться с ней наедине. Зачем она вообще пришла? С какой стати ей помогать мне добираться домой из больницы? Заменяет собой

Артема? Так я бы не обиделся, что у него нашлись дела поважнее. Странно это.

Вера уходит на кухню. Через полчаса появляется Алиса, не забыла ж дорогу, и мы все вместе едим пиццу и смотрим «V значит Вендетта». К счастью, я вырубаюсь в начале фильма. А когда просыпаюсь — рядом лежит только Арина, уткнувшись лицом в подушку. За окном начинает светать. Вот чего мне не спится? А я скажу чего — действие таблеток закончилось.

— Арина. Хей, вставай, — осторожно толкаю сестру в плечо.

— Отстань.

— Принеси воды, — переворачиваю ей на шею стакан, из которого падает несколько капель прямо на открытую кожу.

— Ай! Холодно! Спятил?

— Ты осталась, чтобы заботиться обо мне, не так ли?

— Я спать хочу, — она отворачивается и снова засыпает. Проходит несколько мучительно длинных минут, во время которых ребра и язык начинают привлекать к себе внимание сначала редкой пульсирующей болью, затем монотонной и режущей. В конце концов, сестра, кряхтя и постанывая, как старая бабка, поднимается и плетется на кухню.

— Вот спасибо, — выпиваю воду залпом.

— Вот какого черта, Вик, а? — Арина садится рядом, смотрит в упор. Ее рванос остриженные волосы спутались и торчат в разные стороны, лицо слегка припухло после сна. Я рассматриваю ее, и как будто вижу себя в отражении. У нас разные отцы, но с Аришей мы поразительно похожи, в отличие от Артема — он совсем другой: высокий, черноволосый, крупный. С ней же мы ростом метр семьдесят пять и метр восемьдесят три соответственно; зеленоглазы и русоволосы. Конечно, она хрупкая и красивая, а я коротко стриженный небритый мужик с пиратскими флагами на стене и груди, а также цветными рисунками по рукам и торсу. Да, бить тату больно. Нет, ни о чем не жалею.

— Что ты хочешь услышать?

— Почему с тобой вечно случается что-то опасное?

— Чтобы ты поседела раньше времени.

— Я и так уже вся седая, — она тянет себя за волосы, — хорошо, что придумали краску для волос. У вас с Алисой что-то есть?

— Не-а.

— Она думает иначе.

— Понятия не имею, с какой стати.

— Может, дать ей шанс? Кажется, она добрая.

Я оттягиваю горловину футболки и показываю ей кусочек «Веселого Роджера». Остальная часть черного флага с черепом и песочными часами прячется за бинтами.

— Забыла? — усмехаюсь.

Она кидается мне на шею и начинает рыдать. Трындец, этого еще не хватало.

Вера появляется в моей квартире следующим утром через полчаса после ухода Ариши. Это очень странно, учитывая, что ушла она прошлым вечером. А еще потому, что она без пяти минут жена моего брата. Ну и ко всему прочему, сегодня воскресенье. О чем она думала? «Не провести ли мне свой редкий выходной в компании сводного брата жениха, которого до этого дня видела раз пять в общей сложности»? А почему бы и нет.

Немалых усилий стоит добраться до входной двери и открыть ее. Меня шатает, мутит,

тошнит и плющит. Все-таки головой я припечатался прилично. Напади на нашу планету зомби сейчас, вряд ли бы я смог спасти мир, подобно киногоероям. Впрочем, адреналин умеет творить чудеса. Жаль, правда, что дурь из головы не вылетела при столкновении с подголовником. Тем не менее, я стараюсь бодро улыбаться, когда гостя переступает порог. Надеюсь, незаметно, что я изо всех сил сжимаю ручку за спиной, силясь не спикировать вниз и отбить себе не только затылок, но и лобную кость. На мне футболка с короткими рукавами и спортивные штаны. Вера на секунду задерживает взгляд на руках, затем смотрит в глаза.

Улыбка дается легко, отчасти из-за обезболивающих, отчасти потому, что Вера значительно облегчает этот процесс, так как вымокла она, без шуток, до нитки. С нее на самом деле капает, лужица на ламинате растет с каждой секундой.

— Тебе подарить зонтик?

— Лучше кирпич, чтобы запустить в кое-кого, — бурчит она и, скинув туфли, проходит в комнату, по пути начиная раздеваться. — Или полотенце.

Моё приглашение ей не требуется. Кажется, между нами имеется какое-то недопонимание. Иначе как объяснить то, что она... Я, держась за стеночку, проковылял до спальни и замер в дверях. Вера стянула с себя кофту, затем джинсы, оставаясь в одном нижнем белье. Чёрном, если вам интересно. Тушь на ее лице образовала разводы, волосы липли к вискам и плечам, кусочки грязи «украшали» щеки и ключицы.

— Как же мне холодно! Как холодно! — причитает она, стуча зубами и дрожа всем телом. — На улице плюс десять, я сейчас околею!

Затем увидела меня. Посмотрела в глаза так уверенно, словно не стоит почти голая перед чужим мужчиной.

— Ничего, что я разделась? Не терпелось с себя снять все это грязное, вонючее и ледяное! Можно в душ? И полотенце? И сменку?

— Да нет, ничего, — кажется, я вновь обрел дар речи. Не каждый день невеста твоего брата разгуливает перед тобой в нижнем белье.

Добираюсь до шкафа, достаю полотенце, футболку и протягиваю ей.

— Мои брюки будут тебе велики, полагаю.

— Слушай, это будет слишком ужасно, если я попрошу твои трусы?

— Чего?

— Пока мои не высохнут. Хотя, честно, я бы их выбросила. Просто я действительно искупалась в грязной луже! Пожалуйста. Я потом куплю тебе новые.

— Да ладно, бери. Не жалко этого добра, — выудил из шкафа пару боксеров.

Она кивнула и на цыпочках скрылась в ванной. А я добираюсь до кровати и пытаюсь переосмыслить случившееся. Первый вывод, к которому удастся прийти — у невесты моего брата красивое тело. Оно в меру спортивное, округлое, гладкое и дико привлекательное. Как я говорил раньше, я не снимаю порно. Никогда. Если хотите посмотреть на притягательные женские образы — добро пожаловать на сайт моей фотостудии. Если подрочить — проходите мимо. Так вот, у Веры как раз такое тело, при взгляде на которое думаешь вовсе не об искусстве. Если бы она бросила вызов снять ее в стиле ню, пришлось бы попотеть.

У нее аккуратная небольшая грудь и полные бедра и ноги, на которых акцентирует внимание слишком тонкая талия. Удивительно женственные пропорции. Такие сейчас редкость.

Моется она долго. За это время я успеваю перебрать в голове все известные мне ракурсы

и виды освещений, чтобы она смотрелась гармонично и утонченно. Нужно будет что-то сделать с ее длинными темными волосами. Возможно, уложить холодной волной в стиле двадцатых-сороковых годов прошлого века. Точно, ей пойдет ретро-фетиш. Уложенные в идеальную прическу волосы, каблуки, корсеты, нейлон, капрон... Вы действительно считаете, что это вульгарно? Дайте мне Веру, камеру и понятливого стилиста — результат вас поразит. Хотя именно с ней не скатиться в порно будет крайне трудно. Какой бы ни была мода на красоту, женщины с ее типом фигуры всегда будут будоражить и возбуждать мужчин особенно остро.

Вера выходит из ванной минут через тридцать. Чем она там так долго занималась? Раскрасневшаяся, распаренная, пахнувшая моим шампунем, в моих футболке и трусах. Смотрю на нее, а сам воображаю на своем лице удары кулаков Артема.

— Меня впервые так сильно облили. Просто с ног до головы. В довершение всего, я еще и упала в сточную канаву. Благо, это случилось у твоего дома. Я здесь работаю недалеко, ты знаешь?

— Сегодня выходной.

— Да я ж посменно.

Она ходит по комнате, протирает полотенцем волосы. Мои боксеры ей как шорты. Почему-то думается о том, что когда она уйдет — у меня появится еще один трофей. Невероятно странный, не находите?

— Неприятная ситуация, — растягиваю слова, рассматривая ее с ног до головы и понимая, что хочу фотографировать ее неидеальную фигуру. Хочу акцентировать внимание на ее недостатках так, чтобы она выглядела потрясающе. Нет, я не ошибся, сказал именно то, что хотел. Идеальные тела и лица не запоминаются. Из них не получится шедевр. А вот из Веры... Почему я раньше не замечал в ней потенциал? Может, потому что не видел в ее взгляде столько бесстыдства, когда она разделась передо мной так, будто делает это регулярно?

— Неприятная?! — срывается она. — Ситуация кошмарная! Твой брат чудовище!

— Артем?

— У тебя их много? Слушай, Вик, ты извини, что я на тебя набросилась. Просто сложно вести себя адекватно в этой ситуации. А ты с ним связан.

— Мы не кровные родственники. У нас даже фамилии разные.

— Ну и что. Все равно связан.

— Это он тебя так?

— Вытащил из машины, швырнул в лужу. Специально сделал круг и вернулся, проехался на полной скорости так, что меня окатило волной с ног до головы. В довершение всего я оступилась и упала!

Она подходит ко мне, задирает футболку, показывая большую красную ссадину на боку на уровне груди. Какая же белая и гладкая у нее кожа. Совершенная. Вот бы прикоснуться.

Что я и делаю. Осторожно, костяшками пальцев. Она вздрогнула и отпрянула.

— Извини.

— Руки холодные. Кстати, у тебя довольно прохладно. Я включу радиатор?

— Поверни кран батареи. И еще, у меня есть аптечка в комод. Да, во втором ящике.

Она идет к комоду, и я прикрываю глаза, вспоминая, что помимо аптечки в этом ящике у меня пачки презервативов, одноразовых перчаток, наручники, ленты, ремни, еще пара забавных «игрушек», и пилки для ногтей. Уже можно начинать делать ставки, о чем она

подумает.

Отдать девушке должное, и бровью не повела. Достает аптечку, оттуда — перекись, ватные диски. Поворачивается ко мне спиной, приподнимает майку, пытаюсь в этом положении обработать рану — ей жутко неудобно. Понятия не имею, что она себе там решила, но я лежу в кровати и с удовольствием рассматриваю ее красивую спину с выделяющимися в этой позе ребрами и рядком позвонков. Если чуть наклониться влево, вполне можно увидеть грудь, что я и делаю.

— Ничего не хочешь мне сказать? — говорит, не поворачиваясь.

Заметила, как я пялюсь? Тяжело вздыхаю, поправляя одеяло, пряча результат воздействия ее наготы. Черт, не знаю, что хочу больше — фотографировать ее или трогать.

Я бы сделал пару снимков прямо сейчас, будь фотик под рукой. Пусть бы даже пришлось их сразу удалить. У меня же есть мобильный!

— Чего молчишь?

Хм, с чего бы начать...

— Только предупреждаю сразу — захочешь начать оправдывать Артема, я развернусь и уйду.

Эмм...

— Между нами точно все кончено. Я больше никогда не позволю ему к себе прикоснуться. Пусть исполняет свои песни другим дурочкам, пусть они им восхищаются. Ты знаешь, как он любит, чтобы им восхищались? Ооо, это нечто.

— Избавь меня от подробностей.

— Ну, так что скажешь о нем?

— Да мне на него плевать.

— Что? — Она даже оборачивается.

— Мне плевать на Артема и на то, будете ли вы вместе.

— Вы с ним не ладите?

— Я ни с кем не лажу.

— Звучит как построение баррикады. Обороняешься?

— Да вроде бы не от кого сейчас. Я, может, что-то не то говорю, но это обезболивающие и тошнота влияют. И еще мне сложно понять, как так сложились звезды, что ты стоишь в моей спальне в моих трусах и с голыми сиськами.

— Арина сказала, что тебе можно доверять.

— Да неужели.

— И попросила за тобой присмотреть, пока она занята. Тем более работать сегодня все равно не выйдет. Куда я в таком виде?

— Спасибо, конечно, но это необязательно. Может, вызвать тебе такси?

— А в чем я пойду? Арина обещала заехать к Артему и взять что-то для меня. Не приедет она после учебы. Так что будем делать? Ты хочешь поспать, может?

— Вряд ли усну.

Давненько у меня не было дней, которые так долго тянутся. Некоторое время Вера ходит по квартире, судя по звукам и запахам — варит кофе в кофемашине. Приносит мне чашку терпкого и сладкого напитка. И хотя сахар я ем редко, выпиваю с удовольствием.

— А что означает пиратский флаг на стене? — вдруг спрашивает, поглядывая на огромный черный кусок ткани, прибитый над моей головой.

— "Веселый Роджер" не всегда был пиратским знаком, — отвечаю нехотя. У меня

заготовлена уже порядком заезженная история для подобных вопросов, которую я вешаю на уши девицам, подобным Алисе. Рассказать ее и Вере?

Она подходит ближе и смотрит на меня. Волосы влажные, небрежно убраны за уши, глаза умные, взгляд серьезный. Обычно я специально создаю подозрительный антураж вокруг себя, чтобы нормальные, адекватные люди отпадали, отсеивались. Держались подальше. И сейчас собираюсь продолжать играть привычную роль. Но вот почему-то как-то нерадостно от этого. Она смотрит на меня по-человечески, и мне хочется сказать ей правду.

— У тебя особенное отношение к этому символу? Обстановка квартиры говорит о том, что вкус у тебя есть. Но этот черный кусок ткани с жуткими черепом и костями явно не в тему.

Она смотрит на татуировки на моих руках. Их так много, что потребовалось бы не менее часа, чтобы рассмотреть каждую, хотя бы попытаться понять ее смысл. Роджер жжет грудь, его там не замазать, не стереть. Он навсегда.

— Знаешь, — медленно говорю правду, следя за ее реакцией, — по одной из версий, этот флаг использовали моряки во время страшных эпидемий. С целью дать понять другим кораблям, чтобы не подплывали близко. Есть риск заразиться. Например, чумой, или какой-нибудь лихорадкой. Потом уже пираты начали его поднимать для отпугивания более сильных кораблей или устрашения слабых.

— Ты с его помощью предупреждаешь о чем-то?

Черт, она слишком быстро схватывает.

— Неважно, что на том корабле. Пираты или чума. Ничем хорошим это не закончится.

Она присаживается на край кровати, обдумывает мои слова. Молчит. Иногда становится жаль, что все в моей жизни так по-дурацки складывается. Передо мной женщина, которая мне действительно могла бы понравиться, но она спит с моим братом. А я даже не думаю о том, чтобы попытаться привлечь ее внимание. Потому что... да, все верно, пиратский фрегат — это не то место, куда стоит пригласить девушку. Гавани-то мне не видать. Так и буду дрейфовать по водам депрессии да уныния, пока не потону окончательно.

— Вера? — спрашиваю я, стараясь отвлечь ее от непонятных мне мыслей.

— Мм?

— А ты когда-нибудь работала моделью?

На его компьютере, наверное, миллион фотографий. Вере разрешили открыть папку «Закончено», но ей жутко хочется щелкнуть на ярлык «Срочно!!» или «В работе на май!!». Белов по-прежнему лежит в кровати с планшетом, хмурится, вглядываясь в экран. Кажется, его кто-то расстроил.

— Что-то не так?

— Да как сказать. Эта авария немного некстати, мягко говоря. У меня проект горит.

— Какой? Или это секрет?

— Памятку о неразглашении я не подписывал, так что, полагаю, не секрет. По улице Яблоневой скоро откроется отель. Фирма, в которой я работаю, его построила, я же занимаюсь дизайном СПА-комплекса.

— Я думала, у тебя своя фотостудия.

— Она не настолько популярна, чтобы купить «Кашкай». Кстати, Артем обещал узнать, что там с машиной. И забрать мои документы.

Вера фыркает и отворачивается. Вот о ком о ком, а об Артеме говорить сейчас точно не

хочется.

Документы, наличные — из-за падения в лужу непоправимо испорчены. Завтра придется ехать восстанавливать паспорт. Но это проблема десятая. На ее карточке сто тридцать три тысячи, наличкой было еще пять. Возможно, в банке обменяют промокшие деньги. Ближайшая зарплата двадцать пятого марта, сегодня четырнадцатое. Из основных расходов у нее — поиск и съём квартиры, продукты, дорога на работу. Плюс новое пальто, если это не удастся отчистить. Хорошо, что за последние месяцы удалось скопить немного денег. А ей еще было стыдно прятать их от семьи! Неловко смотреть в глаза Артему, умалчивая премии и чаевые. Как только она снимет квартиру, нужно будет заняться переездом и отвоевать у Тёмы Марти — аквариумную рыбку.

Он заявил, что скоро она приползет на коленях. Вера неосознанно потеряла коленки, представляя себя униженной и умоляющей любимого принять и простить. Осознание неизбежности разрыва еще не пришло, рука то и дело тянется к сотовому позвонить Теме, спросить какую-нибудь ерунду: чем он занимается, что хочет на ужин, предложить вместе посмотреть фильм. Теперь все это в прошлом. Когда-нибудь должны пройти и чувства к нему.

— Ты в порядке? — спрашивает Вик. Смотрит на нее подозрительно.

— Конечно, как мне еще быть после случившегося?

— Просто это не наша с тобой неделя. Она сегодня в полночь заканчивается, к счастью.

Вера пожимает плечами. Он такой странный, этот Вик Белов. Во-первых, единственный — из всех родственников — с другой фамилией. Как будто он и с ними, но в то же время сам по себе. У Ариши и Артема общий отец, они Кустовы. Артем говорил, что брат крайне скрытен и малообщителен, налицо — некоторые признаки социофобии. Опять же, его пилки для ногтей и...хм, прочие игрушки из комода — вовсе не то, чем стоит хвастаться. Зря она вообще туда полезла. Слишком интимные вещи нашла. Неудобно.

Татуировки на руках, надписи на шее и за ухом; местами отросшие, местами сбритые волосы на голове, — все это Вера относит к атрибутам мятежного образа. Все же он дизайнер и фотограф. А работы его, кстати, производят впечатление. В каждой из них чувствуется почерк автора. Он умеет показать холодную, недоступную красоту. Ненастоящую, но вместе с тем завораживающую, нечеловеческую и отстраненную. Женщины с его работ словно с другой планеты, прилетели для того, чтобы ими полюбовались. В них нет души, только хрупкость и предупреждение: не подходи, не трогай, не мечтай. Эти женщины не любовницы, не жены и не матери.

— Ты вообще не фотографируешь мужчин?

— Фотографирую, почему ты так решила? А, ну обнаженными — только женщин.

— Почему?

— Я не вижу мужскую красоту.

— Это странно.

Он пожимает плечами.

— Нет, я не отрицаю ее существование. Просто сам ее не чувствую. Для меня мужчина — это фон, чтобы оттенить женщину. Поэтому, в общем-то, у меня и не сложилось со свадьбами и лав-стори. Самое прибыльное дело, кстати. Ты странно смотришь. Удивлена?

— Немного. Мне понравились твои работы. Можно, я какую-нибудь из них повешу в своей новой квартире? Первое время она будет пустой и жутко неудобной.

— Считаешь, мои фотографии добавят уюта?

— Мне бы хотелось рано утром пить кофе на кухне и смотреть на что-то подобное.

— Хорошо, как только станет лучше, я подберу тебе несколько на выбор.

Нет, этот жуткий холод терпеть невозможно. Кожа покрылась мурашками, волоски на теле встали дыбом, то и дело пробивает дрожь. И хотя Вера пьет горячий кофе и кутается в плед, согреться не получается. Молча подходит к батарее и открывает кран на полную. Белов стреляет взглядом в ее сторону, но ничего не говорит. Терпит пока что.

Артем как-то рассказывал, что у Вика однажды был роман с девушкой, который закончился кошмарным разрывом. С тех пор за восемь лет он ни разу не был замечен в близких отношениях с противоположным полом. С мужчинами, впрочем, тоже, что и не удивительно, они же не в прогрессивной Европе живут. В любом случае, его личная жизнь Веру не касается. «Ты только больше ни о чем не спрашивай, ладно? — говорил ей прилично выпивший Артем в минуты откровения. — Просто поверь, что женщины его не привлекают. Мы никогда не говорим на эту тему, чтобы его не смущать, иначе парень совсем замкнется. Спрашивай, о чем хочешь, но только не об этом. Белов — скелет в шкафу Кустовых».

Куда ей теперь девать секреты Артема? Она так много о нем знает, разве можно забыть за полдня информацию, которую копила годами? Полина Сергеевна ее обожает, Аришка стала хорошей подругой. Вера знает слишком много о родных Темы, которые заменили ей семью в этом городе. Как жить-то без них теперь?

Зачем она весь день сидит в квартире Вика? Боится, что если уйдет, между ней и Кустовыми все станет окончательно кончено? Слезы вновь наворачиваются на глаза, сердце болит, царапина на боку щиплет, а пальцы ног задубели, но попросить еще и носки она не решается. Плохо ей здесь. Надо уходить. Но будет ли лучше в другом месте?

— Опять думаешь о нем? — спрашивает Вик. Кажется, даже сидя неприметной мышкой в другом конце комнаты, у нее получается постоянно отвлекать его от работы.

— Я о нем все время думала два года подряд, трудно в один миг перестать.

— Может, еще не все потеряно. Люди ссорятся, мирятся. Всякое бывает.

Она горько вздыхает и качает головой. Вера никогда не считала себя наивной. Смог один раз втоптать в грязь — запросто осмелится и во второй.

И все же ей хочется услышать хотя бы один довод в его защиту. Она смотрит на Вика в ожидании, что тот, наконец, начнет оправдывать брата, но он лишь молчит. Никаких идей, о чем думает. Как же они с Аришей похожи, сразу видно, что родственники. Симпатичный, крепкий молодой мужчина, он мог бы нравиться девушкам, если бы хотел.

В дверь звонят, прерывая поток мыслей. На пороге смутно-знакомая женщина лет тридцати пяти в зеленом пальто и с недоверчивым взглядом. От нее веет холодом и ароматом сладких духов.

— Здравствуйте, — говорит она громко. — Пройти-то можно? — и оглядывает Веру с ног до головы, та следует ее примеру. Гостья выглядит представительно: невысокая, но статная, с большой грудью, и пышными, вьющимися светлыми волосами. В руках она сжимает объемную кожаную сумку. Возможно, ей даже больше сорока, но угадать точный возраст не представляется возможным.

— Вы к Вику? — на всякий случай уточняет Вера.

— К Виктору Станиславовичу, — и шагает за порог. — Можно?

Она ловко пристраивает пальто в шкафу на вешалке, отчего создается впечатление, что не первый раз в этой квартире. Разуваётся и уверенно проходит в спальню.

— Что ты здесь делаешь? — Вик старается говорить строго, но все равно выходит через

улыбку.

— Мне сказали, что ты решил покончить с собой и влетел в столб на полной скорости.

— Пусть даже и не надеются. Я умру старый и пьяный где-нибудь на Багамах.

— Я тоже сказала, что если бы ты решил разmozжить себе череп, то предупредил бы меня заранее. Не мог же ты вдруг оставить меня без работы в кризис.

— И то верно. Знакомьтесь: Тома — управляющая «ФотоПиратами». — Точно! Вера видела ее в студии как-то раз, когда заезжала за Артемом. — А это Вера — невеста Артема.

— Бывшая невеста.

— Они в ссоре.

— Передай своему Артему, что он должен нам кучу денег. У меня все записано.

— У нее правда все записано, — подмигивает Вере Вик.

— Я тебе пирожков привезла, — Тома лезет в сумку и достает оттуда объемный пакет. — С луком-яйцом, картофелем-грибами и яблоками. Похудел-то как сильно.

— Тома, мы виделись позавчера.

— Всего за два дня-то! Это и настораживает. Пойду разогрею, — она засуетилась со своими пакетами и скрылась на кухне.

Вера проследила за ней взглядом, с каждой минутой острее чувствуя, что лишняя. Скорее бы Арина приехала с вещами.

Чуть позже Вера жует пирог на кухне, гадая, какие отношения между Томой и Виком. Явно между ними нечто большее, чем официальные «начальник-подчиненная». Своему боссу она бы точно не стала стряпать. Кстати, Томины пирожки оказались превосходными.

— Ладно, дамы, покину вас на минуту. Общайтесь, — он осторожно поднимается и идет в сторону ванной, одной рукой держась за туго перемотанную бинтами грудь.

— Вам, должно быть, интересно, почему я в таком виде? — неловко улыбается Вера Томе, как только Вик скрывается в ванной комнате. Она оглядела себя с ног до головы, усмехнувшись.

Тома отрицательно качает головой:

— Не мне вас судить.

После ее слов, а главное — осуждающего тона, хочется провалиться сквозь землю.

— Да, с любым другим мужчиной это было бы крайне неловко, — мямлит Вера.

Тома хмурится, глядя на собеседницу, но в этот момент в дверь снова звонят. Арина залетает, как ураган, с ходу вручает Вере огромный пакет с вещами и принимается долбиться в ванную, пока Вик из нее не выходит.

— Имей терпение, у меня болят ребра, я не могу двигаться быстро.

— Мне срочно нужно помыть руки, потому что пахнет Томиными пирожками!

— Родная, я на всех напекла, — Тома сияет, приобнимая Арину, чмокает в висок.

Переодевшись в джинсы и свитшот, аккуратно сложив стопочкой вещи Вика и приготовив свои, все еще мокрые, у входной двери, Вера возвращается в комнату. К ее сожалению, Тома еще не ушла. Она сидит рядом с Ариной. Увидев Веру, Кустова резко переводит тему разговора:

— Короче, его не было дома. Я спокойно собрала твои вещи и ушла.

— Спасибо. Я, пожалуй, поеду. Завтра рано вставать.

— Домой?

— Нет, у меня здесь подруга живет. Мы уже созванивались, она ждет меня, — лжет по-заранее продуманному сценарию.

— Как хочешь. В любом случае, ты можешь переночевать у нас. Мама тебе всегда рада, да и папа не будет против. Ну, пока вы с Темой не помиритесь... или окончательно не разойдетесь. Вот идиот же он! Вик, ты в курсе? Он пытался задавить ее, пока она не упала в лужу!

— На Артема это не похоже, — отзывается Белов.

— Ладно, мне тоже пора, — говорит Тома, поднимаясь с места.

Вера следует ее примеру. Она подходит к комоду, чтобы снять телефон с зарядки, но неудачно роняет его на пол, тот закатывается под ящики. Приходится хорошенько поискать, пошарить рукой вслепую. Что-то мешается, какой-то кусок ткани. Следуя порыву, Вера вытаскивает это что-то и, наконец, находит сотовый. Переводит взгляд на находку — перед ней женский розовый лифчик.

— Ой, кажется, я что-то обнаружила, — говорит она, чувствуя, как бросает в жар. Откуда в квартире Вика женское нижнее белье? Нет, это слишком интимно. Что ж ей так не везет-то! Полдня в гостях, а уже столько открытий, от которых вновь запылали щеки и уши.

— Ого, приличный размерчик, — Арина забирает лифчик, крутит в руках, вопросительно уставившись на брата.

— Это Алисы, — отвечает он. — Нужно будет отдать ей при встрече, — поморщился.

Арина громко смеется:

— Что у вас за игрища с этой грудастой девицей, если белье по всей квартире летит?

— Она весьма активна, — усмехается Белов. — Положи обратно, под комод. Я потом решу, что с ним сделать.

Вера переводит пораженный взгляд на Вика, затем на лифчик, и снова на него.

«Я была уверена, что ты гей», — ошарашенно думает она, а потом понимает, что произнесла это вслух. Только что. Все смотрят на нее, она — на Белова.

— Я? — вытаращил он глаза.

— Он?! — восклицают хором Тома с Аришей.

— С какой это стати? — смеется Арина.

И правда, с какой стати она это решила? Никто ей прямо не сказал, она просто сопоставила намеки и некоторые факты. Сама сделала выводы, которые оказались ошибочными! О нет, она разделась перед ним, попросила белье, вела себя так, словно ему все равно. Вера вспыхнула, должно быть, еще ярче и на миг задохнулась от стыда. Затем пробормотала:

— Ладно, мне пора. Вик, спасибо, что приютил. И за вещи спасибо. И вам, Тома, за пирожки. Ариша, ты знаешь, что лучше всех. Все, убежала.

Она бросается в коридор, хватая сумку, натягивает ботинки, которые принесла Кустова, и выскакивает в подъезд, бегом вниз по лестнице. Какая же идиотка! Что он о ней подумал? Не успела расстаться с Артемом, как крутит задницей перед его братом? Причем голой! Она же в стрингах была. Вера стонет и морщится. Она надеется, что больше никогда не увидит Вика Белова. Как ему в глаза-то теперь смотреть?

И уже потом в дешевом гостиничном номере она лежит на жесткой кровати и гадает, почему Артем сказал, что у брата не стоит на женщин, если он не гей? Почему просил ни о чем не спрашивать? Раньше она думала, что дело в ориентации Белова, которой стесняются родственники. Ни одна новая идея не посещает. Впрочем, это не ее дело. Утром она возьмет такси, съездит за необходимым и займется поиском квартиры. Затем перевезет оставшиеся вещи и забудет об этой семье навсегда. Может, только Арину и Полину Сергеевну будет

поздравлять с праздниками.

Следующее утро у Веры начинается в семь тридцать. Это как раз то время, когда Артем уезжает в ресторан. Следовательно, она прибудет в квартиру сразу после его ухода, затем заедет в паспортный стол и успеет на работу к одиннадцати.

Зайдя в знакомый подъезд, она чувствует, как сильно защемило сердце от тоски. Полтора года Вера жила в этом доме с Артемом, возвращалась каждый день с работы, относилась к двушке на пятом этаже как к родной. Вдруг становится определенно ясно, что она здесь никто. Все вещи были куплены Артемом или на их общие деньги: большую часть зарплаты она отдавала ему, так как он не признавал совместное ведение бюджета. В итоге, она как пришла сюда полтора года назад с двумя сумками, так и уйдет с ними же. Как будто и не было этой жизни. И общих планов на будущее.

Вера не старается двигаться тихо — она ведь здесь одна. Провернув ключ в замке, заходит в квартиру, включает свет в прихожей и испуганно замирает: его ботинки небрежно брошены у порога, а рядом валяются туфли на высоком каблуке. Не Верины. Чужие. На всякий случай она проверяет — сороковой размер, у нее тридцать восьмой.

Ей требуется несколько секунд, чтобы вспомнить, зачем пришла сюда. Ощущение, что она попала в другую реальность, какой-нибудь 2015 год, где в ее квартире с ее мужчиной живет другая женщина. Вот только Мураками пишет сказки, а реальность бьет наотмашь, не жалея, не предупреждая заранее. Что ж, хватит стоять и любоваться на ношеную обувь.

Прижав ладонь к груди, девушка делает несколько глубоких вдохов и, двигаясь максимально тихо, на цыпочках, крадется к спальне. Она должна увидеть их своими глазами. Она не убежит сейчас, делая выводы только по туфлям, не даст ему и шанса для маневра.

Идет беззвучно, как тень, едва дышит, чтобы ничем не выдать свое присутствие, но у Веры есть проблема: сердце колотится, норовит вырваться наружу. Его биение отдается в ушах, звенит в голове, рвет дыхание. Ей действительно больно. Кажется, что чертов стук слышат даже соседи. По пути приходится перешагнуть объемную коричневую и очень красивую сумку «Прада», доверху набитую вещами.

Итак, Верина с Темой спальня. Та же обстановка, мебель, шторы, общие фотографии в рамках, — все, как она помнит. Каждая вещь на своем месте, куда Вера ее положила накануне. То же постельное белье на кровати, которое она еще три дня назад гладила: темно-синее, в крупные геометрические цветы. Тот же большой, красивый, в меру волосатый мужчина в постели раскинулся в удобной позе, спит. Голый. Но рядом с ним другая женщина. А на тумбочке пепельница, окурки от его «Кента» и каких-то длинных тонких сигарет. Два бокала, пустая бутылка из-под вина, большая запечатанная пачка презервативов. «Почему не вскрытая? Уже вторая, что ли?» — равнодушно отмечает про себя Вера. Ну, вот она и увидела все, что требовалось. Эмоции вдруг исчезли — не осталось даже одной-единственной. Либо она прямо сейчас умрет на месте, либо выйдет отсюда с гордо поднятой головой. Что ж делать с сердцем, как унять его?

Наверное, есть на свете женщины, которые бы смогли простить вчерашний поступок Артема. Возможно, есть даже те, кто закроет глаза на измену в супружеской спальне. Может, Вера и относится к первым, но точно не ко вторым.

Она тихо выскальзывает из комнаты, а они так и продолжают спать, не замечая ее присутствия. Закрывается в ванной, несколько раз умывается холодной водой. Ей уже все

равно: пусть услышат. Проснутся — так проснутся, скандал — так скандал. Надо собрать вещи и бежать.

Некоторое время она ходит по квартире, прощаясь с любимыми стенами. Многое здесь было выбрано ею лично — они вместе с Артемом делали ремонт. Кучу денег она убила на его жилье, наивная влюбленная дура. Хочется взять что-то на память. А сумка девицы выглядит потрясающе. Видно, что новая, даже леска от ценника болтается, а этикетки с ценником в боковом кармашке. Неужто Артемка разорился? Вера осторожно выкладывает вещи любовницы бывшего жениха на пол, складывает в нее свои собственные. Затем нагружает старую спортивную сумку одеждой так, что едва удастся застегнуть. Она сделала, по меньшей мере, пять ходок из коридора до шкафа в спальне и обратно, а эти двое даже не пошевелились. Видимо, уснули только под утро, всю ночь предавались разврату. Вера пытается вспомнить, когда они с Артемом в последний раз занимались сексом. Недели две назад? Или три? Стоил ли тот секс вообще того, чтобы запоминать его?

Интересно, он давно ей изменяет? Не мог же за день найти себе подружку с сумкой «Прада»? На проститутку не похожа, хотя откуда Вере знать наверняка?

Что ж, вещи собраны, пора отчаливать. В ванной она снова умывается и немного плачет, заметив незнакомую косметичку. Видимо, девица знала, что может ей пригодиться в Вериной с Темой квартире, осознанно собиралась. Это не случайная встреча в баре, которая закончилась бурным переписом. Впрочем, правду знать не хочется.

А потом Вера смалодушничала. Она берет его и ее зубные щетки и хорошенько чистит ими унитаз, затем аккуратно ставит в стаканчик и выходит в коридор. Затем в подъезд, тихонько прикрыв за собой дверь. Она надеется, Артем поймет, что она приходила, уже после того, как почистит зубы.

Отчеты непотопляемого Пирата. Запись 3

Я же, как ошалелый, бросился тогда за ней два месяца назад. Вскочил с кровати и побежал. С сотрясением и сломанными ребрами, ага. Целых два метра преодолел, прежде чем меня согнуло пополам и едва не вывернуло наизнанку прямо при зрительницах. Что нашло — неясно. Просто понял, что она уходит навсегда, обозвав при этом педиком и хлопнув дверью, а понимание того, что надо отпустить — запоздало.

Представьте себе, сегодня во сне я ее целовал. Нежно, осторожно, проводя по лицу и плечам ладонями. Проснулся в агонии и опомнился только в душе, отбивая зубами чечетку так, что они, казалось, раскрошатся к чертовой матери. Тушил фантомный пожар ледяной водой снова. Придурок припадочный. Вы, должно быть, заметили, сегодня я красноречив, как никогда.

Давненько такого не было; Алиса не считается, она мне не снилась, а нарушила правило. О правилах позже. Сейчас главное — уяснить, что мне стоит держаться от Веры подальше. Эта женщина будит желания, которым нет места на тонущих пиратских кораблях.

Хорошо, что она ушла навсегда. Скорее бы вслед за ней ушли воспоминания.

Мне нужно допить остывший крепкий кофе и сесть за проект. На следующих выходных лечу в Сочи к заказчику, будем делать замеры базы отдыха «Васильки». Судя по количеству комнат отдыха в сауне, лучше бы ее переименовать в «Трахельки», но решать, увы, не мне.

Я почти уже справился с первым пунктом повестки вечера, как зазвонил мобильный. Почти десять на часах, хм, Тома уложилась в разрешенное ей время. Придется ответить:

— Да?

— Виктор Станиславович, не разбудила?

— Я работаю. А что ты хотела?

— Да это, тут такое дело... Не знаю даже, может, не стоило вам и звонить так поздно. Вы как себя чувствуете?

— Хорошо чувствую. Раз позвонила, придется рассказывать.

— Девушка та... Вера. Мы у вас познакомились. Пирог мой уплетала, как в последний раз в жизни, думала — вам с Аришкой не хватит... Поняли, про кого я?

— Невеста Артема. Ну?

— Так на лавочке сидит в парке.

— И?

— Долго сидит, часов шесть уже. Я к подруге шла мимо — она сидела. Музыку слушала, взгляд отрешенный. Обратно сейчас возвращаюсь — она все еще сидит на том же месте, в той же позе. Как будто и не живая. Я подошла, она попросила не трогать ее. Это не мое дело... но стемнело давно. А ночью в парке лучше молоденьким девочкам не тусоваться. Да и холодно уже, а она раздетая. В одной кожанке да юбке. А я в штанах, пальто, быстрым шагом иду, и то кутаюсь в платок.

— Эмм. Ты уверена, что шесть часов так и сидит на одном месте?

— Иначе бы не стала вас беспокоить. Может, позвонить кому? Артему, например. Я ему набирала, но мой номер у этого... нехорошего человека в бане, оказывается. Вот мерзкая личность. Мне денег должен, и я же заблокирована у него!

— Все, я понял. В каком парке, говоришь? Как ее найти?

Не вовремя. Но съездить нужно. Номеров подружек ее я не знаю, Арину ночью в парк не пошлю сто процентов. Артему звонить не стану принципиально после его остроумной шутки искупать невесту в канаве.

Дорога занимает минут двадцать, парк встречает слабым освещением, попсовой музыкой отдаленных кафешек, прохладным порывистым ветром. Интересно, весна в этом году вообще будет?

Действительно, девица сидит на лавочке, правда, уже не одна, а в компании, один вопрос — знакомой желанной или новой навязанной?

— Нет, я с вами никуда не пойду. Оставьте меня в покое, — тихий, испуганный голос. Выводы я сделал, подхожу ближе.

— Привет, родная. Заждалась? Опоздал, прости, — хватаю ее за локоть. — Мужики, привет, девушка со мной. — Оглядываю присутствующих: пацаны лет по двадцать, выпившие, разочарованные моим появлением.

Надеюсь, я не выгляжу сейчас в ваших глазах благородным спасителем? Есть один секрет, который знают все мужчины и очень мало женщин: парни редко дерутся из-за чужих баб. Никогда не поверю, что телочка так зацепила, что чувак кинулся мочить по морде ее родного мужа. Другое дело, если охота подраться, тогда девушка — это отличный повод, но не более того.

У меня есть примерно секунд десять, чтобы понять, чего ищут эти ребятки: драки или развлечений. Мне везет, им нужно второе. Никто не сопротивляется моим действиям по спасению, кроме одной дуры. Я практически волочу ее за руку к выходу. Упирается, вырывается.

— Пусти меня! Я не хочу уходить! Зачем ты пришел? Отстань!

Я двигаюсь быстро, чтобы не искушать судьбу. Нет времени рассматривать невесту Артема хорошенько, уловил только, что ее волосы распущены, пышные, закрывают лицо и

плечи. В этом освещении они кажутся практически черными. Она действительно упирается моим действиям! Приходится прилагать все силы, чтобы удержать на месте.

— Куда пустить? К ним? Хочешь, чтобы тебя по кругу пустили? Острых ощущений не хватает?! — срываюсь на нее. Она продолжает упираться. Вертится, норовит щипаться. Хватаю за плечи и хорошенько встряхиваю.

— Мать твою, что происходит?!

— Я не хочу так жить, — рыдает. Идиотка. Это ж надо так убиваться из-за мужика. Жить она не хочет. Один плюс — моя симпатия испаряется мгновенно, как вода Марка Уолтера на Марсе, уступая место презрению и безразличности. Терпеть не могу тупых баб. Существует так много действительно страшных вещей, из-за которых следует переживать, что разбитое сердце, простите, ну никак не конкурирует. Вероятно, я сильно ошибся насчет нее, а вот Артем оказался прав. Хоть и жесток. Я не такой, как брат, поэтому не могу бросить ее здесь одну при всем своем отвращении.

— Куда тебя отвезти? — почти подтащил уже к машине. — Где ты живешь?

— Не хочу домой. Дома этаж высокий, я выпрыгну. Мне страшно.

Трындец. Я застонал, не понимая, за что мне это. То Алиса пасется под дверью, то Вера планирует суицид.

— Хорошо, пошли жажнем чего-нибудь. В бар пойдешь? Ну?

— Пойду.

Ближайший бар нашелся в квартале от входа в парк. Я сразу заказываю себе кофе — ночь обещает быть длинной, а ей — два больших глинтвейна. Официант сработал быстро, через десять минут у каждого из нас в руках по обжигающему напитку. Скучное освещение все же лучше уличного, поэтому удастся разглядеть девицу тщательнее. Зареванная, растрепанная. Как будто раненая, умирающая без крыла птица. Да что ж такое-то. Что в Артеме настолько особенного, раз бабы жизни не представляют без его члена? У других мужиков, можно подумать, там все иначе устроено.

— Пей давай.

Она пьет горячее пряное вино мелкими частыми глотками, давится, кашляет, снова пьет. Дрожит, синяя вся от холода. Жалкая. Скорее бы пришла в себя, и отвезти домой. Избавиться.

— Да нормально все будет. Может, и перебесится твой Артем. Я с трех лет его знаю, и поверь, таких длительных отношений, как с тобой, у него не было. Если любишь так сильно, может, стоит попробовать поговорить?

Она замирает, поднимает на меня ошарашенный взгляд. Вдруг затряслась, как флаг на ветру, и прижала ко рту ладонь, будто затыкая рвущиеся рыдания. Тяжело вздохнула полной грудью.

— Ты думаешь, я из-за него тут с ума схожу? — невнятно прошептала. Девица так сильно замерзла в парке, что до сих пор с трудом разговаривает. Кажется, в безумных глазах начинают мелькать искры интеллекта. Я облегченно выдыхаю. Может, удастся поскорее вернуться к работе.

— Ну, вы ж с Артемом расстались не так давно. Разве нет?

— Да пусть твой Артем катится ко всем чертям! Видеть не хочу твоего Артема, да поздно уже! — она с энтузиазмом принимается за второй бокал, вытирая пальцами слезы. Машу официанту повторить, сам же приближаюсь к девушке. Вера обхватила горячий стакан двумя дрожащими руками, греется. Следуя порыву, кладу свои ладони на ее и вздрагиваю —

они как лед.

— Что случилось тогда? — говорю уже без раздражения. Наши лица близко, ее темно-карие глаза так широко открыты, что кажутся огромными, бездонными. На ее бледном лице выделяются только они: живые, яркие, влажные и обреченные. — Ну же, не молчи.

Она приоткрывает рот, смотрит на меня в упор. А мой взгляд мечется с губ на глаза и обратно. Ее уязвимость почему-то ранит, и это ощущение мне не нравится.

Вера смотрит на Вика, все еще не понимая, как так сложилось, что он сидит рядом. Откуда взялся? Чудо, не иначе. Она такая трусиха! Так сильно боялась в том парке, но не уходила. Потому что страх остаться наедине со своими мыслями сильнее. Вот бы все прекратить одним разом, легкой быстрой смертью, да решиться на нее непросто. В кино женщины могут, а в жизни — совершить роковой поступок намного сложнее. Чувство самосохранения зашкаливает так, что искры летят. Жить хочется! Выть впору, как хочется. Что она и сделала — закатилась в слезах. Перед Виком. Позорище. Без сомнений, он бы многое отдал, чтобы оказаться сейчас в другом месте.

Кладет руку ей на шею, осторожно поглаживает. Она замирает под этими легкими движениями.

— Вера, дело ведь в мужчине? В моем брате, да? — осторожно спрашивает. — У тебя горе, я вижу, но ты ведь умный человек, не будешь пускаться во все тяжкие, даже если что-то страшное случилось с близкими. Ты бы не искала приключений в парке. Что за тяга к саморазрушению? — его голос низкий, глубокий, будто бархатный. Он подхватывает ее, несет теплым потоком. Становится легче, впервые за неделю. Сил хватает только кивнуть ему. Потом еще раз. И еще.

— Ты можешь рассказать мне, если хочешь. Я никому не скажу. Что тебя гложет? Ты так сильно любишь его?

Кажется, ей немного легче. Алкоголь дурманит, но нервы потихоньку успокаиваются. Больше она не напряжена, не готова рассыпаться в пыль при любой встряске. Собирается с духом и говорит:

— Ты правда хочешь поговорить?

Он кивает без тени улыбки. Понимание, что он принимает ее всерьез, бодрит. Вера убедилась, что они сидят достаточно далеко от других гостей бара и их разговор никто не сможет подслушать.

— Не знаю, можно ли об этом рассказывать. Я новичок. Но так как это касается и меня — думаю, имею право. Ты, должно быть, еще не в курсе. Я тебя сейчас ошарашу. Вик, Артем ВИЧ-положительны.

Вик отодвигается и мрачнеет. Откидывается на спинку дивана, тяжело вздыхает, скользит взглядом по бару, словно ища знакомых. Затем поворачивается к ней и задает абсолютно простой, но самый важный вопрос:

— А ты? — смотрит в упор.

Вера замирает, смотрит на край стакана, который двоится, плывет, дергается.

— Наверное, тоже.

— Ты не знаешь наверняка?

— Женщинам заразиться проще, чем мужчинам.

— Вы не предохранялись?

Она качает головой:

— Мы пассивно планировали ребенка. Полгода назад он для санитарной книжки сдавал

анализы, у них это добровольно-принудительно, ресторатор — настоящий псих по части болезней, все было чисто. И за полгода до этого. А теперь вот он пересдал и такой результат.

— Кобелина, — Вик трет лоб, пораженно качая головой. Бормочет еще несколько невнятных, жестких ругательств. В иной бы момент Вера отшатнулась и покраснела, но сейчас лишь кивает.

Ей становится немного легче от того, что он не спрашивает, не могла ли она принести домой болезнь. Он даже не сомневается, что вина на Артеме. Он на ее стороне.

— Я узнала два месяца назад, что он мне изменяет. Они спали в моей кровати, когда я пришла. То есть, в его кровати.

— Давно он тебе сказал?

— Неделью как. С тех пор я не живу, Вик. Я горю в аду, слышишь? Каждый день. Мне кажется, по моим венам течет зараженная кровь. Я отравлена, понимаешь? И никак не очиститься. Только если выпустить ее всю.

— Ты еще не знаешь наверняка.

— Я читала в интернете, что для женщин риск просто огромен. Я изгой. Сегодня на работе резала томаты и поранила палец. Такое часто бывает, — она показывает ему заклеенный пластырем указательный палец, — так у меня закружилась голова. Показалось, что кровь другого цвета. Не такая, как обычно. Я вылетела из кухни, словно вирус может передаваться по воздуху. Наверное, мне стоит уволиться. И вообще не выходить из дома. Никогда.

— Ш-ш. Навыдумывала. Вера, нужно просто пойти сдать анализ.

— Я знаю! Сегодня хотела, но не смогла. Просто я никогда не думала, что так получится. Мне двадцать три, в моей жизни был только один партнер. Я не принимала наркотики, мне не переливали кровь. Если я получу положительный результат, то как жить-то дальше?

— Жить нужно столько, сколько отмерено.

— Я бы посмотрела, как бы ты заговорил на моем месте! — зло рывкает она. — Прости. Пожалуйста, прости. Я никому не могу рассказать об этом. Родителей жалко, друзья начнут шарахаться. А ты слушаешь и не убегаешь. И я на тебя же срываюсь. Просто я еще не осознала. Не смирилась, понимаешь? Как там в психологии... Период отрицания?

— Я хочу тебе кое-что сказать. Но сначала позволь кое-что сделать, — он приближается и убирает прядь ее волос за ухо. Банальное, простое движение получается привычным, словно он так делает часто. Проводит кончиками пальцев по ее лицу. А потом тянется и, прежде чем она успевает сделать что-либо, целует. Прямо в губы. В ее, вероятно, зараженные губы. Вера отшатывается и качает головой.

— Нельзя, — шепчет она.

— Мы больше не будем говорить сегодня об этом. И вообще говорить. Мы будем целоваться.

— Ты, вообще, слушал меня?!

— У меня десны здоровые, ран во рту нет. А у тебя?

— Я не знаю, — обескураженно шепчет.

— Кровью сплевываешь, когда чистишь зубы?

Она отрицательно качает головой, нахмурившись.

— Тогда расслабься, — он кидается на нее. Напористый, но осторожный. Мягкие горячие губы касаются ее все еще холодных, напряженных. При следующем движении его

губы обхватывают ее. Она не отвечает, а он будто не обижается. Она замирает, едва дышит, сраженная неожиданностью происходящего.

— Но... — шепотом. Он отрывается от нее и утыкается своим лбом в ее, дышит прерывисто:

— Чтобы заразиться через слюну, мне нужно выпить литра два-три. Обещаю, так далеко мы не зайдем. Держись за что-нибудь, Вера. Целоваться я люблю. И умею. — Он на миг увеличивает расстояние между ними и широко улыбается, и она понимает, что это впервые с их знакомства. А потом целует ее снова, но на этот раз она сдается, приоткрывает рот, а его язык тут же касается ее нижней губы. Быстрое, едва уловимое движение. Потом еще одно. От третьего она дрожит, сосредоточившись на ощущениях, капитулируя. Его напряженные руки упираются в диван по обе стороны от нее, он повсюду, а она как будто в безопасности. И еще она не ожидала, что он так потрясаяще пахнет. Его губы и язык ласкают ее рот, с каждой минутой поцелуй становится глубже, чувственнее. Он идеальный: влажный, горячий, пронзительный.

На мгновение Вик отрывается, отодвигается и смотрит ей в глаза своими расширенными, блестящими. Он смотрит так, что сердце обрывается, а желудок скручивается узлом. Его желание настолько очевидно, что кожа начинает гореть, а дыхание рвется. Душа рвется прямо на его глазах. Но смотрит Вера на губы. Такие знающие. Она смотрит и думает, что хочет еще. Ничего больше не нужно, только бы продолжать целоваться. И он исполняет ее желание, но теперь уже не спрашивая разрешения, а жадно. Как будто дорвался. Она забывается, дрожащими руками касается его волос на затылке, но опустить их на плечи не спешит. Пока так. Он ее не трогает, и она первая не станет. Он сказал, что они будут только целоваться.

Ее не видно бармену и официантам, так как Вера практически лежит на диване в объятиях Вика. Стон срывается с губ, потому что тело хочет большего. Оно ведет себя так, словно не отравлено, откликается на ласку этого мужчины. Он отрывается от нее, дышит в шею, ведет по ней языком, оставляя след. Она опять дрожит, и он сжимает крепче ее запястье. Шепчет во влажное ухо, отчего она слегка выгибается, подавая вперед грудь:

— Поехали ко мне.

И только на пассажирском сиденье его машины она понимает, глядя на напряженное лицо Белова, что ни за что не подвергнет его опасности.

— Мне нужно узнать результат, Вик. Иначе я не смогу. Что бы ты ни говорил, как ни убеждал, я не смогу, пока не поговорю с врачом.

Некоторое время он думает, потом кивает:

— В понедельник поедem вместе, ладно? Я давно не проверялся. Вдруг меня тоже ждет сюрприз?

Подмигивает ей.

— Куда ты меня тогда везешь? Не спросил адрес.

— К себе.

— Я же сказала тебе «нет».

— А я сказал, что сегодня мы будем целоваться. И «сегодня» только начинается.

Вера смотрит на часы — они показывают начало второго.

От стоянки они идут, держась за руки. В квартире немногим теплее, чем было в парке, но его это, кажется, ничуть не смущает. Мало того, что отопление выключено, еще и окна открыты настежь. Снежный человек этот Виктор Белов.

— У меня адски неудобный диван, поэтому спать будешь рядом. Но есть правила. Их следует соблюдать, — кидает ей свежий темно-серый комплект постельного белья.

Вера ловит и замирает с этим комплектом в дверях спальни, не веря, что снова находится в квартире, откуда не так давно уносила ноги, пылая от стыда. Вик закрывает окно, опускает жалюзи, ходит по комнате, убирая вещи, которые лежат не на месте.

— Ты хочешь уйти? — спрашивает он вдруг, останавливается, смотрит на нее.

Хороший вопрос. Хочет ли она уйти? Если да, то куда? В крохотную студию без мебели, которую снимает, кстати, недалеко отсюда? Больше пойти некуда, Вера никогда не сможет попроситься к кому-то из подруг пожить, не хватит совести потеснить их. Тем более, предполагая о своем новом статусе. Одиночество — это меньшее, что ей сейчас нужно, поэтому она отрицательно качает головой. Пиратский флаг висит на своем месте, предупреждая об опасности. Можно подумать, на свете есть дерьмо похуже того, в которое она вляпалась.

— Ты можешь уйти в любой момент, понимаешь это? — он подходит вплотную, поднимает ее лицо за подбородок и целует. На этот раз вкус, движения его губ кажутся знакомыми. Она поражена осознанием того, что уже успела привыкнуть к ним.

— Я просто на грани. Кажется, веду себя не совсем адекватно, — осторожно говорит она. — Такое чувство, что голова воспалилась от мыслей и страха.

Он снова ее целует. С языком. Медленно, чувственно, пробуя и позволяя пробовать себя.

— Еще одно слово, и я велю тебе заткнуться, — шепчет, и эта фраза вызывает у нее улыбку. Он так близко, тоже улыбается, целует ее и улыбается. Руками не трогает, а она тянется сама, не отходит, хотя может.

Должно быть, она спятила. Что она делает? Столько проблем, ужаса на нее свалилось, а она целуется с братом бывшего и улыбается. Их ничего не связывает. Они ни разу не были на свидании, она даже не знает, нравится ли ему... Да причем тут это! Он и не предлагал ей встречаться. Просто привез к себе и целует. Бесстыдно облизывает ее язык своим, да так, что у нее ноги подкашиваются.

Он делает шаг вперед, на нее, приходится отступить. Еще раз и еще, пока она не упирается спиной в стену. Его ладони опять слева и справа от ее головы. Вера привстает на цыпочки, чтобы ему было удобнее целовать ее, и ему это нравится. По крайней мере, одобрительно кивает и улыбается:

— Вкусная.

Постельное падает на пол, руки тянутся к его плечам, но он их тут же убирает и прижимает к стене. Она пытается прильнуть к нему, но получается плохо. Хочется большего контакта. Она стонет прямо в его рот, пробегает поцелуями по щеке, пока он ласкает ее шею, ухо, область за ним.

— Точно уверена, что «нет»? — шепчет. — Я знаю так много способов заняться безопасным сексом, ты и представить себе не можешь. Просто скажи, что хочешь так же сильно, как я хочу тебя. Я все сделаю. Сам. Тебе ничего не придется. Я хочу тебя давно, Вера. Совершенно не могу оторваться.

И ей хочется разрешить ему. Просто закрыть глаза и расслабиться, довериться. Каким-то образом ее ладонь вырывается на свободу. Следуя порыву, распаленная его ласками и словами, впервые за долгое время чувствующая себя желанной и сексуальной, Вера опускает ее и сжимает его ширинку, проводя по ней, замирая от ощущения твердости его эрекции. Но затем все резко прекращается.

Вик отстраняется и отходит, отворачиваясь. От неожиданности Вера едва не падает на пол, хватается за стенку. Что случилось? Он передумал? Она сделала что-то не так? Наконец, осознал — зачем ему ненужный риск?

Почему он молчит? Еще миг, и ее колотящееся сердце разорвется.

Наконец, он поворачивается, улыбается, но уже не так, как раньше. Наигранно. Не настоящему. Когда Вера успела научиться разбираться в его мимике? Ей снова больно. Не физически, а морально. От его отказа. Но она с этим справится.

— Слушай, мне нужна минута. Ты расправь кровать пока, хорошо?

— Что-то не так? Ты скажи, я не обижусь. Хочешь, я уйду? — Она не будет плакать и раздражать его этим.

— Нет. Все отлично. Просто ты еще не знаешь правила. Я сейчас пойду в душ, вернусь через несколько минут. И хочу, чтобы ты постелила нам, разделась и легла. Ладно? Вера, — он подходит, берет ее руки, смотрит в глаза. — Я хочу увидеть тебя после того, как выйду из ванной. Не выдумывай себе проблем, я знаю — вы, женщины, это умеете. Хорошо? Мне правда нужно отойти.

Отчеты непотопляемого Пирата. Запись 4.

Как только я закрыл за собой дверь ванной, тут же схватился за живот и застонал. Включаю холодную воду на максимум. Руки не слушаются, пуговиц на рубашке так много... Наконец, с ней покончено. Джинсы, белье — прочь. Быстрый взгляд на себя, а кожа снова горит, чешется. Вот и она, верная подружка моя, Прорывная. Интенсивность растет с каждым импульсом, а импульсы все чаще. Я уже в душе, струя направлена на живот, грудь, ноги, паховую область. Тело горит под рубцами, хотя не должно. Боль фантомная, но отсюда не менее сильная. Руки шарят по тумбочке, за бритвой всегда лежит упаковка опиоидов на всякий случай. Я продуманный наркоман. К сожалению, не слишком — упаковка пустая. Мать вашу! Боль нарастает, я уже знаю, что скоро пик. Не закричать бы... До кухни добежать не успею при всем желании. Страх горячими каплями ползет вдоль позвоночника.

А нет, вот одна таблетка, не заметил. Глотаю и запиваю водой прямо из душа. Теперь остается ждать, пока она подействует. Мне так холодно... Как же холодно. А кожа горит. При всем этом член по-прежнему стоит колом, что абсолютно не вовремя.

Ладно, кажется, меня отпускает. Делаю воду чуть теплее, но все равно до комфортной температуры далеко.

Вера не виновата, сам потерял голову. Сначала правила, потом ласки. Никогда наоборот. Она так сильно завела меня, что забыл о главном. Интересно, почему. Она, конечно, очень хорошенькая, но я встречал женщин и шикарнее, и вполне себя контролировал. Длительное воздержание? Две недели — бывало и намного дольше. Я так долго представлял ее в разных образах для фотосессии — может, в этом дело? Даже зарисовал некоторые из них, вспомнив художественную школу. Или в том, что она — здоровый, нормальный человек — завелась с пол-оборота от моих ласк? Казалось, я чувствовал ароматы ее возбуждения. Я бы хотел проверить пальцами, как она там, но не успел.

Кажется, я здесь засиделся. Понятия не имею, что она подумала. Впрочем, скорее всего, в квартире я снова один. А вы бы на ее месте остались? Любая бы сбежала. Напал, притащил, приставал и ушел. Только, пожалуйста, Вера, не подумай, что это из-за непроверенного диагноза. Остается только надеяться, что она не мнительная. Полагаю, что хочу слишком многого.

В выдвижных ящиках в ванной лежит запасная домашняя одежда. Я же не впервые в припадке бьюсь — продуманный наркоман, вы помните?

Кожа все еще розовая, болит, но боль с Прорывной сменяется на Фоновую. Это терпимо. С ней я могу работать, спать, есть, — в общем, жить.

Надеваю штаны, футболку, носки, выхожу в коридор. Так тихо... Жаль, что она ушла. Куда только? Позвонить? Скорее всего, не ответит. Я правда хотел помочь, поддержать, надеюсь, в итоге не сделал хуже.

Подумав минуту, прихожу к выводу, что позвонить все же стоит. Напишу сообщение, если не ответит. Прохожу в комнату за телефоном и замираю — Вера в моей майке крепко спит в кровати. Осталась. Быть не может!

Выключаю свет и подхожу ближе, несколько минут смотрю на нее, не веря глазам. Осознаю, что ей удалось сильно удивить меня. Теперь можно лечь рядом и расслабиться. Она так и не узнала правила поведения на пиратском фрегате. Что ж, придется отложить их до завтра. Тем более, в крайнем случае, новая пачка опиоидов лежит на кухне рядом с краном и стаканами. А еще одна в портмоне. Транки тоже стратегически распаханы по всей квартире.

Закрываю глаза и засыпаю рядом с невестой своего брата, которую еще недавно так отчаянно целовал. Поправочка — бывшей невестой брата. А с ним, кстати, предстоит скорая встреча и серьезный разговор.

Просыпаюсь и первым делом, не открывая глаз, шарю рукой по простыне — Веры нет. Сажусь, оглядываюсь, отыскиваю сбоку от кровати сотовый — начало одиннадцатого.

В коридоре, ванной, на кухне моей гостьи тоже не оказалось. Зато на столе я нахожу записку с номером телефона и надписью: «Хотела приготовить тебе (и себе заодно) горячий завтрак, но из продуктов только хлеб, лимон и сыр. — Точно, руккола закончилась. — Да и плита не работает». Она думает, что у меня нет ее номера. На самом деле, есть: как-то еще год назад Артем звонил с ее телефона, и я зачем-то сохранил.

Но намек понят. Набираю ей смс, одновременно забивая кофейные зерна в кофемашину, запуская ее: «Куда убежала?». Она отвечает быстро: «Работаю».

Пью кофе, пишу: «Я тебя заберу» и замираю, раздумывая, ставить точку или вопросительный знак. Во-первых, до двенадцати ночи я имею полное право ласкать ее губы, так как сказал ей об этом накануне и она не возразила. Во-вторых, записка с номером телефона на столе — ну не сигнал ли? Ставлю в итоге точку. В ответ приходит сообщение с адресом и пометкой: «Освобожусь в восемь».

Телефон Артема недоступен, на работе брата нет, администратор сказал, что смена Кустова завтра. Мама и Арина тоже не знают, куда пропал, входную дверь квартиры мне никто не открывает. Что ж, подожду. Когда-то он появится.

Возвращаюсь домой и сажусь за проект. Вы, должно быть, помните, что на следующих выходных мне лететь в Сочи, сегодня уже воскресенье, а впереди еще море работы. Не стоит и мне забывать об этом. Вера-Вера-Вера. Что ж с тобой делать-то. Она сейчас в таком незащищенном состоянии, что целиком и полностью зависит от мнения окружающих. Если она захочет, я помогу скоротать время до результатов анализа. И когда он окажется отрицательным, уйду в сторону. Нужно ее предупредить, чтобы не строила никак планов в отношении меня, но сделать это мягко. Не обидеть.

В семь двадцать я уже жду в припаркованной напротив ресторана «The Veranda»

машине, барабанила пальцами по рулю. Очень неплохое место, получить здесь работу официанта непросто, не говоря уж о поваре. Артем рассказывал, что Вера талантливая, и не пройдет и десяти лет, как дослужится до шефа кухни, если, разумеется, научится быть жестче и требовательнее. Нездоровая, конечно, ситуация: все, что я знаю о девушке, за которой заехал, — когда-то услышал от своего брата, который жил с ней целых два года. Это смущает, когда ее нет рядом. Когда же я с ней, то об Артеме не думается. Да вообще ни о чем не думается, кроме как о том, как затащить ее в кровать да раздеть.

В половине восьмого на ее сотовый приходит сообщение: «На месте. Жду». Почему-то руки дрожат, а сердце ускоряет биение. Вера ловит себя на мысли, что волнуется. На кухне пользоваться телефонами запрещено, да и некогда, поэтому она весь день заглядывала в подсобку, проверяя, не написал ли Белов еще что-то. Странности Вика отвлекали от собственных проблем. Пока она думала о нем, она не думала о себе — на данный момент это все, что нужно. О большем и мечтать нечего.

Сдав смену, переодевшись, Вера выбегает со служебного входа и видит припаркованный неподалеку черный «Кашкай». Вчера было не до этого, а сегодня пришла мысль: быстро же ему починили машину, причем выглядит, как новая. Может, специалисты и поняли бы, что авто битое, но на Верин непрофессиональный взгляд — «Ниссан» будто из салона.

Вик стоит к ней спиной, облокотившись на капот, курит. Сигарету держит в левой руке, хотя он правша — почему-то она это запомнила. Еще она помнит, что левая рука покрыта рисунком вплоть до кончиков пальцев, которые сплошь в неясных черных, синих и красных символах. Вера воспитывалась в семье, где татуировки считаются чем-то неприемлемым, связанным с криминалом. Родители были бы в ужасе, узнай, что она провела ночь в кровати так сильно исколотого нательными художествами мужчины. И что сама дала ему свой номер, хоть он и не просил. А еще собирается сесть в его машину прямо сейчас.

В ее жизни уже был идеальный по всем параметрам Артем. К черту Кустова со всей его перспективностью.

Чем ближе она подходит, тем медленнее становится шаг. Наконец, останавливается возле машины. Белов будто не замечает ее присутствия, так и стоит спиной, между пальцев зажата сигарета, горящая ярким маячком. Что ей сказать ему? Просто поздороваться? Подойти поцеловать в щеку? Или в губы? Непонятные у них отношения, неясно, как себя вести. Вера надеется, что он лучше знает правила затейной им же игры, и вскоре поделится ими с ней.

Она просто молча садится на пассажирское сиденье и закрывает за собой дверь. Вик оборачивается, тушит сигарету и занимает место рядом.

— Привет, — говорит ей, улыбаясь.

— Как дела? — спрашивает она, все еще понятия не имея, как себя вести. Он тянется и целует в губы.

— Теперь хорошо. Такая же вкусная, как вчера.

— Ты меня смущаешь.

— С этого и планировалось начать вечер.

Он заводит машину, выруливает на дорогу.

— Ты голодная? Не хочешь заехать куда-нибудь перекусить?

— Я приготовила нам ужин, — она показывает ему пакет, который принесла с собой из ресторана. — Не знаю, что ты любишь, поэтому решила сделать нейтральные блюда: «Цезарь» с курицей и птицу с овощами. Ой, только сейчас подумала, что слишком много

курицы. Да?

— Обожаю курицу, — кивает он.

— Отлично. Я думала, ты не куришь.

— Редко. С этим у тебя проблемы?

— Нет, никаких проблем. А почему левой рукой?

— Я одинаково хорошо владею левой и правой. Ну, баловаться начал лет в десять-двенадцать, угадай с чьей подачи. Когда у тебя старший брат, пробуешь всякую дрянь рано.

Вера молчит, он продолжает говорить:

— Ну и чтобы мама не унюхала, мы курили левыми руками, привычка осталась до сих пор, — и не прерываясь, в том же шутливом тоне: — И я уже понял, что полный кретин, что упоминаю при тебе Артема, м?

Она кивает, выражая полное согласие с его словами.

— Ну же, скажи, что я кретин. Давай, — он вдруг хватает ее за колено, начинает стискивать, поглаживать, сжимать, отчего она дергается, пытается вырваться из захвата, против воли улыбается, а затем и вовсе смеется в голос. Потому что очень щекотно, невозможно терпеть.

— За дорогой смотри! Тебе и так, спору, страховку увеличили после того, как врезался в столб! Прекрати, Вик! Мне не нравится! Аа!

— Скажи. Давай, скажи же вслух! — он тоже смеется, не отпускает ее. Руки крепкие, большие, ей не вырваться. Нужно было надеть джинсы, а не платье! Через колготки все точки прощупываются отлично. — Ну, я жду.

— Ты кретин! Полный стопроцентный абсолютный кретин! — хохочет она, поджимая ноги, стараясь уйти от атаки. Он прекращает, возвращает руку на руль.

— То-то же.

— Сегодня мы будем продолжать целоваться? — вдруг спрашивает она.

— Конечно. Я же обещал.

— А завтра?

— Еще не решил. Надеюсь уговорить тебя на что-нибудь большее.

Она улыбается, понимая, что он полный придурок. Но в данный момент ей как раз и нужен придурок, которому плевать на собственную безопасность. В любом случае глупым Белов не выйдет, он прекрасно осознает, чем рискует рядом с ней. Она сразу предупредила, ее совесть чиста.

— Давай начнем с твоих правил, — говорит она. — А то опять будет некогда, как окажемся в квартире.

Они уже почти приехали, он паркует машину на свободное место между другими автомобилями, внимательно следя по зеркалам.

— Правил три, — говорит серьезно, но не драматично. Обычным, будничным голосом. — Во-первых, меня нельзя трогать. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Я этого не люблю. В самом крайнем случае можно за руку, лицо или волосы, но лучше обойтись без этого, — его голос звучит так, словно они обсуждают погоду. Вера замирает, внимательно слушая, обдумывая его слова. Ей кажется, что она в шаге от важного открытия, даже дыхание затаила в ожидании следующего пункта. Хорошо, что он следит за габаритами и не контролирует ее реакцию. — Во-вторых, до десяти утра меня будить запрещено. Единственная причина — это угроза моей жизни или... чьей-нибудь другой жизни. Если я нужен до этого времени, то нужно предупредить накануне, я сам заведу будильник. Но даже

в этом случае рано утром со мной лучше не разговаривать, ни о чем не спрашивать, и уж точно не шутить. До десяти утра шуток я не понимаю. Вообще. И правило номер три, — наконец, он глушит двигатель, поворачивается к ней. — Эти два пункта не обсуждаются, не оспариваются, не смакуются и не обжевываются. Вопросы?

— А если у тебя работа с утра? Клиент важный, например? — спрашивает Вера.

— Я делаю над собой нечеловеческое усилие. Ну что, идем?

Они заходят в подъезд, затем в лифт, поднимаются на восьмой этаж. Где-то в районе четвертого она понимает, что нужно что-то сказать насчет первого пункта. Интуиция подсказывает, Вик ждет ее реакции. Хочется дать понять, что она готова его выслушать, если ему понадобится ее помощь. Но навязывать свое любопытство не собирается. Она всегда знала, что он странный. Зато теперь предельно ясно, почему вчера внезапно убежал: она нарушила правила. Что ж, хорошо, что он ей рассказал, теперь картина становится понятнее. Вера чувствует себя увереннее, она вполне готова вступить в игру.

Возможно, ей следует извиниться за вчерашнее. Конечно, распирает выяснить, что с ним случилось после ее атаки на его ширинку, и чем он так долго занимался в ванной. За время его отсутствия она успела одеться-обуться, раздеться-разуться, постелить кровать, опять одеться-обуться, снова раздеться. Найти на подоконнике несколько листов А4 с нарисованной карандашами обнаженной девушкой, поразительно на нее похожей. Пошарить по его шкафам, а она помнила, откуда он в прошлый раз доставал ей одежду, переодеться в его белую майку, лечь в кровать и заснуть.

Но вместо извинений она подходит близко, одной рукой сжимает другую, чтобы не забыться и случайно не обнять его. Привстает на цыпочки и целует его в подбородок.

— Хочу еще, — говорит он.

Она повторяет свое действие, затем дотягивается до уголка его губ, внимательно следя за его реакцией. Он улыбается, позволяя ей касаться его губами. Щетина покалывает, но ей это нравится, придает остроты моменту. Из лифта они выходят едва ли не на ощупь, целуясь жадно, глубоко. Он отрывается от ее губ лишь на миг, чтобы открыть дверь. Они едва успевают скинуть обувь перед тем, как завалиться на кровать прямо в верхней одежде. Он лежит на ней, между ее ног, она сама убирает руки, сплетая их над головой. Вера надеется, что по ее поведению очевидно, что правила игры приняты.

Около полуночи они, наконец, отрываются друг от друга и вспоминают об ужине. Ее губы и мышцы лица болят и горят, куртка валяется на полу, платье расстегнуто и спущено с плеч и груди. Ее лицо, шея, плечи, ключицы пахнут им, на этих частях тела не осталось и клеточки, которой бы не коснулся его язык. Кажется, ее кожа пропиталась его слюной.

Вера никогда в жизни столько не целовалась. Не сказать, что у нее разнообразный сексуальный опыт, но даже он подсказывал, что мужчины не слишком любят это дело. Все же длительные ласки — прерогатива женщин. Подумалось о лесбиянках. Всегда было загадкой, как они занимаются любовью, имея в своем распоряжении только губы, язык, пальцы. Сегодня ей казалось, что если он просто коснется ее между ног, она кончит только от этого. Хорошо, что утром, заскочив перед работой домой переодеться, она взяла запасное белье. Стыдно признаться, но то, что на ней, вымокло насквозь.

— Все, я хочу есть, — с этими словами он приподнялся над ней, чмокнул еще раз в губы, встал с кровати и направился в кухню. Она кое-как сползает с кровати, обескураженная, распаленная, с единственным желанием закрыться в ванной и довести себя до финала. Мастурбировать в ванной комнате мужчины, который в это время шуршит

пакетами на кухне?!

Через пару минут она все-таки добирается до ванной, но для того, чтобы умыться прохладной водой. Затем заходит на кухню.

— Просто скажи мне: «можно», — говорит он, сервируя стол. — Дальше я все сделаю сам. Тебе понравится. Я умею это делать, Вера. Не хуже, чем целоваться. Не останавливай больше мою руку.

Она садится за стол, он ставит перед ней пару бокалов, разливает красное вино, и она тут же делает несколько глотков. Оно холодное, к счастью, немного остужает пыл, остужает тело. В его холодильнике-квартире удалось, наконец, согреться.

Он заканчивает греть ужин в микроволновке, раскладывает его по тарелкам. С энтузиазмом принимается за курицу. А Вера только и может, что смотреть на него, ковыряясь вилкой в салате, ошарашенная, все еще не пришедшая в себя.

— Вкусно. Неужели правда сама готовила? — Между тем он поддерживает разговор. Как ему удалось так быстро справиться с возбуждением? Она вглядывается в его лицо: щеки розоватые, как и у нее — она видела себя в зеркале ванной. Волосы слегка взъерошены, губы красные, покусанные ею. Она не виновата, в первый раз это вышло случайно, честно, а потом он сам поощрял.

— Я дипломированный повар, — говорит она. — Людям нравится, как я готовлю. Если ты починишь плиту, я смогу готовить и для тебя. — А потом понимает, как выглядят ее слова. Как будто она мысленно уже переехала в его квартиру! О нет, он об этом даже и не заикался. Вик задумывается, хмурит брови. Кажется, она все испортила. Честно, она и не думала о том, чтобы съезжаться с ним. Она вообще плохо думает в последнее время. Тем более, о будущем, которого у нее, вероятно, нет. — Вик, я не то хотела сказать. Не в смысле, что я потихоньку обживаюсь здесь. Просто, хотелось сделать для тебя что-то приятное. Я правда хорошо готовлю. Могу диплом показать и награды с кулинарных конкурсов. Я еще под впечатлением от того, что только что было. Плохо соображаю.

Он все еще хмурится и говорит:

— Я подумаю.

И она понимает, что больше никогда не заговорит на эту тему первой. Если Белов еще когда-нибудь пригласит к себе на ужин, она вполне может поступить как сегодня — привезти готовую еду из ресторана.

— Завтра после обеда у меня съемка, поэтому прямо с утра мы едем в клинику. Я записал нас в одну из очень хороших частных больниц — пробил по знакомым. За пару часов пройдем полное обследование с головы до ног. Разумеется, клиника гарантирует полную конфиденциальность. Только я не спросил, что у тебя с работой?

— Все в порядке, я поменялась сменами. Обычно работаю два дня через два.

— Понял.

— Вик, тебе из-за меня придется рано встать, нарушаешь собственное правило?

Он замирает, поднимает глаза. Качает головой, сверлит взглядом, выражение лица становится жестким, Вере не по себе, она невольно поежилась.

— Правила нельзя нарушать никогда, ни при каких обстоятельствах, — затем возвращается к еде и уже другим, спокойным голосом добавляет: — Утро по-моему — это к одиннадцати. Так что будь готова к этому времени, — подмигивает ей.

Когда они заканчивают ужинать, на часах почти два ночи. Вера идет в душ, коря себя за то, что наелась перед сном. Не слишком полезно для фигуры, да и вообще для пищеварения.

Но в последний раз она ела в обед, а ласки Белова вытянули всю душу вместе с силами. По пути прихватывает его майку, в которой спала прошлой ночью и которая так и лежит аккуратно свернутая на диване, как она ее оставила утром, собираясь на работу.

Большой свет в комнате выключен, горит только монитор компьютера, за которым сидит Вик в наушниках, покачивает ногой в такт музыке. Увидев ее, быстро улыбается одними уголками губ, давая понять, что рад ей, но сейчас его лучше не трогать. Снимает наушники.

— Мне нужно закончить этап проекта и отправить заказчику до начала сегодняшнего рабочего дня. Ты ложись, надеюсь, я тебе не помешаю.

— Конечно, работай. Я буду как мышка, — она юркает под одеяло, утыкается в подушку, вдыхая оставшийся на наволочке запах его кожи и улыбается, понимая, что он ей нравится. А еще очень нравится лежать в кровати Белова, пока он сидит за компьютером и работает. Он говорит с ней мягко, она его не раздражает и не мешает. Он не против, чтобы она была здесь, у него дома, и от этого понимания хочется улыбаться.

Вера засыпает, украдкой поглядывая на его напряженное, хмурое лицо, очертания которого видит в свете монитора. Она старается подглядывать за ним так, чтобы объект слежки не заметил, не почувствовал ее внимания. Она все еще слегка возбуждена от его бесстыдных ласк, вспоминает ощущение тяжести его тела на себе. Но делает вид, что спит, дабы не мешать. Вера не строит иллюзий насчет этого парня, который не собирается быть с ней долго и уж точно не влюбится в нее. Вообще не из тех, кто влюбляется. Но сейчас, в данную минуту, когда сам факт ее жизни находится под вопросом, ей кажется, что нет места безопаснее, чем на его импровизированном пиратском корабле, когда над головой развешивается устрашающий «Веселый Роджер». Пусть он отпугивает других от нее. От них обоих.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 5

Разумеется, она опять проснулась раньше. Я пошарил по кровати — пусто. Приоткрыл один глаз — сидит на диване, поджав ноги, листает каталог саун и зон отдыха «Релакс».

— Какой выпуск? — спрашиваю, закрывая глаза и потягиваясь. Я снова отлично выспался рядом с ней, Вера безукоризненно следует правилам. Молодец.

— Двадцать пятый, — отвечает она, к счастью, без всяких «доброе утро, котенок, зайчик, мусик-пусик, солнышко».

— На четырнадцатой странице моя работа.

Она листает журнал.

— Тут написано Ольга Орлова. Твой псевдоним?

Я смеюсь в голос, прячась под одеялом:

— Значит, на девятой.

— Точно, Виктор Белов. Красиво! Не представляю, как такое можно придумать. Ты гений.

— Это первый мой проект, который напечатали в журнале и который выиграл какой-то там конкурс. Не думай, что я помню все журналы и страницы, где размещены мои работы. Это было бы странно.

Поднимаюсь с кровати, смотрю в телефон — десять-десять, одно новое сообщение о том, что Кустов доступен. Ладно, сейчас не до него.

— Через двадцать минут выходим, — говорю, направляясь в ванную.

— Я готова. — Она и правда одета и собрана. Красивая, ухоженная, волосы убраны в

косу, темно-зеленое платье, которое вчера не удалось толком рассмотреть, эффектно облегает стройную фигуру. Выглядит полностью спокойной, уверенной в себе. Надеюсь, настрой удастся сохранить еще на несколько часов, пока будут длиться процедуры. В любом случае, я собираюсь быть рядом. — Я бы предложила сварить тебе кофе, но кровь, скорее всего, требуется сдавать натощак.

В машине мы едем в основном молча, недолго обсуждая погоду, заторы на дорогах, музыку по радио.

Клиника новая, но современная, светлая и просторная, выглядит как международный центр медицины — весьма представительно и пафосно. Что нравится, так это идеальная чистота, приятная атмосфера, больничные запахи и улыбчивые девушки в регистратуре. Ну а на первом месте, разумеется, — отсутствие очередей!

В кабинете врача Вера вдруг бледнеет, едва не синееет. Я держу ее за руку, когда мы сидим в креслах, и говорю сам. Она держится неплохо, но смотрит в пол. Отвечает на вопросы коротко, по сути. Я честно сообщаю, что мы решились на полную проверку потому, что ее бывший недавно нас ошарашил чудным сюрпризом. Кроме того, вероятно, ВИЧ может быть не единственным цветком в букете, так что неплохо бы сдать на все, что можно. Решаю, что информация о том, что мы с девушкой не встречаемся и не спим, в данный момент не имеет значения. Пусть все выглядит так, будто мы в одной лодке. Денег эта клиника дерет немало, зато доктора абсолютно тактичны, безукоризненно вежливы.

Следующий час мы не пересекаемся, медсестры водят нас из кабинета в кабинет. Худенькая девушка, которой на вид лет восемнадцать, и которая через минуту запихала мне ватную палочку в мочеиспускательный канал, улыбнулась и задорно подмигнула, когда я приспустил трусы. Она никак не выказала шок, увидев мои шрамы на животе, левом боку и в паховой области, что говорит о высоком профессионализме.

— Старые раны не беспокоят? — только сказала.

— Нет, все функционирует довольно неплохо. На данный момент.

Она серьезно кивает.

— Готово, молодец. Можешь одеваться. Если будут какие-то проблемы, приходи. Обсудим. У нас, кстати, работают очень хорошие психологи.

— Спасибо, буду иметь в виду.

Она говорит без сочувствия в голосе, и мне это нравится. На будущее, на всякий случай, запоминаю ее фамилию и имя, напечатанные на бейдже.

Освобождаемся мы около часа дня. Вера выглядит неплохо, улыбается, хотя и заметно, что нервничает. Некоторые анализы будут готовы уже через пару часов, но большинство — самые важные — только через неделю, поэтому мы договорились с врачом о встрече на следующий понедельник.

— Нужно будет отметить вечером, — говорю я, следя за выражением ее лица.

— Хорошая идея.

— Поедешь со мной в студию? Представлю тебя как ученицу, — говорю, гадая, как взбодрить и развеселить ее. — Буду фотографировать разврат — чужие сиськи-письки, как говорит Арина. Обычно на съемки я никого не пускаю, но сделаю исключение. Тебе понравится. Тем более что семьдесят процентов женщин бисексуальны.

— Чтооо? Иди ты, Белов! — возмущается она до глубины души, смеется. Округляет глаза, упирает руки в бока.

— Ну а что? Я не шучу. Как раз проверим, относишься ты к задорному большинству или

унылому меньшинству.

Мы садимся в машину.

— Не отношусь я никуда, — буркает, а щеки пылают огнем. Кажется, я кого-то случайно раскусил.

— Сегодня у меня Варвара Ради. Она очень хороша, — подмигиваю. — Просто секс. Ну же, решайся. Больше приглашать не буду.

— Нет, нет и еще раз нет! Тем более, у меня работа. Добрось до метро, пожалуйста.

— Я тебя подвезу до ресторана. Как хочешь, — деланно тяжело вздыхаю. — Варя любит девочек, кстати. Мм?

— Прекрати!

— Тебе ее фото понравились, я заметил, как долго ты их рассматривала в прошлый раз.

— А тебе она как? — Вера сердится, хмурится, красная как рак. Да что я такого сказал-то? Смеюсь, она серьезна, будто даже злится, но заметно, что тоже едва сдерживает улыбку. — Стояк не мешает работе?

— Я привык, — пожимаю плечами.

— И что, совсем-совсем не возбуждаешься во время съемок? Не встает даже? — она входит во вкус, развивает тему. Лучшая оборона — это нападение, ага. Полностью повернулась ко мне, глаза горят. Такая она мне очень нравится. Я бы сказал, слишком сильно.

— Ну-у. Я бы сказал, привстает, — смеюсь.

— Совсем чуть-чуть?

— Ага. Совсем слегка, — стискиваю ладонью ее колено, она тут же опускает руку на мою, но быстро отдергивает ее, кладет рядом.

— Фу, как непрофессионально, — тычет в меня пальцем.

— Только не сдавай никому.

Эту тему мы еще некоторое время мусолим, затем я высаживаю ее у «Веранды», сам направляюсь в студию.

Но на этот раз у меня не встает, и даже не привстает. И съемка получается отвратной. Вряд ли удастся выбрать и пару фотографий спустя два часа каторжной работы. Нет, Варя прекрасна, как обычно, каждое ее движение, взгляд идеальны и фанатично отрепетированы. Беда во мне. Чем больше я думаю о предстоящей встрече с Артемом, тем сильнее злюсь. На подъезде к студии я едва не отменил съемку вовсе, потому что от нетерпения увидеть брата дрожали руки. Но следовало это сделать раньше, так как Марина к двум часам уже убила на модель кучу времени, готовя образ. Впрочем, к концу фотосессии понимаю, что стоило все же перенести планы. Ладно, наконец, я в машине. Честно, я себя контролирую. Понятия не имею, почему нарушаю скоростной режим.

Его «Ауди А5» брошена на служебной парковке у ресторана «Восток и Запад». Это очень дорогое и элитное место, поверьте на слово. Я знаю, кто делал дизайн — приглашенный француз с псевдонимом «RoseF», весьма известная личность в определенных кругах. Его работы, которые попадались мне во время учебы, повергали в трепет и восторг. А когда «Восток и Запад» только открыли, я ходил туда как в музей на экскурсию, чтобы набраться вдохновения и почувствовать себя бездарностью.

Ладно, я веду этот мысленный монолог только для того, чтобы немного отвлечься от предстоящей встречи. Обстановка заведения сейчас не имеет никакого значения, я приехал с другой целью.

Выхожу из машины, включая сигнализацию и иду к парадному, богато отделанному входу.

После армии Артем поступил на какого-то там менеджера, а потом резко свернул в сторону ресторанного дела. Учился на повара вместе с Верой, даже поработал по специальности какое-то время, но в нем быстро распознали нетривиальные организаторские способности, которые намного выше, чем кулинарные, — уж поверьте мне, я рос с этим парнем в одной семье, и точно знаю — готовить он не умеет. Зато уже три года справляется с ролью управляющего в жутко дорогих заведениях.

Мой брат именно сейчас, в данную минуту, возможно, медленно умирает. И хоть он мне не кровный родственник, и мы редко общаемся, да и раньше не особенно дружили, точнее, продрались все детство так, что у каждого имеется пара шрамов от стычек, но я действительно его люблю. Он полная скотина, которая не уважает женщин и менее успешных, чем он, мужчин; самонадеянный жестокий придурок, который печется только о собственной заднице, прилично помотал нервы маме, принявшей его как своего и даже усыновившей. А занять место рядом с отцом шестилетнего ребенка ой как непросто. Я был слишком мал, чтобы что-то помнить о времени, когда мама ушла от отца к дяде Коле, но по обрывкам рассказов родственников кое о чем в курсе.

Захожу в просторный, искусно убранный зал, за столиками которого ведут неспешные беседы состоятельные люди. Ищу взглядом Артема.

..Так вот, я люблю его как брата, несмотря на все косяки, и прямо сейчас продам все, что имею, если понадобятся деньги для спасения его шкуры, не задумываясь. И мое сердце кровоточит от понимания того, через что ему предстоит пройти. Я не слишком хорошо осведомлен в вопросах борьбы с вирусом иммунодефицита, доктор сказал, что расскажет нам обо всем в следующий понедельник. Если будет необходимо. Но предполагаю, что дело это непростое. И полного излечения не существует.

Я бы отдал все, что только мог, если бы было возможно спасти этого любвеобильного идиота, через которого баб прошло столько, что, ручаюсь, сам он лиц и половины не вспомнит.

Но вместо этого я, обнаружив его выходящим из туалета в дальнем, огороженном конце зала — нас здесь не видно ни работникам, ни гостям — подхожу близко и замахиваюсь. Он улыбается, в кои-то веки рад меня видеть, но прежде, чем успевает открыть рот, получает по морде. Со всей силы, вкладывая в удар всю злость от его безалаберности, бездумности, глупости, поставившей под удар его жизнь, а также судьбу ни в чем не повинной хорошей девушки.

Он выше меня почти на голову, но так как не мог ожидать подвоха, падает, не способный удержаться, еще и ударяется своей безмозглой башкой о кафедру.

— Ты что натворил, придурок? — срываюсь я, едва удерживая себя от желания хорошенько пнуть, пока он беззащитный лежит у ног, но уже начинает подниматься. Артем занимался боксом, да и крупнее меня. Другой возможности побить его не будет.

Артем вскакивает, толкает меня со всего маха, но я готов, делаю шаг назад и удерживаю равновесие, бью в ответ ладонями по его груди и, чудо, он снова падает.

Прекрасно отдаю себе отчет, что камеры в углах закутка снимают каждое движение.

— Мать твою, ты чего творишь? — пошатываясь, он вновь поднимается на ноги, готовый к обороне и атаке. Ладони сжаты в кулаки, тело мгновенно принимает стойку, но бить его больше я не собираюсь. Я ж не идиот, его руки длиннее моих. При равных условиях

у меня нет ни единого шанса. Губа брата разбита, из носа течет кровь, щека быстро краснеет, распухает.

— Ты о существовании гондонов, вообще, в курсе?!

Я тоже в оборонительной позиции, наготове, если он кинется давать сдачи. Мы сверлим друг друга полными ненависти взглядами.

— Че, она уже поплакалась тебе? — брезгливо поджимает верхнюю губу, морщится. — Побежала вприпрыжку жаловаться? Почему к тебе-то?! — кажется, он поражен. — Вот шлюха, да еще и воровка! Советую пересчитать деньги после ее ухода!

— Черт, ты вообще осознаешь, что натворил?!

— Еще не до конца, — рычит он, ощупывая лицо, сосредотачиваясь на ране, видимо, понимая, что дальнейших нападений не планируется.

— Ладно, твоя жизнь, ты взрослый мужик, подымай от чего выберешь сам. Но девка-то не виновата ни в чем! Любила тебя, детей от тебя хотела, ноги раздвигала, доверяя.

— Иди ты к черту, Белов. И так паршиво, ты еще с траханной претензией. Считаешь, я сейчас о ней беспокоюсь? Ты, вообще, в курсе, чего мне навывисывали гребаные врачи и о чем рассказали? Какая жизнь мне теперь предстоит, какое будущее ждет? Да об этой шалашовке я думаю в последнюю очередь! — выплевывает слова так, что слюни долетают до меня.

Качаю головой, отступая. Говорить с ним больше не о чем. Этот спор ни к чему не приведет, свое отношение я высказал, его мнение услышал.

— Мать бы пожалел, — бросаю через плечо.

— Подобрал ее, да? — кричит мне вслед. Я уже на середине зала. Замираю, но не оборачиваюсь. Люди в дорогих костюмах и платьях отрываются от своих дел, недовольно таращатся на нас. Охранник направляется в мою сторону. — Ты вечно все за мной подбираешь: одежду донашиваешь, в игрушки доигрываешь, баб моих использованных трахаешь. Сначала Настя, теперь Вера. Прешься, что ли, от этого?

Руки сжимаются в кулаки, тело напрягается так, что едва не болит. Я стискиваю зубы и губы, огромным усилием воли удерживая себя на месте. Да, я с ним был жесток, но он ударил словами ниже пояса, наотмашь, без шанса достойно ответить. Понимаю, что в бешенстве. До такой степени в бешенстве, что готов кинуться на него и бить, бить, пока не разmozжу череп, или пока не разmozжат мой.

— Давай, трахай ее! — слова бьют в спину, когда я открываю дверь на улицу. — Она мне больше не нужна. Бревно — оно и есть бревно!

И прежде чем официанты и охранники приходят в себя и добегают до меня и него с целью прекратить эту душераздирающую и никому не нужную семейную сцену на глазах у дорогих гостей, я показываю ему средний палец и закрываю за собой дверь. Ему уже хватит, расплатится за все сполна, — уговариваю себя по пути в машину, но чувствую, как трясет от желания вернуться немедленно. Хочу заткнуть ему рот, поставить на место, отомстить, причинить так много боли, как только смогу. Мне надо подраться, немедленно; куда девать эту злость, от которой распирает, голова вот-вот лопнет?

Да, в этот момент я его ненавижу всей душой. Рука онемела, болит, только сейчас заметил кровь на костяшках пальцев. Давненько я не дрался. Возможно, выбил ему зуб или сломал нос. Левой рукой, уже в машине, набираю сообщение: «Если нужны деньги — помогу». Он отвечает не сразу, коротко: «Знаю».

Часть II

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 6

Чистый голос Дэнни режет перепонки из колонок «Кашкая», заполняет машину, разносится по улице из окон — у меня отличная аудиосистема. Дэнни, как и всегда, чувствует мое настроение, орет в уши о гребаной гравитации, которая тянет к гребаным воспоминаниям, которым нет конца. Как Артем вообще мог припомнить Настю?

Малые транквилизаторы, подобранные для меня врачом, практически не обладают седативным действием, а тревожное состояние прогоняют на раз. Отличная вещь, выдается по рецепту, иначе легальным способом не достать. Проблема в том, что, зараза, вызывают привыкание, поэтому, дабы не сторчатся, приходится частенько включать мозг. Иначе, единожды вкусив счастье посредством таблеток, то и дело тянет их глотать по поводу и без.

Вот и сейчас, после разговора с Артемом, так и хочется закинуться, но я этого делать не стану. Лучше покурю, послушаю музыку, подумаю о чем-нибудь приятном. Достāju мобильный, листаю в нем фотографии Веры с задранной майкой, сделанные украдкой в тот странный день, когда она прибежала ко мне вымокшая и расстроенная. Смелая. Да, именно такой она мне показалась в мокром белье с грязными разводами по лицу и телу, и это выбило опору из-под ног. Захотелось творить с ней разные вещи, проверить границы этой самой смелости. Так сильно захотелось, что не получилось отказаться от этих желаний за столько времени. Это пугает, потому что отказываться я умею очень хорошо. Я спец в деле обламывания себя.

У меня очень хороший врач, с которым мы здорово общаемся уже восемь лет. Однажды он после очередных новомодных курсов в Штатах решил с помощью гипноза победить мою психотравму. И, действительно, достучаться до истоков проблемы у него получилось. А потом я едва не подох от болевого шока прямо на его дорогушем индийском ковре у покрытого лаком стола из цельного дерева. Причем боль пришла сама по себе, без какой-либо физической причины, потому что все, что могло зажить — давно зажило, что могло истлеть — развеяно по ветру. С тех пор мы не экспериментируем, а просто следим за тем, чтобы я не увеличивал дозировку, периодически меняем препараты, чтобы не подсел окончательно.

Любите секс, друзья, он прекрасен! — барабаню пальцами по ноге в такт музыке. — Ради него хочется жить, дышать, просыпаться утром. Любите свою работу или хобби. Если вы достаточно смелы, чтобы привязаться к кому-то надолго, полюбите женщину. Вкусная еда, хорошая музыка, спорт — все это поможет радоваться жизни без психотропов. Мне помогает, по крайней мере.

Пожалуй, стоит заехать на объект и посмотреть, как идет ремонт в отеле, курирование которого мне передали полностью, хотя изначально шла речь только о СПА-комплексе. С Маратом Эльдаровичем кипит война не на жизнь, а на смерть. Он то и дело присылает мне фотографии золотых гобеленов, малахитового цвета обоев и картин в резных рамах, я же каждый раз все это мягко отметаю, терпеливо объясняя, что международный бизнес-отель должен быть обязательно выдержан в строгих тонах, определенном, принятом во всем мире стиле. Мы работаем на конкретную аудиторию, точнее — бизнесменов, прилетающих к нам по делам, а богатство-шелка-ковры — это худшее, чем мы можем их встретить. Но, бесполезно! В холле, прямо напротив конференц-зала, все же будет фонтан и статуя в виде обнаженной девицы с ангелочками и кувшином. Отстоять удалось только отсутствие

позолоты.

А вечером я заеду за Верой и снова отвезу ее к себе домой. У меня есть неделя, чтобы продвинуться с ней дальше поцелуев. Пожалуй, не стоит терять зря время. К черту транки.

Виктор Белов ведет себя как джентльмен. Кто бы мог подумать, что этот невозможный мужчина, в гардеробе которого из обуви только пять пар кедров разного цвета, не сделает ни одного действия, которое бы могло как-то обидеть или испугать ее. Он с ней нянчится, не иначе.

Как они провели вчерашний вечер? Купили две бутылки шампанского, сели на кровать: она — в его длинной зеленой майке, без лифчика, в одних крошечных трусиках, он — в спортивном костюме «Найк» с доверху застегнутой молнией. Вик облокотился на спинку кровати, удобно раскинув ноги, она между них, на коленях.

— Сегодня я собираюсь поступать подло, — подмигнул он. — Мы будем пить либо пока ты не разрешишь раздеть себя, либо пока не закончится выпивка, — объявил, подмигнув. С громким праздничным хлопком открыл первую бутылку, сделал глоток. — Неплохо, но я знаю способ, чтобы улучшить этот вкус. Попробуй шампунь, Вера. Только не проглатывай. А теперь иди ко мне.

Он поцеловал ее, приоткрывая губы своими, выпивая сладкое шампанское прямо из ее рта. Первый раз получилось неудачно, они пролили половину на одежду, темное постельное. Вера поспешила оценить зону поражения.

— К черту простыню, не отвлекайся. Хочу еще, — он смотрел на нее, касаясь кончиками пальцев щеки. Его зеленые глаза горели предвкушением, губы были влажными, соблазнительными, дерзкими. На все готовыми — она это знала. С ним рамок нет, он безбашенный. Ей хотелось как-то назвать этот взгляд, слова вертелись на языке, но лучшее, наиболее точное определение пока выбрать не получалось. Так на нее мужчины еще не смотрели.

Вера потянулась, провела языком по его подбородку, собирая остатки напитка, усмехнулась, и сделала еще один большой глоток, смакуя приятный дорогой вкус, чувствуя, как покалывают пузырьки.

— На хрен стаканы, да же, Вера? — сказал он, улыбаясь.

— Дай теперь мне, — она протянула ему бутылку и через несколько секунд пила, обливаясь, шампанское из его рта, пуская его язык к себе, лаская его своим, открываясь широко, пока вкус «Мондоро» не потерялся полностью, заменившись вкусом Вика.

Ее пальцы либо сжимали бутылку, либо были стиснуты под коленями, чтобы не забыться, не запустить их в его русые волосы, не провести по плечам, сжимая, не потянуться к молнии на кофте и не дернуть ее вниз резко, чтобы прильнуть к груди следом.

Они допивали первую бутылку — мокрые, липкие, пьяные, посмеиваясь, целуя лица друг друга. Лаская без рук, лишь губами, языками, взглядами, обжигая частым дыханием. Она ерзала на собственной пятке, забываясь, желая большего.

— Просто положи мою руку туда, куда хочешь, — прошептал он ей на ухо, сжимая ладонями ее бедра, поглаживая, слегка надавливая. — Просто сделай это. Ты дрожишь, — она и правда дрожала. — Ты уже влажная, Вера? — О да, еще какая влажная. — Я чувствую твой запах, — он втянул через нос полную грудь воздуха и выдохнул ей прямо в шею. — Ты влажная для меня. Это дико заводит.

Он потянулся за новой бутылкой, а она думала о том, что если бы он сейчас повалил ее

на кровать, накрыл своим телом, развел широко ноги, она бы даже не пискнула, не смогла бы отказать. Просто не смогла бы и все. Но сама? Сделать этот шаг первой? Зная, что, вероятно, носит в себе вирус? И хотя понимала, что через защиту передать его практически невозможно, риски стремятся к нулю, страх оказался сильнее. Просто каждый раз, когда она об этом думала, появлялся ступор. Возможно, влияло воспитание, ее с детства пугали вероятностью случайно заразиться. Она никогда не делала маникюр в салоне, не делилась своими ножничками или одеждой с подругами, к стоматологам ходила только проверенным, не позволяла себе и поцелуя с малознакомыми парнями. Слишком много лет ей вдалбливалась осторожность, через которую даже современные знания не давали переступить. Вопрос «а вдруг?» — рушил весь настрой.

Знала бы она раньше, как глупо попадетсЯ, берегла бы себя так фанатично? Она попросила его не переступать установленные ею границы, и он молча кивнул. Что ж, не он один может устанавливать правила.

Тем временем Белов открыл вторую бутылку, в этот раз менее удачно, пена хлынула из горлышка, и он недолго думая направил ее на Верину грудь, намочив и без того мокрую футболку.

— Вечер обещает быть горячим, — он открыто любовался видом ее обтянутой мокрой тонкой тканью груди с торчащими сосками, проводя языком по нижней губе. — Ты просто бомба, Вера, — восхищенно присвистнул, вызывая ее смех. Наклонился и втянул в рот ее сосок, вызывая стон. Вера прогнулась, подавая грудь ему, щипая себя, дабы не вцепиться в его волосы, не прижать лицо плотнее. Это пытка какая-то! Почему ей нельзя обнять его? Что за жестокие рамки?! Она обязательно выяснит, что с ним случилось. Она должна это знать.

Вик набрал полный рот шампанского и перелил часть в ее рот, затем соскочил с кровати, налетел на стул, чуть не упав при этом.

— Твою ж мать! — выругался, стараясь не потерять равновесие. Вера смеялась, глядя на него. — Ты напоила меня.

— Ты куда? Мы не допили еще, — она видела, как оттопыриваются его свободные штаны. Самоконтролю это не способствовало.

— Хочу кое-что сделать, — он взял с полки фотоаппарат, достал из чехла.

— Что? Неет! — запротестовала Вера, натягивая одеяло до шеи. — Ни за что на свете!

— Прекрати, ты потрясающая.

— Спятил? Я же тебе сказала, что не люблю фотографироваться. Тем более в таком виде! Перестань, Белов, мы так не договаривались!

— Всего несколько кадров.

— Никогда!

— Потом удалим. Честное слово. Ты всегда встаешь раньше, сама все и почищишь. Вера, клянусь, только для домашнего альбома, — подмигнул ей, — никто никогда не увидит эти фото.

— Потом все удалим?

— Если захочешь.

— Честное слово?

— Честное пиратское.

— Я не умею позировать, Белов.

— К черту позирование. Ненавижу позирование. Убери на хрен это одеяло, — он резко сдернул с нее ткань и бросил на пол. — Ты слишком хороша, чтобы просто смотреть на тебя

сейчас.

Под пристальным, раздевающим взглядом Вика Вера чувствовала себя самой красивой и сексуальной. Она слишком много выпила — однозначно, и на самом деле, должно быть, выглядела кошмарно. Но она действительно привстала на колени, убрав волосы набок, при этом майка съехала с другого плеча, оголяя.

Он щелкнул камерой.

— Мать вашу, и все же я снимаю порнушку! — с восторгом. Он приблизился и сфотографировал ее лицо, грудь, вид сбоку. Упал на колени, сделал несколько кадров, вскочил на кровать, а она легла. Она лежала у него между ног, выгибаясь в мокрой майке, смотря в объектив его камеры, а он стоял над ней, расставив широко ноги, нависая, фотографируя и нервно улыбаясь. Вик рухнул на колени, чикнул и, наконец, отложил камеру в сторону. — Смотри, — он поднес к ее лицу левую, наиболее сильно исколотую тату руку. — Смотри, пальцы дергаются. — Он не обманывал. — Смотри, что ты со мной делаешь, а? Нравится тебе это? Доводить меня вот так, до ручки, и наблюдать?

— Ты считаешь, — она приподнялась на локтях, и сказала прямо в его сладкий от шампанского рот, — что я чувствую себя как-то иначе?

Он лизнул ее губы, а она его тут же следом.

— Какого черта ты это терпишь, Белов? Сегодня четверг, скоро неделя, как мы просто целуемся. Где грань твоего терпения? Когда я ее перешагну уже?

Вик хрипло засмеялся, щелкнул ее еще раз и опустил фотоаппарат на пол около кровати.

— Знаешь что, Вера? — он говорил, закрыв глаза, в ее губы, периодически касаясь их языком. — Тебе, может, не приходило в голову, но я не преследую никакой цели. Иногда процесс так хорош, что стоит заниматься им ради самого процесса, м? Подумай об этом.

Взглянул на часы.

— Тебе на работу вставать через три часа, я предлагаю закругляться, — еще раз чмокнул в губы, подмигнул, встал с кровати и ушел в душ. Через десять минут она заняла освободившуюся ванную, а когда пришла, он спал в чистой одежде на новом, сухом постельном, легла рядом, к нему спиной, съезжившись, не касаясь, гадая, как можно заснуть после случившегося. Тело ждало разрядки; его не интересовали ни ее будущий диагноз, ни его правила.

И вот сейчас, следующим утром, она лежит рядом, листая фотографии в его бессовестно дорогом фотоаппарате, пылая от стыда все сильнее после каждого нового кадра, не решаясь удалить их. Хочется сначала показать Вику и посмотреть на реакцию. А может, и сохранить, чтобы иногда пересматривать, напоминая самой себе, какой раскованной и смелой она может быть, когда захочет. Белов тихо спит рядом на спине. Еще бы — половина седьмого, в это время его и фейерверк под ухом не разбудит. Пару дней назад она решилась и вымыла-высушила феном голову в его квартире, до этого каждое утро уезжала к себе, чтобы собраться на работу. Она сделала это на свой страх и риск, ожидая каждую секунду, что он откроет дверь ванной и накричит на нее, что разбудила. Но этого не случилось — Вик спал как убитый, а потом, днем, сказал, что даже и не слышал шума.

Она роняла ключи, ей звонили на мобильный, гремела, собираясь, но он никогда ничего не слышал, просто крепко спал.

Любопытство накрыло с головой, дышать стало нечем, Вера захлебнулась в нем, потонула, не в силах бороться. Она откладывает фотоаппарат и минуту сидит рядом с

Виком, внимательно наблюдая за красивым, расслабленным лицом. Да, сейчас оно кажется ей красивым, ведь она так хорошо его выучила за последние дни, так часто целовала. Работала, жила, думая о касании этих самых тонких губ. Наверное, его ежедневные поцелуи — это единственное, что поддерживает ее в ожидании результатов анализов.

Что он скрывает? Она ему не чужая. Нет, только не после того, что случилось накануне, да и в предыдущие вечера. Имеет ли она право знать? Наверное, нет. Но что случится плохого, если узнает? Вряд ли это что-то отвратит ее от него. Тем более, Вик ни о чем не догадается. Она никогда никак не выдаст, что в курсе. У нее, конечно, есть предположения, но хочется их проверить.

Убирает с его груди одеяло, внимательно следя за лицом. Белов спит.

Проходит одна минута, вторая — Вера сверлит взглядом. Что ж, она одним глазком. Всего на одну секунду. Дрожащей рукой берет кончик ткани его длинной синей футболки и тянет вверх и на себя, заглядывая. Резинка трико едва прикрывает бедренные кости, затем начинается кожа. Вера видит всего кусочек, пять на десять сантиметров, дальше оголять не решается, но этого хватает, чтобы замереть и ахнуть: кожа красная, бугристая, местами коричневая, бледно-розовая. Зажившая, но по-прежнему выглядящая воспаленной, нездоровой, обожженной. Кажется, она пылает, горит: притронься пальцем — будет больно.

— Посмотрела? — его голос заставляет вздрогнуть и отпрянуть. Взгляд метнулся на его лицо — такое же расслабленное, как минуту назад, глаза закрыты, дыхание ровное. Сердце набирает обороты, кровь бросается к лицу, вдруг становится нестерпимо жарко в его холодной квартире. Спокойный ровный голос пробирает до костей, как будто она сделала что-то ужасное, непростительное. Нарушила правило. Первое правило, которое никогда ни при каких обстоятельствах нельзя нарушать. Вера замирает, чувствуя, как сдавило грудь, сбилось дыхание. — Посмотрела? Теперь уходи, — говорит он, поворачивается на бок к ней спиной, натягивает одеяло до шеи и продолжает спать. А она так и сидит рядом еще несколько минут, не способная пошевелиться.

Кажется, минуту назад она все испортила. Своими собственными руками. Страшно не от того, что увидела шрамы. Испугало безразличие в голосе. Он никогда не говорил с ней так, словно она ему неприятна. Как будто бы рядом с ней не Вик, а его сводный брат. Определенно, сейчас он говорит интонациями Артема.

Ее только что попросили уйти. Из его квартиры? Из жизни? Прямо сейчас и навсегда?

Вера тяжело медленно вздыхает. Острая потребность извиниться какое-то время удерживает на месте, но потом девушка смотрит на часы — начало восьмого. Нарушать за утро сразу два правила она не станет.

Вера осторожно слезает с кровати, морщится, когда разгоряченные после сна под одеялом пальцы ног касаются холодного пола, кутается, как и обычно, в плед и на цыпочках добегают до ванны, стараясь как можно сильнее минимизировать контакт с остывшим за ночь ламинатом. Вера знает, что ковры Вик не любит, а тапочки и вовсе ненавидит. Их в его квартире быть не может, это важно.

Под горячим душем она греется, вытирая тихие слезы, не веря, что решилась на этот опасный поступок. Разумеется, не просто так он запрещает себя трогать; она дура, раз решила, что ей можно то, что нельзя другим.

У нее уже есть отработанная до мелочей система пробуждения в его квартире. Вера разогревается в ванной, пока еще может терпеть кипяток, потом вытираться и одеваться не так холодно. Есть время, пока тело остывает до обычной температуры. Потом варит кофе в

кофемашине, занимаясь макияжем. Быстро размешивает в нем сахар — а это единственное, с чем можно пить кофе в доме Белова: плюшки и конфеты он никогда не покупает — и идет на работу. На этот раз Вера потрудились собрать все свои вещи, показывая, что его слова поняла хорошо.

Выходит в подъезд, тихо прикрыв за собой дверь, — Вик так и не проснулся.

От его квартиры до «Веранды» две остановки, время еще есть, и она решает прогуляться, проветриться и подумать. По пути старается обходить и перепрыгивать лужи, оставшиеся от ночного ливня, мельком ловит свое размытое отражение в витринах магазинов, вертит в руках взятый на всякий случай зонтик. Телефон молчит — кажется, Вик и не думает возвращать ее, извиняться за грубый тон. С каждой минутой он со своими дурацкими правилами и пиратским флагом становится дальше, а сожаление уступает место обиде.

«Иди ты на хрен, Белов», — думает она, широко и уверенно шагая по брусчатке, подходя к служебному входу известного ресторана, где давно чувствует себя комфортно и на своем месте. Чтобы она еще раз кому-то доверилась?! Сначала один, затем второй вышвырнули ее на улицу, как бесправную дворняжку. Да, она ошиблась, но он мог бы поговорить, устроить скандал, в конце концов! Она бы сама ушла, догадалась бы. Но выгонять... Большой ошибкой было связываться с этой семьей. Жизнь ничему не учит. Артем преподавал отличный урок, что ж она ломится к тем же граблям в том же огороде?

Просто слишком сильным оказалось искушение хоть ненадолго поделиться с кем-то бедой, позволить себе не возвращаться к ней каждую минуту, отвлечься. Переложить со своих плеч на чужие, более крепкие, выносливые. Что ж, Вик дал ей почти неделю, чтобы прийти в себя. Сейчас у нее хватит сил одной дожидаться понедельника. А потом постараться не сойти с ума.

Ей сказали, что в той клинике, в которую привез Вик, работают хорошие психологи. Кто мог знать, что скопленные деньги пойдут на оплату мозгоправов.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 7

Люблю, когда самолет садится над Адлером. Погода радует, море кажется бесконечным, одновременно спокойным и могучим, гостеприимным. Оно манит ложной весенней теплотой, искрится на ярком южном солнце, должно быть, приветливо шумит. «Голливуд, мы никогда не остановимся!» — орет из наушников, и я беззвучно подпеваю отчаянным ребятам в крутейших масках, думая о том, что эти слова, должно быть, писались обо мне. Я не из тех, кто останавливается, хоть и Голливуд в моей жизни, в общем-то, ни при чем. Не опускаю руки и не сдаюсь. Пережить способен многое, разочарование в том числе. И тоску. В конечном итоге останется только недоумение. Моя любимая эмоция — когда она появляется, это значит, что боль осталась в прошлом.

Самолет снижается, отец, должно быть, уже ждет в зале ожидания. Сегодня я проведу вечер с его семьей, а завтра, прямо с утра (брр) — на объект. «Трахельки» жаждут, чтобы их строили.

Когда я впервые увидел свои шрамы после снятия бинтов, без шуток, я проблевался. Такая вот реакция на уродство. Хотя, в общем-то, я взрослый мужик, а не ванильная девочка, падающая в обморок при виде раненого котенка. Ну, там есть отчего поехать крыше, поверьте. Лазерная шлифовка, время и тату, где было возможно, слегка исправили ситуацию, но хорошего по-прежнему мало.

У Веры, должно быть, отличный желудок, раз она удержала его содержимое внутри, увидев рубцы. Ладно, не будем о Вере. То, что случилось — вполне предсказуемо. Бабы — существа любопытные и упорные, когда-то она все равно узнала бы. Жаль, не дожили до понедельника.

Хей, Голливуд, мы никогда не остановимся!

У меня столько планов на то, как сделать «Трахельки» уютными и популярными, что голова сейчас разорвется. Тем временем самолет приземляется, пора собираться на выход.

С собой у меня только небольшая спортивная сумка одежды и мешок техники: ноут, планшет, фотоаппарат, телефон, зарядные к ним всем. А также подарки малышам.

Отец всегда делает вид, что рад меня видеть. Мы жмем руки, быстро обнимаемся и идем в сторону его машины. Внешне мы мало похожи, но зато одного роста. Папа у меня потрясающий, он гражданский летчик на пенсии, сейчас занимает какую-то не последнюю должность в аэропорту, работает с бумагами. Десять лет назад он, наконец, смог смириться с тем, что мама полюбила другого, и женился во второй раз на бортпроводнице, которая родила ему двух малышей, которым сейчас восемь и пять лет. Я рад, что у него все наладилось.

Говорим в машине, как и обычно, на ни к чему не обязывающие темы: погода, политика, пробки, моя работа. Я частенько летаю в Сочи, здесь поле непаханое для специалистов в моей области, и всегда останавливаюсь у родственников.

Живут они в своем доме на горе с видом на море. Точнее говоря, до моря ехать минут сорок, и это по ночному городу без пробок, но вид все ж потрясающий.

— Привет, красавчик. Как долетел? — София целует меня в щеку, как только я захожу в их просторный ухоженный дом. — Рада тебя видеть.

— Взаимно. Где дети? Ты, конечно, написала в этот раз мне задачку. Я перерыл пять интернет-магазинов, прежде чем нашел нужную модель «Лего». А забирать пришлось на другом конце Москвы.

— В Сочи их вообще нет, а доставка около месяца. А дети все уши прожужжали. Вся надежда на тебя была. Девочки в художественной школе, сейчас Стас за ними съездит. Ты проходи к столу, ужинать будем.

У отца в доме все кажется родным и знакомым. Овчарка Эни виляет хвостом, рада видеть гостя. Полгода меня не было, не забыла же.

— Сейчас буду чаще прилетать, если все срастется завтра. Проект интересный, надеюсь, мне его в итоге и отдадут. Так что если нужно будет привезти что-то, говори — не стесняйся.

— Хорошо, учту. — София наливает мне кофе, не спрашивая, хочу ли я. Так принято, она знает, что я люблю черный несладкий кофе после полетов на самолете.

— А что с папой? Он не в настроении как будто?

— Не обращай внимания, — махнула рукой, — на работе сокращения. Боится, что и его коснется.

— Да быть не может. С его стажем, регалиями и связями — он будет последним, кого попросят на выход.

— Ну что ты, отца не знаешь? Вечно на нервах, только дай повод к стакану приложиться.

— Пьет?

Она неопределенно кивает и снова махает рукой:

— Не больше, чем обычно. Расскажи, как у тебя дела? Как мама? Что на личном фронте? Какой-нибудь сексапильной модели удалось тебя, наконец, сцапать?

— Засыпала вопросами, — улыбаюсь. — Да нормально все, в режиме. Работаю, вот в аварию недавно попал, но ничего серьезного.

— О Господи! Почему не позвонил?

— Да не стоит внимания. Машину помял только, но страховка покрыла ремонт. Сорвал маме с дядей Колей юбилей, правда.

Что б еще добавить? У Артема ВИЧ, а его невеста живет у меня. Жила. Жила у меня пока не увидела шрамы и не сбежала.

— Как там Ариша? Артемка? Не женился еще?

Однако ж, как мысли читает. В этот момент сотовый вибрирует, скайп сообщает о новом входящем сообщении. Обычно в скайпе мне пишут только по работе, поэтому тут же читаю: «Привет». Привет оказался от Веры. Неожиданно.

— Все в порядке? — спрашивает София. — Ты изменился в лице.

— Да как сказать... Ладно, не важно. У Ариши все отлично, учится, подрабатывает. Замучила уже с просьбами фотографировать ее подружек, на следующей неделе очередная фотосессия в парке. И ведь не откажешь, прицепится так, что проще согласиться. Артем в порядке, насколько мне известно. Не женился.

«Привет», — отвечаю. А потом тишина.

За столом мы ужинаем всей семьей недолго. Минут через пятнадцать девочки убегают к себе в комнату с новыми игрушками, после чего отец достает из морозильной камеры бутылку водки.

— Мы с Виком будем вино, ему завтра с утра работать, — помогает мне София, я киваю, но папа не слушает. Ставит передо мной стопку, вторую напротив себя. И прежде, чем его жена успевает достать бокалы, произносит:

— Ну, за встречу, сынок! — и опрокидывает ее. Я следую его примеру, ледяной напиток прокатывается по пищеводу и ударяет в голову с непривычки довольно сильно.

— А меня собираются увольнять, представь себе, — за это выпиваем еще по две. Следующие три удастся пропустить. Отец быстро входит в кондицию, краснеет, налегает на суп. — Всю молодость убил на эту работу, столько нервов, здоровья потратил. Первую семью потерял! И вот благодарность. Отвратительная у меня профессия. Не ценят летчиков в нашей стране. Вот в Германии...

Примерно на этом моменте София незаметно, под предлогом проверить детей, утекает из-за стола на второй этаж. Она не обиделась на слова мужа, никогда не обижается. Привыкла.

Нет, серьезно, он хороший мужик и замечательный отец. Несет чушь, только когда выпьет, а делает это не так часто, к счастью. Поэтому я не очень люблю бывать в его доме, мне кажется, когда он смотрит на меня, чувствует угрызения совести. За то, что двадцать три года назад не смог удержать маму, она уехала за дядей Колей в Москву, а я остался без присмотра. Ну не глупость ли? Можно подумать, живи я с ним, миновал бы... то, чего не миновал. Чушь.

Молча смотрю на него, слушаю. Он прекрасно знает, что я ненавижу, когда он начинает так себя вести. Меня убивает его чувство вины, и мы жевали эту тему сто миллионов раз. И спокойно говорили, и орали друг на друга, однажды он даже плакал.

«Да в порядке я, пап!» — хоть на лбу себе выколи.

— Даже хорошо, что тебя судьба отвела от летного. Нечего там делать, одни стрессы, перегрузки. Организм изнашивается, семью нормальную не завести, не каждая женщина выдержит долгие разлуки. Как там мама, кстати? Хорошо все у нее?

— Да вроде неплохо. Собирается в Индию на очередной йога-марафон.

— О как. И не боится однажды привезти оттуда глистов в голове? — пораженно качает головой. — А у тебя-то как? Может, сведешь эти татуировки? Хотя бы с пальцев да шеи. Может, так лучше будет?

— Хватит с меня уже шрамов, пап, — ну вот, подошли к черте. Отец приговорил ноль пять практически в одного и пытается затеять разговор по душам. Последние несколько раз встречи прошли так хорошо! Я даже расслабился, перестал ждать истерик с его стороны. Мы не касались опасных тем, просто хорошо общались, как отец с сыном, и это было замечательно. К чему сейчас опять перетряхивать события почти десятилетней давности?

— Я бы так хотел дожить до времени, когда ты женишься. Нужно думать о будущем, о семье, сынок.

— Мне двадцать шесть только, успею я, пап. Да и тебе рано на тот свет собираться.

— Вот посмотри на меня, что хорошего? Привожу Дашу в садик, а на меня люди косятся, гадая, отец я ей или дедушка? Стыдно в глаза смотреть воспитателям.

— У меня много работы сейчас, не до серьезных отношений. Сначала нужно карьеру построить. Чтобы было, куда привести молодую жену, понимаешь? Пока что в наличии только однушка в ипотеке да машина в кредите. Не слишком заманчиво, как считаешь?

Он тяжело, сокрушенно вздыхает и тянется за вином Софии. Нужно было снять номер в отеле, мать его. Если бы знал, что опять двадцать пять, в жизни бы не приехал.

Молчу, пожевывая зубочистку. Точно от его взгляда, интонаций, слов и вздохов, так и тянет удавиться. Лучше бы я сдох тогда, не добежал до озера. Знал бы, какой груз вины свалится на плечи за потраченные родителями нервы, честное слово, умышленно не выжил бы. Ну вот зачем он это делает раз за разом? И так ведь гадостно, все сам прекрасно понимаю, что не будет ни семьи, ни девушки. И здоровье вещь не бесконечная, многое организм пережил, да и транки и обезболивающие явно печени, почкам на пользу не идут. Но ведь живу я, улыбаюсь, кайф ищущий личный. Доступный.

А вот так поговорю «по душам», и начинает казаться, что на хрен все это делаю. Зачем барахтаюсь? Не верят в мою успешность родители. В такие моменты и сам сомневаться в ней начинаю.

Тем временем приходит новое сообщение от Веры: «Нормально долетел?»

А какого черта? Что будет, то будет. Достало! Нажимаю в скайпе вызов абонента. Идут гудки. На экране телефона лицо Веры, девушка смущена, робко улыбается, смотрит на меня вопросительно. Улыбаюсь ей в ответ.

— Пап, ну ладно, расскажу тебе первому. Знакомься, это Вера, моя девушка, — и поворачиваю к нему телефон.

— Ой! — приглушенный вскрик ужаса от Веры. — Здравствуйте.

Нет, удержаться невозможно, я двигаюсь к отцу, и мы оба смотрим на экран, на котором испуганная, красная, как пальто Алисы, Вера быстро поправляет влажные волосы, запахивает плотнее халатик. По-видимому, она только из душа.

Отец смотрит то на меня, то на экран, его брови ползут вверх вместе с уголками губ.

— Вера, это мой отец, Станислав Иванович. Правда, до того, как он прикончил бутылку водки, выглядел представительнее. — Тот поспешно вытирает салфеткой губы и усы,

расправляет плечи, — потеха, да и только.

— Приятно познакомиться, — машет ему Вера, улыбаясь так широко, что это уже ненормально.

— Просто Стас, — с энтузиазмом кивает он. — Соня, иди сюда! Тут Витина девушка звонит!

Какое счастье, что папа знать ничего не желает о личной жизни детей второго маминого мужа, то есть об Артеминой. Остается только надеяться, что София не смотрела мамину страницу в одноклассниках и не вспомнит девицу, которую обнимает Кустов своими длинными загребушими ручищами на всех фотографиях.

София появляется как ведьма из воздуха — мгновенно материализуясь между нами, наклоняется и впивается хищным взглядом в телефон. От ее быстрого шага ветром обдало, без шуток.

— Какая хорошенькая! Я — София, вторая мама Вика, — представляется она, и я усмехаюсь, качая головой. Вторая мама старше меня на семь лет, она частенько подшучивает надо мной по этому поводу, наиграно-показательно строит глазки при отце, чтобы позлить его. Мне нравится наше с ней общение, оно балансирует на грани флирта, но никогда за десять лет мы не то что не переступали черту — даже не коснулись ее. С ней легко, весело и комфортно. София подписана на все группы, паблики и страницы в соцсетях «ФотоПиратов», всегда лайкает фотографии, пишет комментарии и шутит, что я должен ей фотосессию ню, когда ей исполнится пятьдесят. Честно говоря, с нетерпением жду этого времени, так как выглядит моя вторая мама просто отлично, несмотря на наличие двоих детей и профессию — домохозяйка. Секси-мамочка у меня, если хотите это услышать прямым текстом.

— Очень приятно с вами познакомиться! — все еще машет Вера, как в детском саду на утреннике. — Надеюсь, не отвлекаю вас от ужина. А то Вик так и не написал, как долетел. Я волновалась.

— А почему ты не взял ее с собой? — удивляется отец. — Вера, у вас там, в холодной Москве, все серое и унылое, ненавижу этот город. Повеситься хочется, как только прилетаю по делам. Благо, сейчас это редко происходит. А приезжай-ка к нам! У нас море, солнышко, плюс двадцать пять. Прямо сейчас, а? Соня, посмотришь билеты?

— Я бы с удовольствием, спасибо большое за приглашение, — Вера говорит бодро, но глаза у нее по пять рублей. Интересно, как выкрутится. — Но я работаю посменно. Отпуск нужно планировать заранее.

— Вера — повар, — вставляю я украдкой, но отец меня аккуратно отпихивает в сторону, полностью завладевая телефоном. А София занимает мое место рядом со своим мужем. Следующие несколько минут они болтают с Верой, рассказывая, как отвратительна Москва, убеждая, что девушке просто необходимо побывать на юге как можно скорее. И что комната у них свободная есть, и прямо сейчас они ее приготовят.

Допиваю второй бокал вина, чувствуя себя старой девой на выданье. А отец прям светится от счастья, кажется, он полностью забыл, что родной сын прилетел в гости, ему интересна только Вера.

Что тут сказать, цепляет Вера Беловых, умеет же.

И тут, слушая ее быстрый мягкий голос из колонок телефона, я понимаю, что соскучился. Эта мысль как громом поражает, и я быстро осушаю еще один стакан вина. Нужно найти себе бабу на вечер, отвлечься, не думать об этой девушке. Нельзя о ней так

много думать. Что я творю?!

— Вера, а ты Витина модель? — с энтузиазмом говорит София. — Лицо кажется знакомым. Я могла тебя видеть «Инстаграмме» «ФотоПиратов»?

Тут я быстро подключаюсь, заглядывая в телефон:

— Модель, еще какая модель. На моем фотоаппарате столько ее фотографий, на целый альбом хватит.

Вера сначала смертельно бледнеет, как будто вся кровь в ее жилах вдруг испарилась, а через секунду вспыхивает и закрывает лицо ладонями, обреченно качает головой. У нее такая тонкая белая кожа, что краска заливает лицо мгновенно, выдавая любую сильную эмоцию с потрохами. Не разобрался еще, это раздражает или кажется милым, но скорее — второе. Вера подглядывает сквозь пальцы, а я самодовольно улыбаюсь и киваю. Она так быстро сбежала от меня утром, что напрочь забыла о фотографиях. Да-да, о тех самых знойных фотографиях. К слову, они получились... эмм, мгновенно_члено_вставательными. Как вам такое определение?

Через два часа после знакомства бывшей невесты Артема с моими родителями я женщину на ночь так и не нашел. Лежу в кровати на втором этаже, слушаю, как гавкает Эни во дворе, и думаю о том, что хочу получить Веру хотя бы во сне. Пусть потом придется закинуться колесами, но оно того будет стоить.

Приснись мне, Вера.

Ответ приходит через пару секунд: «Сразу, как удалишь фотографии». Да, я действительно отправил ей сообщение с текстом выше. Гребаный наркоман-романтик.

Ненавижу свою работу. Ненавижу Сочи, свою жизнь, море и чистый воздух. Почему я вечно должен бороться, сражаться и сопротивляться? Где-то же есть же предел моей стойкости! Посмотрите на часы и разделите со мной мое горе.

Солнце нещадно палит немногим выше линии горизонта, слепит глаза даже в «Рейбанах», черная сухая грязь липнет к новым белым кедам, а в пиджаке слишком жарко, но так как собеседник одет с иголочки, приходится держать лицо и терпеть.

На часах восемь утра. Восемь! А я уже полчаса как хожу по стройке, грязному участку, обсуждая планировку «Трахельков» с заказчиком. Чтобы продрать так рано глаза, пришлось закинуться кофе, энергетиком и помыть голову холодной водой с ментоловым шампунем. Аааа! Это полный трэш, выполнено профессионалом, никогда не пытайтесь повторить.

Если бы заказчик хоть на минуту замолчал, я бы уснул стоя с открытыми глазами. Но он тараторит без остановки, а мне приходится усиленно шевелить «сонными» извилинами, чтобы разговор получился продуктивным. Ночью я улетаю, в следующий раз удастся переговорить лично нескоро. А мне нужно прочувствовать предстоящий проект, а также ожидания от него. Клиент всегда прав. Благо, никаких жестких рамок и привязки к международному стилю в этот раз нет — будем строить, как хотим и умеем. А хотим мы эгей как масштабно!

Заказчик разговаривает исключительно матерно, это тот уникальный случай, когда русский богатый и могучий отлично передается несколькими однокоренными словами. Поэтому саму беседу вам передавать не буду, скажу только, что к пониманию в итоге прийти удастся.

Затем я бесконечно долго занимаюсь замераами, после чего запланирован поздний обед

в одном из ресторанов, вторая половина дня проходит в офисе, где обсуждаем подготовленные мной первые эскизы. Наброски и предложения заказчикам нравятся, и на этой радостной ноте мы спешим расстаться.

Вечером все Беловы, включая детей, катаются на велосипедах вдоль моря и Олимпийских объектов, любуются видами и наслаждаются обществом друг друга. Хитрая Вера, хоть и знала, что я буду на ногах с рассветом, написала: «Белов, фотографии удали», — только после обеда. Знала ведь, что к черту пошлю, напомни она о себе раньше.

Я решаю притормозить у моря. Стою несколько минут, опираясь на велосипед, глядя на шелестящую водную гладь, слушая чаек, девочки втроем проносятся мимо, помахав. Отец останавливается рядом, молча, замирает за спиной. Хорошо так на душе, приятно. Жить рядом с морем — сказочно; а южане, неважно о какой стране мира идет речь, — люди уникальные в своей невозмутимости и любви к размеренному образу жизни, таких больше нигде не встретить.

Пишу: «Поздно. В «Инстаграме» за день они собрали под две тысячи лайков, и я не собираюсь останавливаться на достигнутом. Глянь @PhotoVicPirates». В ответ тишина. Минута, вторая, третья проходят, от Веры ни слова, ни смайла.

Хей, кажется, я переборщил. Она и так порывалась шагнуть с подоконника, нужно быть осторожнее.

«Шутка».

«Ну, ты и сволочь».

«Сама удалишь. У меня рука не поднимется», — это сообщение я писал и стирал несколько раз, прежде чем отправить.

— Привози Веру в следующий раз, сынок, — говорит отец. Я вздрагиваю, так как забыл, что он все еще стоит рядом.

— Привезу, пап, — обещаю, понимая, что этого не будет никогда. Но почему бы не дать ему немного времени порадоваться за собственного ребенка? Он хороший отец, лучший, который только может быть в нашем непростом положении.

— Кажется, она хорошая девушка.

Пожимаю плечами.

— Знаю, — говорю, поджимая губы. Снова становится гадко, до глубины души обидно. Ловлю себя на мысли, что потираю пиратский флаг на груди, напоминая себе о его существовании. На горизонте появляются дельфины, они так близко подплывают к берегу, что, окажись мы в воде, могли бы запросто доплыть и погладить их. Девочки быстро приближаются, бросают велосипеды и бегут к бордюру набережной, кричат и хлопают в ладоши от восторга. Сажая Дашу на плечи, чтобы ей лучше было видно водных млекопитающих, и она тянет меня за волосы, смеется. Я люблю бывать в Сочи, здесь удастся поверить в иллюзию счастья, которую я создаю для отца.

Но хмурая, правдивая Москва ждет, и откладывать встречу я не собираюсь. Этот город принимает меня таким, какой я есть на самом деле, а это многого стоит. Обманчивое южное тепло хорошо только тогда, когда строго дозировано.

В этом громадном торговом центре, по которому они с Ариной ходят целый день в поисках одежды для очередной фотосессии Кустовой, телефон ловит отвратительно и через раз. Вере приходится то и дело выглядывать из отделов в ожидании ответа от Белова. А потом, получив один из них, в ужасе искать страницу его студии в «Инстаграме».

До этой минуты Вера не знала, что от страха может тошнить, и ладони умеют становиться такими влажными, что хочется их вытереть об полотенце, будь на это минутка.

Пусто. Ее фотографий нигде нет. Пока нет. Ответ на мобильный приходит специально через несколько минут, чтобы она успела в красках представить разочарование и отвращение в глазах родителей: «шутка». От бессильной ярости становится дурно, Вик над ней издевается, посмеивается над доверчивой дурехой. Будто и без него проблем мало.

— У тебя все нормально? — Арина выходит следом за Верой. — Артем пишет?

— Нет, от него не было ни одного сообщения, кроме как когда я заберу остальные вещи.

— Может, пока не стоит торопиться с этим? Вы такая красивая пара, созданы друг для друга. Мама говорит, и я с ней согласна, что он одумается, вот увидишь.

Арина ни о чем не догадывается, и Вера не собирается ей жаловаться.

— На этой неделе заберу, подруга обещала свозить на машине. Не хочу тащиться на метро с чемоданами.

— Хочешь, я Вика попрошу? Он не откажет.

— Нет! — отшатывается Вера, но под недоуменным взглядом Кустовой быстро добавляет, взяв себя в руки: — Только не Вика, пожалуйста.

— Ты из-за того случая, что ли? Да ну, он уже и забыл давно, что ты его с радужным флагом в руках представила. Ха, сменить пиратский на разноцветный — отличная идея!

Какое счастье, что Арина сама отлично отвечает на собственные вопросы.

— Слушай, — Вера медлит, — не хочу показаться бестактной, но... Я так поняла, что с Виком случилось что-то плохое в прошлом? — они идут вдоль рядов, ища взглядами информацию о скидках, Вера нервно расстегивает-застегивает ремешок часов, карябая запястье.

— С чего ты взяла?

— Создалось такое впечатление.

— На эту тему я не разговариваю. Извини.

— Это ты извини. Просто... он рассказал историю «Веселого Роджера»: что это отпугивающий, предупреждающий об опасности флаг, поэтому мне стало интересно, от чего он должен отпугивать в его случае.

Арина замирает, удивленно смотрит на Веру, ее большие зеленые глаза несколько раз моргают в недоумении, накрашенный яркой помадой рот приоткрывается.

— Он тебе это рассказал? Серьезно? — поправляет волосы, поджимает губы. — Очень странно.

— Это секрет?

— Видимо, уже нет, — она передергивает плечами. Кажется, чем-то сильно недовольна, обижена. Как будто ревнует. Глупости, с какой стати? — Могу поспорить, он уже и думать забыл о том неудобном случае, так что выбрось из головы. Если понадобится помощь, думаю, он не откажет.

— Артему это точно не понравится.

— Ты ж рассталась с Тёмой, а не со мной. А Вик мой такой же брат, как и его. Кстати, Артем мог бы и лично привезти тебе сумки. Да и вообще, помочь хотя бы первое время.

— Мы расстались на такой нехорошей ноте, что лучше вообще не видеться.

Тогда в машине по пути на работу, сразу перед нырянием в канаву, она заявила ему, что больше так не может. Что он обращается с ней пренебрежительно, и ее это не устраивает. И она уходит навсегда.

А потом этот красивый успешный мужчина орал, кем она себя возомнила, чтобы бросать его. Такая, как она, должна держаться за такого как он, как за спасательный круг — руками и ногами, ублажая пирогами и оральными ласками каждый вечер. И она от всей души послала его к черту. На что он тут же выпихнул ее из СВОЕЙ машины, кредит по которой она помогала выплачивать, а потом еще и отомстил, вернувшись.

Ее должно было насторожить еще два года назад то, что о своих бывших он всегда говорил, как о тупых курицах. А ее носил на руках, красиво ухаживал, обнимал, называл самой-самой. Ей был двадцать один год, и любви хотелось так, что очевидное не воспринималось всерьез.

— Слушай, Вер, прикроешь меня на этих выходных? — как бы невзначай спрашивает Арина, рассматривая разноцветные короткие платья в одном из модных отделов. Ее туфли на чудовищной платформе добавляют десять сантиметров росту, отчего и без того стройная девушка кажется тощей и угловатой.

— От кого?

— Родителей, кого же еще. Можно я снова скажу, что осталась у тебя? Мама только тебе и верит из всех моих друзей, — закатывает глаза.

— А сама где будешь?

— С Марком, конечно, — засветилась широкой, открытой улыбкой. — Только ни слова Артему. Достали меня эти старшие братья, еще хуже родителей, которые до сих пор требуют возвращаться не позже десяти и регулярно отзваниваться. Можно подумать, мне пятнадцать лет! Вот ты молодец: уехала из дома после школы и живешь самостоятельно. Никто в твои дела не лезет. Меня же не пускают даже с ночевкой! А мне двадцать лет!

— Можешь быть уверена, Артему я точно не скажу, — усмехается Вера. — Вот это померь, умоляю! Тебе пойдет. И, кстати, когда ты мне уже представишь своего загадочного и неотразимого Марка?

— Скоро. Будь уверена, он произведет впечатление.

С Ариной Вера проводит весь свой выходной, но все хорошее когда-нибудь заканчивается, пора ехать домой; размышления о потерянной жизни, должно быть, уже заждались ее, затаились в уголках пустой квартиры и потирают несуществующие ладони, предвкушают момент, когда можно вцепиться в ее горло и душить, давить, пока не уничтожат. Товарищ «Гугл» тоже считает минуты, когда она в очередной раз введет в строку поиска свои страхи, он единственный, кто согласен говорить с ней о самом важном.

Следующим вечером, возвращаясь с работы, Вера вновь не спешит домой, но на этот раз пойти больше некуда, а обычный маршрут как будто становится короче, торопя оказаться в безвкусно-цветастых стенах крошечной съемной квартиры, и еще раз хорошенько обо всем подумать.

Познакомились они с Артемом давно, еще в колледже, два года учились в одной группе на повара-технолога. Он уже тогда ей понравился. Веселый, уверенный в себе Кустов не мог остаться незамеченным и активно этим пользовался, закрывая сессии за «красивые глазки». Но тогда она держалась от парней, подобных ему, как можно дальше, подсознательно чувствуя опасность, да и он не проявлял особых знаков внимания. Когда же они случайно встретились через год, ей показалось, что он изменился: стал серьезнее, хочет остепениться. Ему было уже двадцать семь, самое время заводить семью, не так ли? И она ее завела, еще как завела, в своих мыслях и фантазиях. Да как тут было вести себя иначе, если он и родителям ее представил, и жить вместе позвал. И к ней домой ездил, у отца руки просил!

Красиво все было, романтично. Бабушка плакала, благословляла их с иконой в руках. Артем подарил дорогое кольцо, назначили дату свадьбы. А потом началось — то кредит за машину, то новая работа — не до праздников. Дела пошли резко в гору, а отношения ухудшились. Он по-прежнему общался с ее родителями по скайпу, телефону, и они были от него без ума, вот только к ней отношение становилось хуже и хуже.

Это происходило постепенно, не сразу: не за день, не за неделю и не за месяц. Иначе бы она точно заметила. Сначала сошли на нет интимные отношения, Артем как будто перестал нуждаться в них так остро, как раньше. Затем, вечерами, вместо совместного досуга он начал предпочитать посидеть за компьютером в одиночестве. Compliments практически исчезли из речи, а вот острые замечания и подколки стали появляться все чаще. Это копилось. Его новая работа в «Восток-Запад» забрала его на семь дней в неделю, лишив выходных. Зарплата выросла в три раза, кредиты были погашены, но радости это не принесло. Теперь Артем говорил только о себе и своем ресторане, знаменитых гостях, которые периодически посещали модное заведение, но между тем продолжал настаивать на ребенке. Вот получится — они тут же и распишутся. А пока — какой смысл?

Обдумывая все это сейчас, Вера не понимает, почему не ушла от него раньше. Неужели так сильно любила? Любила, еще как, всем сердцем, каждой клеточкой. Он был у нее первым и единственным, и другого она не хотела.

Давно пора спать, завтра в одиннадцать их с Виком ждут в клинике, чтобы сообщить результаты анализов. Вера ходит по своей съемной квартире, заламывая руки, кусая губы. Сердце то разгоняется так, что дышать тяжело, да в висках бахает, то слабость накатывает, голова кружится, будто от голода. Но она ела сегодня, точно ела. Или это было вчера?

Что-то странное с ней творится. Вера не из тех, кто думает сердцем, в ее решениях всегда преобладал расчет, как минимум здравый смысл. Она все делала правильно: школа-переезд в Москву-училище-работа. Закончила кучу дополнительных курсов, посетила все доступные ей кулинарные мастер-классы, чтобы стать успешной, задержаться в столице, зацепиться. Личная жизнь всегда оставалась на втором месте, не до нее было, некогда. Слишком много времени забирали на себя мальчики, чтобы допустить их присутствие. А потом появился Артем, влюбилась. А потом угроза болезни, и она бросилась в объятия Белова, как безумная.

Ей это не свойственно. Она не из тех, кто способен на спонтанные глупости.

Когда ВИЧ попадает в кровь, то организм реагирует на него, как на простой вирус гриппа, отзываясь недельным недомоганием. Она точно знала, что болела как раз после расставания с Тёмой. Все сходится.

Ей двадцать три, следующие годы она проведет в сражениях за жизнь, постоянно думая о том, как бы не заразить кого-то из близких. Родителей, например. Других близких у нее уже не будет никогда. Какой мужчина в здравом уме ляжет со смертельно больной женщиной? Видимо, ей суждено влюбиться единожды. Ее взрослая жизнь началась с Артема, на нем и закончится. Один мужчина навсегда — вот только выглядит это в ее случае совсем не романтично.

Она опять плачет, как маленькая, брошенная, никому не нужная. Одинокая в своем бесконечном горе. И никто ее не пожалеет, никто не догадается даже написать пару слов. Всем на нее плевать.

Вера смотрит на свои пальцы с коротко-остриженными ногтями, и они двоятся перед глазами. На каждой руке по десять, честное слово.

Белов, должно быть, не в своем уме. Адекватный человек бы отреагировал иначе на ее сообщение о возможности диагноза-приговора. Вероятно, ей следует держаться от него подальше. Если бы кто-то признался Вере о своем положительном статусе, она бы на всякий случай прокипятила после него посуду. Или выбросила бы ее вовсе, мало ли.

Его жуткие шрамы говорят о большой беде, которая осталась в прошлом, и вопросы о которой моментально блокирует Арина. В прошлом ли? Странные правила наводят на мысли, что он до сих пор варится в своем горе, не желая никого подпускать близко. Зачем она ему? Хорошо провести время? Развлечься?

Если подумать серьезно, он ни разу не настоял на своем, не надавил на нее. Хотя чувствовал, не мог не чувствовать, что она была готова с ним на все. Сорвало крышу. У Веры?! Да быть не может! Эта неделя была самой странной в ее жизни. И самой забываемой.

Вот уже шесть утра, Вера выплакала все, что было возможно, и идет на кухню, чтобы залить в организм очередную порцию жидкости. Через пять часов она узнает правду. Осталось всего пять часов. Когда впереди предстояла неделя, думалось — как скоро! Слишком мало времени для подготовки к приговору. Последние же часы тянутся бесконечно долго.

Нет, она не выдержит плюсика напротив своей фамилии. Умрет на месте. И так будет лучше. К борьбе она не готова. Бедные мама с папой, за что им это? А без них она вряд ли потянет лекарства и съемную квартиру.

Родители ни о чем не должны узнать. Веру отправляли в больницу каждый раз, когда температура приближалась к тридцати восьми, в инфекционке их небольшого городка девочку знали в лицо, у нее была любимая кровать и место у окошка. В детстве мама постоянно мерила ей температуру на всякий случай, чтобы знать, — с этого ритуала начиналось каждое утро. Серьезно, до школы Вера думала, что так делают все: умываются, чистят зубы, зажимают под мышкой градусник, завтракают. Ее потчевали иммуномодуляторами по поводу и без, панически боясь любых инфекций и вирусов. Однозначно, мама не выдержит новостей о ВИЧ.

Сколько же у Веры всего было мужчин? Что, если посчитать? Делать-то все равно нечего, она сидит в коридоре на полу в темноте, загибает пальцы и рыдает в полный голос, захлебываясь, подвывая себе самой. Никогда она так не плакала, не знала даже, что способна на подобное. Первую неделю после новости ходила в шоке, как будто в ступоре, все ждала, что Артем позвонит и скажет, что диагноз ложный. Затем все мысли занимал Вик. А потом он ее выгнал. Ее дважды выставили на улицу за последние три месяца.

Несколько свиданий, пара поцелуев и Артем. Вот и все ее прошлое.

Шесть двенадцать. Ааа! За окном темно, но город уже начинает пробуждаться, люди стоят на остановках, с которых, газуя, резво стартуют автобусы. Белов наверняка сладко спит под своим пиратским флагом. А она здесь совсем одна, без всякой защиты, готовится к завтрашнему дню, не чувствуя в себе сил даже встать на ноги и добраться до спальни. Так и вырубается на линолеуме крошечного коридора ее студии в двадцать четыре квадрата.

Подскакивает в половине десятого и сразу идет в ванную, разминая затекшие ото сна на полу мышцы. Невыносимо тянет шею и где-то в районе поясницы. Душ, кофе и тусклое солнце из окна насыщают энергией, которая вылилась из нее за бесконечную ночь слезами. Ужас уступил место молчаливой решительности. Вера мрачно смотрит на кусочек

шоколадки, который достала к кофе, и думает о том, что сегодня, должно быть, самый важный день в ее жизни.

Белов ждет у входа в клинику. Интересно, давно? Не позвонил, не написал. Одет в рубашку, неформальный темно-синий костюм в его стиле и белые кеды.

— Готова? — спрашивает вместо приветствия.

— Расскажешь, зачем нужен был весь этот цирк перед твоим отцом, если с тех пор ты не позвонил и не написал ни разу?

Неважно, что он подумает, и как выглядят ее слова. Хуже уже не будет. Она так злится на него, что хочется стукнуть.

— Цирк, как и всегда, нужен был зрителям. А главной актрисе я приготовил подарок, он в машине. За оказанную услугу.

— Не стоило беспокоиться, мне было не сложно.

— Мне тоже.

Когда они в прошлый раз заходили в больницу, он держал ее за руку, сейчас этого не хватает. До фотографий становится нет дела, страх засветиться на весь интернет резко меркнет рядом с угрозой жизни. Вера смотрит на Вика и не верит, что эта неделя в его объятиях вообще была. Он так холоден и спокоен, никак не выдает то, что помнит, как целовал ее грудь, слизывал шампанское с ключиц, как шептал на ухо, что хочет ее до трясушки. Просто идет рядом, как ни в чем не бывало. Агрессивные татуировки выглядывают из-под белого манжета рубашки, мятежный дух дико контрастирует с классикой.

Почему мужчины так жестоки к ней? Стоит довериться, пустить в душу, она тут же становится ненужной. Должно быть, дело в ней самой. Радости последняя мысль не добавляет.

«Как ты мог забыть!?» — хочется кричать на него и бить кулаками по груди, игнорируя первое правило. Но она никогда так не поступит. Молча идет рядом, часто моргает, прогоняя слезы. Когда они уже выльются все, бездонный колодец там у нее, что ли?

Перед самым кабинетом он вдруг останавливается, поворачивается к ней, обхватывает ладонями ее лицо.

— Все будет хорошо, слышишь? Мы живем в двадцать первом веке, с ВИЧ можно дотянуть до восьмидесяти. Это давно не приговор.

Все, что он говорит — полный бред, но она кивает. Хочет услышать от него совсем другое, но делает вид, что рада и этому. Вера начинает его медленно ненавидеть за неоправданные ожидания.

Врач им улыбается, приветливо кивает. Смотрит долго сначала одну папку, потом другую. Складывает руки на столе, снимает очки и начинает говорить. Сейчас в целом мире существует только его спокойный, тихий голос.

Она не заметила, как снова оказалась в черном «Кашкае». Вик смотрит на руль, молчит. Вера тоже молчит. Сегодня вдруг выяснилось, что от этой недели не было ровным счетом никакого толка. Да, анализы на данный момент отрицательные, но ВИЧ может обнаружиться в крови в течение аж полугода, а прошло только три месяца с последнего опасного полового акта. Вера сжимается в комок, вспоминая вопрос доктора о сроках. Ответил на него Вик за нее. Ответил правильно, с раздражением в голосе. Ему будто не хотелось говорить на эту тему, но он говорил. Все верно, в последний раз с Артемом она спала три месяца назад.

Этот день должен был стать самым важным в ее жизни, а превратился в очередную

ступень. Им объяснили, что, пока не будет точных данных, нельзя становиться донорами, беременеть, заниматься незащищенным сексом. А новых партнеров следует предупреждать о рисках. Можно подумать, в этом случае ей в принципе светит секс. Можно подумать, ей вообще когда-то захочется им снова заниматься.

На этом моменте врач пожелал удачи, сказал, что большинство зараженных на сроке в три месяца уже определяются, так что у Веры с Виком хорошие шансы. Нужно верить в лучшее. Но на учет их поставили.

Вере казалось, что она не переживет прошлую ночь. А теперь ей нужно перетерпеть еще три месяца! Да лучше бы ее пристрелили прямо сейчас. Что может быть хуже ожидания?

«Живите обычной жизнью», — сказал доктор. И еще раз перечислил все то, что ей нельзя делать. Записались на следующий прием в середине августа; Вере предстоит худшее лето в жизни. И вот они с Беловым сидят в машине, слушают скребущую тишину, от которой иглами отчаяния покалывает сердце. Зачем она к нему села? Он повел, и она пошла, потому что в шоке. Нужно уходить. Куда только? На мост сразу?

— Ты что-то говорил о подарке, — голос звучит хрипло. Вера тянет время изо всех сил, хочется как можно дольше побыть рядом с кем-то, кто знает и не отплатывается. У них с Гуглом, конечно, отличные партнерские отношения, но пусть поисковая система отдохнет от девушки хоть пару часов.

— Да, точно. — Он тянется на заднее сиденье и достает чехол для ватмана, открывает, вытаскивает листы, разворачивает и показывает Вере. Она смотрит несколько секунд, ахает и закрывает рот рукой, жадно шаря глазами по большой фотографии. На ней — Вера, никаких сомнений. Раскованная, возбужденная Вера в мокрой, ставшей почти прозрачной майке. Фотография черно-белая, обрезанная и тщательно обработанная, совсем нет ощущения, что это домашняя съемка. Лица не видно. Только грудь, острые ключицы, плечи, подбородок и губы. Чувственные приоткрытые губы, которые манят, просят, чтобы их коснулись. Хотя бы пальцем.

Вера смотрит, не веря глазам. Неужели она может быть такой красивой, соблазнительной?

— Нравится? — спрашивает Вик.

— Очень, — честно признается она.

— Я ее сделал для тебя, никто больше не увидит, обещаю. Делай с ней все, что хочешь: повесь в рамку или выбрось. Она только твоя.

— А электронные варианты?

— Удалил.

— Тебе можно верить?

— Не обижай мою маму, она меня хорошо воспитывала.

— Артема она тоже воспитывала.

Кажется, его призрак всегда будет маячить между ними. На что они вообще надеялись, уединяясь в квартире Белова?

— Ты сейчас в «Веранду»? Я подвезу.

— Нет, домой. Взяла отгул.

— Говори адрес, — он открывает навигатор в телефоне, и Вера диктует улицу и номер дома, а сердце ноет от досады, что он больше не зовет к себе, делает вид, что ничего не было. Если бы между ними был секс, она бы решила, что он получил, что хотел, и больше не нуждается в ней. Но секса не было. Она была так ужасна, что ему и не хочется? Ах да, у нее

же, вероятно, ВИЧ. Косится на него, не поворачивая головы, ловит себя на мысли, что неосознанно царапает запястье. Оно так чешется, будто укусил кто-то. Скорее всего, Белов тоже знаком с продажной сволочью «Гуглом», и тот ему охотно выложил все, что до этого — Вере.

В его машине играет гадкий шум: несколько мужчин кричат в истерике что-то на английском, а Вик — ничего, терпит, губами шлепает, подпевая. То, что одна песня уже закончилась, а другая началась — Вера понимает только по меняющимся символам на магнитоле. Еще и названия есть у каждой, надо же.

— Спасибо за фотографию, мне очень нравится, — говорит Вера, понимая, что они скоро приедут. И разойдутся. Навсегда. Он делает музыку тише.

— Я же обещал, помнишь? Да и тебе спасибо, отец хоть немного порадует за меня. Ему это важно. Спит и видит, чтобы я женился.

— Мои тоже ждут — не дождутся внуков. Да, вот здесь останови. Надо было им рожать еще одного ребенка, глупо делать ставки только на одного.

Вместо того чтобы высадить ее у подъезда, он паркует машину поблизости, глушит двигатель и поворачивается. Его взгляд как будто растерянный, серьезный. Нельзя было ей с ним связываться, он брат ее бывшего, очень некрасивая ситуация. Их отношения неправильные, осуждаемые обществом. Как она выглядит со стороны? Путалась с двумя братьями.

Он ей так нравится. Вчера она нашла тысячу доводов держаться от Белова подальше, а сегодня смотрит на него и понимает, что скучала. Прошлая неделя стала безумием, ласки без каких-либо договоренностей и обязательств. Легкие отношения — не ее стиль. Но всю прошлую неделю она только и жила ими, дрожала от предвкушения увидеть его вечером.

Нужно что-то сказать напоследок.

— Можно потрогать твою татуировку на шее? Она кажется как будто объемной, — говорит неожиданно для себя. Его глаза на миг расширяются в удивлении, но он кивает. Вера, едва касаясь, проводит пальцем по тонкой надписи под правым ухом, а он наклоняет голову и трется щекой о тыльную сторону ладони, прикрывая глаза.

— Там написано «Норе. Love», — говорит ей.

— «Надежда. Любовь», да? Нужна еще «вера», Вик. Как же ты без веры?

— Хреново, — он смотрит в глаза, и она опускает свои, почему-то сильно смутившись.

Кажется, она снова задыхается. Хочется вцепиться в его плечи и прильнуть всем телом, чтобы спрятал, защитил, закутал в свой черный флаг. Но ему это не надо. Мужчины берут чужие трудности на себя только в кино, да в мечтах наивных школьников.

— Ну что ж, пока. Если нужна будет еще помощь с родителями, ты звони, — говорит она, хватаясь за ручку двери и понимая, что уже в третий раз пытается продолжить разговор, а он не делает и шага навстречу. Должно быть, она выглядит смешно и жалко. Он хохочет в душе над ней. Пора уходить.

— Вообще-то нужна, — вдруг говорит неестественно громко. — У Софии день рождения на следующей неделе, и она сказала, что без тебя меня не пустят к столу.

— Ох.

— Билеты я оплачу, лететь недолго.

— Мне нужно посмотреть рабочее расписание.

— Прилетим в четверг вечером, в субботу или воскресенье обратно. Сам праздник в пятницу. Подумай. Как решишь, напиши мне.

Она кивает, выходит из машины с фотографией в руках, и, глядя вслед отдаляющейся черной иномарке, думает о странных вещах — например, о том, что ей надеть в следующую пятницу? Белов непредсказуемый, непонятный, и, возможно, самый неподходящий для нее мужчина, но что бы ни ждало ее в Сочи, здесь, в полном одиночестве, будет еще хуже. Погибать в ожидании диагноза, захлебываясь в слезах, жалости к себе и обиде на Артема она не намерена. Выбор очевиден: пережить еще девять таких ночей, как прошлая, нет ни малейшего желания. Открытым остается только один вопрос: щедрое приглашение Вика говорит о его симпатии к ней, или же дело действительно только в родителях?

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 8

Понимаете, когда горит собственное родное тело, ведешь себя неадекватно. Шалеешь — то ли от выворачивающего наизнанку страха, то ли от нарастающей отдирающей кожу от мяса боли. Что-то вроде: нет-нет, это не может случиться со мной, — не думаешь. Эти мысли придут потом, если очнешься в больнице. А когда в эпицентре боли — ничего не думаешь, просто орешь. Но огню похрену, чьи жрать ткани, он сдаваться не собирается, стоит добраться до лакомого нежного кусочка. И знаете что? Он никого и ничего не боится. Ни угроз, ни криков ужаса. Нет дела до того, сколько тебе лет, хороший ты человек или ублюдок, заслуженно ли получаешь наказание. Он очищает до костей, медленно поглощая нервные клетки, позволяя прочувствовать его право на кару.

«Он тебя очистит лучше любой молитвы, и ты начнешь все сначала. Если по-прежнему сможешь и захочешь усваивать кислород», — такие слова не забываются, и перед последним вдохом я буду думать о них же, представляя бешеные глаза говорившего. Но никогда не осмелюсь повторить вслух, хотя он и утверждал обратное.

Огонь сбивает с толку. И вроде бы видишь озеро, воду, спасение в двадцати метрах, и бежать недалеко, и бежать ты умеешь и можешь, но не бежишь. Вместо этого как в состоянии психоза топаешь ногами, орешь и хлопаешь по горящей одежде руками, катаешься по земле, будто это может помочь, несешься в противоположную спасению сторону. Тяжелый запах бензина режет ноздри, а вдыхаемый жар обжигает рот и легкие, — все вместе сводит с ума. С каждой секундой становится больнее, а здравых мыслей в голове — меньше.

Когда тело горит, вначале огонь берется за логику, уничтожает ее в корне, без следа. Поэтому первые несколько раз я нырял в озеро далеко не сразу. Не так быстро, как мог бы. Принимал неправильные решения. Неправильные решения — это плохо. Дизайнер, который принимает много плохих решений, рискует помереть с голода.

Журнал «Релакс» считает, что в прошлом году я вошел в десятку самых перспективных специалистов данной отрасли Москвы — для двадцати шести лет, я считаю, это неплохо. Шеф в «Континенте» повесил мой проект СПА на стенку; хорошо, что в офисе я бываю от силы пару раз в неделю, иначе вконец загордился бы. Здороваться бы перестал с менее успешными коллегами.

В общем, по моим расчетам, вы уже должны были начать уважать меня как следует. Теперь я спрошу вас, и себя заодно, почему я принял так много плохих решений за последнюю неделю? Определенно, скоро придется раздать за долги машину, квартиру, и переехать на улицу, если так пойдет и дальше.

Мало того, что Вера уже три раза спрашивала, что ей взять с собой из одежды и вещей,

какой подарок купить, так еще и София задолбала вопросами, что ей сварить, чтобы не разочаровать московского повара.

«Вик, я не могу ударить в грязь лицом! Что она любит?»

«Курицу», — пишу ей в Вотсаппе.

«И все??»

«Не знаю, вроде бы еще сыр. И кофе».

«Запечь курицу под сыром? А она ест горчичный соус?»

«София, я удалю тебя нахрен из списка контактов».

«Она точно решит, что я плохо готовлю. Посочувствует Стасу и девочкам».

«Ты нормально готовишь».

«Съедобно, не спорю, но... У меня руки не из того места, блюда никогда не получаются внешне такими же, как в журнале».

«До свидания, София».

«Вик, может, спросишь, что бы она приготовила на моем месте?»

«ААА».

Идиот. Что я творю? Какого черта это делаю? Нетрудно догадаться, что я летал в Сочи на те выходные не просто так — чтобы избежать дня рождения жены отца на следующих. Совмещать эти два события не хотелось, так как праздник — это отличный повод для отца выпить беленькой. А когда он выпьет, вы помните, он начинает переживать за мою личную жизнь больше, чем переживаю за нее я.

«Вик, спроси у Софии, пожалуйста, какая фирма ей нравится больше: «Диор» или «Мак»? Просьба купить хорошей косметики слишком расплывчата, может, все же можно ограничиться сертификатом в «Рив Гош»?» — от Веры.

Я отправил ей номер жены отца, выключил сотовый и зашел в студию. Сегодня у меня персональная съемка Милы в образе русалки. Помните эту соблазнительную ундину? На ней лишь белые тонкие ленты и много прозрачной, летящей ткани от пояса и ниже. Удивительно, но ее соски напряжены все два часа, лед тихонечко тает никому не нужный, забытый.

Раз уж на этой неделе я спец по плохим решениям, почему бы не привезти домой Милу, она так смотрит, что будто не против. Девушка примет предложенные правила игры — не сомневаюсь, «своих» дам я вычисляю быстро, на раз. Делать этого, правда, не хочется, ведь я не сплю с теми, кого фотографирую. Нарушать собственные правила опасно, но... Сегодня среда, а это означает, что уже третий день подряд я способен думать только о предстоящей поездке, вернее, о девушке, которую пригласил. Дни и ночи напролет этим занимаюсь. Уговариваю себя, что это я так жалею Веру, ага, полный сострадания кретин, других занятий будто не существует. Я ведь позвал ее на юг только потому, что хочу как следует взбодрить, не так ли? И Сочи с его палящим солнцем, экзотическими сочными пальмами и глянцевым морем сделает легко всю работу. Мне же нужен здравый рассудок и, хорошо бы, пустые яйца.

У Милы пластичное тело и нулевой размер груди с крупными сосками, это возбуждает, смотрится приятно, но я с завидным упорством думаю о совсем другой женской груди, фотографии которой лежат на тщательно запароленной виртуальной флешке. Все же мама где-то допустила ошибку, воспитывая нас с Артемом, — электронные фотографии пьяненькой Веры я не удалил и не собираюсь.

Первые теплые выходные за столько времени, а приходится покидать столицу. Город шумит, гудит, торопится, люди движутся в привычном едином ритме, курят на ходу, прижимают трубку к уху плечом, обсуждая грядущие вылазки на природу, предвкушая долгожданный отдых. Все мои знакомые, коллеги и родственники куда-то уезжают. Подозреваю, Москва вымрет на субботу-воскресенье, встанет в несколько чудовищных пробок по выездам из города, но я этого не узнаю. Жалею ли? Пока не решил.

Заехал за Верой в восемь; по глупости не догадался подняться в квартиру — чемодан она выволокла из подъезда сама. Надеюсь, в нем не только косметика для Софии. Помогаю закинуть его в багажник, Вера тут же устраивается впереди, выключает «Андедов» и включает радио. Наглая.

Вера румяная, яркая, но скованная. Волосы лежат идеальными крупными волнами, макияж сдержанный, но безупречный, — из-за специфики работы я немного разбираюсь. Она очень красивая, тонкая и эффектная. Не домашняя. Должно быть, именно такой ее и полюбил Артем, и я чувствую, что понимаю почему. Она выглядит как молоденькая, мечтательная женщина, но смотрит серьезно, будто вся девчачья сахарная чушь ее не волнует вовсе, будто ей не нужны уступки в пользу слабого пола. Она хочет быть на равных в проблемах, готовая волочить на себе половину трудностей. Но в то же время я помню, что в сексе она безропотно отдает всю инициативу, покорна, ведома. Признает за мужчиной право доминировать, и это дико заводит. Хочется владеть ею в постели. Вы понимаете, о чем я, да же?

— Как ты умудряешься сочетать костюмы с кедами? На тебе это смотрится как бы даже нормально, не по-деревенски.

Я усмехаюсь, так как этого вопроса ожидал меньше всего.

— Нет, серьезно, я выросла в маленьком городишке, где считается привычным надеть спортивные штаны и туфли на каблуках, или строгий костюм и сандалии. И это всегда смотрится убого и ужасно. А на тебе — нормально.

— Да ладно, я вполне согласен с эпитетами: убого и ужасно. Туфли мне жмут, не люблю их. А костюмы люблю.

— Прямо все туфли жмут?

— Все, что мерил.

— Может, ты просто не знаешь свой размер?

— Я не буду ходить в туфлях.

— А если вздумаешь жениться? В ЗАГС пускают в кедах?

— Мне кажется, сейчас в ЗАГС пускают даже в носках. В любом случае, у меня никогда не будет пышной свадьбы. В свое время я на стольких побывал с камерой в руках, что сейчас тихо их ненавижу.

— А если невесте захочется шикарное платье и пир горой?

— Я ж раздолбай, жениться не в моем стиле, Вера, — и про себя добавляю: потому что вряд ли женщина, любящая находиться в центре внимания, согласится связать жизнь с припадочным наркоманом, о котором стыдно кому рассказать, не то что хвастаться в соцсетях на весь мир.

— Стоит приплюсовать к твоему списку правил.

— Если записать все мои заскоки, боюсь, получится трехтомник. Ни одна даже самая умная и читающая дама его не осилит.

Она берет из кармашка между сиденьями пилку для ногтей, вертит в руках. Ее ногти

острижены под корень, не покрашены. Полагаю, это издержки профессии. У нас одинаковый маникюр.

— Врач сказал, что ВИЧ не передается через пилки. Можно?

Пожимаю плечами, дескать, валяй. Она занимается маникюром, а я давлю смешки, рвущиеся наружу. Мой «Кашкай» прям ногтевой салон, не иначе. Она поглядывает на меня и тоже улыбается. Хитрая такая, обута в туфли на каблуках, юбка короткая, поэтому коленки в тонких чулках смотрятся крайне выгодно. Она закидывает ногу на ногу, юбка задирается сильнее, я вижу ее бедро, край этих самых чулок. И от понимания, что еще чуть-чуть, и я увижу рисунок — ноет внизу живота, словно я не позаботился об этом накануне.

Когда Вера проигрывала эту поездку в голове снова и снова, она всегда начинала разговор с Беловым вопросом: ей себя вести, будто она ему кто? Это отличная возможность хоть немного прояснить ситуацию между ними. Еще она хотела спросить, знают ли Стас с Софией, что она была помолвлена с Артемом. В итоге, она стоит на светлой современной кухне Беловых, проводит для «второй мамы» Вика мастер класс по приготовлению лимонного пирога, и до сих пор понятия не имеет, в качестве кого приглашена в этот дом.

Дом, кстати, очень большой и в связи с этим не слишком уютный, но ей здесь нравится. Напротив огромных окон на втором этаже она и вовсе замирает на полчаса, любуясь морем. В последний раз Вера приезжала на юг в десятом классе, уже и забыла, как здесь красиво. А солнце так ласково греет, что хочется уснуть в шезлонге на свежем воздухе, загорая, расслабляясь.

Если в Москве лето только нерешительно подкрадывается к весне, в Сочи оно хозяйничает уверенно. Город утопает в зелени, влажный свежий воздух дурманит, виды завораживают. Сочи сильно изменился с тех пор, как она приезжала сюда девочкой. Тогда он показался ей узким, подплавленным от жары, забитым пробками городом, в котором нет ни одной прямой улицы — либо ты, обливаясь потом, карабкаешься вверх, либо, задыхаясь от духоты, ползешь вниз. Сейчас же транспортные развязки по пути из Адлера ее поразили. Определенно, Олимпиада пошла южной столице на пользу.

— Вера, я правильно делаю? — София уже пятый раз спрашивает, верно ли взбивает яйца миксером. И, честно говоря, делает это не совсем так.

— Старайся придерживаться только одного направления. Либо по часовой, либо против. Тогда белок возьмется сильнее, масса получится пышнее.

— Поняла. Слушай, я, наверное, ужасно поступаю — ты и на работе успела наготовиться по горло, а приходится еще и в гостях этим заниматься.

— Глупости, мне это в радость. Если хочешь, завтра я помогу с праздничным ужином. Обещаю, что не буду выпячиваться и займусь исключительно тем, что ты мне поручишь. Мне не сложно, честное слово.

— Ни за что! Ты же в гости приехала, чтобы отдыхать, а не вкалывать у плиты. Я хочу, чтобы твоя поездка к нам была не последней, — неловко засмеялась она, вновь выписывая немыслимые фигуры миксером. Пирог не поднимется так, как следовало бы. Ладно, и так сойдет.

София Вере нравится, симпатичная, добрая женщина, немного замотанная бытом, но очень гостеприимная и искренняя. Ее светлые волосы по-домашнему связаны мягкой резинкой на затылке, а из одежды — спортивные леггинсы и майка. Внешний вид хозяйки

позволяет почувствовать себя свободно и уверенно, можно не стараться выглядеть эффектно. Вера давно уже сама собрала волосы и сменила платье и чулки на джинсы и удобную футболку.

Вера подходит ближе к Софии и украдкой говорит, понизив голос:

— Понимаешь, мне бы хотелось приготовить что-то для Вика, чтобы произвести впечатление. Пока возможности не было, в его квартире плита не работает, а ко мне он не заходит.

В глазах Софии вспыхивает восторг, она широко улыбается и кивает:

— Тогда без проблем, я поняла тебя. Вот увидишь, никуда он от нас не денется, — и хитро подмигнула.

На часах почти два ночи — можно сделать вывод, что все Беловы — совы, а не жаворонки. Даже дети отправились по кроватям лишь ближе к одиннадцати. Сама Вера привыкла ложиться и вставать рано, поэтому валится с ног от усталости — тем более, она отработала четыре смены за последние три дня, чтобы вырваться на эти выходные. Поэтому ее совсем не волнует факт снова провести ночь с ним в одной кровати, — а им постелили вместе в комнате для гостей.

Все утро она просто лежит и смотрит на спящего Белова, занимающего большую часть постели. Кажется, они делают вид, что прошлого неприятного инцидента не было. Как и обычно, рядом с этим мужчиной ничего не понятно, а ведет он себя так, что задать прямой вопрос никак не получается. Она пробовала раз сто, честное слово.

В обед Вик с отцом везут ее по достопримечательностям, девочки с утра в школе, а София хлопочет на кухне. Около трех Вера к ней присоединяется, и вместе они готовят целую кучу разнообразной еды.

По пути домой нужно было заскочить в магазин, и, воспользовавшись ситуацией, Вера прикупила тонну рукколы. За последние две недели она изучила, должно быть, все рецепты блюд, куда можно запихать эту странную, на любителя, траву.

— А как вы познакомились? — спрашивает Стас. За столом помимо Веры, Беловых, еще три пары друзей семьи. Вик закусывает губу, стреляя в угол стола, раздумывая, что ответить, но Вера его опережает:

— Он спас меня в парке от группы пьяных маньяков, отвез к себе домой. И повел себя как истинный джентльмен. — Белов давится вином и скрывает улыбку за салфеткой.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 9

Жить на юге должны красивые люди — такие, как Вера, например, — вон идет по пляжу босиком в легком коротком платье с открытой спиной, в котором была на ужине. Интересно, она в лифчике? Лямок-то на спине не видать. Загадка на миллион. Полагаю, сегодня за столом все думали только об этом. Ну, по крайней мере, я — точно.

Как я и говорил выше, Сочи создан для красивых людей, а не для таких чучел, как я. Конец мая, а тут жара двадцать пять ночью, одежда слетает сама по себе, без усилий. Но только не с меня, разумеется, — джинсы с толстовкой сидят, как влитые, крепко и навсегда.

Вера ходит по камешкам, туфли держит в руке, мочит ножки в еще прохладном море, ойкает, отбегает, и снова подходит, мочит.

— Купаться хочется, — говорит она.

А мне хочется пошутить, что ей не впервой в ледяной воде, но я благоразумно сдерживаюсь. Хватит уже про Артема, надоел.

— Если приехать через пару недель, — говорю, — можно будет поплавать, море как раз прогреется. В этом году весна на удивление жаркая.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Она кивает, бежит на цыпочках по мокрым камням, как маленькая.

— Спасибо, что привез меня сюда, чувствую себя другим человеком! — с восторгом.

— Периодически море необходимо всем людям, — улыбаюсь, любясь на нее. Она садится на корточки, трогает воду, ссутулилась. Спина голая, каждый позвонок выделяется. Чтобы уничтожить прелесть момента, говорю:

— Почему ты не толстая?

Она резко оборачивается, смотрит на меня, хмурится:

— В смысле?

— Ты же повар, все хорошие повара — толстые.

— Да ну тебя. Глупейший стереотип.

— Нет, ну правда, — подхожу ближе, но не слишком, чтобы не замочить обувь.

— Когда ты в последний раз купался? — спрашивает она, поднимаясь, смотрит в глаза. Она такая серьезная, что избежать взгляда и разговора практически невозможно. Застала врасплох.

— Давно, — говорю почему-то тихо. Освещение скудное, но она так близко, что, вероятно, может читать по губам.

— Никогда ни перед кем не раздеваешься? — спрашивает так, будто это не одна из самых больших проблем в моей жизни. Будто мы опять обсуждаем ее потрясающие салаты и бутерброды с рукколой, которой сегодня съел столько, что впору почувствовать себя травоядным животным. Она как будто не стесняется говорить со мной на эту тему, не чувствует вину за то, что я урод, а она — нет. Обычно все, кто знают о моих шрамах, ведут себя именно так. И я великодушно прощаю им то, что они красивы. И больше этой темы мы не касаемся никогда.

А она — нет, хочет услышать ответ. Да что с ней не так-то? Веди себя, как и все, Вера. Ты не понимаешь, что ставишь меня в неловкое положение? Где твоя гребаная тактичность?

Отрицательно качаю головой.

— Тебя можно понять, — грустно говорит она, бросает беглый взгляд на мой живот, и отворачивается к морю. В этот момент внутри что-то обрывается. Зачем я позвал ее сюда и веду себя так, словно она ничего не видела? На что надеюсь? Вера знает, прекрасно помнит, какой я на самом деле. Смотрит на меня и видит урод, от которого тошнит. Которого хочется обнять и плакать, но никак не подпускать к своему телу. Кретин. Прикрываю глаза, чувствуя, как земля уходит из-под ног, на одну лишь секунду позволяя чувствам взять верх, затем беру себя в руки. Это я делать умею, часто тренируюсь. Профи.

Вера смотрит вдаль, я смотрю на ее профиль. Я знаю, что ее левая грудь чуть больше правой, и эта асимметрия сводит с ума. Еще я знаю, что если вести языком по ее соску снизу вверх, она перестает дышать, замирает, а пальцы так напрягаются, что становятся скрюченными, как веточки у дерева. Если бы я был нормальным мужиком, она бы, вероятно, сжимала, царапала мои лопатки, делясь эмоциями. Но это невозможно, потому что лопатки были обожжены огнем и теперь покрыты уродливыми шрамами. И каждое к ним прикосновение балансирует на грани между Фоновой и Прорывной. Вы помните о моих подружках? Не стоит и мне забывать, что они никогда не уступят меня другой женщине.

— Знаешь, — говорит она бархатным, мелодичным голосом, — когда смотришь на

море, слушаешь, как оно шумит, чувствуешь, как лижет пальцы, а на языке одновременно будто соль и свежесть от влажного воздуха, хочется пообещать, что обязательно вернешься к нему. Давай, что бы ни случилось, пообещаем, что вернемся сюда еще раз, в сезон, и искупаемся. Ночью. Голыми. И никто не увидит твои шрамы и мою задницу. Поверь, я стесняюсь ходить перед другими без одежды не меньше, чем ты показывать свои шрамы.

Сердце колотится, как сумасшедшее. Кожа горит, но не как во время приступа.

— Почему? — спрашиваю. — Ты красивая.

— А, по-твоему, все красивое нужно выставлять напоказ? — повернулась и смотрит на меня. Я смотрю на нее в упор, руки зачем-то сами находят ее ладони и стискивают их.

— Нет, я так не думаю.

— Почему сейчас не модно раздеваться только перед одним мужчиной? И если есть, что показать, нужно обязательно показать? Вы, типа творческие люди, растлеваете молодежь.

— Ой, да ладно, — усмехаюсь. — В вашей природе хвастаться и демонстрировать красоту. Я всего лишь отражаю ее.

— Вообще-то я была полненькой в школе, а потом на одной из девчачьих посиделок узнала, что единственная среди подружек в десятом классе не целованная, хотя многие уже вовсю спали с мальчиками. Посмотрела на себя в зеркало и поняла почему, — комично надула щеки. — И села на диету, которая через полгода привела к анорексии, и я успешно похудела до тридцати восьми килограммов.

— Да ладно.

— И только ближе к концу колледжа нашла идеальный баланс между соотношением жира, мышц и костей. Меня спасли спортзал и правильное питание.

— Серьезно? Ты блевала после каждого обеда? — расплываюсь в улыбке, но она смотрит строго, и веселиться вмиг перестает хотеться.

— Только об этом практически никто не знает, в Москве так ты первый, кому решилась признаться. Я подумала, тебе будет легче, если я сравняю счет по страшным секретам. Один-один, Белов?

— Требую фотографий. Не верю.

— Я покажу тебе.

Наши пальцы переплетаются, лица так близко, что я чувствую ее дыхание. Она жметя ко мне, как будто бы ее не отталкивают шрамы, а я понимаю, что еще немного — и упрусь кое-чем ниже пояса в ее живот. Интересно, как она это воспримет? Лишь бы не забыла про правила, не коснулась меня. Пляж бесконечный, пустынный, прятаться негде. Придется нырять прямо в море.

— Вик, я замерзла, — говорит. Я одалживаю ей свою толстовку, и мы идем в сторону машины отца, держась за руки. Может, и не зря София выпихнула нас подышать морским воздухом, на ночь глядя.

— А ты когда-нибудь кому-нибудь показывал шрамы? Кроме врачей и мамы? — спрашивает она уже в машине, все еще кутаясь в мою одежду, я включаю печку.

— Показывал, — говорю, выруливая на дорогу в сторону дома, ищу в плеере что-нибудь мелодичное из «Андэдов», хорошо, что захватил флешку с собой.

— И как все прошло?

— Это был первый и последний раз, — усмехаюсь, и подмигиваю ей. Останавливаюсь на «Knife Called Lust».

«Андэды» поют с надрывом, с чувством, будто знают, о чем:

Эта любовь, эта ненависть сжигает меня

Трудно смотреть миру в лицо.

И я падаю на землю в слезах.

Я теряюсь каждый раз, когда моё сердце останавливается.

Мы возвращаемся домой почти в четыре, — все спят. А вот мне совсем не хочется. Я даже подумываю, что было бы неплохо продолжить наш флирт в постели, и кто знает, во что он выльется, но в соседней комнате девочки, а спят они чутко — я знаю. Поэтому решаю, что не стоит. Впрочем, мне и так есть чем заняться перед сном — нужно хорошенько обдумать наш с Верой разговор.

Примерно через полчаса нахожу ее теплую ладонь под одеялом, слегка сжимаю, поглаживая нежные пальчики. Они такие чистые, белые и тонкие по сравнению с моими изрисованными, огрубевшими от десятков шлифовок и «трудермы». Понимаю, что действую неосмотрительно, но мне так нравится говорить с этой девушкой, касаться ее, спать рядом, что не могу остановиться. Неожиданно по моим расчетам крепко спящая Вера сжимает мою ладонь в ответ. Попался. Проводит большим пальцем по тыльной стороне, поглаживает. Осторожно так, ненавязчиво. Далее ничего не происходит, но и не нужно. Мы оба делаем вид, что крепко спим. Отдаю себе отчет, что Вера первой не делает и шага в мою сторону, но поощряет каждое мое движение в ее направлении. Так и засыпаю, держа ее за руку, переплетая свои пальцы с ее, улыбаясь.

Утром Вера стоит за спиной в проеме ванной комнаты и с интересом наблюдает, как я чищу зубы.

Ее модная прическа погибла из-за влажности сразу же, как мы сошли с трапа самолета, превратившись в копну пышных волос. Я поглядываю на девушку через зеркало, думая о том, что такой она мне больше нравится. Такой она пришла в мою квартиру когда-то за помощью, и такой она была моей. Не Артеминой. Хотя все это глупо, конечно. За два года Кустов, должно быть, видел ее любой, во всевозможных ракурсах и состояниях. Вера, в футболке на голое тело и обтягивающих джинсах, смотрит на меня, хитро улыбается уголками губ.

— Что? — спрашиваю я, машинально ища взглядом очертания ее груди. И теперь, после вчерашней прогулки, при мысли о Вериной груди я почему-то представляю не удары брата по своему лицу, а свои — по его.

— У вас с отцом хорошие отношения, Стас мне очень понравился. Странно, что твоя мама никогда не упоминала о нем даже мельком.

— Потому что при разводе они разругались в пух и прах, и с тех пор ни разу не разговаривали, кроме как обо мне и в случае крайней необходимости.

— Почему? Если не секрет. Они оба хорошие, добрые люди, неужели так и не смогли прийти к пониманию за столько лет?

— Мама хотела, чтобы дядя Коля дал мне свою фамилию и усыновил, и мы стали одной большой семьей Кустовых. Следовательно, отцу пришлось бы написать от меня отказ. А он мало того, что послал мать с ее требованием куда подальше, еще и приезжал ко мне при каждой возможности, забирал на выходные и к себе на каникулы. Исправно платил алименты, плюс щедро спонсировал всякие допзанятия и поездки. Учась в школе, я объездил

пол-Европы, тогда как Арина с Артемом отдыхали максимум в Анапе. В общем, дружной семьи Кустовых не вышло. Я ее разбавил.

— Твой папа молодец, это поведение достойно настоящего мужчины, — твердо произносит она, я киваю. — Чем займемся?

— Народ в кино на мультиках, так что дом в нашем распоряжении. Хотя, может, поедem куда-нибудь? В горы, например? Мы ж не телек прилетели сюда смотреть.

— Поедем, обязательно. Но сначала я заправлю кровать и приберусь.

Мы возвращаемся в выделенную нам комнату, я достаю из сумки свежую одежду, фотоаппарат для прогулки и замираю. Она наклоняется над кроватью, расправляя простынь. В обтягивающих джинсах. Наклоняется. Спиной ко мне, ага. Дразнит. Так кровать не заправляют, попой кверху.

— Не пялься, — говорит мне, не поворачиваясь. По голосу я точно знаю, что улыбается. Улыбаюсь в ответ, хоть она и не смотрит, но ничего не могу с собой поделать.

Понятия не имею, слышится ли в ее голосе приглашение, но будем считать, что да. Либо сейчас, либо никогда. И я рискую. Подхожу и кладу ладонь на ее бедро, веду по плотной джинсовой ткани вверх, с силой сжимая, каждую секунду ожидая, что оттолкнет, скривится и убежит. Но вместо этого она замирает, а я помещаю ладонь между ее ног, надавливаю на чувствительную область, перебираю пальцами. Другой рукой веду по спине под майкой, заставляя прогнуться, считая позвонки, добираясь до шеи, слегка надавливая, стискивая.

— Тебе трогать можно, а тебя — нет? — спрашивает она.

— Именно.

Она чуть шире расставляет ноги так, что вся моя ладонь помещается между ними. Она уже сама прогибается, опускается на четвереньки на кровать, затем на локти, утыкается лбом в простынь.

Покорная.

Я все еще сзади, глажу ее там, действую ладонью быстрее и сильнее, она очень тихо стонет, как будто ей нравятся эти скудные ласки. Кожа под футболкой такая нежная, гладкая, идеальная. Я наклоняюсь и веду языком вдоль позвоночника, и Вера дрожит, стонет, так сладко и чувственно, что можно кончить, ей-Богу, только от этого. Стягиваю с нее майку, обхватываю грудь, сжимаю твердый сосок между пальцев. Наконец-то она не сопротивляется, просто отдается. Я сразу понял по ее глазам, что отдаваться она умеет полностью. Мне нужно немедленно проверить эту свою теорию. Прямо сейчас. Поправляю спортивные штаны, и тут же возвращаюсь к груди. Наклоняюсь и шепчу на ухо:

— Вера, ты как? — сжимаю ее сквозь джинсы очень сильно, должно быть, ей могло быть больно, если бы я начал с этого, но она лишь подает мне попку, не возражая.

— Белов, а ты? — шепчет в ответ низко, хрипло, и от этого непривычного тона я едва не теряю остатки контроля. Вы и представить не можете, как сильно она мне нравится.

— Сейчас... слюни начнут капать тебе на спину, ты не пугайся, — говорю почти шепотом.

— Пусть капает. Только пусть и на грудь, хорошо?

В момент я ее переворачиваю, перекидываю ногу так, чтобы она оказалась в ловушке подо мной, вдавливаю ее ладони в кровать. Она такая румяная, что я дрожу, понимая, что довел ее до этого. Ей так мало нужно, чтобы возбудиться.

— Твои глаза, — говорит мне.

— Утром были на месте.

— Безумные.

— Я больше не буду спрашивать разрешения. Ты же не дура, Вера, знала, куда едешь и зачем позвали.

Вместо поцелуя я провожу языком по ее подбородку, губам, потом еще раз и еще. Она отвечает своим, поощряя. На поцелуи нет сил, хватит уже, нацеловались. На ее джинсах гребаные пять пуговиц, вместо стандартной молнии. А джинсы такие обтягивающие, что я сквозь зубы ругаюсь, стягивая их с нее. На ней белые кружевные, и я уже тянусь туда, где она меня ждет, но мою руку снова останавливают.

— Вера, иди к черту, ты издеваешься!? Хватит строить из себя Королеву облома!

— погоди минуту, я кое-чего прихватила, — она соскальзывает с кровати и несется к сумочке. В одних трусиках, ладная такая, соблазнительная. Я сижу на кровати, широко раскинув ноги, и ошалело наблюдаю за ней.

— Вот, смотри! — торжественно протягивает мне перчатки и презерватив.

Не хочу даже брать это в руки, смотрю то на нее, то на средства защиты.

— Нам это не нужно. Ты отрицательная, Вера. А презервативы у меня есть, — хлопаю по карману.

— Это хирургические перчатки, надевай. Я звонила в группу поддержки таким, как я, и все узнала. Там, — она кивает на себя ниже пояса, — самое опасное место, — быстро кивает, смотрит с энтузиазмом. Ее карие глаза фанатично блестят, такие красивые, что у меня голова кружится. — В общем, с помощью этих штук мы тебя защитим от угрозы.

— Ты отрицательная, — повторяю, чувствуя, что начинаю злиться. Ее избыточная предусмотрительность, предосторожность раздражают, глупая заминка бесит.

— Врач сказал, что это не точно, а рисковать я не хочу.

— Вера, это бред, — повышаю голос. — Я не стану это делать в перчатках, — еще немного — и я начну кричать, без шуток. Она все еще протягивает мне сверток, но я лишь смотрю. От напряжения и возбуждения верхняя губа начинает дергаться.

— Я видела такие у тебя в комоде. Тогда я не поняла, зачем они, но сейчас догадалась. На пальцах могут быть микротрещинки, опасно. Надевай, Белов, и продолжай с того места, где мы остановились.

— Не буду.

Она кладет мне их в руки, но я освобождаю ладони, перчатки падают на кровать. Опускается передо мной на колени, смотрит снизу вверх, проводит кончиком языка по нижней губе. Я сглатываю, не способный даже на мгновение отвести взгляд.

— Можно взять твою ладонь? — осторожно спрашивает разрешения.

Киваю, даю левую руку, не в силах сопротивляться тому, что происходит.

— Останови, если что не так, ладно? Я начну медленно.

Она подносит ее к лицу и кончиком языка проводит по тыльной стороне, добираясь до большого пальца, на нем набит якорь, и она эротично ведет по его контуру, целует, стоя передо мной на коленях, поглядывая снизу вверх. Добирается до среднего пальца, смотрит в глаза. Сердце снова разгоняется, я смотрю на нее, едва отдавая себе отчет, что дышу как паровоз, слегка подаю бедра вперед. Она обхватывает кончик пальца губами, проводит влажным языком и с силой втягивает в себя.

Этого хватает.

Бросаю ее на кровать, но она скрещивает ноги, напрягается всем телом и подает перчатки. Отрицательно качает головой, взгляд стальной, уверенный, щеки алые, пылают.

Волосы растрепаны по плечам, соски — твердые горошины.

— Дура, какая же ты... дура! — побежденно рычу, хватая пакет с ненужной защитой. Отворачиваюсь, чтобы надеть презерватив, снова прячусь за одеждой. Привычным жестом вскрываю упаковку перчаток, натягиваю одну, затем вторую. И кидаюсь на нее.

Вера уже сама стянула трусики, и моя рука погружается в ее влагу, девушка тут же выгибается, разводя колени шире. Стонет, просит еще. Мне хочется ласкать ее долго, изучать, но для первого раза это не вариант. Совсем не вариант. И я, следуя инстинктам и обширному опыту, делаю так, как правильно, как быстрее. Целую ее, глажу, ласкаю шею, грудь, покусывая сначала один ее сосок, потом другой. Сам дурею от запахов, нежности идеальной кожи, но больше — от осознания того, что она от моих прикосновений с каждым вздохом все ближе к пику. Живу только одним желанием, чтобы она кончила сейчас, со мной, для меня. И она делает это через несколько минут от моих пальцев, ярко, влажно, заливаясь еще большей краской. Она так часто дышит, что могу предположить, как сильно колотится ее сердце. Почти так же, как мое, наверное.

— Наконец-то, — шепчет ее красный рот, и я, продолжая ее ласкать одной рукой, пихаю средний палец другой между ее губ. Она сдергивает перчатку, обхватывает его полностью, втягивает в себя, слюнявит, и я, гребаный петтинговый извращенец, кончаю следом, уткнувшись в ее шею.

Мы лежим рядом, она полностью голенькая, я в одежде и одной перчатке. Подношу руку к лицу.

— Вкусно пахнешь, — говорю.

Проходят драгоценные минуты короткого отпуска, но на время плевать. Мы прерывисто дышим, зачем-то подстроившись под ритмы друг друга, я успеваю любоваться тем, как поднимается ее аккуратная грудь. Приятное тепло разливается по телу, на губах играет вялая улыбка. Не хочу ни в горы, ни на море. Хочу так лежать вечно.

Понимаю, что полностью счастлив, на все сто процентов. Посмотрите на меня сейчас, это мой максимум. Курить хочется.

А потом случается это, заставляя мозг мгновенно включиться.

— Вик, у тебя большие проблемы, да? — в тишине раздается ее приятный голос, останавливая время. Цепенею, чувствуя, как бросает в жар. Вот и сказке конец; я тону, добровольно отпуская плот, мечтая скорее задохнуться. Ее насмешек и сравнений с Артемом я не выдержу.

Расслабился, забылся, и вот результат. Обычно я кое-чего объясняю девицам перед процессом, и они не задают вопросов после. А с Верой все случилось иначе, без тонны лапши на ушах. Понятия не имею, что сказать, хочется провалиться сквозь землю, исчезнуть, вернуть время и никогда не прикасаться к ней. Только бы избежать этого момента.

Она смотрит в потолок, я кошусь на ее профиль, но поворачиваться не спешу.

— У тебя огромные гребаные проблемы с сексом, да?

Молчу, пораженно прикрывая глаза. Это и так понятно, зачем она спрашивает. Сердце снова начинает разгоняться, но уже не от возбуждения. Понимаю, что транки лежат в тумбочке у кровати с уже вскрытой бутылкой воды. Я подготовился. Продуманный наркоман, вы, должно быть, уже в курсе, да?

— Я сразу поняла, еще в тот раз, когда ты спрятался в ванной, что с тобой что-то не так, но не думала, насколько это серьезно. Не терпишь вообще никаких прикосновений, кроме как к рукам и губам, да?

Она приподнимается на локте, целует меня в уголок сжатых губ.

— У меня есть идея, — прижимает палец к моим губам, призывая помолчать. — Давай не будем сегодня говорить о твоих проблемах. И вообще когда-либо, пока ты не почувствуешь, что готов. Ладно? Кажется, мы нашли неплохой способ, как перебросить тебя через край, да? У меня ведь получилось доставить тебе?

Открываю глаза и снова кошусь на нее.

— Я предлагаю на этом и остановиться. А там дальше будет видно. Ты отличный любовник, Белов, твои пальцы — это просто нечто. Но я хочу дольше.

Киваю. Все же решился повернуть голову в ее сторону. Однако, какой смелый парень.

— Я не против заниматься с тобой этим еще, если ты захочешь.

Снова киваю.

— Но тогда тебе придется за мной ухаживать. Просто так я не даю, знаешь ли.

Ее тон абсолютно серьезен, а слова настолько неуместны в сложившейся ситуации, что мои стиснутые до дрожи губы начинают расплываться в улыбке, пока я не начинаю смеяться, Вера следом тоже. Она действительно говорит все это, глядя на меня, после того, как узнала, что мужик из меня так себе.

— Я люблю цветы, подарки, пирожные и всю эту женскую романтическую ерунду, слышишь?

— Понял насчет пирожных и ерунды. Тогда считай, что затраты на поездку к морю ты только что оправдала, — подмигиваю ей, приподнимаюсь на кровати, затем иду в ванную, чтобы заняться гигиеной.

Она показывает мне язык, не реагируя на грубую шутку, остается сидеть голой на кровати, что-то читая в телефоне.

— И я хочу в горы, — говорит вслед прежде, чем я успеваю закрыть за собой дверь. Отчетливо понимая, что будут ей и горы, и подарки, и все, что она только захочет.

«Кашкай» незаметно выдает сто двадцать по пути из Аэропорта, Вера расслабляется в кресле и болтает по телефону с мамой, переписывается с Ариной, пока Белов следит за дорогой.

Ей нравится кататься с ним, и музыка его кажется почти терпимой, а их короткие разговоры вызывают улыбки. Рядом с Виком в машине хорошо думается, ей комфортно и спокойно. А еще она слегка возбуждена — это ее новое, пока непривычное, состояние, когда он рядом. Естественное состояние, присущее началу новых отношений, когда уже есть воспоминания, от которых бросает в дрожь, но перспектива будущих открытий пьянит, дурманит. Из-за нее не ходишь, а паришь, ею живешь, дышишь.

Вере хочется ехать с ним вечно, вдыхать кислород, который он выдыхает, смотреть на его серьезное лицо, ловить нахальные улыбочки, которые он периодически себе позволяет. Сильные разрисованные руки, с идеальными ухоженными ногтями, сжимают руль, Вера смотрит на его длинные пальцы, представляя их на своем теле. Их прикосновения творят с ней поразительные вещи, он ее гладит так, что под кожей горит, кровь несется по венам, ударяет в область между ног, разливаясь жаром. Он так много вкладывает в эти прикосновения, что они будоражат. Веру и раньше трогали мужчины, но никогда так, как он. Он от этого тащится, она чувствует. Гладит ее и тащится от того, как она стонет; на его лице столько эмоций, и этот взгляд, сверлящий дыру прямо в сердце.

«Потрясающие незабываемые выходные! — не отказывает себе в восклицательных знаках Арина. — Ты лучше всех! Спасибо-спасибо-спасибо! Как сама!?»

«Не поверишь — потрясающе. И рада за тебя. Когда будут подробности? И хотя бы фото знаменитого Марка?»

Мама снова перезванивает. Это уже в третий раз, так как связь периодически пропадает, и с ходу задает кучу вопросов, волнуется.

— Да, мама, с друзьями ездили в Сочи. И нет, без Артема, я же тебе говорила, что с ним все, точка. Забудь о нем. Я смогла, и у тебя получится.

Мама долго говорит о том, что не стоит рубить с плеча, всякое в жизни бывает. Она снова и снова спрашивает, из-за чего расстались, но признаваться в том, что Вера — полная дура, не хочется. Она последние полгода ежемесячно бегала по женским врачам, лечила воспаления, тщетно ища причину. Пила витамины, укрепляла иммунитет. Ей и в голову не могло прийти, что делит мужской член с другой женщиной. Когда гинекологи спрашивали о возможности такого, она обижалась. Интересно, бывшей хозяйке «Прада» тоже досталось? Противно так, мерзко от этих мыслей.

— Ладно, мама, давай поговорим позже. Мне сейчас неудобно, — понимая, что разговор уходит не в то русло и при Вике говорить о Кустове точно не стоит. Должно быть, ему и так непросто не представлять ее со своим братом.

— Не спеши пока начинать новые отношения, подожди. Может, он одумается, увидит, какая ты верная, ждешь его, и женится.

— Все, мама, пока, мне неудобно разговаривать, — быстро сбрасывает звонок. Иногда кажется, что мама живет в другой реальности. Она, конечно, мудрая женщина, которая смогла на протяжении тридцати лет удерживать мужчину рядом, в отличие от Веры, но уж очень сомнительными кажутся методы.

Белов хмурится.

— Извини, — говорит Вера. — Мама многого не знает, но когда-нибудь даже она сможет смириться.

— Мне плевать.

— Надеюсь, так и есть.

— Значит, говоришь, с друзьями ездила? — усмехается он, подмигивая.

Вера тоже улыбается, понимая, что на данный момент он и есть ее лучший друг, человек, которому можно доверить все секреты. Мимо проносится блестящий витринами ненужных сейчас магазинов город; пешеходы, обходя лужи, толпами перебегают дорогу, хмурятся и будто не знают, что совсем недалеко есть Сочи, где люди ходят, а не бегают. И где Вера запросто отдалась мужчине в образе одинокого раненого пирата, предупреждающего всем своим видом исколотого и обожженного тела, что от него стоит держаться подальше.

Вера не следит за дорогой, ей все равно, куда он везет ее, лишь бы поездка не заканчивалась.

— Слушай, я так устал. Давай, сейчас секс, а утром цветы, м? Нет сил ездить их искать. Вымотался.

— Да ну тебя, я ж пошутила.

Он берет ее руку, сжимает.

— А я — нет. Насчет тебя и меня, а?

Его кожа намного темнее и грубее ее, Вера только сейчас заметила. На его руке

написано мелко, чтобы прочитать, надо приглядеться: I don't wanna Die, Black Dahlia, The Loss.

— К тебе не поеду.

— Почему это?

— Догадайся сам.

— Ни одной идеи.

— Чтобы ты вновь меня прогнал, если что-то не понравится? Нет уж, Белов, я тебе не бедная родственница, чтобы творить, что захочешь.

— Никто тебя не выгонял, — выглядит растерянным. — Опять что-то себе навывдумывала?

— Я не мнительная, иногда даже слишком. Закрываю глаза в тех моментах, где следовало бы закатить скандал. Не поеду к тебе и все. Вези меня домой.

— Слушаюсь, мэм, — смеется он. — Еще распоряжения будут?

— Будут. Хватит так нагло улыбаться, понятия не имею, что у тебя на уме. Включи лучше музыку.

Минут через сорок он паркует машину напротив ее подъезда.

— Я поднимусь на чай, да же? Вера, завтра цветы, конфеты — все это завтра. Все, что захочешь.

— В кино хочу, — она отстегивает ремень, тянется и целует его в уголок губ, она точно знает, что ему это нравится. Белов ужасно колется, щетина светлая, не слишком густая, еще немного — и станет мягкой. Хочется запустить ладонь в его волосы, но она не решается. С Виком очень сложно, но справится ли она без него?

— В кино поедем. В гребаный театр, на выставку. И в планетарий. И цирк. О!! А еще на концерт со мной пойдешь, — решительно кивает.

— Вот этих, что ли? — она тычет пальцем на магнитолау и брезгливо морщится, поджимает губы. — Ни за что!

— Билетов уже нет, но я достану тебе один. В майке моей пойдешь с их фотографией. И кожаные штаны тебе купим. Шикарно будет.

— Э, притормози, парень. Я пойду, только если ты купишь мне затычки для ушей.

— Ты проникнешься их энергетикой, — кивает. Его толстовка закатана до локтей, Вера смотрит на его татуировки: чудовищные рисунки черепов, кораблей, прекрасную птицу — голубя мира, несущую в лапках черную гранату без чеки, и думает о том, что они с Беловым из абсолютно разных миров. Чем она может надолго заинтересовать такого неординарного, творческого человека? Она обычная и скучная.

— Я бы сходила на Ньюшу, — жалобно стонет.

— На Ньюшу пойдешь с Ариной. Ну так что, Вера, чай-то будет? Ароматный сладкий чаек. Или зря я покупал все эти плюшки? — он достает из кармана бесконечную ленту презервативов, и Вера смеется, откидываясь в кресле.

— Ну, ты и хааам, — тянет, округляя глаза.

— Вера, я знаю твой секрет, ты нифига не девственница. Так что хватит ломаться и ее из себя строить. Пошли, — он выпрыгивает из машины, галантно открывает ей дверь, затем бесцеремонно вытаскивает за руку и все это время улыбается. Так весело, широко и беззаботно, что она тает под этим его открытым взглядом.

— Перестань пошлить!

Она не знала его таким раньше, на тех нескольких семейных праздниках Кустовых, где

они пересекались, он либо прятался за фотоаппаратом, либо хмурился за столом, редко участвуя в разговорах, непременно всегда опаздывал и уходил первым. Она не помнила, чтобы он когда-то выпивал, расслаблялся, позволял себе шутить или смеяться. А с ней хохочет, шутит бессовестно, но отчего-то ей смешны его подколки ниже пояса.

Он уезжает около часа ночи, сославшись на кучу работы, которую нужно доделать до начала сегодняшнего рабочего дня. Целует ее в дверях долго, шепчет:

— Красивая, вкусная, очень вкусная, такая вкусная, что весь сахар к черту выброшу. Вот увидишь, серьезно выброшу. И ты мне будешь нужна на завтрак, Вера, я ж не могу пить горький кофе. Ты сможешь перебороть свои глупые надуманные комплексы за пару дней и остаться у меня? Так что? Я знаю, как ты пахнешь, и какая ты на вкус везде, ты же перестанешь стесняться меня?

Она просто снова дрожит, пока он ее трогает, с силой обнимает распаленное от стольких часов ласк тело, его пальцы идеальные, она понимает, почему он так усердно следит за ними. Его губы снова искусанные, ей нельзя его обнимать и царапать, поэтому она кусается. Его губы красные, распухшие, наверное, у нее — такие же.

— Вера, я точно не тот человек, которого тебе стоит стесняться, — это он говорит уже серьезно, и уходит, оставляя ее одну. Но сил переживать и расстраиваться нет. Мысли о нем отпугивают тяжелые о возможной болезни. Страхи затаились и не высовываются — понимают, что в данную минуту не имеют никакого значения. Она даже не разбирает дорожную сумку, падает на кровать, проводит ладонью по чуть влажным от их пота простыням и засыпает мгновенно.

Арина так увлечена новыми отношениями с загадочным фотографом, о котором не разрешает рассказывать ни Белову, ни Кустову, ни родителям, что будто не замечает, как изменилась Вера. За последние недели подруги созванивались от силы несколько раз, когда Аришка просила прикрыть ее очередную ночевку вне дома. Конечно, лгать Полине Сергеевне хочется меньше всего, но Вера идет на поводу у подруги, опасаясь потерять и ее тоже.

Вера моет гору посуды на своей кухне после приготовления торта «Наполеон», который проспорила Белову, и думает о том, откуда взялось неприятное чувство вины перед Ариной. Подумать страшно, как та отнесется, узнав, что Вера встречается с ее вторым братом. Сначала с одним, потом с другим. Определенно, Вера крепко вцепилась в эту семью, так просто от нее не отделаться. Сколько же слухов будет вокруг нее ходить, когда все узнают? Ей нельзя рассказать даже маме — та не одобрит, слишком сильно любит Артема и хорошо относится к его родителям. Они лично знакомы, несколько раз виделись. О Белове мама слышала только как «странном брате Артема, который никому не мешает и, вероятно, гей».

— А кексов у тебя сегодня нет, что ли? — Вик развалился на ее кровати с планшетом в руках.

— Я смотрю, кто-то разбаловался.

Он пожимает плечами, хлопает себя по животу.

— Да, хорошо, что Алекс скоро прилетает из Лондона, возобновлю тренировки. Алекс — это мой тренер.

— Без тренера ты в спортзал не ходишь?

— Неа, только под надзором. Я ж ленивый, меня гонять надо.

— И прожорливый.

— Кто бы говорил, мисс восемьдесят килограммов в десятом классе.

Она медленно пораженно поворачивается к нему с лопаткой в руках и угрожающе трясет ею.

— Так и знала, что нельзя было тебе показывать свои школьные фото! — На них она мало того, что толстая, еще и с челкой, в очках и скобками на зубах. Несложно догадаться, почему она дожила до двадцати одного года девственницей.

Он отсалютовал и широко улыбнулся.

— Если опять растолстеешь, будешь мне позировать. Я придумаю тебе образ, прославимся. Полненькие сейчас в моде.

— Кто-то сейчас договорится, и останется без торта.

— Да я шучу, Вера, ты же знаешь, что в этой комнате только одно страшилище — и это я. И заниматься мне нельзя самому по причине, что не все мышцы работают, как надо, некоторых нет кусками, и кожа вся перетянутая, неэластичная. Ты же видела. Только Алекс за меня и взялся во всей Москве.

— Понятно, — она сразу грустнеет. — Но ты в хорошей форме.

— Чувствую, это ненадолго, — он подходит к столу, обнимает ее одной рукой за талию, другой берет нож и начинает резать торт, не обращая внимания на ее возмущения, что он еще не пропитался.

Как и обычно, время в его компании пролетает незаметно. У них абсолютно разные графики, из-за Белова Вера спит в сутки по три-четыре часа, но откуда-то берутся силы и лицо выглядит свежим, а глаза — блестящими.

В свободные часы она смотрит его работы в разных соцсетях, читает отзывы о «ФотоПиратах», ищет конкурсы, в которых он участвовал. Изучает своего нового парня. Она спит с ним практически каждый день, одевается и раздевается для него одного, а также варит обеды и печет сложные сладости. В голове так точно один Белов с утра до ночи. Когда они вместе, он постоянно ее обнимает и гладит, жадно смотрит, отчего она сдается. Этот взгляд под названием «хочу сейчас» не выходит из головы. Он ни на кого так не смотрит, она специально напросилась на пару фотосессий ню, сидела в уголке и наблюдала. До обнаженных моделей не было никакого дела, Вера смотрела только на Белова, умирая от ревности, пока не поняла одно: их он фотографирует, а ее хочет. А еще, когда наедине, облизывает, тихо постанывая, достигая пика от одних только прикосновений к ее телу. Никогда еще она не чувствовала себя такой красивой, как под ним.

Хорошо, что Арина ни о чем не догадывается. Пусть у них будет еще немного времени, прежде чем придется пройти через все это — осуждение родных и знакомых.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 10

Когда соглашаешься на постоянного партнера, которого сам выбрал и который выбрал тебя, в привычной жизни происходят изменения, глобальные и не очень. Например, вдруг появляется множество «не». Без шуток, частица «не» — бесспорный спутник всех отношений, она как неожиданный бонус, который закидывают сверху в коробку с бесплатным регулярным сексом и задушевыми разговорами в минуты уныния. Отныне ты теперь:

не просто ходишь, а передвигаешь ногами и улыбаешься сам себе, как полный идиот, вспомнив вдруг что-то ваше общее;

не заглатываешь еду кусками в перерыве между работой и срочной работой, а наслаждаешься вкусом пищи;

не вливаешь в себя кофе, чтобы продержаться еще пару предутренних часов бодрым, а вдыхаешь его тягучий аромат и вспоминаешь о том, какая она смешная, когда читает очередной триллер Кинга. Волнуется, переживает за героев, боится переворачивать страницу.

В конце концов, не просто выполняешь привычные действия день за днем, а разбиваешь их на тысячу мелочей и зачем-то придаешь каждой значение.

Вы, должно быть, решили, что я в принципе способен думать только сексе, судя по моим предыдущим отчетам, но это не так, уверяю. Я вообще бы хотел забыть о траханье, оно ведь как незнакомое море, карты которого давно были сожжены. Бурное такое, заманчивое, да вот чужое, не принимающее никак. Выталкивающее на берег, реши я расслабиться и поплавать в удовольствие. Не мое.

Вот работа — это мое. Тружусь сутками над отелем на Яблоневой, лично занимаюсь закупками всех материалов, вплоть до гвоздей и скотча, обсуждаю сроки с клиентом и подрядчиками. Ремонт, первый, грязный этап которого можно назвать той же стройкой, но представьте себе, Марат Эльдарович ни разу не был ни в одном строительном магазине, не знает, как зовут прораба и рабочих, какую технику используют для отделки его отеля. Это огромная ответственность, которая давит, нередко провоцирует появление страха, что не справлюсь, и тогда больше подобных проектов — и, собственно, денег — мне не видать. Сотни раз перепроверяю свои схемы, расчеты, чеки. Но пока вроде бы дела идут неплохо, работа кипит, материалы привозят практически вовремя. Я стараюсь.

Стою в лифте бизнес центра, в котором располагается офис «Континента», смотрю на свое отражение в зеркале, — я только из парикмахерской, где мне наголо побрили треть головы слева, открывая гладкую ровную кожу, справа оставили длину сантиметров семь. Я вообще не упускаю случая продемонстрировать места, где моя кожа не уродлива. Периодически брею голову полностью или частично.

В углу напротив жметя к стене румяная разодетая вся из себя барышня, высокомерно, с отвращением поглядывает на мои руки. Я ей не нравлюсь, она меня осуждает. Думает, что никогда бы не связалась с таким, как я. Никогда бы не разрешила своему ребенку сделать с собой подобное. И что по мне плачет дурдом.

Вы знали, что людей, у которых большая часть открытого тела покрыта татуировками, могут не взять в армию только поэтому? Их отправляют к психиатру, так как становится под вопросом адекватность. Таким нельзя доверять оружие. Мне его нельзя доверять, запомните это.

Она думает, что я психопат, ей не нравится находиться со мной так долго наедине.

И правильно думает, жаль, не у всех так хорошо развито чувство самосохранения. Ей неприятно даже стоять рядом.

— Представляете, а некоторые женщины с удовольствием со мной трахаются, — улыбаюсь, специально оглядывая ее с ног до головы.

Она брезгливо щурится и отворачивается, а на нужном этаже пулей вылетает из лифта:

— Чучело, — бросает сквозь зубы.

В офисе, как и всегда,людно и душно. Жарко. Быстро заполняю нужные документы, сдаю в архив привезенные бумаги, пью кофе и убегаю. Все как обычно.

Тома уже замучилась объяснять, почему я не беру новые съемки, у меня накопилось

пять необработанных фотосессий, в каждой папке по восемьсот фото, с которыми что-то надо делать. Мне некогда за них браться. Может, засяду в выходные?

Жизнь идет своим чередом, периодически мотаюсь к маме, иначе она начинает подозревать, что я опять увлекся транками, и беспокоится. Артем на глаза не попадается, к счастью. Алиса иногда пытается напроситься на чай — вот это, кстати, становится жутковато. Понравилось ей быть связанной и подчиненной — а иначе с женщинами мне опасно, вы знаете — и теперь выпрашивает продолжения. Но какое может быть продолжение, во второй раз партнерша точно задумается, почему секс заканчивается не начавшись? Нет, один раз и все, без перспектив. А еще каждый день меня вкусно кормит Вера. Готовит, старается, смущается, когда я хвалю ее блюда.

Когда я как-то попытался привезти ее в кафешку, где обычно завтракаю, обедаю и ужинаю — я ж не готовлю сам — она скривилась и попросила больше никогда туда не ходить. Дескать, проходила там практику и в ужасе от грязи на кухне.

Уже три года я там завтракаю, обедаю и ужинаю, почти ежедневно.

Вера посмотрела в глаза сочувствующе и спросила, не болит ли живот?

И знаете что — до этого момента не болел ни разу. А когда вчера я там снова пообедал, заболел. Вера украла мое любимое заведение. Теперь мне больше негде питаться, кроме как у нее на кухне.

Пару раз мы с ней и моими приятелями с работы ходили в кино, играли в боулинг, хорошо проводили время. Вера не требует от меня никаких обещаний, но при других ведет себя как моя девушка — обрубает любые попытки флирта, говорит обо мне исключительно хорошо.

Для нее привычно быть в отношениях, я понимаю. Она ас в этом. Из таких женщин, кто все делает серьезно, а мне пока просто приятно играть в эту игру. В своих славных закрытых платьях она такая чистенькая и невинная на контрасте со мной, краснеет при каждой пошлой шутке кого-то из парней, и я стал делать предупреждающие жесты, чтобы те вовремя заткнулись. Мои приятели, знаете ли, привыкли отрываться, да и видеть рядом со мной девиц другого склада, обычно мы их цепляем прямо в барах.

Понимая, какой анекдот сейчас будет, я строго смотрю и качаю головой, обрывая на полуслове, не позволяя другим при ней лишнего. С Верой приходится быть лучше, чем есть на самом деле.

Следующим днем я опять в районе офиса.

— Ты точно не обидишься, если я возьму на себя сетевое СПА Червякова? — спрашивает Джей-Ви, когда мы сидим за столом в одной из кафешек возле «Континента». На самом деле, этого долговязого тощего парня с длинной бородой и закрученными усами зовут Виталий Жоркин, но в Москве творческим людям не принято зваться Витями и Виталиками, поэтому они берут псевдонимы, или коверкают имена на иностранный манер.

— С какой стати мне обижаться?

— Это же твоя сеть, Червяков и пришел-то в первую очередь к тебе.

— Да некогда мне, сам видишь, я скоро с пожитками переберусь на Яблоневою, займу койку в вагончике для гостей из Азии. Какое мне СПА? Рассказывай, что у тебя за трудности.

Он открывает на ноутбуке 3ДСофт, достает документы, и мы вместе продумываем еще раз план с учетом разгромных комментариев заказчика.

— О, Белов, привет, — на плечо опускается тяжелая рука, я резко оборачиваюсь —

Кустов собственной персоной и еще какой-то незнакомый мне мужик. Не ожидал его случайно встретить, и сейчас неприятно видеть. Внутри вдруг что-то сжимается, сжимается, пока не лопается, образуя пустоту. Звонящую такую, мерзкую, заполнить бы чем-то. — Вот так встреча, давно не виделись! Как поживаешь, какие новости, брат? Как тебе е*ать мою бабу?

Пустота начинает закручиваться, превращаясь в воронку, пытается вобрать в себя все хорошее настроение до капли, а потом и меня целиком. Затянуть.

Кустов улыбается так широко, что губы сейчас треснут, впивается взглядом, тянет руку. А мне хочется только одного: чтобы продолжил, дал повод. Охотно отвечаю на рукопожатие, смотрю на него. Смотрю в глаза. Смотрю так, чтобы понял. Не удивил. Похрену мне. Похрену, Кустов, ты понимаешь?

Он сдавливает ладонь изо всех сил, аж вены на шее вздуваются, я не отстаю, отвечаю тем же. Смотрим в глаза друг другу, никто отступать не намерен.

— Ох*ренно, не поверишь, — с энтузиазмом отвечаю. Киваю другу Кустова, который смотрит с огромным интересом то на меня, то на Артема.

— Знал, что понравится. Сам же ее учил, годами. Не благодари, — хлопает по плечу, да так, что приходится напрячься, чтобы принять удар. Делаю вид, что даже не почувствовал. Моральной боли я не боюсь, а физическую знаю и посильнее.

— И не собирался, — поднимаюсь. Мы, как два барана, все еще жмем руки, его глаза бегают по моему лицу, но я смотрю прямо, не собираясь делать и шага назад. Его кулаки не пугают, меня вообще мало что в этой жизни пугает, если только Кустову не вздумается взяться за спички.

— Е*и ее, брат, недолго осталось, — подмигивает, наконец, выдергивая ладонь, я свою тоже отвожу. — Разрешаю тебе, пока что.

— Даже не сомневайся, и днем, и ночью. Регулярно. И с огромным удовольствием, — расплываюсь в доброжелательной улыбке, он моргает, я киваю. Да-да, именно, Кустов, ты верно все понял. Не отдам.

Приятель тянет Артема за рукав, и они уходят, только тогда я возвращаюсь за столик, потирая и разминая пульсирующую руку. Хватка у него крепкая, надеюсь, его пальцы тоже побелели не меньше моих.

— Так, это что сейчас было? — осторожно спрашивает Джей-Ви, заглядывая мне в лицо. — Вы из-за Веры, что ли?

Он был с нами в боулинге, так что прекрасно знает, с кем я сейчас встречаюсь. Уклончиво киваю.

— Неприятно такое слышать, наверное, — медленно говорит. — Причем обоим.

— Да похрену. Давай закончим уже, мне еще фотосессию сегодня разгребать.

— Точно в порядке?

Конечно же, в полном, у меня же нет ВИЧ, и дома именно меня ждет женщина, которая потом, ночью, охотно позволяет моим исколотым, покрытым искусственной кожей, грубым рукам бесцеремонно лапать ее под целомудренным платьем, ощупывая тонкое кружево белья, лезть под него, потом стаскивать зубами, покусывать ее, брать так, как мне этого хочется, ставя на четвереньки, укладывая на кровать или стол. В такие минуты она забывает о своей скромности, не стесняется, тем самым выделяя меня из всех, позволяя то, что никогда не позволит другим. Да что там позволит, о чем я? Не то, что потрогать, посмотреть никому не даст! А мне разрешает смотреть везде, всегда, и у меня крыша едет от ощущений,

запахов, картинок, ее стонов.

После этого я лежу — одетый, как всегда, под горло — рядом с ней, голенькой, и думаю о том, что никогда не осмелюсь прикоснуться к ее идеальной коже, от бархатистой нежности которой покалывает пальцы, своей уродливой. Даже если бы физически смог бы, и триггер не сработал, а врач сказал, что однажды он просто не сработает, когда те воспоминания вытеснятся более сильными. Не смогу никогда раздеться и прижать ее к себе, кожа к коже. Исходя из того, сколько стоит «трудерма», я смогу заменить обгорелые ткани синтетическими, сносными, лет через семьдесят. Столько она ждать не сможет. Увы.

— Белов, прости за новую истерику, не знаю, что на меня нашло, — она целует по очереди мои пальцы, беззвучно благодаря за доставленное ей удовольствие. Всегда так делает. Вечером мы успели немного поругаться, ерунда, не стоит и внимания, потом долго мирились, извинялись. Вера догадывается, что из-за проблем с кожей ВИЧ мне категорически противопоказан, он убьет меня слишком быстро, девушка нервничает, винит себя за риски.

— Ш-ш, мы вместе дождемся августа и узнаем правду. Я в любом случае никуда не денусь.

Она кивает, отворачивается и засыпает, а мне остается только работать, поглядывая на нее, и гадать, сбудется ли в моем случае плохая примета «женщина на корабле — к катастрофе».

Смена выдалась жаркой. Пришлось отстоять ее в горячем цеху, так как попросили заменить коллегу, из-за чего Вера устала до нудящей боли в спине и ногах. В конце дня ее колени дрожат, волосы пахнут мясом, супом, она сама пахнет едой, и мечтает только о душе. Вечер пятницы всегда тяжелый, официанты делятся чаевыми, это единственный стимул дотянуть до вечера и не рухнуть в обморок, в очередной раз чувствуя слабость и головокружение от высоких температур. В их ресторане, как и во многих других, экономят на количестве персонала, это обычная практика, и нередко приходится стискивать зубы и работать на одном упрямстве.

«Выдержу, не сдамся», — Вера впирается короткими ногтями в ладонь до белых костяшек, перебивая неприятные ощущения от незначительного, но болезненного ожога паром. Этот ресторан послужит ей отличной стартовой площадкой для карьеры — если она удержится здесь хотя бы пару лет, перед ней откроются многие двери. Начинающих поваров, проработавших в «Веранде» два-три месяца и вылетевших с позором на улицу, — много, и Вера не намерена становиться одной из них.

Ее шеф — стальная Елена Леонова, не женщина, а бетонная плита. Может задавить, уничтожить за одно мгновение. Ей сорок три, она весит сорок пять килограммов, замужем, воспитывает трех дочерей. Еще у нее синий пояс по «Айкидо», безупречное каре и белоснежные зубы. На кухне она орет так, что, кажется, посетители в зале вздрагивают, хотя это неправда, иначе бы ей давно сделали выговор. Елена Леонова — лучший повар из всех, с которыми Вере удавалось поработать вместе, и в будущем Вера мечтает стать такой, как она.

На кухне «Веранды» даже в такие горячие вечера, как сегодняшний, когда официанты носятся галопом, повара готовят одновременно по пять блюд, идеальная чистота.

Елена Леонова может подойти и сказать замечание тихо, почти на ухо, но так, что удержать слезы сложно даже взрослому мужику, не то что молоденькой девушке.

«Милочка, ты вылетишь с моей кухни так быстро, что Лева и задницу подтереть не успеет, — Лева как раз скрылся в туалете, — если ты еще хоть раз превратишь голландез к яйцам Бенедикт в майонез. Поняла меня? — металлическим голосом сказала она Вере в первый день ее работы. — Если ты сейчас покинешь рабочее место в поисках носового платка, можешь вытирать свои розовые пузырящиеся сопли на остановке, ожидая маршрутку домой. У меня здесь тряпок для мытья полов и без тебя достаточно».

Вера тихонько, украдкой ревела весь тот бесконечный вечер, но осталась на кухне. С тех пор прошло почти восемь месяцев, и коллеги не раз говорили с завистью — будто в упрек — что Леонова Веру ценит, на что последняя не спорила — она же видит, какие премии ей складывают в конверт.

Леонова весь вечер строит новенького, а остальные с любопытством наблюдают, чем это закончится. Посвящение нужно пройти. Если ты не выдержишь напряжения кухни «Веранды», «KFC» тебя примет с удовольствием. Все зависит от тебя.

— Вера, Маша, на следующей неделе поедете на мастер-класс шефа Симоне Райана по десертам, потом расскажете нашим.

Вера быстро кивает, продолжая работать. Ее руки двигаются с огромной скоростью, движения точны. Она практически не смотрит на таймер, уже интуитивно чувствует, как долго нужно обжаривать стейк, варить соусы, запекать индейку. Она все это знает, уже много месяцев практически не портила продукты, в нее верят, иначе бы не пихали на каждый мастер-класс, не доверяли такую ответственность и не вкладывали бы в нее деньги.

Белов ждет у выхода, должно быть, уже минут сорок. Она задерживается, они не успевают обслуживать очередной корпоратив, удастся только выскочить на минуту в подсобку, чтобы написать: «Вик, море работы, меня не отпускают. Прости, езжай домой. Споем позже». Освобождается только в начале одиннадцатого, пошатываясь, выходит на улицу, жадно вдыхая свежий, прохладный ночной воздух. Не верится, что этот безумный бесконечный день закончен, впереди отдых, ванная и сон. Как же сильно она устала от жара кухни, руки горят — она обожглась, по меньшей мере, раз пять. Не сильно, конечно, но дискомфорт чувствуется. Это часто случается, она давно привыкла не обращать внимания на такую боль.

Белов ходит вокруг машины, с кем-то разговаривает по телефону. Ждет все это время? Он точно не в своем уме. Вера надеется, что он уезжал домой, а не торчал тут два с половиной часа. Подходит ближе, он ей машет, быстро говорит: «минуту», — и продолжает разговор, который ведется на повышенных тонах:

— Да ничего подобного, — говорит раздраженно, глаза выпучены, выражение лица такое, будто вот-вот бросится в драку, вот только оппонент для физических контактов недоступен, с ним возможно общение только посредством трубки. — Я свои условия контракта выполнил. Нет, это вы меня послушайте... Марат Эльдарович... Мать вашу, меня сейчас послушайте! — его голос звенит, Вера вздрагивает, отходит на пару шагов, чтобы не мешать. Белов ходит вперед-назад. — Планы вам были переданы в точные сроки, вы не имеете права разрывать договор, не уплатив неустойку. Это вы не знаете, с кем связываетесь... Нет, я говорю не за себя, а за «Континент»...

Он слушает, слушает, глаза становятся еще круглее, стискивает зубы, сжимает ладонь в кулак, ударяет себе по бедру несколько раз.

— Я на вас не ору, — на пределе. — Нет. Не ору, — опять слушает, пораженно выдыхая, и качая головой. — Вам не дадут построить мой отель на халяву. Вы считаете, что первый

такой умный? Я вам не хамлю... Не хамлю... Вы поставьте себя на мое место... Ну, посмотрим. Хорошо, увидимся в суде. И вам хорошего вечера.

Он заканчивает разговор и несколько раз в ярости с разбегу пинает колесо машины.

— Черт, черт, черт! — проводит руками по волосам.

— Что-то случилось? — напоминает о своем присутствии Вера. И видя его раздраженный взгляд: — В смысле — я вижу, что случилось. Насколько все плохо?

— Плохо? Не плохо, нормально все, — он снова смотрит на мобильный, ругается сквозь зубы. — Клиент кинул. Такое бывает, но редко. Нашел лазейку в договоре, якобы я предоставил эскизы и планы позже сроков, и разрывает контракт. Черта с два у него это получится, я ему не пацан, чтобы позволить себя грабить. Садись, поехали.

Вера запрыгивает в машину, поглядывает на Вика, раздумывая, стоит ли ей что-то говорить, и если да — то что именно?

— Большой проект был? — спрашивает нерешительно.

Он кивает.

— Я им одним, считай, занимался последние месяцы, отделка уже заканчивается, материалы закуплены. Кстати, с моей личной скидкой. Я свою работу практически сделал. Да считай — сделал, остался только контроль, но это по ходу отделки. А этот ублюдок просрочил все платежи, а теперь оказывается, его юристы с нами контракт расторгают — дескать, спасибо за ваш труд, дальше мы сами!

— Много денег?

— Много, — рывкает он. — Сейчас суд затянется на пару лет, но чувствую, выиграют они. Такие связи, знаешь. Уверенный в себе козел, по голосу чувствуется, что есть за чью спину встать. Но ничего, поборемся еще. В «Континенте» тоже не идиоты работают, не он первый вдруг в середине проекта решает, что сам бы сделал не хуже. Жаль только, деньги нескоро увижу.

— У тебя нет оклада?

Он поворачивается к ней:

— Пятнадцать тысяч минус налоги, — усмехается, — остальное — процент со сделок. У меня сейчас остаются только «Трахельки» да еще пара бассейнов, но это в частных домах, там не слишком много платят, учитывая процент «Континента». Мать вашу, гребаный триндец! — он с психу ударяет ладонью по пластику машины. — Что за отстой! Я столько интересных проектов отклонил из-за этого отеля, и все зря! Голова пустая, все силы он из меня выжал. Самое обидное, Вера, вот увидишь, съездим туда через полгодика, — сделает все в точности так, как по моим эскизам. На машину могу поспорить. Ни на сантиметр не отклонятся. Только вот я за это ни гроша не получу!

— Неужели вас никак не страхуют от такого?

— Я разговаривал с боссом сегодня, тот мне и сказал о том, что отель на Яблоневой отплывает. А что сделаешь? Судиться будут. Мне мои пятнадцать минус налог выплатят в этом месяце, как и в трех предыдущих, и до свидания. А у меня ипотека, да кредитов еще дохрена.

— Ого, — Вера понятия не имеет, как поддержать. Его поведение настораживает, с другой стороны, он сейчас на грани, зол, как никогда раньше при ней. Да что там, он просто в бешенстве! Крупнейшая сделка провалилась, потерял деньги — скоро она узнает, каков Белов на пике гнева.

Смотрит на него во все глаза. Она знает, что когда злится Артем, лучше его не трогать,

он себя не контролирует, может прилететь. Не кулаком, конечно, грубым словом. Потом будет долго извиняться, повторять, что стыдно, сорвался. Но клещи обиды еще долго не отпустят сердце.

По привычке она помалкивает, просто слушает.

— Да, такой вот хреновый из меня бойфренд, по уши в долгах и кредитах, — усмехается, легонько толкает ее в плечо. — Не переживай, Вера, прорвемся. На самом деле, это не в первый раз, когда меня кидают. Просто так сильно — впервые. Я потому и работаю на фирму, а не на себя, иначе просто не выжить. Любой гавнюк, у которого родственник в мэрии, считает, что может вытереть об тебя ноги.

— Слушай, у меня есть немного денег, — начинает она, на что он откровенно хохочет, обнимает ее за шею и грубо притягивает к себе, целует в лоб.

— Добрая щедрая Вера. Я не настолько бедный, поверь, — подмигивает. — На киношки и цацки тебе найдем. На кредиты тоже — придется, правда, залезть в копилку.

— А на что копишь? Не лучше ли скорее рассчитаться с долгами, и потом уже откладывать?

Он пожимает плечами, уклончиво качает головой.

— Коплю на разные крутые штуки. Ты прости за маленькую истерику, просто только сейчас смог дозвониться до этого козла. Ладно, у меня переписки, квитанции, этапы проекта с его подписями и датами сохранены. Повоюем.

Они подъезжают к его дому, но парковка битком, поэтому приходится искать место в соседнем дворе. Идут, держась за руки, начинается дождь, поэтому приходится ускорить шаг.

— Да мать вашу, что за хреновый день! — вдруг восклицает он, замирая. — Вера, держи ключи, — пихает ей в ладонь связку. — Дуй домой, разогревай ужин, я быстро.

Вера кивает, пробегает к подъезду, замечая, как он останавливается в нескольких метрах рядом с девушкой в красном платье. Лицо кажется знакомым, и только в квартире, вскипятив чайник и разложив по тарелкам приготовленные ею отбивные с овощами, она вспоминает, где видела ее раньше. Вера медленно поднимается из-за стола, подходит к окну, ища взглядом Белова. Он прямо под дождем о чем-то разговаривает с Алисой, которая сжимает ладони в умоляющем жесте, его руки в карманах, он над ней нависает, лица не видно.

Это та самая Алиса, чей лифчик Вера нашла под комодом. Становится не по себе, почему-то хочется уйти домой немедленно. Они встречаются уже три недели после того, как приехали из Сочи. Вместе проводят вечера, ходят в кафе, даже в кино, болтают обо всем на свете. Занимаются сексом, или, как говорит Белов, ненастоящим сексом. Он считает, что настоящим он заниматься не умеет, и неестественно, якобы беззаботно, смеется при этом, она тоже улыбается, потому что происходящее между ними в спальне уж никак нельзя назвать баловством. Ну и подумаешь, что нет проникновения, ей и так нравится. Белов стоит того, чтобы смириться с его правилами.

Она почему-то решила, что он свои странности открыл только для нее. Глупости. Вон, Алиса по всей квартире раскидала белье. Может, если поискать получше, удастся найти еще что-нибудь?

Он о чем-то с ней разговаривает уже пятнадцать минут. Потом звонит, говорит, что отъедет на полчаса, но чтобы Вера непременно оставила ему еды, не налегала, как она это умеет. Но сегодня не смешно от его шуток.

Они никогда не говорили об отношениях или будущем, словно его не существует позднее середины августа. Все происходило само собой, с ним никогда не получается серьезно поговорить, вечно он ее смешит да переводит тему.

Но Вера никуда не уходит. Презирая себя, она ползает по полу, заглядывая под диван, кровать, проверяет ящики в его шкафу, комод. В последнем по-прежнему лежат сексуальные игрушки, наручники, ленты, перчатки, всякие непонятные баночки. Теперь она понимает, зачем все это, и становится противно.

Больше чужих вещей она, к счастью, не находит. Но от этого легче не становится. Ей хочется продезинфицировать его квартиру, а все эти мерзкие, использованные другими женщинами шутки выбросить. Но она не может это сделать без разрешения, потому что у нее по-прежнему нет статуса в его доме.

Он возвращается через сорок три с половиной минуты, заходит в квартиру, как ни в чем не бывало, моет руки, целует ее в щеку и усаживается за стол. Вера уже перекусила, поэтому просто сидит напротив.

— Часто к тебе ночами приходят девицы?

— Ты живешь у меня почти месяц, и до этого еще неделю с перерывом. Сама можешь сделать вывод, что нечасто, — говорит резко, но ее это не обижает. Если вначале она была готова терпеть многое, лишь бы он позволил быть рядом, не оставлял ее одну, разделил страхи, теперь этого недостаточно.

Она отворачивается, прищуриваясь, раздумывая, что сказать дальше. У него проблемы на работе, и опыт прошлых отношений говорит о том, что надо дать ему остыть, и обсудить претензии завтра. Но, в конце концов, ей только двадцать три! Она имеет право на ошибки! Не должна она себя вести как мудрая, прожившая жизнь, женщина.

— Как там у Алисы дела? — спрашивает, сверля его взглядом. Он поднимает глаза, тоже прищуривается, потом кивает.

— А, вы ж меня из больницы забирали. Ты ревнуешь?

Она скрещивает руки и отворачивается.

— Тогда в чем дело? До метро уже темно шлепать, пришлось подвезти ее. Если бы ты не задержалась на работе, мы бы увиделись в восемь, и тогда бы не пришлось ее провожать.

— Железная логика! — она всплескивает руками.

— Вера, что ты хочешь услышать?

— Что-нибудь! — восклицает и уходит из-за стола, слыша вслед тихим голосом: да что ж за гребаный нахрен день!

Какое-то время он ужинает на кухне, Вера сидит на диване, ждет. Не в ее правилах хлопать дверью после каждой ссоры, ожидая, чтобы за ней бежали, ловили в подъезде, волокли домой.

Как еще аппетит не пропал! Прожорливый Белов.

— Было очень вкусно, спасибо тебе, — он целует ее в щеку, но она отворачивается.

— Мать твою... Вера, ты думаешь, мы с ней перепихнулись по-быстрому за это время, или что?

— Надеюсь, что нет.

— Я же тобой сейчас увлечен.

— Просто неприятно. Белье этой девицы валялось по всей квартире. Мне к ней относиться, как к твоей бывшей? А я кто? Настоящая? Или вообще кто?

Он садится рядом на диван, некоторое время смотрит в пол, потом на нее, убирает ее

пушистые волосы за ухо, как обычно это делает, когда хочет поцеловать, машинально облизывает губы быстрым движением.

— Нет, не так. Вас не стоит сравнивать. Алиса — это так, легкое увлечение. Без кино, цветов и совместных ужинов.

— Мне ты тоже цветы не дарил.

— И не собираюсь, — смеется он, и она, нехотя, тоже начинает улыбаться, злясь на себя за это. Серьезная тема, наконец-то этот разговор, дождалась. Нельзя позволить ему снова превратить все в хохму.

— А обещал.

— Подонок. Грош цена моим обещаниям, — тут же соглашается. Потом откидывается на спинку дивана, потягивается. — Не люблю я эти разговоры. Ну, об отношениях, знаешь ли. Они сразу ведут к предыдущему опыту. Какой был у тебя — и вспоминать не хочу. Своим тоже хвастаться не буду. Ты ж видишь, Вера, какой я. Со мной иначе не будет. Никогда. Только так. Не по-настоящему.

— Я никогда тебя этим не попрекала.

— Я не буду в тебя влюбляться, — вдруг говорит, пододвигаясь совсем близко, лицом к лицу. — Ты ж видишь, я весь в шрамах, хватит с меня уже, Вера. Куда больше-то?

— Все тело? — спрашивает она тихо, не своим голосом. Не оставляет чувство, что он сейчас говорит не только о физических ранах.

— Практически все.

— Когда-нибудь расскажешь, что с тобой случилось, Вик?

— Любовь со мной случилась. Сука, так влюбился, что сгорел, — и засмеялся, но не так, как обычно, ядовито, с горечью. Он весь вечер на пределе, она же видит это. Чего добивается? Хочет сломать его сейчас? Что ей это даст?

— Если не хочешь, чтобы тебя трогали из-за шрамов, то, милый, — она впервые назвала его милым, — они меня не отталкивают. Честно. Ты такой, какой есть, меня не отвращает твое тело.

Он резко поднимается, подходит к окну и начинает опускать жалюзи.

— Дело не только в этом, Вера. Хотя и в этом тоже.

Вдруг внезапно кидается к ней, падает на колени у ног, вскидывает голову, смотрит снизу вверх. Показывает на затылок.

— Вот тут дело. В голове, — смотрит на нее безумными, дикими, зелеными, как жухлая трава в парке, глазами с узкими зрачками-точечками, Вера впивается ногтями в обивку дивана, чтобы не отшатнуться. — Все наши проблемы и удовольствия здесь, — он все тычет и тычет на макушку, а она смотрит, понимая, что ее глаза начинают слезиться. Но ей нельзя плакать. Она все испортит, если начнет его жалеть, он не простит ей этого никогда, это она знает точно. Он вынесет все — и боль, и отвращение, презрение — но не жалость.

— Со мной не будет иначе, Вера. У меня ПТСР — гребаная, мать ее, психотравма, я не выдерживаю женские прикосновения к шрамам, а они повсюду. По всему телу, это основной триггер, хотя есть и другие. — Проводит руками по груди, плечам, животу, бокам. — Везде шрамы. Ты видела лишь часть, там дальше еще интереснее.

— Триггер?

— Событие, вызывающее приступ. Люк, который открывает яму, коснись его. Люк в гребаное прошлое, в тот самый момент, когда моя кожа сгорела. Временной тоннель, блин, а не шрамы. Надоело уже падать в нее снова и снова, но я не могу удержаться. Мой врач

говорит, что когда-нибудь смогу, но восемь лет уже прошло, а толку.

— Боже, Вик...

— В голове центр боли, и центр удовольствий. Я могу получить кайф только от образов, от процесса, без физической стимуляции. Ты знаешь, как я реагирую на тебя. Но чтобы мне стало больно, меня также не нужно физически ранить.

Она смотрит на него, как загипнотизированная.

— Все это очень сложно, я сам едва разобрался. Но деваться некуда было, пришлось. Просто, пойми, у меня однажды съехала крыша, а потом так и не встала до конца на место, — крутит указательными пальцами обеих рук у висков. — Я даю тебе возможный максимум, так что ты должна это четко понимать. И когда ты захочешь уйти, я тебя не буду удерживать. И возвращать не буду. Потому что предложить мне тебе, Вера, нечего. И да, ты все время намекаешь, и если так сильно хочешь, я отвечу тебе прямо: я с тобой встречаюсь. Не знаю, как ты относишься ко мне, но я встречаюсь. Только с тобой. Я бы никогда не поступил так, не стал бы параллельно трахаться с кем-то еще.

— Прости... Мне просто хотелось это услышать прямым текстом. От тебя. Я просто... не очень уверена в себе.

Он смеется, поднимается и садится рядом на диван, вспышка безумия в глазах угасла, он снова такой как всегда. Забавный, надежный и очень близкий ей.

— Тогда мы нашли друг друга, — все еще смеется, и этот его смех без причины начинает раздражать.

— Я ревную тебя, Белов, — она откидывается на диване, сгибает ноги в коленях, он машинально начинает их поглаживать.

— Со мной все не по-настоящему, Вера. Ненастоящий роман, ненастоящий секс, даже объятия односторонние. Но верность я тебе гарантирую настоящую. Я снова об этом говорю только потому, что знаю, как поступил с тобой Артем, и что для тебя это важно. Я с тобой, потому что ты меня заводишь. Очень сильно заводишь. Вот здесь, — снова показывает на голову. — Я ни о ком другом не думаю. Честно. Твои образы такие сильные, что я кончаю просто от того, что кончаешь ты. Неужели ты не покраснела! Неужели Вера взрослеет, ей будто уже не тринадцать, а шестнадцать! А нет, краснеет. — Комично качает головой, поджимает губы, дескать, за что ему такая любовница, и она смеется, легонько пихает его ногой, он ее ловит, целует. — Меня посадят за связь с малолеткой, ей-Богу! Я сгнию в тюрьме.

— Иди ты, Белов. Я этот процесс не контролирую.

— Мы балуемся, Вера. Ты и я. Как два подростка. Но потом ты «вырастешь», и захочешь быть с кем-то нормальным, и на этом все закончится.

— Вик... — она хочет возмутиться, но он не дает. Резко поднимает вверх палец, и почему-то она слушается, замолкает на полуслове.

— Я не хочу мусолить эту тему. Тема моей неполноценности не доставляет удовольствия, знаешь ли. Поэтому слушай внимательно, Вера. Повторять не буду. Я прекрасно вижу ситуацию, и меня она не бесит. Уверен, что ты отрицательная, но одновременно вместе с этим ты самый мнительный человек на свете. Поэтому мы играем, используя перчатки и прочую хрень. Пока я это терплю. Потом нам обоим это надоест. Я терпеть не могу женские истерики. Мы не будем жить вместе долго и счастливо, не нарожаем детей и не умрем в один день. Либо тебя достанет заниматься только петтингом, либо меня переключит на другой — и мы спокойно с тобой расстанемся. По-хорошему,

достойно. Это случится, Вера.

— Отвратительный план, Белов.

— Ты можешь уйти в любой момент. Но пока я с тобой встречаюсь по-настоящему. Так что не выдумывай глупостей, до Алисы мне нет никакого дела.

— Тогда я выброшу хлам из твоего комода.

Он прищуривается, вглядывается в ее лицо.

— После всего, что я сказал, тебя интересуют только игрушки из комода?

— Они использованные, Вик! — она вскакивает на ноги и кричит, жестикулируя.

— Я их дезинфицирую...

— Заткнись! Вот прямо сейчас закрой свой рот, чтобы не дать моей фантазии разыграться! Я иду в душ, Белов, и когда приду, хочу увидеть непрозрачный мусорный, заполненный до отказа, пакет у входной двери со всей этой дрянью.

— Наглая.

— Ты сам сказал, что я твоя девушка.

После душа он робко к ней подкатывает, и она ему охотно отдается так, как только умеет. Его пальцам, губам, его сладкому шепоту на ухо. Безропотно следуя всем его желаниям, потому что он устал, расстроен, заслужил, потому что она простила и пообещала себе, что попытается его понять. Она довела его, воспользовалась состоянием, чтобы вывести на разговор, которого он избегал изо всех сил. Как можно считать их занятия любовью ненастоящими? Он, видно, очень глупый, раз так думает.

В какой-то момент она, забываясь, хватается за руки, выше локтей, но он кивает: «нормально», снова утыкается в ее шею, серьезный, возбужденный, такой родной, хоть и раненый.

Утром Белов, как и обычно, крепко спит, а она читает сообщение в телефоне, отправленное ей прошлой ночью в три сорок: «Верик, нам очень нужно поговорить. Пожалуйста, малыш, ответь на телефон. Это очень важно. Очень, очень важно». — Вера некоторое время смотрит на мобильный, перечитывая текст снова и снова. Ей не нужно уточнять имя отправителя, она прекрасно знает, что единственный человек в мире зовет ее «Верик». Она отлично представляет, с каким лицом Кустов набирал это сообщение, о чем при этом думал, обилие «очень» говорит ей обо всем. Она знает этого парня как облупленного.

Еще она теперь точно знает, что Кустов Артем соскучился.

Часть III

Я не хочу умирать,

так что тебе придется.

Кровь сворачивается,

Тело холодеет,

Я уже сказал тебе однажды:

Только я могу обнимать ее,

Я уже сказал тебе однажды:

Только я могу любить ее,

(Hollywood Undead — I Don't Wanna Die)

Модная студия «ФотоПираты» занимает весь первый этаж старого, потрепанного пятью

десятилетиями дома в трех остановках от жилища Белова. Она не имеет броских вывесок, яркой рекламы, иллюминации, только баннер над железной дверью с наименованием, выполненным в стиле белых костей на черном фоне — любимого символа Вика. Он сам рисовал и уже несколько лет не менял лицо бренда, который стал узнаваем. Внешняя реклама студии не нужна, у нее есть яркий, вызывающий сайт, куда невозможно зайти и не пропасть на несколько часов.

До цели Вера добирается пешком, у нее сегодня выходной и море свободного времени. Она знает, что Вик работает весь день, так как недавно он потерял много денег и сразу нахватал заказов, в том числе и для нескольких журналов. На телефон он не отвечает, да она и не стала бы лишний раз названивать, отвлекать. Но поговорить нужно. Хотя бы просто увидеть его.

Скорее всего, будет недоволен, что мешает, но она на одну минуту, много времени не отнимет.

Внутри здания захватывает дух от контраста неухоженного внешнего вида строения и современной, чистой, дорого отделанной студии. Здесь поразительно светло и просторно, множество стильных фотографий на стенах, принадлежащих Виду и его коллегам, работающим здесь же. Внизу слева на каждой фотографии крошечный пиратский флаг, как подпись. Повсюду статуэтки кораблей, штурвалов, якорей — морская тематика преобладает; «Роджеры» нарисованы дерзкими, но добрыми и действительно веселыми, совсем не такими, как на флаге в его квартире. Они не пугают, а настраивают на нужную для съемки атмосферу бунта и романтики. Пахнет свежестью с нотками цитрусовых.

— Привет, ученица, как успехи? — широко и ехидно улыбается встречающая на ресепшене Тамара. С тех пор, как Вик представил всем Веру своей подопечной, Тома не прекращает ее этим подкалывать. — У тебя сегодня личная съемка или опять ассистировать будешь?

— Как скажет гуру, — улыбается ей Вера. — Он очень занят?

Тома проходит в коридор и заглядывает в один из трех залов для фотосессий, каждый из которых уникально стилизован.

— Виктор Станиславович, к вам пришли.

В ответ короткое резкое: занят.

— Вера пришла.

Он выходит следом, ищет ее глазами, одет в синие джинсы, желтую рубашку, застегнутую на все пуговицы, и красную толстовку сверху с закатанными рукавами, высокие кеды. На улице плюс тридцать, несложно догадаться, почему он никогда не зовет ее погулять. Только покататься на машине да сходить куда-нибудь, где есть кондиционер.

— Привет, что случилось? — подходит, обхватывает лицо ладонями, тянется и целует в губы, затем отстраняется, смотрит в глаза. — Ты как?

— А ты? — она улыбается в ответ. — Не вовремя?

— Тома, расскажи девочкам анекдот какой-нибудь, я сейчас подойду.

— Если кофе хотите, я свежий сварила, — Тома кивает и послушно удаляется.

— Я ненадолго. Хотела подождать тебя дома, но потом перенервничала. Думала принять успокоительное, но вспомнила, что забыла его у себя. А пока шла в аптеку, поняла, что совсем плохо.

— Из-за чего? — он вглядывается в глаза.

— Помнишь, я говорила, что ко мне тетя с племянницей должна приехать? Вот я и

пошла пересдала анализ на всякий случай.

— Зачем так рано? Ничего мне не сказала.

— Думаю, мало ли, вдруг уже подтвердится. Простыла третий раз за месяц, нажаловалась тете, она говорит, странно, что так часто. Заподозрила неладное. Может, есть скрытые вирусы, хорошо бы анализы сдать. Ну, я и сказала, что, может, и есть, и что сдаю потихоньку. А она говорит — какие? Я — разные. Она — тогда мы не приедем, если вопрос подвешен. — Белов закатывает глаза и качает головой, Вера уже по его взгляду понимает, что глупость совершила. Для этого она и приехала к нему, чтобы сказал это вслух. — А потом письмо на почту упало с результатом. Я в анонимной лабе сдавала на той неделе.

— Тихушница.

— Прости. Не сердись только.

— И что там?

— Не знаю. Может, ты посмотришь? — она снимает блокировку и протягивает ему мобильный. Белов хмурится, пока водит пальцем по экрану, затем читает — глаза бегают.

— Вик, не молчи, — цепляется за его руку.

— Отрицательно. Вот нахрена ты тетю пугаешь?

Тянется к ней и прижимается своей щекой к ее — он так обнимает. Прикрывает глаза, она следом тоже. Стоят на расстоянии друг от друга, его руки на ее талии, ее — на его локтях, щека к щеке, кожа к коже. Несколько раз он бегло целует ее скулы, шею. Из комнаты, куда недавно зашла Тома, доносится взрыв хохота.

— У тебя там толпа.

— Устал уже, не говори. Кофе будешь?

Кивает ему.

— Думаю, они не приедут. Каждое лето приезжают, а сейчас, наверное, воздержатся. Ну и правильно, безопаснее будет.

Хочется прижаться, уткнуться в его плечо, потому что соскучилась. Она, наверное, уже достала его своим нытьем, и такое поведение ей не свойственно, но каждый раз, когда планы напарываются на преграду в виде дня Икс, меняющую вектор в сторону кладбища, она как будто теряется. Она виновата во всем сама. Виновата насквозь, дальше некуда. И обида так точит сердце, что внутри все болеть начинает от мерзкой жалости к себе, а следом накатывает раздражение и злость, а Белов тут как тут, как обычно все эти недели, и ему достается либо вытирать ее слезы, либо ругаться. Терпит.

Прижаться бы к нему сильно, да нельзя. Она чувствует запах его кожи, втягивает его в себя изо всех сил, пока позволяют легкие, тянется и касается языком щеки — соленая.

— Ты вспотел, — шепчет ему на ухо. Аромат его кожи перебивает туалетную воду, окутывает ее, и очень нравится. Она любит, как он пахнет, и когда он возвращается с тренировки в своем плотном спортивном костюме — кидается встречать до того, как успеет скрыться в душе. Он всегда моется только дома, в зале нет возможности переодеться в одиночестве. Кидается и целует его, манит в комнату, и в большинстве случаев он ведется, хоть и сильно смущается, что в неподобающем виде. Ей бы вообще хотелось спать у него под мышкой, если бы они могли себе это позволить.

— Точно. Тут жарко, а кондеры на минимуме, — отвечает. Она проводит пальцами по его лбу, собирая крошечные капельки. — Все будет хорошо, ладно? Позвони тете и скажи, что пусть едут, если не боятся тесноты. Я б скорее сдал билеты из-за твоей недоквартиры, чем скрытых вирусов. Придумают же, — качает головой. — Вот люди.

— Ты вообще ничего не боишься.

Вспотел, а сейчас под кондиционером стоит. И по дороге домой в машине включит на полную, да и в квартире сплит-система настроена на девятнадцать градусов круглосуточно, еще и удивляется, почему горло болит. Болит постоянно, в последний раз несколько дней назад она видела, что сосет леденцы. Сам и слова не сказал, не жаловался, пока не начала лечить. Оказалось, все лето так мучается, постоянно продувает. Что ж делать-то с ним?

— Когда дело тебя касается — знаешь же, что нет.

Хороший он, стоит, слушает внимательно, а самого работа ждет. Его время дорого стоит — она смотрела расценки на сайте — а на нее он тратит его горы. Белов прижимает ладонь к своей груди, где сердце, Вера тут же кладет свою сверху на его. Как будто на его грудь, хотя до кожи там рубашка, толстовка и его рука, — это их новая секретная фишка. Он говорил, что триггер срабатывает не каждый раз, что иногда его случайно касаются, полностью избежать этого невозможно. На него налетают на улице, прижимаются в очереди, хотя он их и избегает, как и общественного транспорта. И ничего, все нормально. Бывает, он так живет месяцами, годами, а потом один случай — и все, люк проламывается, и снова больно, и снова страшно. Возможно, именно Вера сорвала слеplенный им замок, когда по незнанию схватилась за его ширинку. Это она виновата, но он перетерпит, как и обычно. И, может, потом они смогут позволить себе чуть больше.

— Посиди с Томой часик, а потом поедem на съемку за город, погуляешь по лесу, что дома сидеть? Ты в красивом платье, сделаем несколько фотографий для твоей мамы. Соглашайся.

Отлично, сейчас он мокрый сядет в машину, там замерзнет, потом полдня проработает на жаре, и снова под кондиционер. И еще и воду со льдом тянет постоянно. Она ненавидит Марата Эльдаровича, ведь не поступи он так с Виком, тот бы спокойно занимался отелем без лишних телодвижений.

— Договорились. Девочек зря не обнадеживай, — улыбается она, слыша очередной взрыв смеха из соседнего помещения. Да сколько же бакс знает Тома?! Иногда кажется, что Тома — универсальный солдат: и за студией смотрит, и персонал гоняет, за бюджетом следит, модерацией сайта занимается, да и на звонки отвечает, все у нее записано, происходит вовремя, строго по графику. — Вечером ты мой.

— Забронировала? — улыбается в ответ, кивая в сторону ресепшена.

— У вас только почасовая оплата? За опт полагается скидка?

— Две скидки. Одна, — он кладет ладонь на ее левую грудь, — и вторая, — другую — на правую. — Я рад, что ты приехала. Отдыхай. Если наберешься смелости, стягивай труселя и заходи, поставим тебя в центре, — подмигивает. Она его отталкивает, фыркает и идет к кофеварке.

— У меня пряники есть, хочешь? — следом, как он уходит, появляется Тамара.

— Давайте все, что есть. Кажется, ждать долго придется.

Фотографий для мамы в синем платье на фоне летнего густо-зеленого леса и бурного кристально-прозрачного ручья сделать не вышло, так как Вик забыл, или устал, а она решила не напоминать. Подошел и кивнул в сторону машины. Ну и ладно, сдались ей эти фотографии, можно подумать, в последний раз в лесу. Успеется. Прогулка и так получилась замечательной, удалось отдохнуть, подышать свежим воздухом, расслабиться. И правда, зачем она страху нагоняет? Перебарщивает? Не нужно было ничего говорить тете. Для нее и детей в любом случае нет никакой опасности.

Вечером они идут в спортивный бар смотреть баскетбольный матч онлайн, где Вик с приятелями пьют темное пиво и болеют за «ЦСКА», который сегодня рубится с краснодарским «Локомотивом» на их территории. Ладони Белова с самого начала игры не оторвать от ее колен под столом, и он уже раз пять получал по ним, когда пытался ползти выше, сопротивляясь ее попыткам остановить его. Позволить залезть к себе под юбку в общественном месте — точно не в стиле Веры, и его упорство начинает злить и обижает. Еще немного, и она встанет и пойдет домой, — строго говорит ему об этом на ухо. Он выпил и словно не понимает, что не так, смотрит недоуменно. Вера пытается действовать незаметно, но каждый раз ее небольшую войну с Виком замечает кто-то из ребят и начинает громко смеяться:

— Опять получил?! Так его! Руки не распускай, мать твою.

Они все смеются. Один из парней продолжает развивать тему:

— Держи свои лапы и грязные мысли при себе, Белов, или я за свои не отвечаю, — на ее бедро вдруг падает разрисованная рука сидящего рядом Димы, самого болтливого и уверенного в себе, несмотря на большое родимое пятно, портящее левый висок и часть щеки, и бирюзовые белки глаз. Конфликтовать не хочется, угрозы от него не исходит, Вера улыбается, мягко, но настойчиво освобождает ногу и смотрит на Вика. Тот мгновенно серьезнеет, взгляд меняется, становится острым, предупреждающим. Белов не делает замечаний, только громко, перекрикивая шум бара, окликает приятеля по имени, и, поймав его взгляд, несколько раз качает головой. На лице написано: нет. Остановись. Тот поднимает ладони вверх, сдаваясь, коротко говорит: «Понял», — и улыбается. Белов кивает в ответ и улыбается следом, расслабляется, возвращаясь к матчу. Его руки снова на ее ногах, поглаживает. Ладно, его — пусть лежат, так спокойнее.

Дима, конечно, позволил себе лишнее, но и без того Вера сегодня в центре внимания наравне с матчем: единственная девушка за столом, да вообще в забитом под завязку баре помимо нее еще лишь пара женщин. Парни, увлекшись игрой, так сильно кричат, свистят и матерятся, что, в конце концов, это становится смешным, и хоть они сплошь хамы да раздолбай, с ними действительно весело. Особенно когда понимаешь, что эти татуированные, вызывающе одетые творческие люди послушно соблюдают дистанцию, которую установил Белов.

— Нет, вы видели? Куда судья смотрел?! — и снова маты, маты, маты. Вера уже комично не закрывает уши, намекая, чтобы были осторожнее в выражениях, — сегодня это бесполезно. Ей смешно, она откидывается на красном диванчике, тянет свой сок и понимает, что, кажется, начинает привыкать к этой чудной компании. Наблюдает за парнями. Перед ней: бородатый, как дровосек, не в меру остроумный байкер Джей-Ви, который каждый раз при встрече норовит обнять ее покрепче да поцеловать в щеку; наглый пошляк и бабник, татуировщик по профессии Дима и художник-постановщик в театре, а также бисексуал Сергей, который недавно расстался с другом и теперь в основном молчит, грустит и лишь бурчит сквозь зубы, когда в кольцо «ЦСКА» залетает очередной мяч, да глушит пиво бокал за бокалом. Ну и Белов, конечно, — татуированный, вызывающе постриженный дизайнер и фотограф ню. Каким образом среди этой не в меру пьяной и не внушающей доверия компании затесалась скромница Вера и почему чувствует себя комфортно — вопрос остается открытым.

На какой-то момент Краснодар внезапно вырывается вперед, и Белову тут же звонит отец, Вик включает громкую связь:

— Пап, мы тут все.

— Алле, неудачники! — судя по голосу, Стас уже начал отмечать. — Видели счет? Нет, вы видели? Продуете! Именно сегодня ты пожалеешь, что предал юг и свою команду, сынок! — из телефона на весь стол гремит его голос, на заднем плане визжат от восторга девочки и София: «Да, Вик, мы вас сделаем!»

— И не надейтесь, Станислав Иванович, — эмоционально возражает Джей-Ви. — Только два периода прошло, это еще ничего не значит!

— Это кто там? Виталик, что ли? Вот увидишь, в заднице вы сегодня! Так вам и надо всем, самонадеянным баранам. Пора уступить место более достойной команде. Локо-Локо-Локо!

Белов хохочет, Вера тоже, Джей-Ви, Олег и Димка надуваются и скрещивают руки на груди.

— Вы перебарщиваете...

— Пап, мы перезвоним тебе в конце, и только попробуй не взять трубку! — угрожает Вик, на что тот фыркает:

— Золото, считай, наше — а ты будешь месяц ходить в красно-зеленом шарфе, никто тебя за язык не тянул, сам в пари ввязался.

Красно-зеленый — цвета краснодарской команды.

— Ага, за все время существования спора, такого еще ни разу не случилось.

— Все бывает в первый раз. Соня, принеси еще чипсов... Ладно, до связи, парни. Вера ты-то на моей стороне?

На Веру смотрят строго сразу четыре пары глаз, да и весь спорт-бар набит болельщиками «ЦСКА». Хороший вопрос, за кого она.

— Стас, — извиняющимся тоном, — боюсь, мне при случае тоже придется ходить в красно-зеленом шарфе вместе с Виком, — зажимается.

— Вера, присоединяйся к команде победителей, пока не поздно! — возмущается Стас, а Белов притягивает ее к себе, целует в висок и шепчет на ухо что-то неразборчивое, но, кажется, он доволен.

— Детка, этого не случится, — фыркает Джей-Ви.

— Всем вам по шарфу будет! Ладно, третий тайм начинается, — в трубке слышатся свистки, кажется, девочки подготовились к матчу основательно. — Созвонимся после.

Матч выдается крайне напряженный, он уже пятый по счету — решающий. В этом году «Локомотив» упирается до последнего, отчеты игры затянулись на пол-лета, хотя обычно победитель лиги определялся еще в конце весны. В итоге «ЦСКА» все же рвут железнодорожников. Как и предполагалось, Стас трубку не берет, чтобы услышать победный клич болельщиков вражеской команды, а София заявляет, что разговаривать с ними не намерена, так как «кони» играли нечестно, это сразу всем понятно.

К концу вечера Белов крайне пьяный и веселый, Вера везет его домой, страшно нервничая, что не справится с управлением незнакомой машины, он всего лишь пару раз давал ей порулить, да еще и на парковке. На днях Вик вдруг вписал ее в страховку и сейчас активно болтает с разместившимися на заднем сиденье приятелями, обсуждая острые моменты матча, пока Вера стискивает руль, чувствуя, как от страха ускоренно колотится сердце, едва ли не на каждом сложном повороте. Она делает вид, что уверена в своих силах, но внутри от ужаса все сжимается. А машина хоть и на автомате, и ночью движение практически свободное, но габариты тем не менее непривычные, да и давно Вера не водила.

Изредка Вик все же поглядывает на дорогу и командует, куда свернуть и как лучше перестроиться, чтобы подготовиться к маневру. Она молча, едва справляясь с напряжением, развозит всех его друзей по домам, а потом и хозяина машины доставляет по назначению, где он заваливается спать чуть за полночь, что для него непривычно рано.

— Вера, не забудь сплит настроить, — бормочет сквозь сон. Конечно, она не забудет, куда денется, хотя сама так и не смогла привыкнуть к этим плюс девятнадцати по Цельсию. При такой погоде люди на улице в пальто ходят.

За эти недели стало привычным смотреть, как Белов спит рядом под одеялом в своем очередном спортивном костюме. На бритой части головы уже начали появляться волосы, отрастая забавным ершиком. Вера бросает взгляд на комод, во втором ящике которого теперь вместо мерзких штук лежат ее вещи, в том числе кожаные обтягивающие леггинсы, в которых она пойдет с ним на концерт этой кошмарной агрессивной группы.

Зачем он вписал ее в страховку, если не собирается влюбляться? Вряд ли каждой девице, способной его увлечь на какое-то время, он доверяет машину. Форсирует их отношения, как будто хочет прогнать весь период развития романа по-быстрому, скачками перепрыгивая с одного уровня доверия на другой. И с отцом уже познакомил, друзьям представил, и живет она практически у него, не говоря уже об остальном. Спешит Белов. Куда только? Будто на длительность его отношений влияет какой-то счетчик, и с каждым днем времени становится меньше. Можно подумать, им друг с другом не становится лучше день ото дня, а его поцелуи и приглушенные стоны во время пика удовольствия не волнуют ее больше всего на свете.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 11

Ради нее я буду драться, без шуток.

Не просто готов помахать кулаками, а страстно хочу этого. Хочу на ее глазах разукрасить физиономию какого-нибудь типа, выпендриваясь. Знаю, что не оценит, еще и накричит следом, но почему-то часто об этом думаю. Чтобы вам стало понятнее, напомню — я художник, а не воин. Пока Кустов перепробовал все боевые секции, которые только имелись в нашем районе, я занимался спортивной гимнастикой и рисовал. А когда в восьмом классе сломал руку, ничуть не расстроился и уехал в летнюю художественную школу, с радостью пропустив сборы. Тренер, дядя Коля, мать и отец уговаривали одуматься, пока я восстанавливался, и вернуться в спорт, хоть в чем-то они пришли к согласию. Но мне всегда нравилось именно рисовать, придумывать, фотографировать, а теперь все поменялось.

Она мне так сильно нравится, что от одной мысли увидеть в темно-карих, серьезных глазах отвращение, начинает болеть голова. Это сложно. Сложно так жить, все время оглядываясь назад, ожидая подвоха. А кожа на спине и груди, как назло, снова начала шелушиться, пришлось ехать в больницу за рецептом на крем, с завтрашнего дня начну мазаться. Запах у этой штуки не очень, не знаю даже, что и делать. Уйти пока ночевать на диван? Он жутко неудобный. Попросить Веру пожить у себя?

Я ей, конечно же, не доверяю, надеюсь, она мне тоже, потому что это стало бы худшей ошибкой в ее жизни. Но пока она со мной, пока думает, что может попасть в эти несчастные три-пять процентов, у которых антитела к белкам ВИЧ в крови не находятся в первые месяцы, тихо плачет, грустит, читая очередную ненужную ей статью про СПИД, — я буду рядом, как цербер охранять ее, беречь, помогать. Если до этой минуты вы еще думали обо мне хорошо — сейчас я вас окончательно разочарую: пока она в шатком положении, мне с

ней легко. Ее проблемы меня не привлекают и не возбуждают, не подумайте, — я псих, но не настолько. Дело в том, что рядом со страдающей Верой мне проще быть самим собой. Я омерзителен и внешне и внутренне, настоящий пират, который лишь разоряет и заслуживает виселицы. В середине августа она узнает, что здорова и свободна, и я отплыву в сторону, а пока у меня есть немного времени, чтобы трогать ее, и я буду пользоваться тем, что она мне позволяет.

Буду драться за нее, пока ей это нужно. Раньше я не думал, что, зная о моем прошлом, на меня можно смотреть без жалости, а она смотрит. Ведет себя, словно не в курсе, что бывают полноценные мужики. Словно то, какой я, — норма.

Чем жарче становится в Москве, тем чаще вспоминается Сочи с его уже привычной экзотикой и роскошным морем, которое, как считает Белов, иногда нужно всем людям в обязательном порядке. Еще и София пишет почти каждый день, зовет в гости, присылает фотографии купающихся счастливых дочерей, себя на шезлонге у моря с коктейлем в руке и в забавной панаме, с плохо размазанным по лицу и плечам кремом для загара. Показывает язык, корчит рожицы. Заманивает.

«Да многие бы душу продали, чтобы иметь на море жилье, куда можно в любой момент сорваться и бесплатно жить сколько угодно. А вы все собраты не можете».

Вера шлет ей в ответ селфи с точно такими же гримасами, правда, чаще всего приходится делать их в подсобке «Веранды» в колпаке и форме, или в квартире Белова. Вик при этом крутит у виска и закатывает глаза, дескать, женщины, что с них взять-то. Сам он тоже иногда участвует в фото-отчетах для Софии вместе с Верой, всегда при этом замуривает один глаз и глуповато улыбается. У него нет ни одной приличной фотографии, несмотря на профессию. Удивительно, как быстро получилось подружиться с Соней. Общаться с ней легко и просто, иногда можно вообще ничего не говорить, просто слушать, иногда приходится давать Вику знак, чтобы позвал, иначе можно провисеть в скайпе несколько часов подряд, а завтра на работу. А еще они со второй мамой Вика постоянно скидывают друг другу смешные картинки, обмениваются на них реакциями. Весело.

Но пора посвятить время другой подруге, с которой уже трижды пришлось переносить встречу. Вера спешит в кафе, немного волнуясь, а через несколько минут быстрой беседы о самых важных событиях спрашивает, прищуриваясь и вглядываясь в лицо собеседницы:

— У тебя синяк, что ли?

Короткая пауза, потом недоуменный взгляд и насмешливая улыбка на красивом лице собеседницы.

— Какой еще синяк? — поднимает глаза от меню Арина. — Разве что под глазами круги, так это у всех нас. Практику проходим.

— Губа как будто распухая.

— Да ну, глупости. Расскажи лучше, как у тебя дела? Тысячу лет не виделись. Ты помнишь, что у мамы скоро день рождения?

— Конечно, двадцать пятого июля, но меня пока не приглашали.

— Она обязательно пригласит, вот увидишь.

— Неважно, все равно не пойду, не хочу с Артемом видаться.

«Скажи, что соскучилась», — на телефон падает смс от Белова. Он будто всегда рядом, даже когда нет поблизости. Не звонит — так шлет сообщения.

— У тебя новый ухажер? — спрашивает Арина. — Так Артему и надо, будет знать, как

ушами хлопать.

— Почему ты так решила?

— Вижу, с каким лицом читаешь сообщения. Когда мне Марк пишет, я тоже едва не пританцовываю.

«Я вот соскучился», — приходит от него следующее. Они не виделись уже три дня, он много работал, она — тоже. Он пишет ей постоянно, но она обещала вчера вечером в разговоре по телефону, что будет его игнорировать весь день, чтобы он закончил финальный этап проекта «Трахельков».

«Где бы ты ни была, Вера, приезжай ко мне. Предлагаю заняться быстрым ненастоящим сексом», — она смеется, читая. Пьет свой остывший капучино с толстым слоем безвкусной пенки, двигает тарелочку с десертом, от которого уже умыкнула кусочек подруга.

— Что пишет? — Арина тянется посмотреть, но Вера отшатывается, пряча телефон под столом. Вик записан, как «Белов», Кустова сразу обо всем догадается.

— Ну, здрасте, — та надувает губы. — Секрет, что ли? Я тогда тебе тоже ничего не буду про Марка рассказывать.

— Не секрет, просто слишком личное.

«Хотя бы напиши, что тоже думаешь обо мне»

«Вот неугомонный», — быстро пишет она, тут же получает ответ: «Приезжай». Отвечает: «Работай».

— Честно говоря, дорогая, я, кажется, влюбилась, — сознается Вера, заливаясь краской от понимания того, что ни за что не назовет имя своего нового парня. А после признания вдруг становится легко и хорошо, словно она сделала открытие не для Арины, а для самой себя. Она влюбилась за какую-то пару месяцев внезапно и по-настоящему, так сильно, что хочется быть только рядом с ним одним. Его байки кажутся самыми смешными, его любимые фильмы — наиболее интересными, талант огромным, а проблемы — главными. Он на нее так смотрит, что душа разлетается на части, как тогда, перед первым поцелуем в баре. Рвется, трещит по швам, и он снова и снова склеивает ее своим особенным отношением, долгими ласками, страстными поцелуями, правильными поступками и искренней заботой. Слушает всегда внимательно, и никогда не отрицает, когда она начинает причитать, что по признакам понятно — диагноз подтвердится. И сомнений в этом давно уже нет никаких.

Сколько же признаков она в себе нашла? Да все практически! Кажется даже, что ВИЧ у нее с рождения, дохлый иммунитет с детства. Белов на это кивает и говорит, что справится. Не она справится, а он. Он говорит коротко: мне плевать. Белов не верит в лучшее и не призывает к этому ее, у него вообще нет «веры» ни во что, на шее выколото всего два слова: Надежда и Любовь, — Вера никогда об этом не забывает. Ему просто плевать, есть у нее ВИЧ, или нет, он трахает ее, как умеет; каждый вечер, ругаясь с ней в пух и прах, когда она не разрешает трогать там пальцами и губами без защиты. Орет на нее, обзывает дурой. Психопат, не иначе. Ему так хочется чувствовать ее чувствительную кожу своей, что его трясет, однажды он разбил телефон от досады.

Сфотографировал Веру на сотовый украдкой, распечатал, подписал сверху в фотошопе: Королева Облома, — и повесил на стенку. Висит табличка на двери в комнату, каждый раз на нее натыкаешься, когда из спальни идешь на кухню, и сорвать не разрешает. Дурак.

Но она ему никогда не позволит, пока не узнает точно, что безопасна. Сделает все, чтобы защитить. А потом, если врач даст зеленый свет, она разрешит ему все, что он захочет.

— Влюбилась, ого! Быстро ты, еще и полгода не прошло, как с Темой расстались.

— Почти пять месяцев. Поначалу было непросто, но мне помогли справиться. И выжить.

— Понимаю. Артем — идиот, что упустил тебя из-за какой-то одноразовой бабы. Они расстались, кстати.

— Да? Почему? — Сердце обрывается. И непонятно откуда взявшееся удовлетворение и ликование разливаются по телу приятным теплом. Сумка «Прада» лежит на стуле рядом. Сумка осталась, а ее первая хозяйка вылетела из жизни, отскочила, как щепка, в сторону. Поцарапав, правда, при этом многое. Но это и к лучшему, спасибо ей большое, что поставила окончательную точку. Цветы послать, что ли?

— Не знаю. Сказал, что все это не то, — осторожно говорит Арина, внимательно глядя на Веру. Ее зеленые глаза в точности такие, как у Вика: и разрез, и цвет, и прищуривается она так же, как он, когда какая-то тема особенно интересует. А Артем снова свободен. Наверное, поэтому заваливает сообщениями целую неделю, караулит у «Веранды», но так как каждый раз ее забирает Белов, подходить не решается. Просто смотрит издалека. Интересно, Вик замечает брата? Никогда они об этом не говорили, и Вера уж точно не поднимет тему первой.

— Он хоть знает, что для него «то»? — горько усмехается.

— Знает, — решительно кивает Ариша и начинает быстро тараторить: — Слушай, я понимаю, что у тебя сейчас новый парень и все такое, — берет Веру за руку, — но подумай еще раз. Ради меня, умоляю. Больше всего на свете я мечтаю, чтобы ты стала моей родственницей. Артем говорит, что ты ему не отвечаешь, а звонки сбрасываешь. Просто поговори с ним, пожалуйста. Ради меня, нашей дружбы.

— Ты с ума сошла?! — грубо выдергивает руку Вера. — Ты хоть себе представляешь, о чем просишь? Что я пережила, что почувствовала, увидев его в нашей постели с другой??

— Знаю, родная, — Арина быстро вытирает уголки глаз. — И до сих пор плачу, думая об этом. Артем идиот, но жизнь учит даже таких, как он. Любит он именно тебя, Вера. Он страдает. Очень страдает. Пьет, не просыхая, из дома не выходит. Его уволили из «Восток-Запад», ты знаешь?

— Уволили? О нет, он жил этим рестораном.

— Ваш разрыв выбил его из колеи. Я же не прошу тебя прощать его. Знаю, какой он гавнюк. Но, Вера, он мой родной гавнюк, мой брат, и мне больно за него.

— А я твоя подруга.

— Самая близкая. И я прошу тебя с ним встретиться, поговорить. Всего лишь один разговор, не больше. Скажи, что подумаешь. Скажи, Верочка.

Она смотрит жалобно, умоляюще сводит ладони вместе, стонет.

— Подумаю.

— Спасибо тебе огромное! Просто возьми трубку, когда он позвонит в следующий раз, хорошо? Если он скажет глупость, то пошли куда подальше. Но один шанс он заслуживает. Ты же знаешь, каким хорошим он бывает, когда старается.

Вера отрицательно качает головой, читая от Вика: «Я сейчас поеду тебя искать, Вера, если не пообещаешь, что приедешь».

— Твой новый все пишет? — спрашивает Арина. — Настырный.

Вера кивает.

— Никуда он не денется. И спорю, он и вполонину не так хорош, как мой брат, хоть в

голове у Артема и ветер. Ну признайся, что таких красавчиков, как Тема, ты больше не встречала? — хитро подмигнула.

— Он, — она показывает на телефон, — во всем лучше Тёмы, Арин. Кустов зря теряет время, названивая мне.

— Тогда скажи ему это в лицо. Не игнорируй. Пока ты держишь его на расстоянии, Артем думает, что избегаешь потому, что все еще любишь.

— Да ладно. Только Кустов и мог так подумать!

«Вик, я приеду», — пишет она.

Она летит к нему на всех парах, он открывает дверь, как и обычно, упакованный от подбородка до кончиков пальцев на ногах, и она тут же обнимает его так, как дозволено: легко касаясь ладонями затылка, целует снова и снова в губы, щеки, подбородок.

— Ого, — усмехается он, — польщен. Кажется, кто-то скучал еще больше меня. — Стягивает с нее топ прежде, чем успевает захлопнуться дверь.

— Ты обещал сделать все быстро, — выдыхает она ему в рот, когда он резко прижимает ее к стене, стискивает его руки, водит от локтя до плеча — территория, на которую ее пустили. Его руки твердые, сильные, ей нравится гладить их. Его поцелуй глубокий, влажный, слишком интимный, чтобы показывать его кому-то еще. Он ее трахает, когда целует, когда трогает. Иначе он не может, поэтому делает доступное по максимуму.

— Поверь, сегодня я очень быстро, — смеется, — скучал.

— И я скучала.

Его руки уже задирают ее длинную юбку.

За месяц удалось отвоевать у его психотравмы руки, голову, лицо. На его шее нет шрамов, но он не разрешает ее трогать, всегда мягко останавливает. Вера закатывает рукав на его левой руке и ведет языком по контуру голубя мира — Вику это нравится. На руках тоже десятки шрамов, но они не такие сильные, как на животе, да еще и замаскированы яркими тату. То, что они там есть, удалось распознать, только ощупывая языком.

Он прикрывает глаза и слабо улыбается. Лицо расслаблено, бедрами чуть подается вперед, но не касается ее. Доверяет. Знает, что не дотронется больше нигде, не сделает ему больно. Вера знает, что ему очень нравится, когда она ласкает его руки, и ей так жаль, что не может сделать для него больше. Всего лишь руки и лицо — это так мало, там нет чувствительных мест — таких, которые он трогает у нее. Да, он всегда с ней кончает, но так ли ярко это наслаждение без физической стимуляции? Ненастоящие объятия, ненастоящий секс, ненастоящий оргазм. Но самые настоящие отношения.

А потом они долго лежат на кровати, дышат, молчат.

— Мы не виделись полторы недели... — начинает он.

— Три дня вообще-то, — поправляет с улыбкой, очень мягко.

— Не важно. И я тут подумал. Хм... Тебя все устраивает, Вера? — вдруг спрашивает. Внезапность — его конек, он всегда так делает. Будто боится, что она откажет, будь время подумать, либо не решится сам. Пришла идея — действует.

— Нет, конечно, но что делать. Ты такой, какой есть: ни одного за столько времени даже жухлого букетика, — тоскливо вздыхает. — Ты непробиваем, — мрачно.

— Да ну тебя, я серьезно.

— Я люблю цветы, Белов, — она поворачивается на бок, он следом тоже, лицом к ней, проводит рукой по ее бедру под одеялом.

— Очень красивая. Мне нравится.

— Спасибо.

— Так вот, насчет наших отношений. Интимных.

— Они прекрасные, — говорит ему быстро.

— Нет, я с какой идеей, послушай: мои игрушки ты сказала выбросить, и я тебя понимаю, они б/у, это точно не для тебя, но...

— Что «но», Белов? Только не порть момент предложением о каких-нибудь ненужных нам извращениях, — строго, умоляюще сводя брови вместе. — Сейчас мне хочется просто полежать рядом, расслабляясь, а не снова спорить с тобой.

— Почему сразу извращениях? Мне плевать, честно. Просто хочется сделать тебе приятно, и я тоже от этого получу удовольствие... визуальное. Черт... Ну же, Вера, давай, помоги мне в этом непростом разговоре. И не смотри как на идиота!

— Вик, нам не нужны резиновые фаллоимитаторы, и без них все супер, — отвечает спокойно, глядя ему в глаза.

Он прикусывает губу, думает.

— Давай просто обсудим это...

— Нет, — резко обрывает. — Я хочу только тебя. Мне все нравится как есть.

— Мне было бы легче, если бы ты согласилась. Хотя бы попробовать. Вераа, как насчет одного раза, а? Вдруг понравится, — щипает ее за бедра, она отодвигается, смеется, ловя его руку, борется, будто у нее действительно есть против него хоть один шанс.

— Больше, чем эта тема... Белов, прекрати! Больше, чем эта тема, меня бесит только когда ты снова пытаешься меня раздеть для того, чтобы сфотографировать. Ай, ну Вик, больно же, милый!

— Не ври. — Он нависает над ней, лежащей на спине. — Кстати, ты подумала насчет моего предложения о фотосессии в студии? Не понравится — удалим, как и в тот раз. Честное слово. Закроем студию на ключ, всех выгоним, только ты, я и Canon. М?

— Опять двадцать пять. И ответ снова: нет. Я не буду фотографироваться больше, — и, видя, что она расстраивается, он падает на спину, убирает от нее руки, она сама быстро поворачивается к нему. Сегодня Вера только и делает, что отказывает. И правда — «Королева Облома». Но что делать, если он просит невозможное? — Милый, я считаю тебя очень талантливым, но больше голых фото не надо, пожалуйста. Я еле пережила тот период, пока ты не удалил старые. Как вспомню тот ужас, когда поняла, что поведи ты себя по-свински — опозорюсь на всю сеть, сердце замирает. Сколько раз я набирала тебе тот «привет» и удаляла, как переживала, гадая о твоей реакции, представить сложно.

— Почему же опозоришься? Я сделаю все аккуратно и эстетично, доверься мне. Я хочу снимать твоё тело. Мне мало просто трогать, понимаешь?

— Извини, но нет. Не понимаю. — Она резко качает головой. — Для меня это важно, — приподнимается на локте, он снова на боку, лицом к ней. — Я не шучу, Вик. Это очень серьезная тема. Я не ношу вызывающую одежду не потому, что комплекую. Это не мое. Я раздеваюсь только перед тем, кому доверяю.

Он смотрит жадно, ловит каждое ее слово. Горячие руки нежно ласкают ее спину.

— Я знаю, что довольно соблазнительная, и хочу... только не смейся. Чтобы мое тело было подарком... мужчине, которого я выберу. Хотя... подарок-то с гнилым сюрпризом, вероятно, — саркастично улыбается.

— Подарок только для меня, — улыбается он.

— Да, только для тебя. Я не жду, чтобы ты оценил его. Хотя нет, вру — конечно, жду.

Но не требую. Просто выбрось эту идею раз и навсегда. Я не фотографируюсь голой, не показываю всем подряд пуп и задницу, декольте и белье. Только ты это видишь. И трогаешь. Я такая, какая есть. Возможно, занудливая, старомодная деревенщина. Скучная.

— Не скучная. Это я кретин, который давно забыл об истинном значении слова «стыд». Все, что красиво, для меня не стыдно.

Она гладит его по лицу, едва касаясь кончиками пальцев шеи, а он смотрит, не отрываясь, как будто не замечая этого.

— У меня никогда не было таких отношений, как с тобой. Я всегда давала понять, что не намерена встречаться просто потому, что весело. И никогда бы не стала жить с мужчиной без штампа или хотя бы официального предложения руки и сердца. Как ты говоришь, «заниматься процессом ради процесса». Любой мужчина воспринимался только как потенциальный муж.

— Муж из меня так себе.

— Я прекрасно помню, что ты мне сказал. Когда ты скажешь «стоп», я постараюсь принять твоё решение.

— Думаешь, тебе будет тяжело?

Ее пальцы легонько гуляют по его шее, она пробегает до затылка, пропускает сквозь них волосы, снова опускается ниже, слегка отодвигая высокий воротник кофты. Она бы, разумеется, не стала говорить на эту тему, если бы не хотела так сильно заинтересовать его сейчас, чтобы отвлечь и попробовать добраться до запретных мест. Шея чувствительная, ему понравится, как она будет ласкать его там, если он сможет выдержать.

Игриво пожимает плечами, замечая, что он смотрит на ложбинку между грудей, которая получилась глубокой и соблазнительной, так как Вера лежит на боку. Берется за молнию на его кофте, он кладет пальцы сверху, останавливает. Смотрит серьезно, но не предупреждающе. Ждет.

— Я чуть-чуть. Пожалуйста.

Они смотрят друг другу в глаза, она не настаивает, терпеливо ждет, пока он уберет руку.

— Я сейчас гладила твою шею, все в порядке. Триггер не сработал. Я не коснусь шрамов, обещаю, буду осторожна.

Его глаза расширяются, потом он нерешительно кивает, хватка руки слабеет. Вера медленно тянет молнию вниз.

— Будет непросто без тебя, но я справлюсь. Жалеть меня не надо, — говорит ему.

Она расстегнула кофту сантиметров на пятнадцать, потом он все же перехватывает ее руку, целует тыльную сторону ладони, смотрит в глаза.

— Достаточно, я без майки.

— Был пожар, да? — спрашивает она, вновь мягко касаясь шеи, он коротко кивает, прикрывает глаза, откидывается на спину, расслабляется. Вера садится на корточки рядом. Внутри все трепещет от понимания, что этот сильный, умный, интересный мужчина так незащищен сейчас перед ней. Знает, что коснись она шрамов, может сработать триггер, и ему станет очень больно. Вера почитала о ПТСР... ладно, перерыла всю доступную информацию о посттравматическом синдроме, и сделала общие выводы. Сценарий, который он пережил однажды, запустится в голове, и ему придется пройти через весь этот ужас. Снова. Из-за нее. Она никогда так с ним не поступит. Наклоняется и легонько касается губами его губ, он улыбается. Потом подбородка в нескольких местах по очереди, переходит на горло, покрытое щетиной. Белов бреется от силы пару раз в неделю, хотя следовало бы

каждый день. Ленивый. Она впервые целует его шею так низко, практически приближается к плечам. Сначала легонько, затем увереннее, его руки на ее бедрах, поглаживает. Он поощряет. Поцелуи опускаются ниже, Вера видит начало выпуклых, грубых шрамов, на вид сухих, в одном месте даже шелушащихся, которые выглядывают из-под кофты. Ей нужно быть очень осторожной, чтобы не запустить ленту ассоциаций.

— Приятно, — говорит он.

— И мне, — она впивается в его кожу, оставляя после сильного поцелуя яркий след.

— Вау, Вера, — смеется.

— Вау, Белов, — улыбается она тоже.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 12

Я никогда не сомневался в том, что когда-нибудь мать узнает, какая беда приключилась с Артемом. Вопрос был лишь во времени, как скоро это произойдет. С братом мы молча буравили друг друга глазами на всех семейных сборищах, благо их было не так много. Старались приезжать к родителям в разное время. Понимаете, у меня такие родители, которым не хватает созваниваться с детьми раз в неделю, им нужно видеть нас постоянно. Мама вечно выдумывает поводы, чтобы я тащился через пол-Москвы с камерой, но отказывать ей нельзя. Она столько пережила со мной, выхаживая своего обгорелого, едва живого сына, что я буду всю жизнь делать для нее все что угодно. И вот этот роковой день наступил. Ненадолго хватило Кустова, мог бы хоть годик побереечь их.

Мать рыдает, судя по узким глазам-щелочкам и припухшему лицу — уже несколько часов, не переставая. Артем с дядей Колей — зацепил краем глаза — пьют на кухне, курят, я разубаюсь у входа и по привычке иду сразу мыть руки. Вера выдрессировала за время, что мы вместе — с улицы сразу к мылу первым делом. Она вообще по части гигиены двинутая, а теперь, когда думает, что вирус внутри — и вовсе моется по три-четыре раза в день, словно это может помочь.

Никто мне не говорил, в чем срочность приезда, просто мама умоляла в трубку: «Вик, пожалуйста, быстрее...» — ну, я и сорвался, как был, в спортивном костюме, в котором спал. Натянул первые попавшиеся кроссовки и полетел. Восемь-пятнадцать на часах. Кустов, сволочь, не мог ближе к обеду всех «обрадовать»?

Даже поздороваться не выходит. Обнимаю маму, она встает на цыпочки, чтобы дотянуться до щеки, рыдает навзрыд. Чувствую, что хочу снова подраться с этим идиотом, не заслужила мама такого горя. Хотя кто я такой, чтобы судить его: в восемнадцать лет пропал на несколько недель, потом меня нашли едва живого, обгорелого, не в своем уме после сотни часов пыток огнем, облитого бензином и черт знает еще чем. Мама видела весь процесс реабилитации с самого начала. Маме не позавидуешь. Думаете, она просто так ударилась во всю эту гребанную йогу, буддизм и прочую индийскую хрень? Не вывозила наша церковь ее горя, пришлось искать новую.

Пока обдумываю все это, понимаю, что отпускает. Артем имеет такое же право портить родителям жизнь, как и я. А я здорово оторвался на их нервах, теперь его очередь. Жги, Артем.

— Горе-то какое! — причитает мама. — Вик, ты знаешь?

— Да, давно уже, — даже спрашивать не нужно, о чем она говорит.

— Сел в кинотеатре на иголку, не посмотрел. А оказалось, она зараженная!

— Чегооо? — вот это уже интересно. Отстраняю ее, вглядываясь в глаза, думая, не ослышался ли. Артем выплывает из кухни, бледный, осунувшийся, обросший, в какой-то

непонятной мятой одежде. Выглядит кошмарно, никогда его таким не видел. Скрещивает руки на груди.

— Это СПИД-терроризм, — сообщает, а я просто стою и моргаю, глядя на него. — Новая волна пошла по Москве, зараженные люди специально таким способом распространяют вирус среди здоровых.

Он действительно говорит все это совершенно серьезно.

— Нужно быть очень осторожным, сынок, — причитает мать, — всегда смотри, куда садишься, кто рядом с тобой. Это так опасно, такой кошмар. Лишний раз лучше избегать метро, автобусов, кафе.

— Сначала не придавал даже значения, — говорит Артем, — а потом пошел сдавать анализы для санитарки, а вирус и выявили. Пока пересдавал в нескольких местах, еще держали в «Восток-Запад», в одной лабе диагноз поставили под вопросом, а как подтвердилось, поперли на улицу. Такие вот дела. Руку-то пожмешь, брат, или побрезгуешь? — тянет мне свою ладонь. Мама заливается слезами и убегает в зал. Пока жму руку этому козлу, сердце сжимается от жалости к родителям. Дядя Коля тоже подает ладонь, сразу после сына. Он глубоко печален, сугул, впервые кажется мне стариком, хотя не намного старше папы. По глазам видно — отказал бы я Теме в приветственном жесте, он бы меня тут же вычеркнул из своей жизни навсегда.

— СПИД-терроризм? — переспрашиваю, нахмурившись, у Артема, тот пожимает плечами, дескать, докажи обратное, если сможешь. Трындец. Сейчас-то благодаря Вере я знаю о ВИЧ практически все, но и раньше знаний хватило бы, чтобы понять — его не существует. Это выдумка, байка. За все годы, как узнали о существовании вируса иммунодефицита, не было зафиксировано ни одного случая подобного заражения.

— Ты уверен, что заразился именно в кинотеатре? — мрачно спрашиваю, присаживаясь рядом с мамой. Жалко ее так, аж зубы сводит. Мог бы скрыть от них, вот зачем рассказал? Я же обещал, что с деньгами помогу, если надо. Заплатил бы за мамины нервы столько, сколько потребуется. Конечно, благодаря Марату Эльдаровичу, я сейчас не в лучшем материальном положении, но хрен с ней, с этой «трудермой», и так живу, справился бы. Все равно красавцем не стать никогда.

— В ресторане слух пошел, отчего меня уволили, он сразу разлетелся среди знакомых, — говорит Артем. Стоит в дверях, прислонившись спиной к косяку. Дядя Коля ходит из кухни в зал и обратно, нервно пожевывая сигарету. В этом доме нельзя курить, но сегодня, видимо, правил не существует. — У многих я теперь в бане, безработный, умирающий, никому не нужный.

— Какое горе-то, горе-то какое, — все причитает мама.

— Мама, погоди, не все так ужасно... — Но она не слушает меня, продолжает:

— Я все понимаю, все принять могу. Но Вера-то как могла так поступить?

Замираю, услышав имя своей девушки.

— То есть?

— Бросила его, как только узнала, что болен. От нее я не ожидала подлости. А как же и в радости и в горести (и в горе и в радости)? Да мы поможем деньгами!

— Сейчас с ВИЧ можно жить долго, и детей здоровых заводить. Медицина далеко шагнула, — Артем смотрит на меня, прожигает взглядом, а я на него, прищуриваюсь. Не отдам, слышишь? Не отдам ее. Он тоже сузил глаза, как будто читает мысли.

— Я думал, что Вера ушла, когда увидела тебя в постели с другой, — говорю.

Артем качает головой.

— Это было уже после. Сорвался, признаю, идиот, пустился искать утешения. Такие новости, я был в шоке, ужасе. Пришел к Вере, поделился бедой с самым близким человеком, а она скривилась, схватила сумку, и давай вещи собирать. Пытался и так, и эдак с ней хотя бы просто поговорить, а она — не прикасайся! И ушла. Даже одежду до сих пор не всю забрала, так торопилась. За Марти, ее любимой золотой рыбкой, не удосужилась вернуться. Видимо, противно ей со мной одним воздухом дышать.

Серьезно, если бы не захлебывающаяся в слезах мать и не матерящийся дядя Коля, я бы начал аплодировать.

— Пригрели ее, нищенку, — плачет мама, — как дочь ее, голожопую, приняли. Квартиру — на, машину — на, деньги — на. На все праздники она тут, со всеми проблемами — ко мне. Хочешь — ночуй приходи, хочешь... Все для нее! Никто ни разу не попрекнул. Родителей и племянницу ее принимали, по всей Москве катали. И где Вера, когда беда стряслась? Встречу ее — в лицо плюну, мерзавке.

Вскакиваю с места и иду к столу, на котором лежат сигареты. Раз уж все курят прямо в комнате, почему бы и мне не начать. Медленно подкуриваю от зажигалки, привычно прижимая руку к груди, к флагу. Огня я боюсь до трясучки и визга, уважаю его, как раб господина. Безропотно признаю его мощь и способность убивать меня: посредством горения кожи или же отравления легких. С огнем мы друг друга ненавидим страстно и заклито, но врага надо знать в лицо, поэтому я курю. Четко понимаю, что в день, когда не смогу поднести к лицу зажигалку, нужно будет срочно звонить своему врачу, потому что это значит, что ПТСР снова ставит перед собой на колени.

Затягиваюсь и выдыхаю медленно через нос и рот густой дым. Вера сказала, что это блажь: готовить я не готовлю, так как боюсь обжечься, а курю — запросто. Она все мои слабости выворачивает так, что становится стыдно, и хочется быть сильнее. Веру я в обиду не дам, она моя. Облокачиваюсь на стол, глотаю дым, смотрю на Артема, которого обнимает мама, гладит, целует.

— Мы тебя любим, сыночек мой хороший, мы тебя никогда не оставим. Все у тебя будет хорошо, мы справимся, Темочка.

— Мама, я заразный теперь, от меня надо подальше держаться, — мрачно говорит Артем. Мне одному хочется его придушить, не дожидаясь, пока за дело возьмется СПИД, или вам тоже?

— Не вздумай так говорить! Никогда. Мы не боимся, Коля, да же?

— Справимся.

— В детстве, — говорит Артем, — когда я болел, ты всегда обнимала и целовала меня, помнишь, мам? Говорила, что не боишься заразиться.

— Не боюсь, конечно. Мы вместе пойдем к врачу. Продадим бабушкину квартиру. — У родителей есть немного недвижимости, которую они сдают, и неплохо живут на аренду в том числе. — У тебя будет самое лучшее лечение.

— Спасибо, мам.

— А эта сука пусть только попробует на глаза показаться, — решительно говорит дядя Коля, — я за себя не ручаюсь.

— Зачем ты врешь? Мне просто интересно, вот зачем? — не выдерживаю. Кустовы всей троицей смотрят на меня. — Не так же все было.

— Вик прав, — кивает мне Артем. — Ее можно понять, любой был бы в шоке. Может,

она одумается и вернется. Я же все еще люблю ее, идиот. И жду каждый день.

— Твою ж мать, — тушу сигарету в пепельнице и иду к выходу. Бросаться с кулаками на умирающего брата при матери — не лучшая идея, правильным будет уйти по-хорошему и как можно скорее. — Мне пора — работа. Извините.

Мать перехватывает в коридоре, тащит за руку на кухню, закрывает дверь и начинает кричать:

— Ты как себя ведешь?! Брату плохо, он нуждается в тебе, а ты что делаешь?!

— Мама, СПИД-терроризма не существует.

— Когда с тобой случилась беда, все кинулись на помощь! Все делали, что могли, из кожи вон лезли, Артем каждый день звонил, в больницу мотался с общаги, с другого конца Москвы. Факультет приличный бросил, так как платить нечем было, все деньги на твои операции ушли! А у тебя работа вдруг появилась неотложная?! Да ты раньше обеда ни разу глаза еще не продрал!

— Что ты от меня хочешь? Я сказал, что деньгами помогу...

— Да причем тут твои деньги!? Мы не нищие! Никто твои копейки отнимать не собирается, если хочешь быть самостоятельным, жить обособленно — дело твое, никто к тебе не лезет. Но когда в семье беда, будь добр, найди время поддержать брата, дать понять, что он не один, что у него есть мы!

— Хорошо, — сквозь зубы.

— Артем сказал, вы с Верой общались после их разрыва. Что она тебе все рассказала одному из первых.

— Да, так получилось...

— Позвони ей, поговори. Объясни, что эта болезнь — не приговор, мы поможем. Что Вера Артему нужна сейчас особенно сильно, когда все отвернулись. Мы сделаем вид, что ее отвратительного поступка никогда не было. Хотя мне так и хочется высказать все, что думаю о нашей Верочке дорогой. Если ты не позвонишь, это сделаю я.

Не то чтобы я собирался признаваться родителям, что кручу с Верой бурный роман и она давно живет у меня, но... я действительно готовлюсь к тому, чтобы отпустить ее через месяц... но никак не передать обратно в заразные лапы Кустова. Я же знаю, какой он, он никогда не изменится. Я не пущу ее, только не к нему.

— Белов, пожалуйста, сделай, как просит мама, — на кухню заходит Артем, выглядит, как побитая собака, смотрит жалобно, а сам будто ростом ниже стал. Кажется, ему и правда плохо, кожа серая, взгляд потухший, он словно и правда умирает, хотя так быстро вирус бы не смог бы подкосить этого двухметрового лося. Видимо, сам себя доводит, как и Вера моя. Все наши страхи, блоки, неудачи берут начало в голове. Череп защищает обитель боли и удовольствия от механических повреждений, но проблема-то в том, что покровом себя можно и без применения физической силы.

— Мы на этой неделе уже дважды завтракали вместе, — продолжает он. Об этом я не знал, и, видимо, замечая, как вытянулось мое лицо, он слегка улыбается. — И она дала понять, что все еще равнодушна. Но... ей нужен толчок. Арину я пока не хочу впутывать, надеюсь, и не придется. Вера запуталась, растерялась, но она примет меня обратно, я уверен. И мы забудем эти чертовы недели, будто и не было их никогда. Как страшный дурацкий сон. Начнем с чистого листа.

Забудем те единственные несколько недель, когда я действительно хотел жить, как страшный дурацкий сон.

Мама кивает и сводит руки на груди в умоляющем жесте.

Вера не говорила, что виделась с Кустовым. Ни одного слова. Чувствую себя полным идиотом. Не может быть, чтобы она вернулась к нему после всего, что было. Да ну нафиг, не может этого быть.

С другой стороны, я совершенно не понимаю баб. Обихаживал Настю целый год, влюбился, что только ни делал, в лепешку разбивался. Она ясно дала понять — тоже сильно любит, но в трусы пустит только после свадьбы. Жениться в восемнадцать лет... так хотел ее, что, не поверите, готов был. Пообещал, что как поступлю в лётное, дадут общагу — и сделаю предложение официально. Все сделаю, так хотел сильно. С ума свела, красивая гадина, как картиночка. Ни одной бабы после нее не видел хотя бы отдаленно способной конкурировать. А он пришел из армии и трахнул ее в первую же неделю. Без всяких там штампов и обещаний, просто пришел, увидел, поимел везде, рассказывал потом еще подробно. Тогда таким неудачником себя чувствовал, что впору удавиться было. Вообще, не лучшее мое лето, если вспомнить, что после меня сожгли заживо. Несколько раз.

Потираю пиратский флаг на груди сильнее и сильнее. Горит он уже, но держится, выполняет свое предназначение: не выпускает черную гнилую злость наружу, из сердца. Защищает меня от ненависти, и тем самым других — от меня. Я ж болен дрянью, названия которой не существует, заразили, пока жгли, пока смотрели, как скулю от боли, обдирая ногти до мяса, царапая землю, бессмысленно пытаюсь тушить ею себя, сознаюсь во всех мировых грехах, умоляю пристрелить, только прекратить все это. Передали яд от одной души другой. А избавиться можно, только если заново круг запустить, передать эту муку другому. Сказали мне тогда, что теперь я имею право карать, а значит, должен это сделать. А иначе гореть мне вечно в собственном аду, быть недочеловеком, вести войну с самим собой, в которой не стать победителем. Сказали, что должен сделать с кем-то то же, что сделали со мной, иначе от воспоминаний не избавиться, и люк в ад не захлопнуть. Ходить мне по краю всю жизнь, падая периодически. Представляете? Сказали мне, что люк этот гребанный заткнуть можно только другим человеком. Когда ты в пограничном состоянии между жизнью и смертью, подобная чушь почему-то обретает потаенный смысл. Застревает в голове, как пуля в кости, а потом растворяется, впитывается. На рентгене ее не видать, но на самом деле — никуда не девается годами.

Для души вообще существуют лекарства? Грязная она у меня, в пятнах, вытащить бы из тела, да выстирать, отбеливателем посыпать.

Смотрю на Кустова исподлобья.

Тогда, восемь лет назад, я еще не был уродом с огненной бурей в башке, и мне предпочли его. А теперь на что рассчитываю? Неужели ситуация повторится?

Смотрю на Артема, пытаюсь понять, почему этого уверенного в себе козла в женских глазах даже ВИЧ не портит?

— Я поговорю с ней, обещаю, — слышу свой собственный голос.

— Спасибо, брат, — он быстро обнимает меня, мои же руки по швам. Мама улыбается и кивает с благодарностью. — Если поможешь, считай, место крестного отца у будущих маленьких Кустовых — твое.

Еду домой злой, как черт, парковка у подъезда битком, почему все эти люди не на работе? Какой вообще сегодня день недели? Паркуюсь за два двора, иду по улице в домашнем спортивном костюме, сжимая руки в кулаки, не зная, с кем поделиться этой злостью, переживаниями, опасениями.

Что ж делать-то мне сейчас? Как поступить правильно? Даже в гребанное любимое кафе не пойти кофе выпить.

— Виктор Станиславович, вас можно на пару минут? — вдруг незнакомый мужской голос переключает на себя внимание. Оборачиваюсь — рядом остановился новейший черный «БМВ Х5», из которого вышел представительно одетый мужчина средних лет в идеально сидящем дорогом костюме. Смотрит на меня, вежливо улыбается. — Меня зовут Анатолий Петрович, я от Марата Эльдаровича, — тянет ладонь, приходится пожать. — Садитесь, прокатимся.

Скрещиваю руки на груди, поглядываю то на машину, то на Анатолия Петровича, понимая, что доброта в его взгляде наигранная и лживая, садиться в эту тонированную тачку с номерами три тройки точно не хочется. Выбросят потом где-нибудь в районе свалки со свернутой шеей, и никто ничего не докажет. Номер машины запоминающийся, но спорю, никто из прохожих не сможет назвать даже примерные цифры. Мгновенно вылетают такие из памяти.

— Виктор Станиславович, вы не переживайте, — услужливо открывает мне дверь, — у нас к вам деловое предложение, вам понравится.

— Рожу расквасить ваше предложение?

— Бог с вами! — занервничал он. — И в мыслях не было наносить вред вашему драгоценному здоровью, мы вас до дома подбросим и только. Ну, может, круг вокруг двора сделаем. Мы же знаем, где вы живете, не заставляйте к вам подниматься, на кофе напрашиваться. Вы ж не настолько гостеприимны.

Дома Вера, у нее выходной, как назло. Ко мне подниматься точно не надо. Вздыхаю и сажусь в машину. Анатолий Петрович присаживается рядом, впереди еще двое также одетых с иголки незнакомых мне крупных мужчин. Каждый из них вежливо улыбается, жмет руку. Я в своем поношенном, пропитанном потом после вчерашней страсти с Верой, костюме и старых кроссовках выгляжу более чем нелепо.

Немого успокаиваюсь, хотя все еще некомфортно, когда дверь закрывается, и тонированная в ноль черная машина трогается с места. Слежу за дорогой, но водитель действительно нарезает круги вокруг дома. Пока что.

— Марат Эльдарович выражает вам благодарность за безупречную работу, которую вы выполнили для его отеля...

А чего я, собственно, переживаю? Не такие большие деньги они мне должны, чтобы убивать. Глупости, возни больше. Просто рано утром я плохо соображаю, да и Артем взбесил, заставил вспомнить бред сумасшедшего самопровозглашенного палача и мои бессвязные крики в больничной палате, что не будет этого никогда, и что на мне гребанная цепочка пыток прервется, что унесу ее с собой в могилу. Тьфу, забыть их давно нужно, и у меня же получилось. А вот Артем вывел из себя, и всплыло прошлое в памяти, только лишь о Насте подумал. Нужно врачу позвонить, чтобы успокоил. И закурить нужно. Зажигалки с собой нет, не ношу, в машине только лежит. Но чтобы добраться до «Кашкая», надо сначала из «БМВ» выбраться.

— ...нам крайне приятно было работать с таким обязательным, ответственным, пунктуальным человеком, как вы...

— Тем не менее, вы заявили в суде о моей профнепригодности, и разрываете контракт с «Континентом».

— Понимаете, какое дело, Виктор Станиславович, мы с вами люди умные, грамотные,

хорошо выполняющие свою работу. Вы мне очень нравитесь, надеюсь, ко мне вы тоже проникнетесь симпатией.

— Сразу после того, как вернете мои деньги.

— Для этого мы и приехали сегодня к вам, — охотно кивает Анатолий Петрович, просяив широчайшей улыбкой, остальные мужчины в машине молчат. Мы едем уже третий круг вокруг дома. Он достает из сумки пакет и протягивает мне.

— Что это? — не беру в руки.

— Ваши деньги.

— Простите, но я привык получать зарплату на зарплатную карту, и чтобы деньги проходили через бухгалтерию с вычетом налогов. Не могу я, понимаете, обмануть государство, и присвоить себе его тринадцать процентов.

Анатолий Петрович смеется, словно моя шутка поразила его до глубины души.

— С вами так весело, Виктор Станиславович! Здесь половина суммы, которую по условиям контракта вам должен был заплатить «Континент», берите.

Мои руки лежат на коленях.

— Берите же.

— В чем причина такой неслыханной щедрости? Оплатить аж половину моей работы.

— Берите, иначе не увидите вообще ничего. А денежки вам нужны, ипотека сама себя не погасит, да и машину могут отобрать за неуплату. Вы, кажется, просрочили кредит по ней?

— Вам кажется. Если я возьму свои честно заработанные, то должен буду чувствовать себя должным?

Интересно, моя дверь изнутри заблокирована? В случае чего рвануть через нее и бежать? День на дворе, улица людная, не погонятся следом. Не должны. А что потом делать?

— Да не бойтесь вы. Это обычная сделка, таких каждый день в Москве заключаются тысячи. Вы берете деньги и оплачиваете свои нужды, погружаетесь в новые проекты, вы ж такой талантливый, несмотря на молодость. Не губите свою карьеру, не рискуйте понапрасну. Все знают, что талантливые люди рассеянные, бумажная волокита им чужда, ну подумаешь, случайно потеряете бумаги по нашему контракту, удалите переписки, с кем не бывает? Никто не расстроится.

— А, вот к чему вы клоните. Взятка, чтобы я состроил из себя идиота в суде?

— Побойтесь Бога, какого идиота, Виктор Станиславович! Просто случайно удалили не те папки, такое бывает. «Континент» вам все равно не возместит убытки, а Марат Эльдарович идет навстречу.

— А что вам это даст? Судя по тому, какая сеть отелей у вашего босса, моя зарплата и процент «Континента» — капля в море.

— А уж это вас, Виктор Станиславович, не касается никоим образом, — повышает голос, выражение лица мгновенно меняется, от лживого добродушия не остается и следа. Вот так бы сразу — к угрозам, а то мямлит и подлизывается, словно от меня действительно что-то зависит.

— Спасибо вам огромное за предложение, — я тянусь к ручке, дергаю за нее и — о чудо! — дверь открывается.

— Лёня, останови! Подумайте еще, Виктор Станиславович, это взаимовыгодное предложение, которое устроит и вас, и нас...

— А то что? Вы мне угрожаете?

— Нет, конечно! С ума сошли?

— Было дело. Я тоже думаю, что не станете мараться из-за такой ерунды. Я свою фирму не опрокину, можете передать Марату Эльдаровичу все мое уважение.

Машина останавливается, и я резко выпрыгиваю и иду домой. Этого еще не хватало, чтобы обо мне слух прошел, что подставил собственного босса. Предложенная взятка не стоит карьеры, ее не хватит, чтобы сбежать на Багамы и ни в чем там себе не отказывать до старости.

Ага, заволновался Марат Эльдарович! Этого стоило ожидать, юристы «Континента» нашли, что ответить его адвокатам. Взяли старого урода за яйца. Я думал, у него козыри в рукаве, а оказывается, нихрена у него нет, кроме наглости. От меня теперь многое зависит. Может, еще увижу свои денежки, как знать. Получу зарплату — и сразу в клинику записываться на операцию, пока еще что-нибудь не случилось.

Повышению настроения данная беседа не способствует, но сейчас мне хочется только одного — остыть, хорошо бы в душе. На улице так невыносимо жарко и душно, что я едва не бегу в свою прохладную берлогу. Теперь к злости на Кустова, маму, Веру добавляется еще нетерпение и желание побить в этом деле Марата Эльдаровича. Хрен я позволю ему выплыть чистеньким из затеянного им же спора, буду стоять на своем до последнего. Пусть все знают, что я не позволю на себе ездить. От решительности и нетерпения схватки потряхивает. Скорее бы.

Возле подъезда пританцовывает, мать ее, Алиса собственной персоной. Истину говорят — кто рано встает, тот быстрее умрет. Обычно я спокойно сплю в это время, а стоило встать с петухами — сразу столько гадости навалилось, выть впору от бессилия.

Увидела меня — машет и кидается сломя голову встречать. Интересно, она поднималась домой? Что ей сказала Вера? Еще по этому поводу скандала сегодня не хватало!

От досады руки опускаются. Ну как, скажите, как до нее донести, чтобы к черту катилась из жизни моей?! Посылаю ее нахрен с ходу, не замедляя шага, от всей души, грубо, с чувством, так, чтобы дошло. Чтобы поняла, что нахрен мне не сдалась, что всё — потрахал ее и забыл, не нужна. На одну ночь. Давалка, идиотка, шлюха, чтобы лила свои слезы крокодилы подальше от меня, и увижу еще раз — нос сломаю, без шуток сломаю. С меня станется, и не на такое способен. Ору на нее прямо на улице, и по глазам вроде видно, что верит. Убегает. Если простит и этот выпад, то не знаю, что и делать. Не бить же, в самом деле? Жестче я разговаривать не умею.

Захожу в подъезд, по-прежнему понятия не имея, как себя повести. В глаза бы Веры посмотреть для начала, потом уже действовать.

Белов сумасшедший. Он притащил ее на мост и собирается заставить смотреть, как к нему какие-то незнакомые странно одетые люди, на вид — обкурившиеся неопрятные хиппи из фильмов про забугорные шестидесятые, цепляют веревки. Еще и денег им собирается дать за это.

С этого моста прыгать запрещено, опасно, но на закате народ сигает с криками ужаса в черную пустоту, прямо вниз, на острые камни, растопырив руки, доверяя свою драгоценную единственную и неповторимую жизнь ненадежным, потасканным с виду креплениям и подозрительным людям, их притащившим, которые ни за что не несут ответственности.

Он купил ей бутылку шампанского, открыл в машине и протянул.

— Отмечать твою погибель?

— Начни с тоста за мое здоровье, — тянется к ней, прикрывает глаза, она к нему, трется своей щекой о его. Трется, трется, кожа к коже, душа к душе. Она его так обнимает, когда он нуждается. Ну и что, что руками нельзя. Зачем ей вообще руки, разве без них она не покажет ему, как сильно он стал дорог?

— Нужен мне, — шепчет ему, а он сильно зажмуривается, но не отвечает. — Очень.

— Я каждый месяц прыгаю, Вер, — говорит ей. — С парашютом еще несколько раз в год. Мне это надо.

— Адреналин?

Она все трется и трется уже о другую щеку, нежно касается губами. Ну что ему опять не сидится на месте, зачем эти приключения? Все же хорошо было.

— Острые ощущения, — улыбается он, и Вера тут же ловит эту улыбку губами. Она грустная. За эти недели они провели вместе так много времени, что кажется, уже год встречаются. Дату бы отметить, да не наступила еще ни одна приличная. С ним неделя идет за два месяца, нужно посчитать и устроить праздник.

Его пальцы сильно сжимают ее ладонь.

— Боишься за меня? Я ж не люблю тебя Вера, ты тоже води себя так, будто не любишь.

Им обоим уже смешно от этих нелепых слов, прыскают, отворачиваясь. Можно подумать, их потряхивает от потребности скорее прикоснуться к телу друг друга, даже при короткой, в несколько часов, разлуке, потому что они совершенно не любят друг друга. Он приучил ее ласкаться языками, что могло бы показаться слишком, даже мерзко еще полгода назад, предложи ей другой мужчина, но он делает это по-особенному, и ей это нравится. Втянулась. Отвечает охотно, на равных. Это их секрет так делать друг с другом.

Она ему кивает. Разумеется, они облизывают друг друга потому, что не любят. Нисколько. Ни грамма. Дурак он колоссальный.

Да они расстанутся только потому, что обоим надо работать, иначе бы дни напролет что-то делали вместе. Потому что комфортно вдвоем. Молчать комфортно, пялиться в разные книги или планшеты, ругаться, мириться, — лишь бы вместе. Поодиночке не то. А с другими не хочется, ей так точно — ни одной капли. Тошнит при одной мысли позволить к себе прикоснуться другому мужчине. Сразу к нему надо бежать, чтобы дал понять, что по-прежнему нужна. А пока это так — ничего не страшно.

— Дотяни хоть до августа, Вик. Как я без тебя? ВИЧ убьет меня раньше времени.

— Твои мысли тебя убьют, ненормальная. Пошли, посмотришь, как я летаю.

Он выпрыгивает из машины, Вера выходит следом.

— А сами бы вы рискнули прыгнуть? — спрашивает она с вызовом у поджидающего их мужика неопределенного возраста с неухоженной заплетенной в косичку козлиной бородкой и недостаточно надежными, чтобы доверить своего родного человека, веревками в руках. Рядом толпа зрителей, не менее двадцати подростков. Оказывается, на добровольные прыжки с двадцатиметровой высоты нужно записываться заранее. Оказывается, это дорого, и нужно еще очередь отстоять.

Мужчина в поношенной одежде и грязных рваных китайских кедах усмехается.

— Тебе понравится, кроха, не бойся. Это абсолютно безопасно.

Белова упаковывают, он бегло проверяет крепления и легко запрыгивает на бордюр. Его держат за ноги, пока он стоит и смотрит вниз, на верную смерть.

— Тебя толкнуть или сам? — лениво спрашивает человек с бородой, пожевывая

зубочистку. По-видимому, он тут самый главный. Документы бы его сфотографировать на всякий случай, да вряд ли они у него есть.

— Сам, — отзывается сзади Вера, надеясь, что в Вике проснется хоть чуточка благоразумия и он откажется. Пусть деньги не вернут, ей не жалко. Она готова еще и доплатить, лишь бы отпустили их по-хорошему, не заставляли.

Она зануда, которая не умеет веселиться. Понимает, что ведет себя, как настырная мамаша, которая вот-вот начнет раздражать. Но если с ним что-то случится, как она будет жить дальше? Он же держит ее за руку, когда ей страшно. А когда она порезала палец на днях — нож съехал с апельсина — он облизал рану прежде, чем она успела что-то сообразить. Кто еще будет так делать? В нем будто вырвали с корнем чувство самосохранения, зачем он с ней спит и лезет на этот мост сейчас? Чего ему не хватает?

Может, дело вообще не в ней? Может, он и правда не любит ее, как говорит постоянно. Просто ему нравится ходить по лезвию, возбуждает близость смерти. Может, она в нем ошиблась, и он просто псих, ищущий возможность прикончить себя поскорее? Адреналиновый наркоман?

От этих мыслей сердце пропускает удар. Вера сжимает кулаки, понимая, что отомстит ему за них так изошренно, как только сможет. Прямо сейчас. Держись Белов, довел. Сам виноват. Она ему подарит острые ощущения.

Тем временем Вик стоит пару минут, разводит руки широко, оборачивается и широко улыбается. А затем прыгает! Не делает шаг, а именно прыгает вверх и вперед, но не взлетает, как птица, а падает вниз на бешеной скорости несколько секунд, сгибая ноги в коленях, он кричит что-то вроде: яхуу! А потом висит на веревке и машет ей, пока его тянут вверх несколько сильных мужчин.

— А ты, красотка, следующая? — обращаются к ней. — Белов два прыжка бронировал.

— Не, она не будет, — оказавшись на земле, он поправляет крепления под аплодисменты зрителей, с кем-то здоровается за руку, с кем-то перебрасывается парой слов и показывает жестами, чтобы ему позвонили позже. — Второй прыжок тоже для меня.

— Буду, — она решительно выходит вперед, откуда-то берется уверенность, что обязательно сделает это.

— Эмм, нет, она не будет, — Белов делает шаг назад, не давая снять с себя страховку. — Вер, ты чего? Это же опасно.

— Ты ж прыгнул, ничего не случилось. Я тоже хочу летать.

Некоторое время они препираются, он повышает голос, пока толпа не начинает скандировать: «Ве-ра! Пры-гай! Сме-лей!» Удивительно организованно и дружно. Неожиданно для себя Вера проникается дружной атмосферой безумных подростков-отморозков, где только их родители, делает большой глоток шампанского под общие аплодисменты и смело шагает в руки замызганных хиппи, которые поразительно умело и быстро цепляют к ней веревки. Белов все еще держится за свои крепления, но это никого не волнует, ведь есть еще одни.

И вот Вера на краю моста, ее держат за ноги, противно, якобы незаметно, ощупывают бедра, — хорошо, что она в джинсах. Но сегодня ее и юбка не остановила бы. Она победоносно смотрит на белого Белова, усмехается тавтологии. Ему эта идея не нравится вовсе. Качает головой, дескать, не надо, слазь, он не верит, что она это сделает. Не верит, что рискнет. Риск — это вообще не ее, она из тех, кто просчитывает шаги наперед. Но рядом с этим сумасшедшим пиратом хочется творить нереальное и несвойственное. Она обещала

сама себе, что заставит его испугаться.

— Вера, еще не поздно отказаться. Слазь, — он старается говорить беспечно, но по глазам видно — злится. Такого в планах не было.

— Ты ж хотел острых ощущений. Переживай за меня, Вик. Чем не ощущения? — ее взгляд падает на веревку у самого крепления, которая истончилась в несколько раз, видимо, очень старая. Вера трогает ее пальцем, тут же показывает Вику. Сколько сотен людей несчастная вытащила из пропасти? Выдержит ли Веру? Его глаза округляются. — Страшно, Вик?

Он кидается к ней, но не успевает, потому что она делает рывок, прыгает вниз, зажмурившись и сгруппировавшись.

Она летит, наверное, целую секунду, пока ремни не врезаются в ноги и руки, и она не виснет одна в темноте над пропастью. Вот где она живет последние месяцы, в черной пропасти, а там наверху ждет Белов, который забирает ее с работы, везет к себе в безопасность, где заставляет хотеть жить любой, даже с вирусом в крови, просто находясь рядом.

Наконец, ему ее возвращают. В его руки, которые тут же смыкаются на талии. За время, пока ее поднимали вверх, он едва не подрался с волосатым мужиком, разняли, растащили. Она прекрасно видела и слышала, как он кричал, почему не проверили оборудование, вырывался, хотел набить тому морду. За что? За то, что сам же ее сюда и привез?

— Я ж говорил, что выдержит. А ты сразу с кулаками. Нехорошо, Виктор, — с обидой говорят откуда-то сзади.

Вик ощупывает ее, целует, трется о ее лоб своим, на котором снова капельки пота, хотя здесь совсем не жарко, даже прохладно, хочется кофту накинуть. Он тут же снимает толстовку, словно читая мысли, кутает Веру, обнимая не только руками, но и ароматом кожи с всегда одинаковой туалетной водой, ее любимой теперь. Больше ничего и не нужно.

— Никогда так не делай, — говорит строго, с надрывом. Глаза вытаращены, внимательные, она прижимается губами к его шее и чувствует, как под кожей бьется жилка. Он ошарашен, словно все еще не верит, что она это сделала и что уже в безопасности. Сжимает ее запястья. — Никогда не прыгай вниз с моста, мне не понравилось.

— Ты тоже никогда, — шепчет в ответ, все еще чувствуя, как кипит разбавленная адреналином кровь от ужаса и страха. Каждый ее день похож на прыжок в пустоту, и каждый вечер она ждет, когда снова окажется в его надежных руках. Каждый ее день — долгое ожидание Белова. Ничего особенного в том, что она только что сделала, в общем-то, и нет, прыгать с веревкой оказалось даже весело и волнующе, ей понравилось. Одиночество во много крат страшнее.

Хиппи снимает с нее ремни и веревку, дергает в месте утончения несколько раз, и та рвется еще сильнее, теперь висит на нескольких нитях. В этот момент у Белова приоткрывается рот, и он, пораженно качая головой, тащит Веру к машине за руку.

— Больше с ними никогда не буду связываться, — бормочет под нос.

Потом они долго куда-то едут под агрессивный речитатив из колонок, Вера думала — домой, а нет — оказалось, за город. Едут и едут по каким-то улицам, мимо чужих домов, автобусов с незнакомыми номерами маршрутов.

— Катаемся, — говорит он, — расслабься. Не хочу домой.

Они катаются всю ночь, практически молча, Вера допивает шампанское, слушает громкую музыку, следит за дорогой, понятия не имея, где находится. Иногда дремлет, пока

Вик стискивает руль, напряженно смотрит вперед, подпевая некоторым песням. В какой-то момент, около четырех утра, она окончательно вырубается. Просыпается резко в семь — смотрит на мобильный, они все еще в машине, припарковались у закрытого на ночь супермаркета с потертой надписью. Вера смотрит в навигаторе и пораженно качает головой — они отъехали на расстояние в сто километров от города. Зачем? Белов спит, неудобно устроившись в своем водительском кресле.

И что ей теперь делать? Ждать десяти утра? Возможно, она бы дала ему еще несколько часов, попыталась бы подремать сама, но хочется в дамскую комнату, а поблизости ни заправки, ни открытого магазина. Она выходит из машины, оглядывается — ничего, где можно укрыться или спрятаться, а автомобили уже ездят мимо, встречаются и редкие прохожие.

— Вик, милый, просыпайся, — осторожно трогает его за руку.

— А? Что? — он подскакивает на сиденье, трет глаза, вопросительно оглядывается.

— Мы где?

Кажется, он сам не знает, где они. Помятый, взъерошенный, не выспавшийся и без настроения Белов смотрит в телефон, снова выглядывает из окна, судя по лицу — удивлен не меньше нее, затем кивает сам себе.

— Не пугайся, дела тут есть. Поехали — возьмем кофе на заправке, умоемся и уже сделаем это.

— Сделаем что?

Он заводит машину, и они снова куда-то едут по проселочным дорогам незнакомой ей деревеньки, мимо заборов и домов, которых она раньше никогда не видела, объезжая скот, неспешно бредущий вдоль и поперек улиц. После посещения заправки удастся почувствовать себя чуть лучше, кажется, Вику тоже, он даже пытается выдавить подобие улыбки. Они тянут черный крепкий кофе навынос, несутся в сторону Москвы, но на очередном перекрестке вдруг сворачивают в направлении кладбища.

— Вик? — подает голос Вера. — Может, ты хочешь мне что-то объяснить? Так не сдерживай себя.

Он усмехается.

— Сегодня двадцать первое июля, нужно кое-кого навестить, одного важного для меня человека. Я каждый год к нему езжу. Это традиция.

— Хорошо, давай.

«Кашкай» несется по бездорожью, подпрыгивая на кочках и ямах, Вик резко поворачивает руль, едва вписываясь в повороты, не сбавляя скорости, как на ралли. Кажется, отлично знает этот путь, в навигатор даже и не смотрит.

Через несколько минут он тормозит, выпрыгивает из машины.

— Холодно, ты лучше жди внутри, — бросает и захлопывает дверь.

Еще чего, не будет она ждать и смотреть, как он один ходит по кладбищу, выходит следом. Он, без сомнений, слышит, как закрывается ее дверь за спиной, но не оборачивается, ничего не говорит. Видимо, ему все равно. Идет несколько минут вдоль могил, пробираясь между покосившихся оградок, перешагивая поросшую бурьяном траву, Вера не отстает. Наконец, он останавливается и смотрит на дешевый невысокий могильный камень. Табличка такая маленькая, а надпись мелкая, что приходится подойти совсем близко, чтобы разобрать ее. Белов вдруг широко улыбается, хмыкает, а потом смачно и с чувством плюет. Плюет прямо на могилу. На место захоронения этого важного для него человека, судя по

надписи — Чердака Льва Геннадиевича.

Замерев в нескольких шагах, Вера потирает плечи, вдруг становится холодно даже в его толстовке, крупная дрожь пробегает по телу, аж зубы постукивают, приходится их сжать, а кожу начинает стягивать, как от сухости. Хочется под горячий душ. Сложно поверить в то, что она только что видела. Белов осквернил могилу усопшего.

Вик между тем достает из заднего кармана пачку сигарет, в руке он сжимает зажигалку. Закуривает, глядя на скромный памятник. Курит и смотрит сверху вниз, под ноги, тут же страхиная пепел.

— Ну что, мразь, лежишь? — говорит так, словно перед ним стоит человек: с вызовом, надменно. — А я вот нет, смотри-ка, хожу, живу, наслаждаюсь каждой минутой. Курю, жру, трахаюсь; кислород, как видишь, усваиваю. В мире и добре. А ты сгнил уже? Или нет? — зачерпывает носком обуви землю, пинает ее прямо на табличку. — Ничего у тебя не вышло, ублюдок. Зря старался, время тратил. Сдох зря. Идем, Вера. Здесь все.

Он тушит сигарету о камень, бросает окурок тут же и направляется в сторону машины, приходится почти бежать, чтобы не отстать и не остаться здесь одной. В какой-то момент, на полпути, он все же вспоминает, что она позади, оборачивается и ждет. Лицо непроницаемо. Берет за руку, ведет за собой, помогая преодолевать препятствия.

В машине сразу врубает печку, музыку, и в город они несутся молча, не обращая внимания на камеры по краям трассы. Дорого ему встанет эта поездочка, учитывая постоянное превышение скорости.

Впервые за долгое время рядом с ним неуютно. Почему он ничего не говорит?

Должен же понимать, что у нее есть вопросы. Она их не озвучивает, но это и так понятно. Судя по дерганым жестам и хмурому взгляду — Белов явно не в духе. Она обещает себе дождаться десяти утра, чтобы начать разговор.

Опасливо поглядывает на его напряженное лицо, стиснутые губы, злой взгляд из-под сведенных бровей, на пальцы, стискивающие руль, пытается рассуждать. Ей нужно хотя бы попытаться оправдать Вика. Сомнений нет, этот мужчина, с запоминающейся фамилией Чердак, каким-то образом заслужил к себе подобное отношение. Не может быть, чтобы Вик позволил себе столь низкий поступок на пустом месте. Но что может сделать один человек другому, чтобы вызвать желание оскорблять себя даже после смерти? Она дословно запомнила слова и интонации, с которыми Белов произносил их, и у нее зародилось страшное подозрение.

Вера почти уверена, что Чердак как-то причастен к пожару, испортившему жизнь Белову. Просто так он не стал бы. Нет, конечно, люди не плюют на могилы других от нечего делать.

Наконец, они въезжают в город, а время уже близится к полудню. Может, пора, наконец, начать спрашивать? Хотя бы осторожно прощупать почву. Не станет она делать вид, что ничего не было, пусть даже не требует такого! Она уже готова открыть рот, как Вик сам выключает музыку. Они приближаются к первому крупному перекрестку на пути, сейчас он повернет, и она все скажет.

Но Белов вдруг резко крутит руль, выводит машину на середину дороги и жмет на тормоз, врубает аварийку. От неожиданности Вера летит вперед, хорошо, что пристегнута, ремни дергают обратно, возвращают в кресло. Горит зеленый, ему сигналият объезжающие водители, орут, матерятся.

— Поворот, Вера, — говорит Белов сквозь зубы, глядя перед собой. Она замирает.

таращится на него.

— Я вижу. Ты что творишь, Вик? Поехали скорее.

Им сигналият и сигналият, «Кашкай» занимает по половине каждой полосы встречного движения. Кто-то бросил пластиковый стакан в окно, который отлетел от стекла, облив машину содержимым.

— Поворот, Вера, — раздраженно повторяет он. — Налево — ко мне, направо — к Кустову, ты ж знаешь эту улицу, зачем спрашиваешь? Куда тебя, б*ять, везти, Вера? — смотрит на нее вытаращенными глазами. — Мать твою, налево или направо? — бьет кулаками по рулю, машина гудит. — В какую сторону, ты скажешь или нет?! Нам сигналият, у меня права отберут за этот маневр. Соображай же быстрее. Мне надо знать именно сейчас.

— Что? — она боится дышать, смотрит на него, сердце в груди замирает, а кровь вдруг устремляется к голове, бьет по вискам, щекам, в руках-ногах ее будто вовсе не остается. Их покалывает и щипает вдруг неожиданно сильно. Очень страшно. — Вик, ты чего?

Им сигналият и сигналият, показывают знаки освободить дорогу, пытаются доораться, стучат в окна, высунувшись из своих, но Белов смотрит на нее, будто не замечая созданного им же бардака.

— Спишь со мной, на свиданки к нему мотаешься. Как тебя понимать, Вера? Ты скажи, как понимать-то, я ж не знаю. Запутался я. Он тебя ждет каждый день, любит сильно, хочет детей тебе наделать, а я на могилы чужие плюю. Каждый год так делаю, прыгаю с моста, потом еду, потом плюю. С трупом разговариваю. Хочешь со мной вот так всю жизнь ездить, Вера, а? Или куда ты хочешь? Ты реши уже. Не получится так — и с ним, и со мной. Не выйдет никогда. Либо — либо.

Он в курсе, узнал откуда-то. Глупо было надеяться, что удастся сохранить ее опасный поступок в тайне. И если бы она плохо знала Вика, немедленно бы вышла из машины и убежала прочь, потому что очень сильно страшно быть рядом с ним таким — агрессивным. Впервые он испугал ее, да еще так, что дыхание перехватило, словно воздух мгновенно исчез из машины.

Но она его знает. Ни на секунду не забывает, что он страшно обожжен, что у него ПТСР и что у него нет веры. А Вера ему очень нужна, он ведь так радуется, когда она о нем заботится. Она должна быть рядом с ним, у него должна быть своя собственная Вера. Должна быть непременно!

— Идиот. Налево, конечно. К тебе, — говорит уверенно, упрямо поднимая подбородок, смотрит в глаза.

Он резко жмет по газам, и машина с визгом срывается с места, подрезая объезжающий автомобиль, поворачивает налево, перестраивается на нужную полосу. Вик откидывается в кресле, расслабляется, далее ведет машину спокойно. Опасная езда ему не свойственна, сколько раз Вера с ним ездила, он всегда лишний раз перестрахуется да пропустит кого-то. Он не Артем, для которого нужно побеждать каждую минуту, в том числе за рулем, пусть даже никто с ним и не соревнуется.

Белов снова спокоен, быстрым движением вдруг вытирает глаза, хотя они сухие, и даже не покрасневшие. Если бы он плакал, она бы обязательно заметила, очень внимательно следит за его лицом, ожидая новую вспышку гнева.

Постепенно Вера восстанавливает дыхание, в машине очень тихо, никто не решается включить музыку, впустить в их тишину чей-то чужой голос. Кажется, Белов не собирается больше кричать.

— Прости меня, — наконец, говорит она очень тихо.

Он молчит, смотрит на дорогу.

— Пожалуйста, милый, прости меня, — уже громче. — Я знала, что тебя это заденет, поэтому скрывала. Он хотел поговорить, и я с ним встретила, чтобы сказать лично, чтобы больше не писал и не звонил. Я не хотела тебя впутывать. Вик, пожалуйста, пойми, меньше всего на свете я хочу вас окончательно рассорить.

— Два раза? Вера, так он и со второго не понял. Я говорил с ним, ни хрена он не понял. Или, может, ты хреновенько объясняла? Тебе теперь придется с ним каждый день встречаться, чтобы объяснять и объяснять, да?

— Во второй раз меня обманула Арина, назначила важную встречу, звонила, сказала — дело жизни и смерти. Забронировала столик. А пришел Артем.

Белов молчит.

— Арина о многом не знает, не ссорься с ней из-за меня, хорошо? Я сама с ней поговорю, когда придет время. Вик, я признаю, что полностью виновата. Прости меня, пожалуйста, — она опускает лицо на ладони, трет его, вздыхает.

Что еще сказать? Начать оправдываться, рассказывать, как отчаянно Артем старался при их встрече, волновался, аж голос дрожал. Как смотрел на нее с обожанием, ловил каждое слово, спрашивал все время о том, как она поживает, будто ему не все равно, и не он оставил ее на улице без средств к существованию и, вероятно, со смертельным вирусом в крови. Вел себя, словно не было последнего непростого года их непонятной семейной жизни, каждым словом и взглядом он приглашал вернуться назад, в то время, когда только начинал ухаживать и по-настоящему любил. Даже рубашку надел зеленую, как на первом свидании.

«Я так и знал, что тебе повезет», — сказал, улыбнувшись, когда она сообщила, что анализы пока отрицательные. А далее ни слова о брате или острых темах. Не дал ей и рта раскрыть самой.

Рассказать Вику, как дыхание перехватило, когда увидела его — растоптанного, несчастного, такого большого, могучего и сокрушенного, как он умолял просто послушать, потому что ни у кого больше нет на это времени. И потом два часа не замолкал, в подробностях расписывая, как живет, как лечится, какие планы. Вернее, что нет никаких планов. Про свое одиночество говорил. Ему кажется, что его опять бросили, как и в тот раз, когда мать ушла. Самая родная и нужная женщина ушла за другим мужиком, родила себе новенького сына, когда он и в школу не ходил еще. Он каялся, клялся, что поступил с Верой низко из-за того, что раньше не умел ценить женщину и важность ее места рядом с мужчиной. У него ведь с детства заложен стереотип определенного отношения к противоположному полу из-за матери. Так раньше было, пока он не понял, что на самом деле имеет значение. Жизнь умеет учить, ради него она расстаралась.

— Вик, прости меня, я очень тебя прошу.

— Поедем сегодня к Джей-Ви? — вдруг говорит. — За город. Я его отцу сауну строил несколько лет назад, посмотришь, как вышло. Там вечеринка большая. Выпьем, подышим воздухом, на елочки поглядим. Они там до неба, не поверишь. Поплаваешь в бассейне. Поедешь, Вера?

— Мне на работу завтра, ты помнишь?

— К десяти же? Я тебя отвезу, успеем. Он живет не так далеко от Москвы. Не хочу домой ехать, настроение паршивое. Так что, поедешь после сегодняшнего развлекаться со

мной?

Интересно, что именно он имеет в виду «после сегодняшнего»? Или все вместе?

— Поеду.

Он кладет ладонь ей на колено:

— Если ты захочешь к нему вернуться, то просто скажи мне.

— Не захочу.

— Просто скажи мне. Пожалуйста, не надо за спиной, ладно?

— Вик, такого не будет. Не о чем даже разговаривать.

— Ладно, Вера? — резко повышает голос, давит интонациями, принуждает к ответу.

Неужели он ей не верит? Ни одному ее слову. Не верит, что выбор давно сделан, и вопрос вообще не стоит о том, чтобы снова сойтись с Артемом Кустовым. Да она лучше в деревню вернется с позором и пойдет варить манную кашу в школьную столовую.

Хорошо, она даст Вику время. Человек, которому для душевного спокойствия нужно раз в год плюнуть на могилу, нуждается в большем количестве времени, чтобы понять очевидные вещи. Белова сложно упрекать в не дальновидности, он живет с ней одним днем, словно будущего позднее середины августа не существует. Но Вера-то знает, что если она хочет быть с Виком долго, а она хочет очень сильно, то ей придется стать частью семьи Кустовых. И хорошо бы наладить со всеми хоть какие-то отношения, в том числе и с Артемом. Она не станет камнем раздора двух братьев и сестры, не сможет смириться с этой ролью. Но можно ли подобрать слова, чтобы донести до Вика сейчас ее мысли и планы? Лучше выждать.

— Да. Если так случится, я скажу тебе об этом, глядя в глаза. Но ты тоже, если заинтересуешься другой, должен поступить честно. Пообещай, Белов.

— Ты узнаешь об этом первой, будь уверена. У тебя есть купальник, Вера? Если нет, срежем через торговый центр. Хочу, чтобы ты хорошенько поплавала сегодня, а я буду сидеть и любоваться. Именно такое завершение дня мне сейчас нужно.

«За меня можно выйти замуж только ради этой дачи», — заманивал Джей-Ви к себе за город во время баскетбольного матча. Что ж, можно сказать, он практически не преувеличил.

Огромный трехэтажный дом утопает в зелени на неприлично громадном участке, огороженном мощным кирпичным забором, и включает в себя целый СПА-комплекс с закрытым и открытым бассейнами, сауной, тренажерным залом, кучей беседок и садом. Должно быть, у Жоркиных есть садовник, невозможно самим ухаживать за столь огромной территорией и содержать ее в идеальном порядке.

— Я не частый гость на такого рода вечеринках, — задумчиво говорит Белов, как только они сворачивают на нужную улицу, в конце которой и стоит знаменитая дача. Ее оранжевая черепичная крыша уже отчетливо виднеется, и Вера предвкушает знакомство с одним из лучших проектов Белова, которые до этого видела только на страницах журналов. — К тому же в моей башке сейчас очередное короткое замыкание, поэтому я не обнимаюсь. Должно быть, ты заметила.

— Пару раз обратила внимание на эту твою особенность, — улыбается она, он следом тоже быстро, натянуто.

Они не спали сутки, которые все время куда-то едут, изредка разговаривая на повышенных тонах. Он не гладит ее колени, не шутит и практически не улыбается —

сдержанный, собранный, как и обычно среди чужих людей, а она делает вид, что не замечает холодности, так и разящей от него, и ее это устраивает. Их первая крупная ссора в самом разгаре, получится ли пережить ее вместе? С Беловым нужно держаться начеку, иногда от одного слова или взгляда зависит судьба их отношений, с ним очень непросто. Вик словно специально ее испытывает, пугает, провоцирует, а затем внимательно неотрывно наблюдает, как поведет себя. Отталкивает и ждет реакции, и когда Вера идет навстречу, обнимает еще крепче, целует еще чувственнее, чем раньше. А потом все снова повторяется.

Вику по десять раз на дню нужны доказательства ее чувств, существование которых они вслух постоянно отрицают. Интересно, кто-нибудь в мире еще знает, насколько он не уверен в себе?

Как долго можно просуществовать в выбранном им режиме? Хочется переломить ход событий, не сломав при этом его самого. Белов всю дорогу хмурится, трудно расслабиться и настроиться на веселье, когда то и дело ждешь, что он снова начнет нападать. Хорошо, что там будет Джей-Ви, который всегда может разрядить обстановку.

У Веры в голове столько вопросов, что одни цепляются за другие, а третьи и вовсе теряются на общем фоне напряжения. Сложно расставить приоритеты и понять, какой момент сейчас требует большего внимания, когда хрупкое доверие между ней и Виком крошится и осыпается. Тем не менее, домой Вере не хочется.

— Не смейся меня, дело серьезное, — говорит он ей, продолжая улыбаться. — Предполагаю, что знакомые девушки по привычке будут пытаться, потому что... еще весной с этим проблем не было. Такие вот дела. Летом физические контакты никогда не выходят.

Видимо, это из-за даты. Интересно, обострение Вика как-то связано с их поездкой на кладбище? Спросить сейчас и утолить kloкочущее любопытство? Есть ли в этом смысл?

— Я поняла, — помогает она ему.

— Главное — дотянуть до осени, там будет проще. Я вообще не люблю лето. Не задалось у меня с ним.

— К черту лето, Вик.

— Ты, наверное, ждешь каких-то объяснений. Могу рассказать тебе о кругах, хочешь? Не тех, что на полях, конечно. Моя жизнь — это движение по кругу, хотя врач и говорит, что по спирали. Но какая к чертовой матери спираль, у нее-то начало и конец есть, а я же как спутник. Вращаюсь вокруг х*рни своей: как к триггеру приближаюсь, сразу горячо, как отдаляюсь — опять нормально. Я не человек, а гребанный спутник, наполовину искусственный, кстати. Киборг, мать его. А они все, — кивает на дом, — не знают ни о чем. Никто не знает, поняла? И не надо, чтобы узнали.

— Вик, может, ну эти риски? Поехали домой.

— Нет, пойдем, — говорит упрямо. — Из них всех только Димыч видел шрамы, но он никому не скажет, он ведь мой мастер и хранит секреты столь же трепетно, как врач тайну пациента. Он надежный в этом плане. Джей-Ви, думаю, о чем-то догадывается, но на эту тему я не говорю. И ты не говори.

— Разумеется.

— Тебе придется помогать мне, Вера. Состройшь из себя ревнивую истеричку. Сможешь?

— Запросто, — хитро улыбается она. — Это я точно смогу.

— Наша цель — пережить приветствия, чтобы никто не лез близко и ни за что не хватал. Обычно я на подобные сборища не езжу, но сегодня что-то захотелось. Вер, сауна в

этом доме — одна из лучших моих работ, обрати внимание. Ее напечатали в трех журналах, она заняла третье место на каком-то там конкурсе в Италии.

— Белов, всё, что от меня зависит — я сделаю, будь уверен. Главное, чтобы этого оказалось достаточно.

— Вера, мои таблетки...

— В портмоне и бардачке машины.

— Возьми и ты пачку, — сует ей в руки. — На всякий случай.

— Давай никуда не пойдем, милый? — хочется умолять его не делать глупостей. Что с ним происходит, почему кидается из одной крайности в другую? Кому что хочет доказать? Никто ж не ждет от него героизма такого рода. Вера точно не ждет, ей главное — знать, что он в порядке и безопасности. — Поедем, куда захочешь. Я с огромным удовольствием побуду с тобой дома, посмотрим фильм. Любой, какой выберешь. Пересмотрим в третий раз «Назад в будущее два»?

— Нет, я хочу. Надоело прятаться. Все лето дома сижу, всю жизнь так. Может, кстати, ничего и не случится. Весь этот год я позволял себе больше обычного, в том числе часто обнимался, нормально все было. Просто перестраховываюсь. Может, пора мне уже делать шаги по другой траектории, разрывать круги. Может, сейчас самое время. Если не сегодня, то когда?

Возможно, если они справятся сейчас, то попробуют позволить себе чуть больше наедине друг с другом. Если он захочет, конечно.

Он паркует машину, улыбается ей.

— Сейчас усну, — говорит.

— И я, — тянется к нему, касается его щеки своей. Боится, что отшатнется сразу, он сдерживается ровно секунду, потом отодвигается и смотрит на нее:

— Готова уйти в дикий отрыв? — улыбается и подмигивает. — Наглотаемся кислоты, выпьем водки с содовой, выкурим по косяку и присоединимся к безудержной оргии из десятка потных пылающих тел. Слабо?

— Вызов принят, — показывает ему язык и выбирается из машины. Распрямляет плечи, поправляет волосы и готовится встретиться с его друзьями и страхами лицом лицу. Ну что ж, посмотрим, кто сегодня окажется сильнее: Вера или ПТСР Вика. «Вызов принят», — повторяет себе она и решительно кивает.

Вокруг дома образовалась парковка из десяти дорогущих машин, «Кашкай» последнего поколения выглядит более чем скромно на фоне немецких и итальянских красавцев. Среди гостей, впрочем, есть и те, кто приехал на электричке — всего около тридцати человек — все молодые, в среднем от двадцати до тридцати, веселые и яркие. В глазах рябит от нестандартных образов, броских цветов брендовой одежды, всевозможных татуировок и пирсинга. Приглашенные девушки — сплошь очень хорошенькие длинноногие модели, фотографии некоторых из них занимают уйму памяти в папках Вика. Они знают себе цену, не ходят, а плывут, покачивая бедрами, не стоят, а позируют. Интересно, этому можно научиться или такими рождаются?

Музыка орет из огромных колонок, от басов дрожат стекла в окнах, кажется, шевелятся листья на деревьях. У кристально чистого овального бассейна расставлены шезлонги, на которых отдыхают раздетые до купальных костюмов, а иногда и топлесс, девицы, парни купаются, с криками и с разбегу ныряют в воду, поднимая волну брызг. У импровизированной барной стойки хозяин вечеринки в костюме Джека-Воробья разливает

напитки.

— Так вот кто свистнул шляпу из студии! — Белов быстро подходит и сдергивает головной убор с головы друга, ловит руку Джей-Ви, улыбается. — Год ее ищу! — надевает на себя. — Хоть бы признался, сто раз ведь спрашивал.

— Нифига себе! — вопит тот от восторга. — Какие люди, мать твою, сука, Белов приехал собственной персоной! Да быть не может, чтоб я сдох немедленно! — легко перепрыгивает через стол, расплескав при этом напитки, опрокинув стаканы, и крепко обнимает друга, чмокает в щеку.

— Иди ты на хрен, — отпихивает его Белов, вытирая лицо.

Тот повторяет этот же номер с Верой, еще и умудряется ее лизнуть при этом. Отрывается, наигранно испуганно смотрит в глаза и комично качает головой, поглядывая на Вика — дескать, не сдавай меня — Вера смеется, показывает ему большой палец.

— Вера, как?? — пораженно спрашивает он. — Как тебе это удалось?? — легонько трясет ее за плечи. — Я столько лет зову этого отшельника на свои вечеринки, и у него всегда находятся дела поважнее. Ты знаешь секрет, признайся.

— Однажды я был у тебя уже, кстати.

— Когда работал нанятым фотографом, ага, помню.

— Работал? Что ж ты мне так и не заплатил?

— Не хотел обижать, дружище, копейками жалкими. Вера, так что ты ему пообещала за этот смелый поступок? — смеется. — Как я только не заманивал его: черненькими, беленькими, рыженькими, тощими, с жопками... — кивает в сторону бассейна. — Белов, ты, блин, как всегда не в тему со своим самоваром!

И прежде, чем Вера успевает открыть рот, за нее отвечает Белов:

— Трепло, заткнись. Последовал твоему же совету же. Сам говорил, что девушек надо периодически выгуливать в обязательном порядке.

— Точно. Скучающая дома девочка — страшнее атомной войны. Никогда не знаешь, что может выкинуть и куда направить свою энергию. Особенно если она юна и сексапильна.

— Как в воду глядел. Да же, Вера?

Она слегка округляет глаза, понимая, что он подкалывает ее. Если Вик шутит на тему ее встреч с Кустовым, это же хороший знак?

— Вера, ты взяла купальник? — переключается на нее Джей-Ви. — Раздевайся и ныряй, водичка как надо сегодня. А через несколько часов и баньку затопим, у меня веники есть отличные. Дядька из леса привез буквально на той неделе, новые, свежие. Отдерем ими так, что другим человеком себя почувствуешь.

Белов качает головой, слегка улыбается.

— Ну и придурок, — бормочет. — Вера, постарайся не забыть, что перед тобой один из лучших начинающих дизайнеров «Континента», который учился в Италии и Франции и свободно говорит на трех языках. Знаю, что в это сложно поверить, — морщится, как и обычно, строя из себя джентльмена перед ней, когда его друзья начинают соревноваться, кто выдавит из себя более пошлую шуточку.

— С удовольствием искупаюсь, но позже, — охотно кивает Вера, принимая бокал с оранжевым коктейлем и посмеиваясь над этими двумя, стоящими рядом и активно препирающимися.

— Слушай, Джей-Ви, — Белов понижает голос и говорит серьезно, выражение лица Жоркина моментально меняется, дурашливость исчезает, словно и не было, он становится

именно таким, которому можно доверить строительство отеля, а не только приготовление коктейлей, — Вера очень ревнивая, не надо, чтобы кто-то ко мне сегодня лез и вис. Ее и так до бешенства доводит студия. Надо сказать, чтобы осторожнее были. Понял? Ничего лишнего не говорили и не делали. Иначе мы тут же домой уезжаем, это без вариантов.

— Ого, — тянет Жоркин.

— Джей-Ви, мало того, что эти девицы в студии перед ним задницами голыми вертят, еще и домой таскаются периодически. Вчера очередную пришлось выгонять, не поверишь, угрожала на пороге спать, — парирует она, стараясь придать голосу максимум жесткости. Жоркин хохочет, показывая оттопыренный большой палец Вику. — Если еще хоть одна баба до него дотронется, я разворачиваюсь и ухожу домой. Навсегда, Белов, ты понял? — смотрит на Вика. — Ты помнишь, что у тебя последний шанс?

Вик смотрит на нее, она на него, сверлят глазами. То, что она ничего не сказала ему про Алису, еще не значит, что забыла очередной визит этой настырной девицы.

— Как же строго у вас. И сложно. У-у-у. Но понял, организуем, — он кивает и идет в сторону бассейна.

Вик не ошибся, в первый час их приезда вокруг вьется целая куча народа. Каждый гость подходит поздороваться, жмет ему руку, заводит разговор об общих делах в прошлом или будущем. Все они знакомятся с Верой, с интересом оглядывая ее с ног до головы, высказывая удивления тому, как ей удалось вытащить Белова из дома. Кажется, он не солгал и действительно чаще всего просиживал выходные в четырех стенах своей квартиры. Но все это — мужчины, а женщины лишь поглядывают и иногда приветливо машут. Видимо, несмотря на дурашливость Джей-Ви, его слова воспринимают всерьез, и на всякий случай держатся подальше от необычной парочки.

— Однако, как интересно, — к ним подходит Варвара Ради, та самая лучшая модель Белова, с которой он работает уже много лет. В минимальном золотистом купальнике ее смуглое тело выглядит как всегда потрясающе, а дерзкие татуировки на руках и животе в тех же цветах, что и на руках Вика, приковывают взгляд. — Неужели ты, наконец, среагировал на команду «к ноге», Белов?

— К обеим ногам, — он улыбается, ничуть не смущаясь унижительного сравнения. Кажется, на данный момент им получается убедить в своей игре окружающих, на них просто смотрят, никто не пытается его трогать.

Поглядывают, конечно, с громадным интересом. Мало того, что из всех присутствующих только парочка Белов-Вера одеты с ног до головы, да держатся подальше от бассейна, так еще новая подружка Вика, оказывается, ревнивая собственница. Вера гадает, что, должно быть, о ней думают. Ни разу за вечер она не отошла от своего молодого человека, не отпустила его руку, не позволила парню и взглянуть на другую, не то что разговор завести.

Вера не привыкла бегать за мужчинами, она предпочитает, чтобы именно ее внимания добивались, но справляется неплохо. Белову, по всей видимости, весело, он с удовольствием болтает с приятелями о предстоящем крупном конкурсе фотографии, на который ему в этом году нечего выставить, обсуждает какую-то новую модную итальянскую плитку, системы очистки бассейнов и прочие мелочи по работе. Долго хохочет после того, как они, завалившись в одну из комнат на втором этаже в поисках места, где можно переодеться, застукали одного из парней, прислонившегося спиной к стене и девицу перед ним на коленях.

Тем временем случилась небольшая стычка внизу, один из гостей притащил с собой кокс, за что его выставили на улицу.

Темнеет сразу после восьми. Народ затопил баню и теперь голышом выбегает из парилки и плюхается с разбегу в бассейн. Кто-то ненадолго уединяется в спальнях наверху, все пьют, шутят, смеются, танцуют под громкую музыку. Атмосфера в целом приятная и располагающая к отдыху, никто не ссорится, не спорит и не выясняет отношения, не навязывает свое внимание. Каков легкий на подъем и общение двадцатидвухлетний Джей-Ви — такая же у него получилась вечеринка. Жоркин хоть и пьян, но строго следит за тем, чтобы все себя контролировали и вели достойно. Среди его друзей есть несколько крупных парней, которые при случае готовы выкинуть на улицу любого, кто не соблюдает правила хозяина.

Веру зовут в баню, и Белов, шлепнув ее по попке, кивает, настаивая согласиться. «Нормально все, дуй», — говорит ей, целуя в щеку. Она на мгновение замирает, спрашивая взглядом: серьезно? Или устроить сцену ревности? Последнего сильно не хочется, и она облегченно выдыхает, когда он смеется, кивает ей и уходит на кухню с Димкой, где кроме них больше нет никого.

Перед выходом из дома ее обнимает за шею Джей-Ви и провожает в сторону парилки, где сейчас собрались одни девочки. Внутри его не пускают, только Веру, потому что там практически все раздетые, расслабляются, греются. В купальниках помимо Веры лишь трое, остальные — голышом. Они захлеб обсуждают Джей-Ви, его шикарный дом, потрясающую сауну и бассейн. Выясняется, что Жоркин-старший — известный бизнесмен, и подобного рода вечеринки для их семьи необременительны.

— Не могу понять, если родной сын талантливый дизайнер с европейским образованием, почему сауну строил Белов? — спрашивает Вера в подходящий момент. Она ловит себя на мысли, что гордится Виком — СПА Жоркиных вышел очень удачным, красивым и уютным.

— А ты когда-нибудь делала ремонт? — отвечает ей та самая Варя Ради, которая, как помнит Вера, предпочитает девочек. Она уже давно сидит в бане, ее гибкое пластичное тело, неславянское лицо с полными губами и высокими скулами покрывают капельки пота. Ее объемная грудь часто вздымается в такт дыханию.

— Делала, а что?

— С кем? Неужели ни разу не поругались?

— Вообще-то, было дело.

Действительно, они с Артемом ссорились в пух и прах, выбирая цвета стен и мебели, крича друг другу, что у второго нет и капли вкуса.

— Ну а ты представь, тут не просто ремонт, а стройка. Для таких целей лучше приглашать кого-то со стороны. Тем более, Джей-Ви с Виком дружат всю жизнь, со школы еще. После этого дома, кстати, Белов надолго пропал из студии. Строил хоромы друзьям Жоркиных. Хорошо, что вернулся. Без него некому фотографировать в этом городе, приходилось мотаться в Испанию, там у меня друг живет.

— Слушай, а вы давно с Виком встречаетесь? — спрашивает другая девушка, длинноволосая брюнетка с таким же безупречным телом, как и у Ради.

— С весны еще, — говорит Вера, понимая, что вопросы неизбежны. Визит Белова на вечеринку — чуть ли не событие года для этой компании, в которой все друг друга хорошо знают. Тем более, Вик явился не один, а с постоянной девушкой.

— Понятно. Ты ведь не модель? Он никогда не мутит с моделями.

— Вообще-то, я повар, — усмехается Вера. Ей понятен их интерес, та же Варя знает Белова несколько лет. Разумеется, ей любопытно, с кем он встречается так долго.

— Сильно ревнуешь? Я бы глаза выцарапала своему, если бы он каждый день смотрел на чужие идеальные тела, как у нее, например, — девушка показывает на Варю, та смеется, потягиваясь, ничуть не стесняясь того, что обнажена. С другой стороны, ее фотографиями пестрят интернет и журналы, с чего ей вдруг начать комплексовать в женском обществе.

— Я же знала, на что иду, связываясь с ним, — улыбается Вера, впервые за вечер расслабляясь, греясь, не думая о рисках Белова.

— Вера, это правда, что он очень грубый с женщиной? Слухи ходят, — это ей говорит уже почти на ухо Варя, другие девочки делают вид, что заняты своими делами, но никаких сомнений — прислушиваются. Сауна большая, позволяет удобно разместиться десяти желающим. Взгляд падает на пышную грудь Варвары с темными, торчащими вверх крошечными сосками. Интересно, она настоящая? Смотреть на нее не хочется, тем более так долго — неприлично, но оторваться нереально, взгляд возвращается снова и снова.

Ответы все еще ждут.

— Так сильно интересно, как он трахается? — Вера приподнимает левую бровь, понимая, что попала в сложную ситуацию. Вопрос провокационный, он подразумевает либо ярого опровержения, либо молчаливого согласия. И то и другое вызовет улыбки, насмешки и новые сплетни. Но она не может уйти от темы, девушки в любом случае сделают выводы. Вынуждают ее начать что-то объяснять, рассказывать, вводить в курс дела.

В этой компании принято говорить о сексе в том же тоне, что и о помаде. Наверное, это нормально, просто непривычно. И пора бы уже вспомнить, что Вере двадцать три года, а не тринадцать, и повести себя по-взрослому. К счастью, ее щеки и без того пылают из-за жары в сауне. Пасовать перед этими сомнительного поведения дамами Вера точно не будет, она высокооплачиваемый повар с большими перспективами, всего добилась сама — трудом и способностями, на последнем мастер-классе ее отметил знаменитый итальянский повар Симоне Райан и пригласил к себе в ресторан. В шутку, скорее всего, но было очень приятно. Им не удастся смутить ее. Она смотрит на Ради, ожидая очередного выпада.

— Ну да. Джей-Ви говорит, что это неправда. Ну, что Вик по юности девушку изнасиловал. Что не так все было. Но не зря же на него дело заводили. Хотя всякое бывает. Я никого не знаю, кто был бы с ним, вот и интересно, правда ли, что связывает и лупит. В нем что-то есть такое. Таинственная опасность, что ли, — ухмыляется Ради.

Вера приоткрывает рот от удивления, Варя крепко держит ее за запястье, идеальный френч модели на смуглой коже кажется ослепительно белым.

— Ты не подумай ничего, я же друг ему. Мы сто лет знакомы. Только он меня и снимает, остальные — лохи да козлы похотливые. Белов — единственный, у кого стояк работе не мешает. Ну, практически, — смеется.

Изнасиловал девушку? Заводили дело? Что за бред она сейчас несет? Да Вик и шага вперед не сделал без одобрения Веры, иногда его нерешительность нервировала.

Вера делает усилие над собой, продолжает улыбаться Варе, та пододвинулась совсем вплотную, касается своей голой грудью Вериной руки, смотрит своими большими чуть раскосыми темными глазами, ждет ответа.

— Ты не знала, что ли, о его прошлом? Я зря сказала, да? — якобы спохватывается. — Надеюсь, это ничего? Расстроила тебя? — делает вид, что обеспокоена и что ей очень жаль.

Должно быть, в почти черных Вариных глазах Вера выглядит глупой деревенской простушкой, над которой не грех поглумиться. Ну уж нет, так не пойдет.

Есть лишь секунда, чтобы решить, как поступить. Нельзя позволить новым сплетням о нем разлететься. Вера загадочно улыбается, словно обсуждать секс для нее в порядке вещей, тянется и, следуя порыву, все еще не веря, что сможет, целует Варю. Сладко, нежно, чувственно. Та тут же раскрывает губы, и Вера делает движение своими, лаская ее.

— Ого!! — визжат и хлопают в ладоши девочки, таращась на них. Варя приоткрывает рот, и Вера касается ее языка своим быстро, но уверенно, сама не веря тому, что ведет в поцелуе. Целоваться теперь она умеет хорошо, много и часто практикуется. Но нужно заканчивать это дело, удовольствия процесс не доставляет. Может, Вера и бисексуальна, и ей действительно неожиданно приятно смотреть на совершенную фигуру Вари, но она же любит другого. Поцелуй с Ради не разгоняет сердце, не волнует душу. Касание губ длится от силы несколько секунд и уже в тягость. Вера сделала все, что могла, чтобы перевести тему. Остается только надеяться, что ее смелый поступок захватил все внимание.

А далее события разворачиваются за одно мгновение, накладываясь друг на друга, обгоняя, наступая на пятки:

— Девочки, а ну-ка быстро в бассейн!! — залетает, как ураган, в сауну Джей-Ви в длинных купальных кислотного цвета шортах, и замирает, вытаращив глаза. — Вера, Варя, нифига себе! Умоляю, продолжайте!

Девочки, кто без купальников, начинают визжать, прикрываться и выгонять его. Вера отрывается от Вари, находит в себе силы улыбнуться и вместе со всеми выбегает на улицу, прыгает в бассейн, проплывает несколько метров. Оборачивается и видит, как Варя показывает ей знак позвонить.

Подозрительный Белов нашел себе чокнутую ревнивую лесбиянку. Отлично. Хорошо, что родители ни о чем не узнают. А насчет обвинения в изнасиловании нужно будет уточнить. Серьезная тема. Артем никогда даже не заикался о подобном, но вряд ли Варя бы стала шутить столь странным образом. Должно быть, там какое-то недоразумение.

Веселье продолжается, градус напитков повышается. Многие уже начали целоваться прямо в бассейне, вечеринка начинает выходить из-под контроля, становится бесстыжей. Все эти люди приехали сюда хорошенько выпить и потрахаться, никаких сомнений. Удивляет то, что все они друг с другом отлично знакомы и часто видятся.

Вера спешит в дом, переодевается в свое платье и идет на поиски Белова. Он на кухне все в той же шляпе пьет горячий витамин С — на столе перед ним пачка любимых витаминов — и серьезно разговаривает с Димкой, обсуждает макет очередной тату.

Белов трезв, как стекло, потому что готовится при случае глотать транквилизаторы и обезболивающее. Кажется, ему здесь скучно, глаза сонные, иногда он зевает, прикрывая рот ладонью.

— Горло опять? — спрашивает Вера, он быстро кивает, обнимает ее, присаживая рядом, продолжая говорить:

— Ну и когда будут эти чернила? Ты ж обещал до августа начать раскрашивать. — А ей шепчет: «Хорошо попарилась?» — Вера несколько раз кивает, гадая, как скоро ему донесут о ее приключениях, и как он к ним отнесется.

— Что именно раскрашивать? — спрашивает она вслух. Вик показывает на голень правой ноги. Вера еще ни разу не видела его ноги. Ни ноги, ни плечи, ни живот или спину. Столько ночей провела рядом, он, должно быть, изучил ее тело по сантиметрам, а ей ни разу

не повезло его раздеть. Дима и тот знает больше. Он смотрит на Вика своими нереальными бирюзовыми глазами с карими радужками, кивает.

— Ну, сам понимаешь, бывают накладочки с поставками. Я не буду твою кожу бить обычными чернилами, не проси. Я вообще взялся за твои ноги только по дружбе.

— И потому что ты безумный художник.

— Ага, нормальный в глаза краску не зальет. Да же, Вера? — внезапно переключает взгляд на нее, смотрит в упор.

— Ой, прости, — она ловит себя на мысли, что пялится. Но как можно не пялиться когда белки его глаз ярко-бирюзовые, а взгляд гипнотизирует, мгновенно ловит в ловушку, не выпуская. Через пару секунд напрочь забываешь о некрасивом родимом пятне Димы, есть только его глаза, от которых невозможно оторваться. Страшно красиво — приходит на ум определение.

— Еще скажи, что ты не ожидал, что все, глядя на тебя, будут думать только о том, какой ты психопат, раз залил в глаза краску, — тут же заступает за нее Белов.

— Можно подумать, кто-то в здравом уме возьмется бить шрамированную кожу, — отвечает тот с вызовом.

— О чем спор? — к ним подходит Джей-Ви с очередной девицей в объятиях. Хорошо выпившая, она тянется к Вику, хочет обнять его за шею сзади. Вера делает движение, будто закрывая его, загораживая, та смеется:

— Ну, к тебе не подобраться сегодня! — восклицает. Делает взмах рукой, жестикулируя, и задевает стакан на столе. Тот, как в замедленной съемке, переворачивается, и содержимое выливается частично на стол, а остальное — прямо на живот Белова. Целый полный до краев стакан, Вик успел сделать лишь несколько глотков. Он пытается его поймать, но не выходит.

Вера быстро опускает руку на лужицу — горячо. Смотрит на Вика, на его глаза, которые расширяются, как обычно бывает, когда он сталкивается с триггером или его угрозой. Лицо Вика застывает, и лишь глаза выдают ужас, страх перед болью, которая скрутит минутой позже. Он рассказывал, что эта боль нетерпимая, что в минуту пика нужен кто-то, кто будет караулить, держать за руки, иначе можно и глупостей наделать, из окна выпрыгнуть, лишь бы прекратить ее.

Вера смотрит в его глаза и видит в них панику. Панику, от которой внутри все сжимается. Они продержались целый вечер, у них почти получилось. Безрассудной была сама идея приехать сюда, зря Вера пошла у него на поводу. Надо было настоять на своем, увезти его домой, в безопасность. Хочется ударить эту идиотку чем-то потяжелее.

— Ну, трындец! Я сейчас, — он почти спокойно поднимается, даже улыбается, и идет в противоположную сторону дома, никто на него не смотрит, бросают вслед лишь короткое: извини. Кажется, лишь только Вера замечает неестественность, скованность в его движениях. Идет к холодильнику, непослушными руками находит в морозилке пакет замороженных овощей, бутылку воды и идет следом за ним, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Сумочка с таблетками висит на ее плече, она как чувствовала — прихватила ее с собой.

Сплошная дубовая дверь находится быстро, хоть и расположена в темной стороне дома. Она заперта, Вера стучится, надеясь, что Вик находится именно за ней. Больше ему на первом этаже укрыться негде, повсюду люди, а гостевой санузел вечно занят.

— Вик, это я, открой.

Тишина. Стучится снова. На нее никто не смотрит, эта ванная находится в другом конце

дома, а гости преимущественно у бассейна да бара.

— Белов, открой дверь. Я хочу помочь.

Он не отвечает, дверь по-прежнему заперта, чтобы открыть снаружи, нужен специальный узкий предмет, нет времени сейчас бежать искать что-то подходящее. Вера начинает долбиться:

— Да вспомни, в конце концов, что у тебя есть яйца, и решишь на смелый поступок! — срыгается. — Я лед принесла. — Подпирает спиной стену, прикрывает глаза, представляя, что он там один погибает, не пуская к себе никого, даже ее, свою Веру, по-прежнему не доверяя, держа на расстоянии. Неужели он не чувствует, как она к нему относится несмотря ни на что? Как сильно ей хочется быть рядом, невзирая на его странности? Что ей еще сделать, чтобы он подпустил ближе?

Проходит секунд двадцать, прежде чем замок все же щелкает, и она протискивается через чуть приоткрытую дверь, сразу захлопывает ее и закрывается. Оборачивается.

Он без майки. Стоит в одних джинсах к ней лицом, из крана за спиной бурным потоком льется вода, яркий свет ванной слепит, отражаясь в глянцевого потолка, черной плитке, безупречно белой чистейшей сантехнике.

Он без майки, стоит и смотрит на нее, ждет реакции, от которой будет зависеть многое в ее жизни, и все в их отношениях. И Вера вдруг отчетливо понимает, что не может ему улыбнуться и сказать: всего-то? Я-то думала, у тебя там что-то серьезное! — как это планировалось раньше. Она тысячу раз представляла себе этот момент, готовилась сделать вид, что ей все равно, а дефекты его внешности — мелочь. Но она не может так сказать. Потому что не получится искреннее, ни одна репетиция не поможет. Будет чистой воды лицемерие, и он это поймет непременно. Потому что он действительно выглядит плохо. Не просто плохо, она давит в себе это слово, но оно снова и снова всплывает в голове: тошнотворно. Не кожа, а месиво, которое так и застыло каким-то образом, зажило, зарубцевалось, как смогло.

Одного взгляда хватает, чтобы понять — когда его спасали, об эстетике не думали, дело касалось жизни и смерти. То, что это смогло в принципе зажить — чудо. Ее начинает тошнить от одной мысли о том, как это выглядело сразу после пожара, сколько принесло боли. Эта боль словно передается по воздуху, она проникает в ее тело вместе с частицами кислорода, которые выдыхают его легкие, растекается по жилам, покалывает кожу, которая ноет, будто тоже меняясь, словно уродство может быть заразно и передается воздушно-капельным путем. Сердце подхватывает эстафету, колотится, физически больно просто смотреть на Белова. Его страдания сжигают душу. Комок в груди давит, растет, мешает дышать, он настолько тяжелый, что она тянется к горлу, боря порыв отвернуться. Голова начинает кружиться, а ванная — плыть перед глазами от одной мысли, что такая боль вообще существует, что ее физически можно пережить.

А Вера еще жалуется ему постоянно, что есть пять процентов того, что в ее крови находится вирус, с которым можно прожить до старости. Как у нее язык поворачивается? Как Белов ее терпит? Откуда в нем столько понимания?

— Ты сказала, что лед принесла, — говорит он сдержанно. Берет из ее рук пакет, прижимает к животу и отворачивается, а ей кажется, что земля уходит из-под ног, рука тянется к косяку, чтобы зацепиться, устоять. Сзади все еще хуже. Намного, намного хуже. Бугры и рытвины, ни одного кусочка здоровой кожи, местами тело забито черными картинками, но они теряются на общем фоне. Зачем он вообще их бьет, не поможет же.

Белов снова поворачивается лицом, присаживается на край ванны, взгляд привлекает пиратский флаг на груди. Она не знала, что он там вообще есть, страшная жуткая татуировка на обожженной коже. Большая, на всю правую сторону, с белым черепом и костями. А если приглядеться, это не просто череп: на сером фоне человек смотрится в зеркало и видит свое отражение. Она подходит ближе, чтобы лучше рассмотреть, Вик не шевелится, позволяет. Точно, если смотреть издали — то серый череп с темными дырами-глазницами и полуразрушенными зубами, а если вблизи, то правая глазница — голова, шея, плечи человека, который смотрит на свое отражение в зеркале — левую глазницу. И отражение темное, мрачное, уродливое. «Я и моя душа», — приходит аналогия в лучших традициях Оскара Уайльда.

— Ты как? — спрашивает Вера. — Я таблетки принесла и воду.

— Кажется, нормально все. Не сработало в этот раз. Но я еще подожду несколько минут, мало ли. Это не всегда сразу. Ты иди.

Она садится рядом.

— А можно с тобой побыть?

— А хочется?

Он тянется к майке, но она останавливает его руку.

— Не обязательно, я уже все рассмотрела. Не прячься. Давай подождем вместе.

— Нахрен тебе это все надо, Вера? Нянькаться со мной. Отстой сегодня вышел, а не вечеринка, да? Как за годовалым ребенком за мной бегаешь, ни на минуту нельзя без присмотра оставить.

— Ну, я ж тебя не люблю, — говорит она, стараясь бодриться. — Поэтому и бегаю.

— И я тебя совсем не люблю, — он склоняет голову и утыкается своей макушкой в ее, так и сидят несколько минут, молчат. Вера без остановки моргает, прогоняя слезы, ванная продолжает расплываться, кафель на полу то приближается, то снова отдаляется. Лечь бы на него, да зажмуриться. Хочется оплакивать Вика. Оплакивать живого человека, сумевшего каким-то образом зацепиться за этот мир и заставить свое изуродованное измотанное тело функционировать.

— Помнишь, ты спрашивала, показывал ли кому-то шрамы? Было однажды дело. Мне тогда начало легчать, — он выпрямляется, тычет на голову, — сам стал на заправку ездить, первые годы Артем мне машину заправлял, каждую неделю приезжал для этого, иногда чаще. Я ж езжу много за город на объекты, нельзя без машины. А от одного запаха бензина сразу крышу рвало. А потом вдруг смог сдержаться один раз, потом второй. Пересилил себя, победа была настоящая. Курить следом начал. К женщинам прикасаться потихоньку, раньше ведь не мог даже смотреть. Если порнуха приснится, я сразу на транках, как наркоман в бреду хожу, ногами шаркаю, в башке туман. А куда ж без женщин? Повсюду они. Хочется ведь постоянно. Дома иногда сидел месяцами. Потом отпускать стало со временем, только и работал, что на психолога. Помогло.

Ну и решил, может, настало время делать еще шаги. Может, не так все ужасно, может, терпимо даже, — поглядывает на нее выжидающе. Она слушает внимательно, кивает, поощряя, но смотрит в пол, на него не решается, только иногда бросает взгляды, и снова пол, в безопасность. Как же чисто и свежо здесь. Наверное, никто из гостей не знает о существовании этой комнаты, повезло, что Вик нашел ее. Он продолжает: — Гордиться-то, в общем, нечем. Купил проститутку на ночь, поговорил с сутенером, что нужна такая, чтобы... ну, опытная, чтобы не испугалась. Поначалу нормально было, она танцевала, раздевалась. Я

смотрел. Потом снял майку, — усмехается, качает головой, посмеиваясь над собой же. Делает вид, что ему забавно, что уже пришло время как байку вспоминать тот случай. — Она как завизжит... Швырнула мне деньги, сказала, что лучше сдохнет, чем обслужит Фредди Крюгера. И свалила. На лестничной площадке одевалась, забыла у меня кучу тряпок, так спешила. Ну, тогда, в общем-то, границы я и установил себе.

Надо что-то сказать именно сейчас, но если она откроет рот, то начнет рыдать навзрыд.

— Такой вот я Вера. Весь такой. Ляжешь теперь со мной? — толкает ее локтем, посмеиваясь, между тем давая ей повод перевести тему. Вера цепляется за так необходимую передышку руками и ногами, переключает все внимание на нее, заслоняясь ею от его невыносимой боли и страха, как щитом.

Вера вскакивает с ванны, встает перед ним, упирает руки в бока и начинает возмущаться:

— Так и знала, что ты водил домой проституток, Белов. Фу-фу-фу, отвратительно!

Он смеется.

— Омерзительный тип, да?

— Еще какой, — она едва сдерживается, чтобы не начать на него кричать, все же отдает себе отчет, что они не дома и их могут подслушивать. Говорит полупшепотом, но с надрывом. — Как ты вообще мог, Вик?! Как ты посмел сравнить меня с какой-то тупицей, которая не смогла придумать лучшего способа для заработка денег, кроме как данной от рождения вагиной?!

Он посмеивается над ней. А Вера изо всех сил старается смотреть на его лицо, руки, взгляд не слушается — он шарит по его торсу, животу, ужасные детали мгновенно врезаются в память. Хоть бы не снились потом.

— Стыдно! — продолжает она. — Какая-то идиотка, которая умеет лишь ноги раздвигать за деньги, тебя обидела, и ты сразу поставил крест на мне, да? Спасибо тебе большое за сравнение, очень приятно. Доставил удовольствие.

В ответ лишь пожимает плечами.

— Да не собираюсь я тебя жалеть из-за этого, — а потом, понимая, что он может неверно ее понять: — в смысле, из-за того, что женщина в прошлом тебя отвергла. Я-то другая, для меня внешность — не главное. Я же видела шрамы давно. Да, не ожидала, что их так много, но, Вик, как ты вообще мог решить, что я поведу себя так же, как та никчемная шлюха?

Дальше она наконец-то плачет, теперь можно. Она сделала все так, чтобы он решил, что она не от жалости, а от обиды. Вик смотрит растерянно, все еще прижимает овощи к животу, но, кажется, его триггер молчит. Белов открывает рот, закрывает, снова открывает.

— Зря рассказал, да?

— Да. Не хочу даже думать, что по твоей квартире ходили какие-то девки, что ты был с кем-то из них так же, как со мной. Пожалуйста, давай обо всем говорить: о том человеке, на могилу к которому мы ездили, о пожаре, о том, что ты меня не любишь и никогда не полюбишь, но только не о твоих бывших.

— Извини, не хотел тебя расстроить. Правда, Вер. Не думал, что ты так это воспримешь.

— Просто пообещай, что больше никогда не будешь делать выводы обо мне на основе своего прошлого. Я не такая, Белов. Не такая, как те шлюхи. И я буду с тобой так долго, как ты захочешь, — больше она говорить не может, и так произнесла слишком много. Может, даже лишнее, просто понесло. Начала и не смогла вовремя остановиться. Вера решительно

подходит, обхватывает ладонями его лицо, а потом целует.

Целует, потому что он в точности такой же, каким был еще час назад, до того, как она все увидела. Крепко зажмуривается. Он был обезображенным тогда, когда вез ее в машине к себе домой из парка, где с ней пытались познакомиться опасные парни, когда жалел, ласкал и шептал, что не любит, да с таким трепетом выдыхал эти слова на ухо, что она растворялась в его руках от собственной любви к нему. Его пальцы по-прежнему самые нежные и знающие, его смех — самый лучший звук в мире, а запах волнует ничуть не меньше.

Белов перехватывает инициативу в поцелуе, и Вера сильнее зажмуривается, а когда глаза закрыты, он так вообще тот же самый, которого она полюбила. Она ступевалась из-за шока, просто не ожидала. Разве можно подготовиться к тому, чтобы увидеть настоящую агонию, хоть она и в прошлом? Но к ней можно привыкнуть и не придавать значения. Вера, несомненно, привыкнет к его шрамам, а сейчас просто закроет глаза, и он окутает ее ароматом своей кожи, легонько коснется своим языком ее языка, проведет пальцами по ее телу, требовательно и настойчиво, зная, что не откажет. А она ему не откажет, никогда. Когда они наедине, позволит трогать там, где ему нужно, чтобы возбудиться и достичь своего пика.

Он усаживает ее на небольшой деревянный столик, убирая в сторону полотенца, проводит пальцами по ногам под платьем, касаясь кончиками белья, нависает над ней, большой, горячий, целует шею, за ухом, затем ниже, плечо, — как всегда, очень нежно, скользко, зубами стаскивает лямки платья и белья. А потом замирает, часто дыша на ее кожу. Замирает и молчит, не шелохнется. Время идет, тянутся минуты, он стоит, словно оцепенев, она ждет, затаив дыхание. Наконец, Вера не выдерживает, ей приходится открыть глаза и снова посмотреть на него.

Нет, привыкнуть пока не получилось. Совсем не получилось. Снова та же тошнота, тот же ком в горле и те же долбанные слезы. Как можно заниматься любовью, испытывая лишь бесконечное сожаление? Может, у нее получится чуть позже? Остается только верить в свои силы. А он словно чувствует ее состояние. Угадывает. Выжидает. Сложно расслабиться и не смотреть, когда в ванной так светло, что глаза режет. А погасить лампочки можно только снаружи. Чтобы выключить свет, придется высунуться за дверь, а они оба не готовы к этому. Если хоть кто-то выйдет наружу, момент будет упущен.

Она не готова к тому, чтобы вести себя как раньше. Как будто шрамы снова мифические, и она догадывается, что они там есть, но насколько все плохо — даже не представляет. Он просто шумно дышит, грудь тяжело подымается. А посмотреть на лицо — нет сил, перед глазами только его коричневая неровная грудь с ужасающим черным флагом, и близость его кошмарного прошлого кружит голову.

Если она попросит у него прощения, он когда-нибудь еще прикоснется к ней? Сможет унять свою гордость настолько, чтобы позволить привыкать к себе постепенно, как к какому-то чудовищу? У нее есть только один шанс быть с ним, но хочет ли она теперь этого?

Глаза распахиваются шире, Вера смотрит на предупреждающий пиратский флаг, который в нескольких сантиметрах от ее лица. Не просто так Белов выколол его на груди. У него точно есть причины информировать о чем-то, об опасности. Хочет ли Вера быть с человеком, пережившим трагедию подобного масштаба? Справится ли? Не может быть, чтобы пожар прошел бесследно, никак не отразился на психике. У Вика слишком много правил, нормальной жизни с ним не будет.

— Я понимаю, Вера, — ее окутывает его мягкий тихий голос, а затем доходит горький

смысл сказанного. — Я тебя понимаю. И знаю. Все знаю. Самому блевать хочется, я не обижаюсь, честно. Просто спасибо за все, что было.

И он действительно не обижается, интонации пронзают тоской, но нет ни малейшего оттенка раздражения или злости в голосе.

— Все будет хорошо, девочка, — судя по голосу, он улыбается, целует ее в висок коротко, по-братски. — Ты не бойся ничего, я никуда не денусь, вместе дождемся августа, как и планировали. Я никуда от тебя не денусь, — повторяет, и снова целует висок, берет пальцами за подбородок, поднимает лицо. Смотрит и улыбается, его глаза блестят, в них бездна понимания. По-доброму смотрит, без тени обиды или разочарования. — Ты молодец, умница. Ты чудо. Я согласен с тобой просто дружить, без шуток, можешь рассчитывать на мою поддержку всегда, ладно? — кивает ей. — Правда, все в порядке. Хочешь, я тебе о планах расскажу? — голос слегка дрожит, но звучит почти весело. — В этом году, край — в следующем, хочу себе щиколотки сделать. И эту область, — показывает на грудь, чуть ниже горла. — Если деньги отсудим. Буду летом ходить в низких кедах и верхнюю пуговицу на рубашке смогу расстегнуть. А то жарко очень.

Он чмокает ее в губы по-дружески, сухо, потом так же одними губами касается щек, лба, подбородка, очень быстро, невесомо. Прощаясь.

— Не печалься, Вера, выше нос. Ты ни в чем не виновата. Ты правда пыталась, и я это ценю, — ободряюще ей улыбается. Она смотрит на него, забывая дышать. Даже в этой душераздирающей ситуации именно он ее поддерживает и подбадривает. Не она его, а он. Она снова на него опирается, потому что ей нужна помощь, и он дает ей поддержку, делает все так, чтобы она же не чувствовала себя виноватой. Помогает ей. Только и делает все эти месяцы, что помогает ей. Все для нее делает. Старается. Такой, как и час назад. Тот же самый, кто всегда держит за руку, когда страшно. А страшно ей постоянно, она ведь трусиха полная. А он говорит, что она чудо. Его чудо. Она — его чудо, а он — ее.

— Моя хорошая, не плачь, — вытирает ее щеки. — Твои слезы мне сейчас приятны, но не надо. Не стоит, — убирает прядь за ухо. — Очень красивая, добрая, замечательная Вера. Сильная, смелая, ты со всем справишься, у тебя все в жизни получится. Пойдем, хватит тут прятаться. Никогда нельзя прятаться, запомни это. Мы ж не дети, есть риск, что никто не станет искать. Хей, мы с этим справимся, поняла? Это не проблема. Для меня не будет проблемы, честно. Просто друзья, хорошо? Ты звони, когда буду нужен, ладно? Я сам не буду, но ты звони. Это нормально. Это лучший из возможных исходов, — качает головой. — Только не накручивай себя. Пообещай, что не будешь. А сейчас идем. Пора. Ненавижу прятаться.

И в тот момент, когда он в очередной раз ей кивает, берет за руку, помогая спрыгнуть со столика на пол, когда смотрит не как на любовницу, а просто смотрит, как на друга, который ничего ему не должен, как будто их отношения уже в прошлом, и они уже расстались, как он и обещал, по-хорошему, достойно. Расстались друзьями...

..В момент, когда она все это понимает и осознает, ее колотящееся сердце разрывается. И леденящий душу ужас бьет по груди, затылку, она едва не кричит, понимая, что летит в ту самую пропасть, и он больше не ждет наверху. И дело не в ВИЧ, не в подонке-Артеме, ни в чем другом. Дело в том, что он больше не будет ее ждать. Никогда.

Она в панике, неуклюже снова залазит на дурацкий ненадежный покачивающийся столик, хватая его руки и торопливо кладет себе на грудь. Он не понимает. Она прижимает его ладони к своей груди с силой, мысленно повторяя: захоти меня, захоти меня снова,

умоляю, любимый, прости за заминку, только захоти меня опять!

Она хватается его за затылок, ей так жаль, что нельзя за плечи, но у нее есть его затылок. Хватает и тянет к себе, вкладывая в движение всю силу, на которую только способна.

Она раздвигает ноги, задирает мешающее платье до талии и делает их еще шире. Торопливо спускает лямки белья и платья с плеч, расстегивает молнию сзади и стягивает его сверху опять же до талии, оголяясь. Он в замешательстве, не отходит, но и не нападает на нее.

Не хочет больше.

Может, она опоздала?! Неужели за эти секунды он успел примириться с тем, что они просто друзья? И больше не хочет ее тело?

Она в ужасе летит в эту черную пропасть без всякой страховки, прижимает его ладони к своей голой груди, тянется и целует его щеки, его губы, шею.

И уже плевать на шрамы. Она о них вообще не думает, только то, что плевать на них.

Приглашает его. Так гостеприимно, как только умеет. Что ей еще сделать? Как удержать? Ему же нравится ее тело, он все время говорит, что тащится от его гладкости и изгибов.

Она уже готова начать умолять, как он срывается. Кидается на ее губы, целует, покусывая, жадно, с языком. Как она любит. Как он всегда с ней делает, заставляя стонать только от одних поцелуев. Кидается и целует, водит пальцами по ее телу, ощутимо сминая грудь, бедра, залезая пальцами под белье, обхватывая ягодицы, пододвигая ее к краю, ближе к себе.

Он целует влажно, жадно ее грудь, втягивает в рот сосок, лаская языком, осторожно покусывая, и она стонет, цепляется за его волосы, понимая, что не отпустит никогда. Он проводит рукой между ее ног.

— Очень мокро, — шепчет ей с довольной нахальной улыбкой.

— Сними их, если хочешь, — отвечает ему.

Что он и делает. Наматывает ее трусики на руку, затем достает из кармана презервативы, шарит по шкафам, находит ножницы, открывает, затем разрезает один из них и прикладывает к ней там. Потому что знает, что все равно не позволит, даже сейчас она лучше прогонит его, чем подвергнет опасности. Кажется, на споры даже у него нет сил. Еще один надевает на палец. И склоняется к ней, дышит на нее, и наконец проводит языком.

В дверь скребутся, долбят, но на это никто не обращает внимания. Он ее трахает, и больше в мире ничего не существует, только близость его тела и их удовольствие от этого.

В замке скрежет, кто-то продолжает ломиться, в какой-то момент дверь поддается и начинает открываться. Белов отрывается от Веры и рывкает на всю комнату:

— Закрой ее, мать твою! Убью! — резко и громко. Дверь тут же захлопывается, и снаружи раздается пьяный веселенький голос Джей-Ви: «Там занято, Белов трахается, не мешайте!»

— Придурок, точно прибью когда-нибудь, — шепчет Вик и возвращается к ней. Кажется, он не то постанывает, не то шипит, а может, так громко дышит, обнимает ее бедра, целует, да так страстно и чувственно, что каждым движением признается в любви. Хоть и не вслух, но слов и не надо, зачем им сейчас эта банальщина, когда до пика остается каких-то несколько движений?

Не зря она удивилась его покорности, обычно перед оральными ласками они несколько минут ссорятся или хотя бы препираются, ей приходится каждый раз отстаивать его

безопасность. А сегодня он все сделал сам, как будто смирился. Не зря она на это обратила внимание! В момент, когда ее стоны становятся тише, а она всегда замирает перед оргазмом — все тело напрягается, лишь пальцы сжимаются — он это знает. В этот момент он убирает защиту и обхватывает ее губами наживую. Чувствительная кожа к чувствительной коже, проводит языком, посасывает в выбранном им ритме, идеальном для нее. Его рот такой горячий, что она громко стонет, не удержавшись, а он быстро, невнятно что-то шепчет ласковое, поощряя.

Она бы спорила, ругалась, билась, но не может. Потому что уже на границе, потому что есть силы только поддаться, смириться и полностью подчиниться его желаниям. Наслаждение уже несет ее, подхватывает и топит, и Вера охотно расслабляется, чувствуя себя счастливой, оттого что с ним сейчас здесь, позволяет любить себя, чувствуя, как трепещет на грани сердца.

Она кончает в его руках долго, сладко, улыбаясь. Именно так, как он любит, чтобы она делала для него. И так, как нужно, чтобы перебросить его через границу. Но он еще там, не с ней в потрясающем удовольствии. Выпрямляется, тянет ее, ставит на слабые ноги, отворачивает к стене, к прохладному кафелю, по которому скользят ее влажные ладони, чуть наклоняет. Она послушна и податлива.

Щипает и тискает ее бедра. Дышит ей в шею, на обнаженное плечо, проводит языком и дышит на влажную кожу. Она чуть поворачивает лицо в его сторону. Его губы блестят, они пахнут так, как она там. Он целует ее, и на вкус он такой, как она — там. В этот момент она точно знает, что он принадлежит ей, а она — ему.

Вик отворачивается, чтобы надеть презерватив. Все еще стесняется, но она скажет ему так не делать позже. А сейчас только:

— Дай мне попробовать... Тебя там... Хоть чуть-чуть... Пожалуйста, — судя по голосу, умоляет. Через секунду он снова рядом.

Пихает палец ей в рот, и она ощущает незнакомый приятный вкус, облизывает, лижет, едва не падая в его руках от возбуждения. Он входит в нее сразу двумя пальцами, резко, без предупреждения, полностью, заставляя прогнуться. Одно движение следует за другим, не давая передышки, не давая привыкнуть и расслабиться. Приходится делать это в процессе.

— Я бы хотел взять тебя сзади сейчас, вот так, сразу сильно. — Движения становятся быстрее. — Хочу тебя всю, до конца. Глубоко.

Она просто стонет, прикрывая глаза. Он лижет ее шею и дышит на влажную кожу, отчего та горит. Вера выгибается ему, подает себя.

— Ты там даже не влажная, ты мокрая, мягкая и горячая. Взять тебя... собой... — его голос становится прерывистым, хриплым. Дыхание частым, тяжелым, он всегда так дышит, когда приближается к своему пику. Она это знает. Одной рукой он ее трахает, другую кладет на клитор, касается кончиками пальцев. — Хотя бы раз... собой... наживую... Черт, Вера, хотя бы один раз... Я бы все отдал... жизнь отдал... чтобы тебя хотя бы раз...

В эту секунду она понимает, что ей мало. Не хватает. Его ладони крупные, пальцы длинные, но и их слишком мало, чтобы удовлетворить ее сейчас. У нее там так скользко, она хочет принять его всего. Ей это надо. Хочется большего. Вере надо больше, сильнее, глубже. С ним одним.

Она прижимает его пальцы к клитору своими изо всех сил и кончает во второй раз. Он это чувствует. Дышит, дышит, дышит, и утыкается в ее затылок лбом. Тихо постанывает, достигая собственного пика. Она смотрит в зеркало и видит его сторбленную израненную

спину, его изуродованные страшной мукой плечи, которые дрожат в такт его удовольствию, которое она ему дарит именно сейчас.

Он сказал, что все бы отдал, лишь бы быть в ней хотя бы один раз. Она бы в эту самую минуту отдала бы все, лишь бы прижаться к его груди своей. Неважно, какая у него кожа: грубая, коричневая, неровная, — после этого безумного секса единственное, что ей нужно — это прильнуть к нему, прижаться, и просто чувствовать. Как она могла даже на мгновение представить, что не хочет быть с ним?

Он целует ее в затылок, благодарит, а потом оседает на пол, облокачивается на стену. Она сначала хочет так же, но холодно, и стелет под себя взятое с полки белое полотенце.

Отдыхают, поглядывая друг на друга.

— Вик, ты будешь очень сильно на меня злиться, — говорит она через несколько минут.

Он смотрит на нее пьяными глазами, лицо румяное, улыбка вялая, блаженная.

— Только не начинай опять про свой ВИЧ, пожалуйста. Я большой мальчик, Вера, который способен взять ответственность за свою жизнь на себя. О рисках ты меня предупредила. Пятьсот миллионов раз.

— Вик, я поцеловалась с Варей. — И зажмуривается изо всех сил. — Прости, прости прости.

— Чегооо? — пораженно выпучивает глаза. Она втягивает голову в плечи, подбирает колени к груди и утыкается в них лицом. — Хрена себе сюрприз.

— Так получилось. Это было недолго, всего один раз. И это все видели, — прячется за ладонями. Он смеется, хохочет, откинув голову.

— Да ну нафиг, не верю.

— Кажется, ты прав, я действительно...того... Ну, и с девочками могу.

Он хохочет.

— Где она тебя поймала?

— Это я ее поймала, мы рядом в сауне сидели. Обещаю, что больше никогда...

— Капец, Вера! Я думал, что это я тебя так завел. Вот только не говори, что представляла на моем месте ее. Хей, я не переживу такое!

— Нет, это точно нет. Только ты — и в мыслях, и в действиях. Но вот так случилось, — пожимает плечами. — Надеюсь, домой я еду в «Кашкае», а не на электричке?

— Хотела сказать «а не в «Мерсе» Вари»? — он снова хохочет. — Почему я этого не видел?

— Джей-Ви видел, он тебе расскажет.

— Капец, Джей-Ви видел, а я нет. — Он встает, надевает майку, затем отворачивается, чтобы снять презерватив, выбрасывает его в урну. — Вера, ты как? Хочешь еще веселиться? Я почти не спал прошлую ночь, и сейчас ноги не держат. Хочу поискать свободную спальню.

Он поправляет майку, затем застегивает толстовку, проверяет в зеркале, что надежно спрятаны все пораженные участки кожи. Напяливает свою дурацкую шляпу задом наперед.

— Отличная идея. Умираю, как хочу спать.

Он помогает ей расправить и застегнуть измятое платье, и они выходят из ванной, держась за руки. Оба покрасневшие, с идиотскими улыбками и неестественным блеском в глазах, выдающим случившееся с потрохами. Оказывается, большинство гостей находятся в доме и играют в покер, остальные активно болеют за игроков. По лестнице Вера с Беловым поднимаются под аплодисменты и свист. Вик на полпути решает вдруг отсалютовать всем,

снимает шляпу и машет, приходится потащить его за руку в спасительную темноту и прохладу одной из комнат, где они закрываются на замок и, наконец, засыпают в мягкой постели, рядом друг с дружкой, обессиленные как разговорами, так и действиями.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 13

Так, запись номер тринадцать; добрались до дьявольского числа наконец-то, ну что ж, никуда от него не денешься. Отчеты требуют регулярности, нельзя перепрыгивать. Один бывший психиатр, которому повезло стать пациентом собственных коллег, и с которым я как-то списался по поводу его статей и советов отчаявшимся с диагнозом F, убедил в правильности ведения изложений. Печатать мне лень, но хотя бы прокручиваю мысленно, стараюсь взглянуть на ситуацию с другой стороны, анализирую. Понятия не имею, помогает или нет, но врач этот бывший каким-то нереальным образом умудрился завести семью уже после постановки диагноза: нашел красивую нормальную женщину, которая родила ему дочь. Может, и не зря я его слушаю.

Смотрю на Веру, спит сладко, не догадывается, что наблюдаю. Непривычно. Чаще всего, когда просыпаюсь, ее место пусто и даже успевает остыть, не остается даже легкого, едва уловимого аромата. Никаких следов.

По утрам не верится, что Вера вообще существует и действительно проводит со мной кучу времени. Если бы не ее вещи, без шуток, спросонья мог решить — привиделось. И сейчас вот не верится, что после вчерашнего она на расстоянии вытянутой руки.

В кои-то веки проснулся раньше будильника сам, на часах и семи нет, а рвать и метать не хочется. Вот беззащитную рядом Веру — хочется. Кусаю губу, рассматривая ее, вспоминая, как сильно она вчера испугалась, как отчаянно сдерживала слезы, дрожала, словно травинка. Но ты не бойся, родная, я тебе не позволю сорваться и улететь без курса и против желания. Знаю ведь, что на глупости способна. На меня посмотрите, если вам нужны доказательства. Ну не глупость ли дарить себя чудовищу с ядовитой растворившейся пулей в башке?

Что ж ты не боишься меня, девочка?

Одни пошлости на уме, не страдал этим раньше, а теперь прям и лезет: девочка, малышка, родная... Мачо, блин, нашелся. Откуда замашки только.

Помню ее глаза, а в них ужас и сожаление. Мольбу помню, движения резкие, неуклюжие. Говорить вчера сил не было ни у нее, ни у меня, мысли всмятку, метались с ней, как два идиота, от любви до разрыва. Ну ладно, допустим, вчера в ванной Джей-Ви идиот был только один, а еще запуганная, запутавшаяся в чужих проблемах девушка.

Но не боялась ведь, что одна останется. Не должна была, я объяснял, старался, что страх перед диагнозом ВИЧ — не причина терпеть уродство рядом. Обязана была понять, что одна не останется в любом случае, что не надо со мной из жалости или страха.

Куда ж я теперь денусь от тебя, рядом буду. Лишь бы к Артему не вернулась. Боюсь, что не смогу тогда. Просто не смогу и все. Пусть расстанемся, к другому уходи, но только не на глазах, видеть не смогу. Знать не смогу.

Может, мне тоже повезет, как тому шизофренику? У меня и диагноз помягче. Может, получится как-то примириться?

Кретин, нельзя с этим смириться. Уйдет все равно рано или поздно, сам повод подкину, как почувствую, что созрела. Думал, вчера уже созрела, но она так просила, так прижимала мои ладони к своей груди, а от прикосновений трясло, желания и сомнения ураганом в голове крутятся, поймать ни одно не могу. Смотрел только в карие бездонные и чувствовал,

что нельзя и рта раскрыть. Начнем говорить, так до утра и не закончим, а там домой и конец всему. Если бы так вышло, пальцы бы себе порезал, но не притронулся бы к ней никогда больше.

Так медленно и тяжело каждый шаг давался, столько ошибок, столько попыток осталось в прошлом. Страшно мне, лишь бы не вернулось все. Может, и не вернется. И лежащая рядом женщина правда сможет принять таким, какой есть. Не может же быть, что вчера имитировала. Зачем? Отпускал ведь по-хорошему, был у тебя выбор. Постоянно даю выбор.

Или не даю? Может, мне только казалось, что отпускаю, а на самом деле испугал как-то?

Не знаю, что делать. Уйти сейчас тихонько, попросить Варю, чтобы докинула тебя до города? А потом ждать, придешь сама или нет. Может, тебе проще решить, не видя меня? Ну, чтобы в глаза не смотреть. Ты ж добрая, в лицо побоишься сказать, наверное. Просто замять, не видаться, потом встретиться, например, через недельку, как ни в чем не бывало. Вещи тебе завезу, или в кино позову. Буду вести себя как раньше, будто просто стыдно за брата, вот и помогаю. Себе и взгляда лишнего не позволю. Смогу ли? Смогу, конечно, и не такое сделаю. Будем общаться каждый день, нельзя ж тебя одну оставлять до диагноза, но дистанцию определяю до миллиметра.

Хватит мне недели, чтобы перебороть себя? Тело ж откликается от одной мысли о тебе, ему ж, телу, в диковинку вот так, по-настоящему, без идиотских игр в БДСМ и прочую фигню. Ненавижу.

По любви в диковинку.

Страшно. Тянет, конечно, помечтать о том, что меня выберешь, но падать потом как-то не хочется. Это ты сейчас великодушная, принимаешь меня, позывы рвотные давишь, а увидишь разок, как башкой о пол бьюсь, когда боль скручивает на пустом месте, о чем тогда подумаешь? Начаться даже во сне может и без явного триггера. В любой момент. Давно такого не было, конечно, но всяко же бывает. Я всегда первым делом в любом помещении ищу, где укрыться можно в случае чего, и далеко не отхожу, мало ли.

Уходить надо. Отключу ее телефон, пусть работу проспит. Разозлится на меня вдвойне, и посмотрим как раз, придет или нет после такого. Сама позвонит — скажу, вызвали по работе. Не позвонит — и ладно.

Лежу рядом, как истукан, смотрю на нее. Решил уходить, а сам лежу. Потрогать бы. Мягкая такая, гладкая. Вкусная вся, аж трясет, какая вкусная. Первая, кто знает об уродстве и моем бессилии в этом, хм, щекотливом вопросе, а смотрит так, будто значения не придает и в глазах ее я обычный мужик, за спиной которого можно укрыться. Вперед не рвется, заняла позицию вторых ролей незаметно так, и вынуждает меня ведущим быть в отношениях, решения принимать, вперед идти, а стоит замереть, устать, задуматься, так она тут как тут, на шаг позади, как и обычно. Надежно с ней, что ли. Не привыкнуть бы.

Встретились бы мы раньше, Вера, — усмехаюсь, — лет восемь назад, например, никому бы тебя не отдал, никого бы не подпустил. Или Кустов и тут пробился бы?

Посмеиваюсь, как дурак. Что смешного-то, что ты слабак и трус? Весело тебе, неполноценный? Вон до чего девушку довел — спит, будильник не слышит, после приключений твоих идиотских. Рискованных.

Ладно, уходить надо.

Спи, Вера, отдыхай. Сделать бы для тебя что-то в благодарность, приятно ведь чертовски, когда тебя выбирают. А она вчера меня выбрала, чувствовал. Сегодня как-то

иначе все выглядит, а вчера чувствовал, радовался. Одурел вконец, кретин, с мечтами своими безумными.

Провожу кончиками пальцев по мягким волосам, по нежной идеальной тонкой коже, так страшно к ней своей прикасаться, боюсь, что испорчу, поцарапаю, болью своей запачкаю, страхами. А ей и своих хватает.

Она улыбается, потягивается, открывает глаза и смотрит на меня.

— Привет, — говорит.

— Привет, — тоже невольно улыбаюсь.

— Ты не сердишься?

Напрягаюсь.

— На что?

— Ну, что изменила тебе вчера. Немножко.

— Забыл уже. А ты не сердишься? — на всякий случай.

— Ты тоже изменил? — вдруг подсакивает, смотрит на меня, глаза молнии метают. Перемена в настроении ошарашивает. Подтягиваюсь на кровати, облокачиваюсь на спинку, смеюсь. Она прожигает взглядом, прям не спрятаться, не скрыться. — Никогда не прощу, слышишь? Не поцелуя, ни объятий. Мой, — заявляет, тыча пальцем в пиратский флаг под майкой.

Ага, будто еще кому-то могу приглянуться, кроме извращенки-Алисы. Издевается, что ли? Но смотрит так, будто серьезно говорит. Чувствую себя непонятно, даже глаза опускаю на мгновение, снова вскидываю на нее. Нужно было валить, пока была возможность, сейчас никуда не денусь от этого взгляда. Вера пробегает кончиками пальцев по моим рукам, от легких прикосновений внутри что-то сжимается, приятно. Улыбается широко, доверчиво. Не влюбиться бы в нее, и правда, тяжело ж потом будет. Или поздно уже рассуждать об этом?

— Поехали? — говорит. — Мне нельзя опаздывать.

Киваю, поднимаюсь. Ходим по очереди в ванную, поспешно одеваемся, собираем вещи. Дом будто пустой, тихо так — кажется, народ совсем недавно разошелся по комнатам. На кофе нет времени, решаем купить по пути, прыгаем в машину и движемся в Москву.

Всю дорогу поглядываю на нее, гадая, нужно ли что-то сказать. Вывалил ведь на девушку полмешка секретов, хоть остановился вовремя — там, на дне, еще кое-чего интересного припрятано. Не дай Бог, узнает.

Мы будто на новый этап продвинулись, закрепить бы его устно. Но что-то страшно.

Труса ты к себе подпустила, Вера — мало того, что урод, так еще боюсь всего на свете. И правды, и неизвестности.

Как к Москве подъезжаем, накрутил себя настолько, что сердце колотится. Еще мгновение — и скажу что-нибудь обидное, просто чтобы разрядить обстановку.

— Вечером за мной не заезжай, — говорит, — домой поеду.

Ну, вот оно. Само собой решается, и к лучшему. Сжимаю зубы, киваю, смотрю на дорогу.

— Арина просит у меня переночевать, что-то у нее там случилось.

— Что именно?

— Говорит, нужно вина купить и обсудить подробно.

Передергиваю плечами, с трудом сдерживаясь. Все время забываю, что сестре двадцать в этом году исполнилось, и девица сама решает, что пить, курить, а с какими парнями встречаться. Привык, что мелкая она, в куклы играет. Она ж долго играла, лет до двенадцати

точно, может, дольше даже. Упустил момент, когда перестала. Много чего упустил, на самом деле, из-за триггеров. Раньше Аришка мне все рассказывала, на тему мальчиков советовалась, а теперь хорошо, если раз в месяц позвонит, и то ради фотосессии.

— Ну, вы не налегайте сильно, — осторожно говорю.

— Я тебе буду писать, ладно? И ты мне пиши.

Киваю. Не буду, конечно, первым. Может, это как раз Вере нужно напиться и обсудить все с подружкой. Хотя вряд ли Арина — это тот самый человек, с кем стоит обсуждать меня.

Останавливаю машину возле служебного входа в «Веранду». Нужно что-то сказать, может, поцеловаться даже, сегодня еще не доходило до этого, но тут вибрирует мой сотовый. Джей-Ви настойчиво бьется, показываю Вере.

— Передай ему от меня, что все было здорово, — подмигивает, улыбается и выходит из машины. Смотрю ей вслед, вытянув шею, насколько возможно, чтобы не потерять девушку из виду, и гадаю, что принесет нам день грядущий. Настырный Жоркин все усердствует.

— Да? — наконец, отвечаю.

— Ты где, мать твою?! — раздраженно.

— В Москве, Вере ж на работу с утра, — зеваю. Не верится, что вчера действительно решился посетить вечеринку и справился. Вот бы еще когда-нибудь выбраться.

— Точно, блин. Слушай, тебе Костиков звонил?

Костиков — это наш босс, самый главный в «Континенте».

— Нет, а что?

— Мне звонил уже раз пятнадцать. Червяков разрывает контракт, представляешь? Послал нас к чертовой матери, сказал, что аванс можем себе оставить, если суда не боимся, но лучше по-хорошему вернуть.

— Чего?? Его ж все устраивало. Да и ему стандарт нужен, как там можно не угодить.

— Да вот именно, все нормально было, я уже заказ на материалы сделал, а тут такая лажа. Он же твой клиент, можешь сказать, что не понравилось?

— Ты мне скинь последний проект, гляну.

— Скину. Ничего уже не изменим, но просто интересно. Костиков в бешенстве, уже восьмой контракт летит к черту за два месяца, а это дохрена для нашей шарашки, ты понимаешь?

— Странно.

— Еще несколько потенциальных на стадии переговоров сбежали. Я выезжаю в город, как только до народа добужусь, босс в бешенстве, ждет меня на ковер. Ты можешь оперативно глянуть, где я налажал, чтобы знал хоть, что сказать?

— Я уже домой еду, первым делом посмотрю. Жду на ящике.

Вот так дела. Три СПА Червякова устраивали, а четвертый резко вдруг нет. Предыдущие, конечно, я делал, но сомневаюсь, что Джей-Ви где-то настолько крупно ошибся, чтобы до скандала доводить. Подозрительно.

Дома первым делом сажусь за комп, смотрю планы, проекты, отписываюсь, что сам бы сделал не лучше, затем в душ; варю двойной эспresso. У меня ж работа в студии сегодня, нужно подготовиться, с трудом сдерживаюсь, чтобы не завалиться спать. Одна богатенькая дама пожелала индивидуальную съемку, хочет именно меня, но я и не против, лишние деньги не помешают.

Босс злится из-за Марата Эльдаровича, ничего нового интересного не поручает, а кушать-то нужно. Да и перед Верой неудобно, хочется ей подарить что-нибудь приятное,

цачку какую-то, например. Или в Сочи опять свозить? Предлагала же искупаться ночью голыми.

Рискну ли еще раз раздеться? Может, выпить перед этим? Травки покурить для храбрости? Знаю пару пляжей в Сочи, где нет туристов, только местные купаются. Там вода чистая, а ночами пусто.

Опять раз мечтался. Уютно мне с ней, вот и мечтается постоянно. Будто правда моя.

Я, конечно, веду себя как маньяк, все лезу к ней постоянно, наверное, устала уже от моих ласк бесконечных. Но каждый раз думается — вдруг откажет? И хочется проверить. А как начинаю, она отвечает, и понеслось. Когда у нее выходной, вообще ничем другим не занимаюсь, только вокруг нее скачу, в рот заглядываю.

Нужно на работу переключиться. Тома звонила несколько раз, народ фотографии с предыдущих фотосессий требует, а там еще конь не валялся, скинул все в кучу и забыл. Сажусь за компьютер, включаю музыку.

Что ж будет-то с нами, Вера? Чего ждать от тебя?

В девять выхожу из студии, сытый по горло съемкой обнаженки, сажусь в машину, включаю сотовый. От Веры сообщение: «обещала никому не говорить, но тебе скажу, потому что не могу тебе врать, даже если и не спрашиваешь. Арина у меня побитая, родители не знают, просит не говорить».

Сворачиваю на первом же перекрестке в противоположную от дома сторону, благо, Вера живет в этом же районе. Через полчаса уже стучусь в дверь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

На пороге она, красавица моя уставшая в дурацкой детской пижаме, волосы собраны в небрежный хвост, смотрит глазами своими огромными, грустными, моргает. Обнять? Сказала она Арине, что мы вместе? Первый не буду шаги делать, захожу, мгновенно занимая собой весь коридор. Арине даже спрашивать не нужно из комнаты, кто пришел, в этой крошечной недоквартире в двадцать четыре квадрата все видно с любого ракурса.

— Ты чего здесь делаешь? — пищит сестра.

Скидываю кеды, прохожу в комнату и включаю яркий свет. Твою ж мать... Губы синие, распухшие, даже кровь запекшаяся осталась, на скуле синяк, глаза зарезанные. Кутается в пижаму — тоже Верину, отмечаю мимоходом — рукав короткий, а руки в синяках. От пальцев синяки — точно вижу: кто-то держал, она вырывалась. Сжимаю кулаки, подхожу ближе.

— Кто? — смотрю в ее глаза.

Она испуганно глядит на Веру, которая прячется за моей спиной, не знаю, что делает. Переводит взгляд на меня, моргает, побледнела вся, руки сцепила. Взгляд затравленный, боится. Будто я тоже добавлю. Черт, рыдать начинает, нужно менять тактику.

— Ариш, что случилось? — говорю по возможности мягко, присаживаюсь на диван. На столике вино, фрукты, какая-то нарезка...

— Ограбили, — шепчет, закрывая глаза.

— Когда?

— Вчера вечером двое напали, отобрали сумку, там деньги, кредитки, документы... Марк говорит, нужно было добровольно отдать, а я сопротивлялась. У меня баллончик был, думала, успею выхватить, не успела.

— В полиции была? Родители знают?

— Была в полиции с Марком, — и, видя мой заинтересованный взгляд, добавляет: —

это мой парень. Он хороший, тоже фотограф, кстати. Мы давно уже встречаемся.

— Познакомишь?

— Конечно, — все еще испуганно. Скукожилась.

— Почему родителям не сказала? — говорю грозно.

— Не хочу волновать, Артем чудит, не до меня. Да и сама виновата, Марк говорил дожидаться его, а я поперлась в этот бар, хотела сюрприз сделать. Сделала вот. Но все хорошо уже, он меня успокоил, в больницу свозил, потом в полицию. Ищут.

Продолжаю вглядываться в глаза, но вроде бы правду говорит. Что еще за Марк такой? Нужно будет напроситься на встречу — если фотограф, пусть в студию ко мне приезжает, дам ему бесплатные часы для работы, Тома потом скажет, что думает. Она подонков с первого взгляда определяет.

Обнимаю ее, поглаживаю, жалко так, зеленая совсем, хрупкая, незащищенная.

— Они только побили, Арин? — спрашиваю осторожно. — Или... еще что?

— Не насиловали, если ты об этом. Да говорю, сама виновата, нужно было отдать сумку и бежать. А там как раз деньги были на новый планшет, папа дал. Жалко.

— К черту деньги, никогда больше не строй из себя супермена, хорошо? Сразу мне звони.

Кивает.

— Ты их не запомнила? — Продолжаю спрашивать, понимаю, что маловероятно, но вдруг: — Не видела раньше?

Качает головой.

— А ты чего вообще приехал? — меняет резко тему, отстраняется, смотрит на Веру, которая села за столик и наблюдает за нами, не вмешивается. — Ты ему написала, что ли? Вы общаетесь? погоди, — хмурится, — а не для него ли у тебя полхолодильника укропом набито? — выпучивает глаза. — Вы мутите, что ли?

И что мне сказать? Смотрю на Веру, она смотрит на меня, губы сжимает. Хвастаться нашими отношениями, кажется, не собирается, я тоже тогда спешить не стану. Было бы чем.

— Общаемся, — осторожно говорю, Вера отворачивается, включает чайник.

— Не вздумайте! Это убьет Артема!

Что его только ни пытается убить в последнее время, а лосю хоть бы что.

— Куда уж мне соперничать, — хмыкаю, откидываюсь на диване. Не могу на Арину такую смотреть, бедная моя. Прибил бы этих гадов. Как так можно? Руку на девочку поднять, она ж весит килограмм пятьдесят при ее росте, выглядит лет на пятнадцать, когда без шпугатурки. Досталось бедняжке. Как же защитить? Не будешь же следом таскаться. И лекции о том, чтобы одна не ходила и не храбрилась, читать бесполезно, сто раз уже говорили с ней на эту тему — и я, и Артем всегда на телефоне. Готовы забрать откуда надо, проводить, разобраться, если что случится. Два взрослых брата, а не уберегли. Не выдерживаю, обнимаю снова. На Арину триггеры не срабатывают, она для меня не женщина, а сестра. Инцест не моя тема.

Вера смотрит на нас, будто с завистью, потом снова отворачивается, разливает чай, приносит.

— Голодный, Вик? — спрашивает.

Киваю. Она тут же суетится, что-то разогревает.

— Серьезно, ребят, не вздумайте так с Артемом поступить. Нехорошо. Или вы уже?

Вера молчит, даже знак не подает. Я б сказал Арине, но... может, Вера все же

передумала после вчерашнего? Допустим, кошмар приснился. Мне раньше часто снились я сам или другие люди, самые близкие, обожженные или горящие. Ужасно. Если она к Артему захочет, лучше не светиться нашей связью. При этой мысли такая тоска находит, так и хочется им жизнь попортить, хоть как-нибудь.

— Не выдумывай, — говорю. Нужно тему перевести, а то совсем грустно. Мысленно Вера с Артемом представил, поженил, сам умер, аж сердце укололо. Да ну, бред, мне вредно не спать, ерунда в голову лезет. Встряхиваю ею посильнее, прогоняя видение. — Сегодня день трындец был, давненько такого не видел, — начинаю смеяться. Поднимаюсь, беру стул, ставлю на середину комнаты. — Фотосъемка одной мадам хорошо так за пятьдесят... пять. Ладно, неплохо дамочка выглядит, наговариваю. Решила... похвастаться подружкам или что...

Вера подходит к Арине, смотрят обе с любопытством. Сам посмеиваюсь, обхожу стул, встаю за ним.

— Думал, она хоть в неглиже будет, но нет, голенькая вся, халат скинула. Стоит, глазки строит, скидку выклянчивает. Ну, я шучу, то-се, настроение поднимаю, как могу. Говорю раскрепоститься, не стесняться, Марина ей волосы поправляет, макияж, Егор светом занимается. Конечно, потом в ФШ уберем все лишнее, но клиентка же хочет на восемнадцать выглядеть. Работаем, полная студия людей для нее старается. Она обходит стул, — сам обхожу, качая бедрами, имитируя ее походку, наклоняюсь, обхватываю себя руками, будто у меня есть сиськи. Вера с Ариной хихикают, поглядывая на меня, сам не забывая рожи корчить, чтобы смешнее было. — Серьезно, фотки показать не могу, не положено, но блин... Как из этого что-то выбрать?

Опять гримасничаю, облизываю губу, девочки уже в голос хохочут, я стараюсь изо всех сил, может, перебарщиваю даже, но вошел во вкус:

— Мы всей толпой пытаемся выжать из нее хоть что-то красивое, сам позы ей ставлю, поправляю по сто раз, говорю, куда и как смотреть, Егор вокруг суетится, а эта то язык высунет призывно, то зад отключит... Но не могу ж я такое ей отдать, выставит где — моя репутация ко дну якорем! Хоть десять фотографий бы сделать! Больше не надо, но десять отдать я обязан, иначе деньги вернуть придется. Часа два проходят в поте лица.

— Поставлю ее, — показываю более-менее приличную позу, девочки смеются, глядя на меня, все ж комично, когда мужик воображает. Сам таких терпеть не могу, потому и не работаю с парнями, нарваться можно. — Только отойду на расстояние, фотик поднимаю, она опять... мать твою!.. — Ругаюсь резко для антуража, Вера закрывает лицо ладонями, Арина вслух повторяет каждое слово, смакуя. — Потом она делает так. — Вера с Ариной подаются вперед и замирают в ожидании, глаза у обеих блестят, сердце опять екает при виде синяков сестры, убил бы, ей-Богу, уродов. Обхожу стул, сажусь на него перед ними, откидываясь на спинку, пародируя клиентку, и резко раздвигаю ноги широко.

Девочки падают на диван, заливисто смеются, я хохочу вместе с ними. Арина плачет, Вера вытирает уголки глаз.

— Да быть не может!

— Врешь, Белов!

— Клянусь! — смеюсь тоже. — Мы так и замерли, улыбки давим, неловко, дама-то деньги заплатила, настраивалась, готовилась. Тома с ней формат съемок обсуждала. Должна была. В любом случае, получит от меня завтра, сегодня не смог ругаться, дамочку выпроводили и ржали полчаса всей студией.

— Офигеть! — смеется Арина. — Ты себе таким образом никогда подружку не заведешь, насмотришься ужасов.

— Ну, она ничего такая, кстати. Для своего возраста, но... хорошо, что я не один был.

— Бедняжечка, — Арина подходит, быстро обнимает меня, целует в щеку и идет в ванную, закрывается, включает воду. Вера тут же подходит, говорит мне тихо:

— Тоже хочу.

— На фотосессию? — не понимаю.

— Обнимать тебя, как она.

Смотрю на нее снизу вверх, все еще на стуле сижу, а что сказать — не знаю. Обнимать хочешь именно меня или вообще обниматься? Язык не поворачивается спросить, совсем убогим себя почувствую. А хочется, чтобы сама уточнила. Это ж важно. Крайне важно в моей ситуации.

— Я, наверное, поеду уже, — говорю тихо, слежу за ее выражением лица. Она на меня смотрит, ни остаться не предлагает, ни на дверь не показывает. Много бы отдал, чтобы узнать, о чем ты думаешь, Вера. Видишь перед собой шрамы и кости Роджера? Или глубже что-то разглядела? Осталось ли там что-то глубже под всеми триггерами?

Возьмешься отмывать мою душу, Вера? Сама не боишься испачкаться? Если тебя кто-то хоть пальцем тронет, не переживу же.

— Будь, пожалуйста, осторожна, дебилов много, не хочу, чтобы на тебя напали, как на эту безалаберную, — киваю на дверь ванной. — Всегда звони, если страшно, ладно? В любое время приеду, заберу, вытащу, в любой ситуации.

— Даже если расстанемся?

Сердце падает, но стараюсь контролировать лицо, чтобы не выдать. На перекрестке ведь ко мне поехали, сама выбрала. Что же теперь делать?

— Даже если возненавидишь меня, — говорю серьезно, спокойно.

Она мягко улыбается, тепло так от ее улыбки тут же, как будто от сердца отлегает.

— Герой мой, — проводит по щеке, я усмехаюсь. Таких героев от общества нужно изолировать.

— Я серьезно, Вер.

— Знаю, — говорит, потом берет за руку и ведет к столу, на котором уже накрыт ужин, а я уже и забыть успел. Сажусь, беру вилку. Как и всегда, невероятно вкусно. Забыл уже о привычном дискомфорте после фастфуда.

Вера выложила на хлебе с мягким сыром сердечко рукколой. А теперь сидит напротив, подперев ладонями подбородок, смотрит, как я ем, и тепло улыбается. Вдруг тянется, проводит рукой по моим волосам и шепчет: «Соскучилась». А потом вдруг строго: «А ты?»

Казалось бы, Вера задала самый простой вопрос, можно односложно ответить: да или нет, а Белов молчит. Зашел в квартиру полчаса назад, ни взглядом, ни жестом не выдал, что скучал, пришлось спросить напрямую, и снова тишина. Держится прохладно. Как его понимать?

— Да некогда было скучать, замотался, — беззаботно отмахивается.

Мог бы и солгать, между прочим.

Арине ни слова не сказал об их с Верой отношениях — видимо, по-прежнему настроен скрывать. Может, зря она раскрылась так сильно? Поспешила? Что шептала ему в этой злополучной ванной? Что будет рядом, пока нужна?

Он что, жалеет о чем-то?!

Как всегда с Беловым одни вопросы, добыть бы сыворотку правды, опить и провести вечер с пользой.

«Вик, общаться можно не только с помощью прикосновений, иногда и слова полезны!!» — кричит она про себя, но вслух только вздыхает.

Грустно после его ответа, но ссориться сейчас нет смысла — Арина с минуты на минуту выйдет из ванной, любой разговор прервется.

— Часто у тебя подобные фотосессии? — спрашивает, хмурясь. Как бы так подтолкнуть его к поиску другого хобби? Хотя бы поменьше обнаженки... Умереть от ревности можно, зная, что он там иногда один на один с голыми девицами, позы им ставит.

Белов задумывается ненадолго, словно решает, какой ответ будет выгоднее.

— Постоянно, — усмехается. — Работа такая.

Провоцирует, паразит. Сейчас возьмет и поцелует его при сестре, пусть сам потом разбирается со своей семьей, выкручивается, как хочет.

Понятно, милый мой, почему у тебя до сих пор не было нормальных отношений. И дело даже не в шрамах — попробуй-ка выдержи ежедневные проверки, любая сдастся. Вера закусывает губу, размышляя.

— Может, мне тоже испытать себя в роли модели? Душа в последнее время просит экспериментов, — говорит она задумчиво.

В комнату заходит Арина — кажется, умывалась, пытаясь скрыть следы слез:

— О чем разговор?

— Да вот спрашиваю у Вика — может, посоветует мне кого-нибудь из друзей, тоже хочу фотосессию ню.

Белов недовольно прищуривается, Арина смеется:

— Так его и попроси.

Вик тут же охотно кивает, в глазах вспыхивает азарт. Нет уж, милый, не для твоего удовольствия был затеян разговор.

— С Виком неудобно. Но, кажется, Джей-Ви тоже фотографирует немного?

— Из него фотограф — как из меня летчик. Одно желание, и то похороненное где-то в прошлом. Он снимает тех, на чьи сиськи интересно посмотреть.

— Мне так не показалось, — доверчиво улыбается она.

Ну, давай же, покажи хоть какие-то эмоции. Не буду я раздеваться перед твоими друзьями, но ты-то ведь этого не знаешь!

— Хочешь, чтобы на твои фотки потом драчили, валяй, — безэмоционально, потом поднимается, прощается и, еще раз напомнив Арине, чтобы была осторожнее, покидает квартиру.

И что Вера опять сделала не так? Пальцы сжимаются в кулаки, она провожает его молча, прищурившись, смотрит на закрытую дверь несколько секунд и тихо рычит от злости и бессилия.

— Ты чего там? — зовет Арина из комнаты.

— Бесит меня иногда твой братец, не передать словами как сильно!

— Который из? — смеется.

— Белов, конечно. На Кустова давно уже ровно.

Да и некогда думать об Артеме, когда такое чудо — ревнивое, недоверчивое, с огромной красочной фантазией — поселилось в сердце и заняло собой все мысли. Вчера

засыпали, держась за руки, тихонько целуясь, так как сил не было ни на что, просто радуясь, что остались вместе, что справились. Зря она не проснулась раньше него, пока спала — успел что-то додумать, смотрел подозрительно.

Жаль, что эту ночь проведут порознь, с его-то способностью накрутить себя, наверное, завтра и вовсе ее из списка контактов удалит. Написать ему что-нибудь перед сном? Или обойдется? Разбаловала она его первыми шагами, пусть сам мучается, решается.

Аринку жалко; сейчас нужно сосредоточиться на подруге, помочь пережить случившееся. Вера садится рядом с Кустовой, и они продолжают обсуждать нападение, постепенно переключаясь на более приятные темы, стараясь отвлечь друг друга от грустных мыслей. Кажется, Арина не догадывается о чувствах Веры к своему второму брату. И к лучшему, наверное.

Утром от Белова ни одного сообщения, в течение дня он также не соизволил ни позвонить, ни написать. День как день, на работе некогда переживать и накручивать себя, Леонова наблюдает, попробуй запереться с телефоном в подсобке. Сначала время завтраков, потом бизнес-ланчей, плавно перетекающее в вечерние посиделки влюбленных, занявших значительную часть столиков, и деловые встречи. Смена подходит к концу, пора домой.

Вот это сюрприз! Черный «Кашкай» ждет на привычном месте, Белов курит, отвернувшись, стоит спиной к служебному выходу. Как и обычно, дает ей возможность проскользнуть незамеченной. Это его-то Варя назвала насильником?! Если только он перед действием принудительного характера раз триста пятьдесят переспросил жертву: ты уверена?! Тооочно не против??

Нужно будет поговорить на эту тему, пусть знает, какие сплетни о нем распускают якобы друзья. Но не сегодня. Пока не стоит портить настроение. Рано.

Вера, как и обычно, залазит в «Кашкай», ждет, пока Вик докурит и устроится рядом. Одет в один из своих неформальных костюмов с претензией на строгость, белоснежную рубашку, тщательно выбрит. Должно быть, с работы.

— Устала? — спрашивает, быстро жадно оглядывая ее с ног до головы, останавливается на глазах, слегка улыбается, как и обычно — нахально, как бы сообщая: да-да, детка, именно об этом я и думаю. Нет уж, сначала скажи что-нибудь нежное, там видно будет. Не выйдет у тебя сегодня свести все к сексу.

— Смотря для чего, — отвечает ему, тоже улыбаясь.

— Для меня, — не колеблясь и секунды.

— А что ты хочешь предложить? — смотрит на него внимательно. Белов, ну же, шагни навстречу. Я же осталась с тобой, несмотря на шрамы, доказала, что могу не обращать на них внимания.

Он разворачивается к ней, скрещивает руки на груди.

Давай, решайся!

— Арина все еще у тебя? — спрашивает задумчиво.

Эх. Ладно, о Кустовой тоже стоит поговорить. Вера и так думает только о себе в последнее время. Ни на Арину, ни на Артема, ни даже на Полину Сергеевну нет времени слушает их в пол-уха. Кустов звонил, кстати, приглашал на день рождения матери, чтобы хотя бы там встретиться, поговорить. Интересно, как он себе это представляет? Белов будет сидеть отдельно, а она поддерживать его старшего брата, чтобы угодить их маме? Последняя весьма завуалированно, но довольно ясно дала понять при прошлом разговоре по телефону, что Вере все еще рады в их доме, если та передумает и снова станет частью семьи. Частью

семьи Кустовых, конечно, не Беловых.

В этом, кстати, весь Артем — никуда без группы поддержки за спиной.

Вера смотрит на Вика, невольно хмурится. С каждым днем секреты даются тяжелее. Если бы только она могла поставить окончательную точку и вычеркнуть бывшего из жизни! Как бы это сразу все упростило. «Вик, помоги же мне в этом, скажи, чего ты на самом деле хочешь», — но вместо этого вслух:

— Арина пока у меня, хочет переждать несколько дней, пока синяки станут бледнее, подживут. Не хочет маму пугать перед праздником, им и так несладко сейчас.

— Тогда ко мне, — заключает он, пожимая плечами, выруливает на дорогу, Вера откидывается на сиденье, довольно улыбается. Решился, наконец-то, молодец.

— А сегодня скучала по мне? — спрашивает он.

— Чуть больше, чем вчера, — пожимает плечами. Косится на нее недоверчиво, делает вид, что крайне увлечен дорогой, ни на секунду не оторваться. Первый раз за рулем, не иначе.

Берет ее руку, сжимает.

— Кошмары...не снятся? — вдруг спрашивает.

Она, конечно, понимает, о чем он, но делает удивленное лицо. Не будет его тело ей сниться, не позволит она. Только в эротических снах если, но какие же это кошмары. Почаще бы.

— Нет, а тебе? Я с Варей или Джей-Ви, например.

Фыркает, слегка ведет плечом. Не нравится ему эта тема.

— Оказывается, я ревнивый, — говорит. — Не из тех, кто делится, — слегка нажимает голосом. Поглядывает в ожидании ответа. Можно подумать, Вера из тех, кто позволит собой поделиться. Хотя после ее поступка в сауне будет глупо кидаться заверять, что она никогда и ни за что! Может, не стоило тогда? Сейчас кажется, что могла бы придумать другой выход, менее вызывающий.

Они едут в небольшой ресторанчик, который Вера одобрила несколько дней назад в случайном разговоре, ужинают, болтая на нейтральные темы. Кажется, через час Белову, наконец, удастся расслабиться, он смеется, позволяет себе шутить. Перемена в настроении ощутимая, даже его плечи, кажется, слегка опускаются, неужели все это время он держал себя в тонусе, ждал подвоха?

Вера наблюдает за собеседником, гадая, что с ним происходит. Неужели ты все еще ждешь, что я тебя брошу? — прищуривается, подаваясь вперед.

Или хочешь аккуратно бросить меня? Глаза против воли расширяются, взгляд бежит по его лицу, ассиметричной стрижке, татуировкам. Как же ему идут костюмы! Жаль, редко их носит, в основном на важные встречи по работе.

Будет катастрофа, если он так и не сможет ей простить, что видела шрамы и его уязвимость. Кажется, его тяготит то, что она в курсе. Не получается у него вести себя как раньше. Старается, но не выходит.

Она уже почти готова услышать очередное «давай останемся друзьями». Ага, лучшими друзьями, которые еще позавчера целовались, как безумные, и шептались друг другу на ухо о крайней степени возбуждения.

А потом он, увлекшись очередной забавной историей, случайно роняет телефон на пол, прямо у ее ног, быстро наклоняется, чтобы достать, и она замирает, читая на его шее новое слово. К уже привычным «Норе», «Love» — надежде и любви — наконец-то прибавилась

вера. Вот только не в виде «Faith», как было бы логично. На его шее написано: «Vera, Hope, Love».

Кажется, ее сердце замирает, чтобы набраться сил и мгновением позже попытаться вырваться наружу, едва не разорвавшись от гаммы ответных чувств.

Кровь сиюминутно приливает к лицу, щеки предательски горят, а пальцы начинают дрожать. Увиденное одним взмахом проходит по нервным клеткам, скосив добрую их часть.

Место новой тату еще покрасневшее — видимо, только утром набил. Ничего не сказал, ждет, что сама заметит?

Господи, какое же место она заняла в его жизни после событий на даче Джей-Ви? Она же первая, с кем он решился поехать на тусовку, пересилил себя, рассказывая о слабостях, а потом разделся и показал себя таким, какой есть на самом деле, от которого большинство женщин просто бы отказались. Не смогли бы смотреть, не то что лечь рядом.

Вик возвращается на свой стул с телефоном, слегка улыбается, но удивленно замирает, разглядывая ее.

— Все в порядке? — осторожно спрашивает, теряя нить очередной байки.

Прости, родной, потом дослушаю.

Хочется потянуться и провести пальцем по надписи, Вера хватается за бокал вина и залпом его осушает, давится, начинает кашлять, закрывает лицо салфеткой, но не спасает. Забирает его воду, начинает пить мелкими глотками, не помогает, из глаз брызгают слезы.

— Вера, ты как? — он пугается, подскакивает, чтобы помочь, но она — должно быть, уже красная, как салфетки на столах — останавливает жестом. Сдавленно извиняется и убегает в туалет, закрывается и включает воду. Кое-как удастся справиться с кашлем, надо же было так подавиться! Стыдно.

Споласкивает руки прохладной водой, промокает лоб и щеки, жаль, нельзя умыться, макияж не позволяет. Смотрит на свое пылающее лицо в отражении, чувствуя, как внутри все трепещет.

Никогда он не признается ей в своих чувствах и не задаст прямого вопроса. Не осмелится потребовать взаимности, не устроит скандал, если сильно обидится. Либо молча простит, если мелочь, как это было с лесбийским поцелуем или ничего не значащими встречами с Кустовым, либо просто уйдет в сторону.

Он не станет за нее бороться, просто не позволит себе этого, зарываясь в комплексах, придумывая миллион несуществующих причин, почему не достоин. Он не стал обещать ей несметные горы, вешать лапшу на уши, как все мужики до него, а, не советуясь, выбил ее имя у себя на шее в благодарность за то, что она для него сделала. Приняла его тело, позволила быть самым собой, сама разделась, оставаясь беззащитной и доступной для него одного.

«Милый мой, хороший, как же важен для тебя тот вечер, оказывается», — шепчут ее губы, пока дрожащие мокрые пальцы поправляют макияж, вытирая следы от туши. Бесполезно! Становится только хуже. Вера умывается полностью, воспользовавшись мылом. В дверь осторожно стучатся.

— Вер, ты тут? У тебя все нормально? — его растерянный голос. О нет, сколько она уже здесь? Нужно было время засечь. Хочется впустить его, обнять, прижаться и целовать бесконечно долго, пока не начнет вырываться. Тем более, в туалетах ей уже не в первой. Вера невольно хихикает при этой мысли.

— Сейчас подойду, прости, подавилась сильно.

— Да я не тороплю, просто волновался.

Уходит. А она наскоро приводит себя в порядок, поправляет волосы, старается натянуть улыбку, скрывающую эмоции, и выходит к нему, покорно ждущему за их столиком, что-то читающему в телефоне.

Она меньше волновалась и радовалась, когда Кустов сделал предложение и подарил кольцо. Нужно будет его сдать в ломбард, кстати.

Хочется подойти к Вику, положить руку на плечо и сказать: я тебя тоже. Но она не посмеет пока.

Улыбается ему мягко, он в ответ вдруг тоже, приподнимает брови, дескать, что? Она качает головой и пожимает плечами.

Никому тебя не отдам, мой сомневающийся. Помогу поверить в себя, чего бы мне это ни стоило. А там пусть происходит то, что должно. Не можешь ты быть насильником. Не наша эта история.

— Вер, нужно поговорить. Это важно, и тебе это не понравится, — говорит мрачно. Кажется, решился на что-то.

— Прямо сейчас? Я готова. Слушаю, Вик.

— Не здесь. Поехали, я покажу тебе кое-что. А потом, если еще захочешь, побеседуем.

Он поднимается, протягивает руку, а потом ведет ее к машине и молча выруливает на дорогу.

Часть IV

IV часть

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 14

Подрываюсь на кровати. Темно. Сердце колотится, по ощущениям — всю грудную клетку занимает, распирает изнутри, на лбу что-то липкое, холодное, размазываю, а не вытираю пот, пальцы дрожат, а кожа под шрамами горит. Тут же пихаю руку под кофту, провожу по своей груди, животу — на месте мое проклятье, дьявольские уродские метки, шрамы и рытвины, тут все, при мне, родимые. Всего лишь плохой сон. Облегченно выдыхаю, но сердце продолжает бахать в висках, ушах, закрываю лицо ладонями. Жарко, кажется, балансирую на грани между Фоновой и Прорывной.

Надо удержаться.

Пытка огнем — одна из самых действенных, боль доставляет адскую, но при умелом дозировании к смерти не приводит. Наслаждаться можно неделями, сжигать сантиметр за сантиметром, требуя признаний. По кончикам нервных окончаний выжигать четкий ассоциативный ряд, чтобы не смел даже думать о том, чтобы когда-нибудь еще прикоснуться к женщине, получить удовольствие от ее касания. Воспитывали меня. Наказывали за совершенное.

Во что бы то ни стало надо удержаться. Не хочу снова заедать боль таблетками, не сейчас. Влюбился я, нельзя жить прошлым, когда только замаячила сексапильными ножками и круглой попкой возможность будущего.

— Вер, проснись, пожалуйста, открой глаза, — осторожно трясую ее за плечо, бужу.

Опять снилось, что с Верой обнимаюсь, прижимал к себе, гладил. Раздетые были, счастливые. А потом шрамы исчезли с моей кожи и проявились на ее, потому что повел себя неосторожно, позволил коснуться ее чистого тела своим отвратительным, заразил душу,

передал проклятье...

— А? Что случилось? — она садится, хватается за телефон, на часах половина четвертого. — Милый, ты как? Тебе больно? — в голосе лишь тревога, ни капли усталости, будто и не спала крепко минуту назад.

— Что-нибудь скажи. Хотя что-нибудь, неважно. Чтобы отвлечь. Надо попробовать удержаться, — тру глаза, концентрируясь на ощущениях. Вы же помните, где лежат мои таблетки? Найдете вперед меня при необходимости, все уши ими прожужжал.

Вера включается мгновенно, придвигается ближе, светит в сторону фонариком на телефоне, глаза широко раскрыты, но смотрит, кажется, не брезгливо.

— У меня три раза была пневмония. В пятом классе. А сколько всего, я говорить не буду, стыдно признаться. Представь себе, в школу вообще не ходила, хотели на второй год оставить. Кстати, Белов, ты знал, что я ломала правую ногу и дважды левую руку?

— Я тоже ломал, только правую руку. И палец на ноге. Пнул кучку снега в лесу... а это оказался пенек.

— О Боже! — она морщится, вжимает голову в плечи. — Как же это больно, наверное!

— Весьма неприятно. А ты каким образом?

— На роликах пыталась научиться кататься, но они плохо поддаются не в меру толстым детям, оказывается. Короткие ноги под весом необъятной задницы упорно расходились в разные стороны.

Она это так говорит, что невольно смеюсь.

— Еще у меня практически каждый год случался ложный круп, — продолжает торопливо. — Это когда вирус дает осложнение на горло и задыхаешься, спасали на скорой. Небулайзер домой пришлось купить. А еще я попала под машину, отделалась легким сотрясением и большой ссадиной, — показывает на спине, задирая шелковую сорочку. Кожа у нее гладкая, бархатистая, идеальная, никаких шрамов не осталось, к счастью. Такое тело нужно беречь от малейших изъянов.

— Однажды у меня был сильный бронхит, — говорю задумчиво. — После того, как нас дядя Коля на рыбалку взял, а потом забыл там. И мы с Артемом немного поплавали на льдине.

— О Господи! Как это забыл??

— Угадай, — щелкаю пальцем под подбородком, ясно, что пытаюсь изобразить. — Спроси у мамы подробности, если интересно, — смеюсь, вспоминая тот случай. — Мне девять было. Больше на рыбалку нас мама не пускала, особенно зимой.

— Когда отморозишь пальцы на ногах, нельзя их в тепло сразу, нужно изнутри отогреваться чаем или еще чем, а ноги в прохладе держать, пока сами не отойдут. А то клетки нервные отмирают. Не спрашивай, откуда знаю об этом, — мрачно.

— Откуда?

— Белов, блин! Не скажу я тебе ни за что! И так много обо мне знаешь. Лишнего.

— Ты каждый год, что ли, в больнице лежала?

— Иногда по два и по три раза. Поэтому меня сладким и закармливали, жалко же ребенка, и так не везет по жизни, — она снова надувает щеки и растопыривает руки, будто у нее живот как у Марии Игоревны, вредной тетки Кустовых, необъятный.

— Ну, ты даешь.

— Нарвался не на женщину, а на катастрофу. Те еще гены, знаешь ли.

— Могу поспорить, кто из нас ходячая катастрофа.

— Воспаление почек, удаление аппендицита, аллергия на пыль, сильный мороз и сорную траву, а также передний верхний зуб слева — коронка. В пятом классе упала, и кусочек откололся, — с вызовом.

— Твою ж мать! — Она так рассказывает с гордостью, что уже смеюсь в полный голос: — Да ну нафиг, Вера. У тебя есть фотография, где ты толстая, в очках, со скобками и без зуба?

Она тоже смеется:

— О неееет, — грозит мне пальцем. — Даже и не надейся, хватит того, что ты уже видел. У меня и так подозрение, что я на испытательном сроке, — тянется и целует меня в висок, мягко обнимает лицо, едва касаясь пальчиками, чувствую ее мягкие губы на лбу, переносице, на щеке.

— Сейчас в душ схожу.

— Опять кошмар, да? — шепчет, в голосе вновь сквозит тревога. Киваю, Впрочем, надеюсь, что в темноте не видно.

— Расскажешь, о чем?

Прости, но лучше умру. Чувствуя, как качаю головой, отвечает:

— Если захочешь, то не стесняйся. Ты можешь доверять мне.

Еще чего. Себе-то не доверяю. Что ж ты делаешь, Вера, зачем продолжаешь так хорошо ко мне относиться. Я ж влюбился в тебя, красивую, сильно, каково потом будет отвыкать от твоего внимания, если придется?

Понимая все это, продолжаю форсировать наши отношения, потому что не могу отказать себе в этом. Потому что действительно счастлив с ней, такой нежной, открытой и всегда доброй по отношению ко мне. Я еще не встречал женщин настолько добрых, и дьявольски льстит, что ее мягкость, красота и простая человеческая забота только для меня одного.

Как жаль, что каждый из нас лежит под своим одеялом. Но вместе под одним узким нам нельзя, и мои сны отлично визуализируют почему. Через минуту засыпаю, позабыв о кошмарах и дУше, чувствуя лишь ее поглаживания по голове, рукам, зная, что ни за что не забудется и не причинит мне боль.

Мы долго думали, идти ли на день рождения к маме, и если да, то каким составом, в итоге Вера слишком сильно перенервничала, стараясь всем угодить, и накануне свалилась с гриппом. Ну а так как я ее целовал, не реагируя на предупреждения о заразности, весь праздник мы с ней провалились в постели, едва живые, с зашкаливающей температурой.

Мама сильно расстроилась, но пожелала скорейшего выздоровления нам с ней по отдельности в двух разных телефонных разговорах. Честно говоря, мне даже хотелось бы, чтобы она сопоставила, наконец, очевидные факты и поняла, что у нас с Верой роман. Но, кажется, родственники настолько привыкли к моему статусу — одиночка, что даже не допускают мысли, что изводящая нас с девушкой дрянь — одна на двоих.

Верина мама пришла в ужас, кричала по скайпу, что это, вероятно, какой-то новый неизученный вид гриппа, о котором кто-то из ее знакомых как раз рассказывал на днях, и нужно срочно сдаваться в инфекционку, иначе мы уже завтра помрем. Да, с ней мы, наконец, познакомились, и симпатичная маленькая полная, но шустрая женщина мне понравилась, если не брать в расчет присланный ею бесконечный список лекарств и разных средств народной медицины, которые нужно было срочно приобрести. По ее мнению. В дальнейшем обеспокоенная женщина каждые полчаса звонила с целью узнать, не умерли ли

мы до сих пор.

Но против всей ее логики, мы оказались на редкость живучи.

Вера не сказала родителям, что я брат Артема. Думаю, пока это к лучшему. Ее маме и так не понравились мои татуировки, не стоит пока усложнять. Отлично ее понимаю, моим родителям они тоже не нравятся.

Врача мы, конечно, вызвали, и он выписал эффективное лечение и заверил, что смертельным исходом в нашем случае, к счастью, не пахнет.

Потянулись дни безделья, первые сутки мы только спали, потому что на самом деле ломило кости, болела голова, слабость усложняла даже прогулку до ванной комнаты. А потом смотрели фильмы, повторы баскетбольных матчей, болтали о всяких пустяках. В общем, болеть мне даже понравилось, если бы не потеря денег. Вере больничный охотно оплатили, я же упустил кучу возможностей приработка, плюс клиент по «Трахелькам» затребовал моего личного визита, чтобы проконтролировать покупку материалов и кое-какого оборудования, пришлось переносить.

Примерно через недельку после выздоровления Вера снова уезжает к себе, где оказывает очередную моральную поддержку Арине. Марк меня беспокоит все сильнее, но пока, честно, нет столько времени, чтобы припереть сестру к стенке и заставить организовать знакомство. Она ж сопротивляется всем вопросам о нем, словно этот Марк действительно для нее много значит. Влюбилась? Остается надеяться, что он хороший парень.

Следующим днем заезжаю за девочками, и мы несемся в парк. Погода замечательная, не жарко, ветра нет, солнце мягкое, греющее, что нередко для начала августа. Вера с Ариной в очаровательных платьях, я с фотоаппаратом.

Как школьники с Верой, без шуток, пока Ариша отвлекается, прячемся и целуемся, потом снова при сестре ведем себя, будто просто друзья.

Бесит, конечно, что Арина нет-нет, да стрельнет что-нибудь про Артема — дескать, какой хороший парень, и как же они хорошо смотрелись с Верой вместе. Наверное, еще и поэтому я стараюсь избегать с ней встреч...

Как подумаю о том, что Артем мою Веру... ну... мать его, даже мысленно сформулировать не могу, все существо противится. Вы же понимаете, о чем я? Он был с ней так долго, был у нее первым, был в ней... Ревную к прошлому. Недавно это началось, постепенно развернулось, затягивая. Смотрю через объектив камеры, как девочки едят мороженое, смеются, и снова возвращаюсь к вопросу, что Вера в нем так долго находила? Я ж видел их вместе на праздниках, однажды даже фотографировал в парке — Артем просил, когда только подбивал к ней клинья. Но мы с Верой никогда не обсуждаем тот день более чем двухлетней давности. Делаем вид, что его не было.

Помню, как она обнимала его, позволяла себя целовать, смотрела... никого не замечая вокруг. Меня не замечая вообще. Эти воспоминания не дают до конца поверить, что сейчас она со мной. Пожалуйста, скажите, что понимаете, о чем речь, а то я свихнусь скоро! Глупо, отдаю себе в этом отчет, но очень тревожит, что физически не могу сделать ее своей. Она как будто все еще принадлежит ему на каком-то низшем, инстинктивном уровне. Он у нее первый и единственный. Наш же секс происходит в головах, без участия тел, а значит, не настоящему.

— Белов, запиши себе в блокнот, что в следующую субботу проводишь фотосессию для моей подруги. У нас девичник, она замуж выходит двадцатого августа, — сообщает мне

Арина командирским тоном. Выгибаю бровь, глядя на нее, поражаясь очередному всплеску наглости. Когда-нибудь эта вертихвостка у меня договорится, ей-Богу.

— В субботу я улетаю в Сочи по работе. Так что мимо на этот раз, — делаю вид, что выдыхаю с облегчением.

— Ну пожалуйста, Вик! — начинает сразу умолять, едва ли не плачет. Вот как у нее это выходит? Актриса недоделанная, какой из нее врач-косметолог, нужно было в театральный идти. — Я тебя очень прошу, это безумно важно! Нанятый фотограф в последний момент отказался. А перенести нельзя, потому что...

Честно говоря, эту болтовню воспринимаю как шум на заднем фоне. Куча имен, поток фамилий, мне неизвестных, одна за другой, нелепые причины, безумный блеск в глазах сестры. Опять ревет, что ли? А синяки еще заметны на руках. Бедняжка, натерпелась в свои двадцать.

— Ладно, ладно, тогда днем фотосет, а вечером я лечу. Полтора часа и не больше, нет у меня времени угождать всем твоим подружкам, у тебя их целая толпа!

— Ну, нет, Таня — самая любимая, нельзя ее подводить, потому что... — опять шум.

Отвлекаюсь на сообщение в ватсаппе от босса, и тут же прочие мысли вылетают из головы. Набираю Джей-Ви.

— Минуту, — говорю резко, Арина послушно закрывает рот, прервавшись на полужвуке, Вера хмурится. Правильно, Вера, ты как всегда чувствуешь, когда проблема серьезная. Очередная мега-х*рня в «Континенте».

Жоркин, мать его, не берет трубку. Снова открываю сообщение Костикова, перечитываю: «Твой друг меня кинул, ты, надо полагать, тоже?»

Джей-Ви сам перезванивает через минуту, надо же.

— Жоркин, бл*ть, что за фигня? — ему вместо приветствия.

— Вик, ты о чем? — сдержанно.

— Угадай. Говорят, у тебя доход появился внеплановый. И как тебе оно? Ничего не делал, а денежки на счет с неба упали. Как в сказке. Ты не забыл, что я за тебя поручился перед Костиковым? От кого-от кого, а от тебя не ожидал, брат.

Молчит.

— Ты что творишь, а? — говорю резче, поворачиваясь к девочкам спиной и отходя, чтобы не слышали детали разговора. — Да с тобой больше ни одна фирма не свяжется, забудь про интересные проекты!

— Да и похрену! — кричит в истерике. Замолкаю, так как не ожидал услышать столько злости и обиды. — Ты, видимо, со своей Верой последние мозги растерял, оторвись от ее сисек хоть на минуту и оглядись, прежде чем мне с наездами звонить. Да я лучше завтра из страны свалю, чем буду потом свои кости гипсом сращивать. Ты соображаешь, с кем собрался конфликтовать?

— Твой отец одобряет такой подход? Или он тоже бегаёт и прячется при первой угрозе?

— Папа сказал отступить и не лезть во все это. Ты пойми, Белов, не телефонный это разговор, но... Это проблемы Костикова. Не твои и не мои. Нас они не касаются, мы пешки. Там завязаны совсем другие деньги и другие люди. Нас просто в расход пустят. Анатолий Петрович просил передать, чтобы ты взял калькулятор и умножил на четыре, а потом перезвонил ему. Это твой последний шанс.

— Идите вы оба к черту, — кладу трубку. Гребаный трындец! И что же делать?

Костиков взял меня к себе в «Континент», невзирая на образование, закончил-то я

захудалое училище по специальности художник-постановщик в театре, и то с огромным трудом. В то время день — через день в припадках бился, Костиков заступался перед заказчиками, лично ездил на объекты, когда я по больницам мотался после очередных приступов. Денег мне дал. Много дал, мне тогда нужны были сильно на трудерму, папа помог, но не хватало. Хотя бы кисти рук и шею прооперировать, иначе противно со мной за руку здороваться было клиентам, вдруг проказа какая.

Босс одолжил сумму при условии, что пять лет на него работать буду. Разглядел во мне что-то, тащил на себе первые проекты, когда я только вливался да ошибался сплошь и рядом. Не поступлю я так с ним. Пишу Костику: «Я с вами». Отвечает смайлом — большой палец.

Надо хорошенько подумать, что делать. Возле дома опять эти твари на черной Бэхе, стоят напротив подъезда, выжидают. Хорошо, что девочек отвез к Вере, не нужно с ними светиться.

Увидев меня, Анатолий Петрович выбегает, но я лишь качаю головой. Страшновато, если честно, но ведь не пристрелят же. Много чести захудалому дизайнеришке.

— Виктор Станиславович, вы, кажется, не узнали меня? Идете мимо, не здороваетесь, — почти вслед. Оборачиваюсь.

— Узнал, как же. Потому и мимо иду. Опять искушать станете? — усмехаюсь. — С памятью у меня пока все в порядке, документы по-прежнему не теряются, пальцы на лишние кнопки «удалить» не нажимают.

Он смеется, будто шутка удалась, показывает большой палец, услужливо открывает дверь, предлагая сесть, снова качаю головой:

— Дико извиняюсь, но очень спешу. Работы много в «Континенте», лучшие дизайнеры бегут, как крысы позорные, кому-то надо проекты доделывать.

— Да забудьте вы про «Континент», через пару месяцев о нем никто не вспомнит, как и о его преданных сотрудниках, — он подходит ближе, улыбается. — Ваш вопрос, Виктор Станиславович, решится с вами или без вас, — протягивает мне брошюру с трудермой. Мать его, откуда они знают?! — Вы-то в курсе, куда деньги потратить можно, и уж лучше многих других, — как бы с намеком говорит. Справки обо мне навели, значит. Интересно, какой источник информации использовали, вроде бы я везде прикрыт.

— Про четверку мне передавали, спасибо. Если надумаю, обязательно перезвоню. О существовании экспериментальной синтетической кожи — в курсе, но спасибо за заботу, — беру из его рук брошюру, сминая и сую в задний карман, иду в подъезд. Сердце колотится, будто готовлюсь принять спиной удар. Надеюсь, Костиков знает, что делает. Сказал, что прорвемся, что у него есть план и чтобы я ему верил. Пока еще верю, но уже на грани. Особенно теперь, когда есть что терять.

Дома включаю компьютер, подсоединяю «Canon», чтобы перебросить сегодняшние снимки и обработать — Арине срочно нужна новая аватарка для какого-то конкурса в «Инстаграме». На почте обнаруживается новое письмо от Кустова, надо же, давно о нем слышно не было. После несостоявшегося выступления на празднике мамы приуныл парень. Арина говорила, весь вечер грустил; Вере написывал, как здоровье интересовался, не нужна ли помощь. Она не отвечала, пусть едет к ней домой, если хочет, она-то все равно у меня спрятана. А сюда пусть только сунется.

Открываю конверт и отшатываюсь.

Шепчу ругательства, даже со стула соскакиваю, неудачно, налетаю на подлокотник, едва удерживаюсь на ногах, но роняю на пол мышь и какие-то бумаги, — все это от

неожиданности. Черт. Прислал целую пачку их с Верой совместных фотографий. Из семейного, бл*ть, архива.

Надо удалить, но — видимо, в порыве добить себя — зачем-то рассматриваю. Все еще стою, забывая о том, что можно сесть в кресло. Неудобно, но это лишь придает изысканности моменту медленного самоуничтожения.

Ничего такого, на самом деле, если вы думаете, что там могла быть домашняя порнушка — от Веры не дождешься. Просто он ее обнимает, а она — его, вдвоем делают селфи, целуются. То она его целует, прижимается, то он ее. Счастливые такие, влюбленные. В домашней одежде на постели валяются, на кухне в его квартире оба в передниках. Он ведь тоже, сука, повар недоделанный якобы. Варит что-то — видимо, ужины ей романтические. Ножки ее фотает, она прикрывается и смеется. Хватает ее за грудь через пижаму — на фото попал момент, хорошо, что вышло смазанно, но рассмотреть можно. С досадой отмечаю, что отлично знаю эту пижаму. Но ведь не станешь же просить девушку полностью сменить гардероб? Не думал, что меня будет заботить, что снимаю с нее то же белье, что он до меня.

Что же так больно стало, будто измена. В прошлом же все у них, не спит она сейчас с ним. А смотрю на фотки и кажется, что передо мной будущее, что вернулась она к нему.

А, вот эти, кажется, я им делал. Узнаю свой почерк. Блин.

Женщины ведь запросто прощают измены? Мать прощала дяде Коле несколько раз, я точно помню. Плакала, страдала, но через неделю все делали вид, что ничего не было, и он не присунул своей очередной секретарше. Кустовы — все как на подбор, лишь бы баб побольше отыметь, а мозг у них включается уже после траха. Наверное, я бы тоже мог таким стать, если бы потеря концентрации в моем случае не обещала море боли. Наверное, я ничем не лучше...

Господи, ну почему я не могу с ней, а козлина эта может?! У него даже сейчас, когда он втоптал ее в грязь, унизил, возможно, заразил смертельной болезнью, больше шансов трахать ее, чем у меня! Ну когда же я расплачусь сполна за свой тот роковой поступок с Настей?! Будет ли конец этому?!!

В письме одна фраза: «Белов, уйди в сторону по-хорошему».

Медленно сажусь в кресло, перевожу дыхание. Отвечаю: «Не в этот раз».

В ответ: «Она мне нужна, Вик. Дело жизни и смерти...».

Кто б сомневался. Вот только не одних твоих уже. Читаю дальше:

«..Просто уйди и дай ей самой выбрать. Иначе сопли сам себе вытирать будешь. Я хотел по-братски разобраться».

Никуда я не денусь, даже и не надеюсь. Кустова в бан. Пишу Вере: «Ты в меня уже влюбилась или как?». Она отвечает быстро, в ту же минуту: «По уши, Белов». И веселый подмигивающий смайлик.

Ну что ж, посмотрим, какие испытания способна пережить твоя любовь. Артема ведь ты тоже любила. Интересно, кого из нас больше? Вон как ластишься к нему на фотографиях.

Перед тем как удалить, еще раз пересматриваю каждую, запоминаю детали, занимаюсь мазохизмом, не иначе, но почему-то кажется, что должен это видеть и запомнить.

Вера же мне сразу понравилась, в тот самый первый вечер, как он привел ее на очередной идиотский показушный праздник родителей, знакомиться. Я подумал тогда: скромная хорошая девушка, с достоинством, гордостью. Симпатичная. Разглядывал ее украдкой. По Вере сразу видно, как надо себя с ней вести, держаться в рамках, стараться. Это подстегивает. И Кустов, черт бы его побрал, старался, на себя похож не был,

обходительный такой, услужливый. Мама ахала, наконец-то блудный сыночек влюбился в хорошую девочку и остепенился.

«Белов, я тебе в любви только что впервые призналась, ты вообще заметил? Давай хоть отпразднуем это» и смайлик, — приходит от Веры. Улыбаюсь и удаляю письмо от Артема. Иди ты к черту, Тём, не до тебя и твоих утопических фантазий о моей женщине. Надс сосредоточиться и решить, как помочь Костикову в его войне, не угробив при этом собственную карьеру. И придумать, как отпраздновать очередную Верину капитуляцию передо мной — неотразимым, бл*ть, красавчиком.

В последние дни ей постоянно страшно за этого упертого барана. Уговаривала отступить, отказаться от участия в суде. Не хочет — пусть не берет деньги Марата Эльдаровича, раз совесть не позволяет, но хотя бы не будет привлекать к себе внимание этих опасных людей. На Костикова давно нет надежды, еще месяц назад стало понятно, что он ловко юлит и специально каждый раз уходит от прямых вопросов. Но Белов уперся: своих, дескать, не бросаем. Он обещал, видите ли, и точка. Роль его маленькая, но собирается отыгрывать ее до конца, хотя сам понимает, что от него мало что зависит. В последнем телефонном разговоре послал Марата Эльдаровича... мм, туда, куда мужчины традиционной ориентации не ходят. «Континент» тонет, новых заказов нет и не предвидится, большинство работников написали по собственному, иски сыплются, будто проклинали, с каждой неделей появляются новые недовольные.

Хорошо, что сегодня они улетаю́т в Сочи, хоть несколько дней проведут в относительном спокойствии.

День предстоит насыщенный, чтобы все успеть, пришлось настойчиво будить Белова в десять, после чего он еле сполз с кровати, так как лег около шести — доделывал очередную фотосессию (Тома просила поспешить, а то последние сроки поджимают). Всю ночь пилился на обнаженные тела в увеличенном масштабе — редактировал изъяны.

Итак, сначала они ненадолго заедут к Кустову, затем в парк — фотографировать девичник одноклассницы Арины, следом в больницу за результатами последнего анализа на ВИЧ и, наконец, в аэропорт. Зачем к Кустову? Нужно забрать остатки вещей и золотую рыбку. Это подарок племянницы, а она скоро приезжает. Да и сколько можно оттягивать визит, скоро похолодает, а у Веры ни сапог теплых, ни шапок, — все во встроенном шкафу Артема лежит, если не выбросил еще. Но сказал, что нет.

Вера бы лучше купила новые вещи и солгала девочке, что рыбка погибла, но Маринка в разговоре по скайпу настойчиво спрашивала про Марти, и Вик зачем-то сказал: «заберем». Он проблемы не увидел, как и всегда — готов помочь, сделав при этом даже то, что ему неприятно. А ему неприятны Верины встречи с Артемом, что является действительно большой проблемой, потому что мысленно Вера уже начала собираться за Белова замуж.

Он выбил ее имя на шее, потом отвез к себе домой, показал мед. карточку, чтобы ознакомилась с тем, как жил до нее, какие препараты принимал, как часто случались эпизоды и с каким финалом, чтобы не выдумывала себе чудес. Карточка, вероятно, будет расти в толщину, хотя он и далеко продвинулся за последние годы. Все еще готовый уйти в сторону, если она испугается. Кретин.

Можно подумать, он не стоит того, чтобы несколько раз в месяц успокаивать после кошмаров, оберегать от триггеров, носить его таблетки в сумочке на всякий случай. Тем более что при ней он еще ни разу ими не воспользовался. Надо бы срок годности глянуть.

Вера будет следить за тем, чтобы не принимал просрочку, ей не сложно.

Его тело больше не пугает. Вера, правда, оторвалась, прорыдав несколько дней и ночей у себя за закрытой дверью, жалея восемнадцатилетнего пацана, прошедшего все круги ада, всей душой, каждой клеточкой, но в лицо лишь пожалала плечами. Что ж, у нее тоже багажник проблем со здоровьем, кто не без сюрприза? Его не испугал ее ВИЧ, с какой стати ей бояться старых ран?

Даже если она впервые сможет его обнять только лет через пятьдесят, что ж, она готова пойти на это, чтобы остаться рядом. При желании любую проблему можно решить. И с каждым днем узнавая Вика все лучше, она не представляет, как можно отказаться от этого честного, порядочного, доброго и надежного мужчины с идиотским, но крайне смешным чувством юмора.

..А раз собралась за него замуж, хоть и мысленно пока, то надо налаживать отношения с семьей. Вик очень сильно любит маму и сестру, нельзя заставить его выбирать между ними и ею. Это бесчеловечно! А единственный способ обойтись без скандала — это восстановить хоть какие-то отношения с Кустовым. Сделать так, чтобы оба брата поняли — Вера будет либо с Виком, либо ни с кем из них двоих. Прошное не перестанет тащиться следом, от него никуда не деться, треугольник у них неприятный, но родственникам придется привыкнуть к настоящему, хоть им оно и не понравится. У Веры впереди другая жизнь с горячо любимым мужчиной, а Артему она готова простить все на свете, лишь бы остаться друзьями, и облегчить Белову возможность любить ее.

— Не верится, что сегодня мы точно узнаем, здорова я или нет, — улыбается Вера, нервно теребя сумку. Та выскальзывает на пол, под сиденье. Хочется поднять, но Белов отвлекает:

— Пф, на прошлой неделе ты была полностью здорова, неужели еще есть сомнения, что на этой вдруг — нет? — усмехается. Их обоих изрядно нервирует, что Полина Сергеевна вчера в очередной раз звонила рассказать, как дела у Артема и какое у него чудесное будущее впереди, несмотря на статус. Она так все обставляет в лучших эзотерических традициях, что можно подумать, что ВИЧ — подарок небес и Артем ну просто сорвал крупный куш! Вера солгала, что работает, и положила трубку.

Скрывать чувства к Вику больше нет сил, кольцо вокруг сжимается, с каждым днем Артем сильнее тонет в депрессии, а паника среди его родственников нарастает. Если бы Вера только знала, как можно ему помочь, не рая чувства Белова, то сделала бы это. Почему-то в ней не осталось злорадства, и если бы он вдруг оказался здоров — радовалась бы не меньше остальных.

Она вернется к этим мыслям после возвращения из Сочи. Пока они с Виком едут отдыхать. София уже готовит паэлью по Вериному рецепту и обещает угостить сангрией, которую недавно привезла из Испании.

Вик все еще поглядывает в ожидании ответа. Вера вздыхает:

— Пока мы не знаем наверняка. Сегодня крайний срок, когда ВИЧ может проявиться. Хотя один вирусолог недавно опубликовал статью, что иногда приходится выжидать год...

— Твою ж мать, я вырублю тебе интернет! Вера, только не говори, что придется еще полгода пользоваться перчатками, — с ужасом. — Я ж рехнусь!

— Да нет, надеюсь, что вчера был последний раз. Но я тебя предупредила, так что если вдруг захочешь продолжать соблюдать безопасность...

— Не захочу, — почти рычит. — Хватит надо мной издеваться! Ты еще не поняла, что я

собираюсь спать с тобой вне зависимости от диагноза, и плевать, чего это будет мне стоить.

— Псих, — фыркает она, но затем слегка улыбается, отвернувшись, чтобы не заметил; сжимает его ладонь. Наверное, то чувство, которым она охотно живет с начала лета, и есть настоящая любовь к мужчине, когда хочется быть рядом и поддерживать его даже в самые тяжелые времена, беспрекословно веря в его силы и способность защитить от беды. Вера ухватила за ощущение покоя и безопасности, когда впервые попала в руки Белова в том баре, как за что-то новое, неизведанное и остро необходимое. Оно поразило ее, постепенно разожгло внутри желание принадлежать и помогать. Принимать его сторону, не сомневаясь.

Артем давал ей все, кроме этого.

— Не нервничай, Вер. Seriously, не стоит. Мы справимся, помнишь? Есть вирус или нет, даже если он проявится еще через полгода, я тебе помогу, и мы сделаем все идеально. Ладно? Проживем на максимум столько, сколько отведено.

Сначала Вера почувствовала неожиданно искреннюю заботу, исходящую от него теплоту, а уж потом разглядела за всем этим раны, тяжелое прошлое, колоссальную неуверенность в себе, когда дело касается отношений. Наверное, все остальные женщины начинают знакомство с ним в точности до наоборот. Дуры.

Она поглядывает на него напряженного, серьезного, хмурого. В последнее время особо радоваться нечему, он все время расстроен, хоть и бодрится перед ней.

Только не говори, что до кучи навывдумывал, что я тебя оставлю, если окажусь здоровой!!

В Сочи у нее будет много времени, чтобы дать понять этому вечно сомневающемуся в своей привлекательности парню, что он нужен ей здоровой не меньше, чем больной.

Вчера, занимаясь сексом, он будто прощался, так медленно и долго все делал... облизал ее всю три раза. Повезло же влюбиться в мнительного кретина.

Он паркует машину напротив подъезда Кустова. Этот дом больше не кажется ей родным, словно и не жила здесь никогда. Вера ловит себя на мысли, что с лету не может назвать этаж. Столько всего случилось с прошлого ее визита! Может, следовало захватить с собой и отдать Артему кольцо, но это бы выглядело слишком символично и трогательно. А с этим мужчиной ее давно не связывают ни любовь, ни обида. Вообще никаких чувств. Он всего лишь брат ее любимого, и она будет относиться к нему хорошо. Кольцо Вера продала, деньги потратила на какую-то ерунду.

— Я позвоню, скажу, чтобы вынес? — неуверенно спрашивает у Вика. Он все еще напряжен, сжимает губами фильтр незажженной сигареты, которая забавно наклоняется вниз, едва не падая изо рта.

— Боишься остаться с ним наедине? — очередной выпад в ее сторону. Однако кто мог знать, что Белов окажется настолько ревнивым. Как поступить правильно? Послать к черту Марти, сдалась ей эта рыба, миллион таких же можно купить в ближайшем зоомагазине, — решит, что боится видеть Артема, и навывдумывает лишнего. Позвать подняться с собой? В прошлый раз отказался. Не хочется настаивать, хотел бы — сам бы предложил. Ладно, она зайдет в подъезд и выйдет через минуту, ничуть не изменившись в лице, и это будет ему лучшим знаком. Если она собралась замуж за Вика, встречи с Артемом неизбежны.

— С какой стати? Я быстро. — Целует его в щеку, выходит из машины. Пальцы помнят пин-код домофона, но она звонит, чтобы предупредить о своем визите, как это принято среди чужих друг другу людей.

Входная дверь в квартиру открыта. Вера сначала стучится, но когда никто не открывает,

толкает ее. И замирает на пороге, пораженно оглядываясь.

И что ей теперь делать?

Квартира вверх дном, зеркала разбиты, осколки в крови, шкафы опрокинуты, вещи на полу в беспорядке, тут и белье, и белые рубашки вместе с ботинками, посудой, какой-то едой... Станный неприятный запах.

Тянется за телефоном — но понимает, что он в сумочке, а сумочка в «Кашкае» под сиденьем.

— Артем? — она перешагивает через груды тряпок и стекла, заходит в комнату и видит хозяина квартиры — бледного, откинувшегося на диване в трико и распахнутой рубашке, с запрокинутой головой и закрытыми глазами. Неестественно неподвижного. Даже голая грудь не вздымается. — Господи, Артем! — кидается к нему, чтобы нащупать пульс, но Кустов вдруг резко открывает глаза и хватается за руки.

— Испугалась за меня, малышка? — смотрит больными, покрасневшими глазами и поджигает добела сухие губы. Как же сильно несет перегаром... — Я не могу так жить, Вера. Не справляюсь, — оглядывает комнату мрачным взглядом. — За чертой уже.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 15

Зайти в подъезд, вызвать лифт, подняться на пятый этаж, взять из рук аквариум или пакет — в чем там перевозят рыб? Кустов обещал подготовить Марти к транспортировке — спуститься вниз, выйти из подъезда. Ничего сложного.

Сижу, прикидываю, сколько времени уходит на каждое действие. Суммирую. Ладно, умножаем на два — девица на каблуках у нас, наряжалась. Для меня? Для него?

Ну не могу я поставить точку между ним и ею. А поначалу плевать было, помните?

К ласке, оказывается, легко привыкнуть. Любопытно поразмыслить: вот сейчас на работе у меня кровавые войны и бои гладиаторов, голова трещит каждый день от проблем и нескончаемой ругани, мужики едва ли не дерутся из-за задержанных выплат — оказывается, не меня одного «Континент» полгода завтраками кормил, — а домой приходят и, наверное, расслабляются, превращаются из скотов в чутких мужей. К каждому своя женщина ластится, каждый осторожничает, силы рассчитывает, старается сделать ей приятно, вдыхает любимые будоражащие ароматы, ощущает нежность кожи под пальцами. И таких, как дома, их больше никто не знает. Для меня это ново. С ней я другой. Подобрала-таки ключик.

Отец всегда говорил, что Беловы однолюбы и нужно быть осторожнее, рано не жениться. Мой дед всю жизнь любил единственную женщину, женился в двадцать лет, папа — в девятнадцать на маме. Я боялся, что моя судьба — эта сучка Настя. Теперь вот иначе думаю.

Красотой Насти я восхищался, млел, мог часами любоваться, настолько совершенной она получилась у родителей. Богиня. Рвало от нее крышу, на неадекватные действия потянуло, за что и поплатился, и продолжаю платить до сих пор, как в клетке сижу, ловя лишь крупички нормальной жизни открытым ртом, как снежинки зимой. Основная часть ведь мимо летит, на глазах опадает, другим достается. Вижу, как у людей бывает, а насладиться сам — не способен.

Чувства к Вере другие. Сильнее. И приятнее. Я не просто ее люблю, мне нравится ее любить. Понимаете разницу?

Да где же она?! Сколько можно забирать эту гребаную рыбину? У них там что, бассейн, ныряют и ловят с сачками?

Кретин, все проверочки ей устраиваешь, отталкиваешь от себя. Гляди, не перестарался

ли с каверзными тестами. Вот зачем сегодня было сюда ехать, еще и одну туда отправлять? Кому что решил доказать? Как затмение нашло. Обижаюсь на нее за прошлое, что тратила себя на него, мщу непонятно за что. Еще бы голой к нему подложил и поглядел, чего выйдет. Верчу телефон в руках, на заставке, конечно, Вера, смотрит на меня. Тысячу раз в день вижу ее в синем платье на экране, а в этот раз вдруг нехорошо стало.

Остановись!

Вздрагиваю от внезапного осознания происходящего, понимая, что натворил, как водой окатили, глушу двигатель, выхожу из машины, захожу в подъезд.

Так сильно не хочу повторения прошлого, что сам же своими руками упорно направляю вектор в сторону пропасти. Как меня понимать вообще?

Кустов в итоге достойнее меня получается. Он хоть и подверг ее опасности, сделал это не со зла. Как узнал, сразу же честно признался, хоть это и не просто было сделать, уверен. Он тупица, но не подлец.

Подхожу к двери, она приоткрыта, а в коридоре полный погром. Его ограбили, что ли? Сколько крови на полу... Дрался с кем-то? Или кулаками зеркала бил, Артем? Совсем крыша поехала?

Осторожно переступаю, но замираю, слыша тихие голоса из комнаты.

— Артем, что значит, ты не будешь лечиться? Нужно взять себя в руки, так нельзя, — говорит она эмоционально, почти ласково. Руки сжимаются в кулаки, когда слышу, что этим тоном она говорит с кем-то, помимо меня.

А с ним — особенно.

От ревности перед глазами темнеет, приходится моргнуть. Надо зайти и увести ее за руку.

Надо так сделать.

Пиратский флаг на груди начинает гореть, стою и слушаю.

— Посмотри на меня, — говорит ей хрипло. — Ты ведь знаешь меня лучше, чем кто-либо. Не полное ведь я дерьмо? Признаю, сам во всем виноват, еще и тебя втянул. Если бы знал, если бы только мог отмотать время назад. Ты ведь любила? Скажи правду. Меня вообще можно любить? Может, я только и достоин, что нелепо сдохнуть в одиночестве. Верик, нет сил мотаться по клиникам, сдавать анализы, бороться в одиночестве. Будь что будет, — категорично и с вызовом. — Не хочу.

— Твоя мама никогда тебя не оставит. Не смей говорить об одиночестве, когда рядом такая чудесная женщина. Она тебя любит до безумия.

— Мать жалко, зря вообще ей сказал. Она теперь все время плачет, так что перед ней приходится делать вид, что в порядке. Какую-то хрень втирает про реинкарнацию души, пф!

Добро пожаловать в мой мир, Кустов.

— Я не буду ее таскать с собой по клиникам, — голос звучит твердо.

Очко в пользу Артема. Я маму таскал целый год за собой по реабилитациям, никуда без нее. Правда, был младше лет на десять, это считается за оправдание? Со мной мама хлебнула, уж поверьте.

— Да и зачем?! Ради чего, Вера?! Меня все бросают, используют и бросают. Дело же не в московской прописке, ты не такая. Скажи, что все, что было между нами — происходило по-настоящему.

— Конечно, по-настоящему. Берегла тебя, как могла, но вот видишь, не уберегла в итоге. Во мне нет того, что тебе требуется от женщины. Я тебя не удержала. Но ты найдешь

ту, которая сможет. Обязательно.

— Ты же минус? — вдруг спохватывается.

— Вот сегодня как раз скажут точно. Но вроде бы пронесло.

— Слава Богу! Лучше мне сдохнуть в муках, чем знать, что ты из-за меня... Я не хотел, ты ведь это понимаешь? Я бы ни за что не подверг тебя такой опасности, если бы знал, я не мог даже подумать... Я столько всего переосмыслил за последнее время. Чем еще заниматься в четырех стенах круглосуточно.

— Тёма, я на тебя не злюсь, честно. Давно все простила. Давай отпустим обиды и попробуем жить дальше, будто этого гадкого прошлого между нами не было. Впереди длинная жизнь, и я уверена, что смогу забыть и относиться к тебе хорошо. Но ты должен взять себя в руки. Это не дело — крушить мебель, замыкаться в себе, отказываться от лечения.

— Вот скажи с точки зрения женщины: ты бы смогла принять меня с плюсом?

— Артем, этот разговор ни о чем. При чем тут я вообще? У нас ничего не вышло, мы слишком разные. И мне пора. Правда, очень тороплюсь.

— Послушай, Верик, у тебя же с ним ничего не было. Знаю, что не было. Он не может. Ну, совсем не может. Так, за ручки держитесь, да?

Я, без шуток, собирался уже зайти в комнату и забрать ее, пока этот разговор не перешел на новый уровень, ненужный мне, но в этот момент замираю, чувствуя, как стыд ударяет запрещенным приемом прямо по яйцам. Кустов, мать твою, откуда ты знаешь?!

Теряюсь на мгновение, потому что обескуражен. Слушаю против воли продолжение:

— Еще два слова, пожалуйста, и пойдешь... Это важно. Белов хороший парень, правда, очень хороший, но с ним всегда только проблемы. Верик, он все это понимает, как и я, как и ты. И никогда не заставит тебя барахтаться в его кошмарах. В этом плане он молодец, здраво осознает свои возможности и не лезет туда, где не справится. А с взрослой жизнью ему не справиться. Все окружающее его — временное, ненадежное, как и он сам. Ему вполне хватит «спасибо» за то, что помог тебе...

Дальше шепот с какими-то клятвами.

Значит, мне хватит «спасибо»? Почему она не говорит, что между нами все очень даже по-настоящему? Почему я этого не слышу сейчас?

Потому что она здорова, и в дураках, согласных на перчатки, больше не нуждается. Не зря же мама ей вчера час втирала по телефону плюсы жизни с «плюсом». Не поверите, она действительно нашла их...

Наверное, в этом и есть главная между нами с Артемом разница: он бы на моем месте уже давно зашел в комнату и обозначил себя и свои желания. А у меня горит пиратский флаг на груди, и, кажется, просыпается Фоная.

Мне просто стыдно за самого себя, что я вообще существую и на что-то надеюсь. Еще и на работе завал, счет в банке опасно тает, об операции и речи быть не может. Да и какая разница, можно подумать, она бы что-то изменила.

Выхожу из квартиры, спускаюсь на этаж ниже, прижимаюсь спиной к стене и приседаю на корточки, сжимая голову ладонями.

Давай, разревись еще. Обидели.

По моим расчетам, она должна вклеить ему пощечину и через минуту спуститься вниз, ко мне. Я ведь, по идее, все еще жду в машине уже двадцать две минуты, между прочим. Она ведь понимает, что я смотрю на часы и как могу истолковать ее задержку.

Но она не выходит. Мать ее, не выходит из этой гребаной квартиры!

Вы считаете, надо было остаться и дослушать, насладиться каждым ее словом? Или все же хватит с меня уже?

Что если ее ответ ему положительный? Закрываю лицо руками, тру и, кажется, начинаю задыхаться. Она ведь выбрала его когда-то, трахалась с ним, а со мной что? За руку держалась? Позволяла себя погладить, закрывая глаза на то, что как подросток кончаю себе в штаны от вида ее сисек?

Господи Боже мой. Я так ей открылся, доверился. А теперь осознаю, насколько жалок, и она об этом знает. А еще Артем знает, высмеивает.

Она не выходит. Бл*ть, почему она не выходит?

Женщины же прощают измены, моя мать вечно прощает. А на мой вопрос, почему, однажды сказала, что дядя Коля того стоит. Артем тоже стоит?

Я ничего не понимаю в женщинах и их потребностях. Кожа болит, Фоновая усиливается, достаю обезболивающее из кошелька, глотаю без воды, давлюсь, таблетка застревает в горле.

Давай, разревись, что у нее нет ВИЧ и она вернулась к нормальному мужику, который даже после всего сделанного лучше тебя.

Давай же, ну. Ревел ведь, когда Настя тебя бросила, как девка слезы лил. Потому и бросила, потому что чмошник ты. И папу моего мама бросила. Беловы все кретины, которых бросают.

Наивные идиоты.

Тридцать семь минут там с ним наедине, какого дьявола тебе еще непонятно?

Кожа горит уже ощутимо, глотаю вторую таблетку — в надежде, что она протолкнет первую в желудок, теперь они обе застряли в районе кадыка.

Спотыкаясь, сбегая вниз, к машине, пью воду и утыкаюсь лицом в руль. Нельзя, чтобы события спровоцировали откат назад. История как бы повторяется. Настя тоже ушла, сука, девственница, мать ее, невинность свято хранящая для одного-единственного. Кустов говорил, кончала с ним, как пьяная шлюха, потом по друзьям пошла в поисках продолжения банкета. Полдвора ее отымали, мечту мою сокровенную. Со всеми потом шла, давала, кто позовет и хату организует. А если нет — то и в подъезде раком, а что, тепло же, лето. Прославилась.

Ох, как я был зол! В бешенстве просто. Ненавидел ее за собственные обманутые ожидания. Сейчас-то понимаю, что присвоил ей качества, которых не было, сам себя обманул, накрутил, а тогда-то иначе думалось. Считал именно ее во всем виноватой.

И решил отомстить.

Обидеть так же сильно, как она меня. Растоптать, унижить, дать почувствовать себя использованной вещью. Мне обязательно нужно было превратить ее в вещь, вытереть ноги и идти дальше. Поставить точку.

Разработал план. Начал подкатывать снова, цветочки-конфетки, словечки нежные. Блевать хотелось, а в лицо улыбался, заманивал. К тому времени ею не воспользовался только ленивый, и до нее, наконец, стало доходить, в кого превратилась и что высмеивают ее уже все знакомые, и слава идет на десяток шагов впереди. Не уважают ее, лишь презирают, и готовностью всегда раздвинуть ноги симпатию и почет не заработаешь. А в сентябре же в школу!

Попыталась отказывать, снова строить из себя недотрогу, да не тут-то было, фотки ее

голые из рук в руки гуляют, байки летают не только среди ровесников, но и их родителей. Подружки бывшие даже не здороваются, боясь себя скомпрометировать, мерзко, да и парни сторонятся, только те продолжают симпатизировать, кому уж совсем пофигу с кем. А еще в ней нехороший букет уже цвел вовсю, но я об этом не знал.

Наговорил ей, что люблю — не могу, готов простить и принять. Замуж позвал снова. Сначала не верила, потом купилась. Обрадовалась! Планы давай строить, как уедет со мной в другой город, где мое летное, и начнет жизнь заново.

У нее дома все случилось. Вы когда-нибудь трахались, чувствуя, что мутит, тошнота к горлу подкатывает, вот-вот, пара движений и блеванете? Так я себя чувствовал на ней, позывы сдерживал, поражаясь, как такая красавица может оказаться такой подлой дрянью. Но мне надо было это сделать, преодолевая брезгливость. Грубо все было, быстро, презерватив ей на живот бросил, сказал пару «ласковых»... короче, обозвал, посмеялся и ушел. Слышал, как рыдала вслед, торжествовал, идиот, что отомстил. Не знал тогда еще, что папа ее — контуженый спецназовец, прошедший в плену несколько лет, чудом спасшийся, с сожженной половиной тела и тщетно старающийся приспособиться к жизни на гражданке.

А как проблемы по-женски у нее обнаружились, сука давай врать отцу, что изнасиловали. А на вопрос «кто?», назвала имя последнего кретина, кто с ней трахался, и кто обидел больше всех.

Ну, все, Вера уже час там. Хватит, бежать надо. Ничему тебя жизнь не учит, Белов. Встретились, видать, два голубка после долгой разлуки, соскучились. Ненавижу.

Хватаю ее сумку с вещами, мы же в Сочи собирались, вы помните? Поднимаюсь на этаж, кидаю ее перед входной дверью, и снова бегом в машину. Надежда была, что разминувшись, и девушка ждет у «Кашкая». Но ничего подобного. Никто меня не ждет. И ждать не будет.

Руки слегка дрожат, но надо переключиться. Вся моя ненависть к Насте как будто перешла на Веру. Нельзя так, не стану их сравнивать, откаты мне не нужны, я так долго сражался с триггерами, что легко не сдамся. Больно, но терпимо. Кто сравнивает сердечную боль с физической не в пользу последней — просто никогда не горели заживо. Я горел и знаю цену многому. Переживу.

Надо бороться, возьми себя, блин, в руки!

Отвлекись. Скорее отвлекись. Смотрю в телефон — пять новых сообщений от Арины, общим содержанием, не попутал ли я время, королева негодует, что опаздываю на фотосессию. Последнее: «Белов, не беси меня!!».

Прищуриваюсь.

Ну, держись у меня, сестренка. Придушу тебя за то, что сдала меня Кустову. Какого черта он знает, что у меня проблемы касательно физической близости с женщинами? От стыда аж щеки горят, хотя мне это не свойственно. У нас Вера по части покраснеть в любой момент при любых обстоятельствах. Но пока хватит о Вере.

Я говорил Артему, что кожа неприятная на вид и на ощупь, поэтому только в темноте, и без раздевания, когда тот осторожно спрашивал. Раньше мы часто говорили по душам, он кучу времени со мной проводил, пока я отсиживался дома, прячась от триггеров.

Но я бы никогда не признался ему в этом бессилии, это слишком лично. И позорно.

Трындец тебе, Арина. Последние минуты живешь.

Жму на газ, машина с визгом срывается с парковки.

Перетерплю и это, не первое кораблекрушение в моей жизни, и не последнее.

Справляюсь. Пирата задеть сложно, сердце давно спрятано за флагом, а душа — горстка пепла.

Вытираю ладонями щеки, пожалуйста, не спрашивайте, зачем. Пожалуйста, не добивайте догадками.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 16

Пока доехал до парка, немного успокоился. А может, таблетки начали действовать. Сломал три сигареты, прежде чем подкурил четвертую.

Курю. Нормально все, раз курю. Держусь. Кто переживает за меня — можете расслабиться, пока на плаву. Не тонем. «Фоновая» немного звенит в ушах, ну и пусть себе звенит. Кому-то сейчас будет больнее.

Выхожу из машины, бреду к назначенному месту.

— Э, ну наконец-то! — возмущается Арина, театрально широко разводя руками; топает ко мне, выглядит разъяренной. Вокруг толпа из десяти девиц при полном параде, лица смутно знакомы, периодически их фотографирую, когда сестра просит, со скидкой. — А где фотоаппарат? Я тебя придушу, если скажешь, что забыл!

— Это я тебя, дрянь, сейчас придушу, — хватаю ее за руку и больно выгибаю. Арина тут же меняется в лице, перевоплощаясь в беззащитного ангелочка, стонет, что больно.

— Все свободны, съемка отменяется, — бросаю таращащимся на нас девицам таким тоном, чтобы поняли — не шучу. — А ты в машину, — уже сестре. — Живо!

Волоку за собой, все еще держа за руку, она пищит, но идет. Дергаю, чтобы поторавливалась. На своих каблучищах едва успевает передвигать ногами, еще и в длинном платье. Господи, какая же тощая! Все ребра видать. Не довела ли она себя до анорексии и истощения? Нужно будет поговорить об этом позже с Верой, это же по ее части...

Блин, с Верой! Нет уже Веры твоей! Закончили тем, с чего начали. Невеста Артема есть.

Эти славные мысли снова разгоняются, от злости потряхивает. Закидываю мерзавку в машину на переднее сиденье, захлопываю дверь, сам сажусь рядом, закрываю замки, чтобы не сбежала.

Смотрит запуганно исподлобья, уже не возмущается, что бешу ее, надо же.

— Вик, что случилось? — голосок звучит тоненько.

С чего бы начать.

— Зачем ты так? — стонет с обидой, потирая руку, за которую тащил.

Ни щек, ни сисек, доска доской. Ее запястья в три раза тоньше моих, что я делаю?! Запугал вконец девчонку, рыдает. К Артему зайти кишка тонка, а на беззащитную девицу орать — так запросто?

Тру лицо. Кажется, перестарался.

— Арина, вот скажи мне, — говорю спокойнее, но она всхлипывает, давится, слезы ручьем. Оно и понятно, на нее никогда никто не повышал голос, всегда только жалели и заступались. — За что ты так со мной? Просто скажи. Я не буду больше ругаться. Но хочу знать. Что за коалиция против меня? Что я вам всем сделал? Решил себе кусочек счастья урвать, не достоин по твоему мнению, да? Ты ведь знаешь все про меня, как я живу. Зачем добиваешь?

Она рыдает уже навзрыд, тянется, обнимает меня, прижимается. В ответ не обнимаю, я же зол, но если честно — хочется. Ну, чтобы кто-то меня обнял. Но не сестра. У нее лимит доверия исчерпан.

— Вик, не знаю за что, но если я тебя обидела, то прости, пожалуйста! Я не хотела, клянусь, что не хотела. Я очень сильно тебя люблю. Больше всех на свете. Ты скажи, что я сделала, пожалуйста.

Вздыхаю.

— Зачем ты рассказала Артему про мои проблемы? Это ведь так лично... Я просил не говорить никому. Черт, ты поклялась... Сказала, что понимаешь. Это важно для меня. Я и так себя мужиком не чувствую, а теперь, когда он знает... высмеивает... так тем более. Мне правда очень сложно так жить, — говорю спокойно. Сестра уже трясется в истерике, поглаживаю по спине, успокаивая. Кажется, все же перестарался.

Она отодвигается, вытирает пальцами слезы вместе с потекшим макияжем. Подаю пачку салфеток.

— Я никому не говорила, — заикаясь. — Клянусь тебе своим здоровьем. Да хоть маминым! Ни единому человеку, и я бы никогда, хоть под пытками, ни слова! — таращит на меня глаза.

— Под пытками говорить можно. Но, блин... Арина, откуда он знает? Только мой врач в курсе. Ты и мама.

Мы замираем, смотрим друг на друга.

— Неужели мама проболталась? — пораженно шепчет Арина.

— Но зачем?

— Не знаю. Вик, обещаю, если это она... я с ней разругаюсь в пух и прах! Это не ее секрет, она не имела права тебя сдавать. Я с ней оборву все отношения.

— Не надо чушь молоть, — морщусь. — Зря я вам сказал. Просто...

Что добавить? Накопилось тогда. Они с мамой вечно намекали на то, что пора бы подружку завести, сводили с кем-то... Жизни не давали по этой части. Артема подбивали со мной девок знакомить, а попробуй выкрутись, если тебя от одного касания скрутить может! В один момент паршиво стало, откат назад был, думал, что не справлюсь. Выговорился самым близким. Зря.

Она снова плачет.

— Артему бы я никогда не сказала. Я его тоже люблю, конечно, но мы с тобой знаем, что он козлина та еще.

В этот момент в окно решительно стучатся. Какой-то мужик незнакомый долбит, смотрит встревоженно. Что надо? Мы на парковке стоим, никому не мешаем. Опускаю стекло, смотрю вопросительно.

— Что у вас там происходит? Ариша, ты как?

— Милый, это мой брат, Вик Белов, я рассказывала тебе о нем. Вик, а это мой Марк.

Он тянет мне руку, пожимаю, оглядывая мужчину внимательнее. А парню Ариши, оказывается, сорок! Ну, тридцать семь-тридцать восемь, навскидку. Он, конечно, весь из себя ухоженный и прилизанный, одет модно, но меня не обманешь. Однако. Пока не могу понять, меня это бесит или сильно бесит. Здоровый конь, что нашел в этой плоскогрудой избалованной кукле?

— Марк, все хорошо, у нас с Виком серьезный разговор. Ты езжай, я потом тебе позвоню. Дела семейные.

— Ты точно в порядке? — недоверчиво на меня поглядывает. Он мне уже не нравится.

— Да-да, ты иди.

Марк удаляется, я снова поднимаю стекло, включаю климат-контроль. С этими нервами

забыл, что мы на солнце стоим. Дышать уже нечем в машине.

Сидим с Ариной, каждый смотрит на свои руки, молчим.

— Он Вере сказал, да? — нерешительно спрашивает.

Кошусь на нее, молчу.

— Ты в нее влюбился, я догадывалась!

— Арина, мать твою, да у нас все лето роман был, она у меня жила, к отцу вместе летали. Вот не ври, что не знала. Специально издевалась, да? Все про Артема ей на уши пела. Вот скажи, зачем?

— Но...

— Что «но»?! Мало у меня боли было?! — кричу. — Или со мной в паре она не так хорошо смотрится на фотках?! Да что ж вы меня все так ненавидите! Да, влюбился в бывшую невесту брата, но пока они не расстались, я первым даже не поздоровался с ней ни разу! Он ее в грязь втоптал, унизил, изменял, заразу в постель притащил. Ты считаешь, он изменится?! — теряю контроль и просто ору, словно это Арина во всем виновата. — Даже сейчас, когда в полной *опе, он, думаешь, станет положительным парнем?! Ну, скажи, что ты думаешь на самом деле.

— Не станет.

— Тогда какого хрена? — откидываюсь на сиденье, прикрываю глаза.

— Вик, прости меня, пожалуйста. Я не думала, что у вас так серьезно. Думала, вы просто... ну... ты ж сам говорил, что никак с женщинами... я думала...

Зажмуриваюсь крепче.

— Прости-прости опять. Это не мое дело, меня это не касается. Я больше никогда... я буду на вашей стороне всегда, обещаю тебе. Я теперь только за тебя!

— Поздно уже, нет «нашей» стороны. Вернулась она к нему, как ты и просила. Как мама и хотела. Радуйтесь! Сбылась ваша мечта. Спасайте всем скопом Артемку, мне похрену. — Распахиваю глаза, придвигаюсь к ней ближе. — Она ведь такая хорошая, Арин. Настоящая. С ней вместе все иначе, уютно, по-домашнему. И тепло. Думаю, — добавляю сухо, — все у Артема теперь будет хорошо. Вытащите его из затяжной депрессии, или в чем он там тонет, помимо жалости к себе.

— Вик...

— Все, выметайся. Мне домой надо, подумать.

— Вик, почему ты ничего не сказал раньше? Я ни разу не слышала от тебя слов даже о симпатии к девушке, не то что о любви.

— Иди вон, Арина, надоело болтать. Ненавижу болтать. Все, пошла. Кыш!

Она пытается взять меня за руку, но я дергаюсь, отворачиваюсь, снова плачет и нехотя выходит из машины.

Костиков звонит. Прости, не до тебя. Завтра, все завтра. Черт, у меня же самолет в Сочи! Не хочу видеть отца и Софию, но «Трахельки» ждать не могут, не в моем положении банкрота. До вылета еще уйма времени, как раз успею сделать крюк за транками.

Значит, мама постаралась. Превзошла саму себя. От кого еще ждать удара? Почему-то новости придают сил, будто от дна ногами отталкиваюсь. Хочется ругаться дальше, я только начал, держитесь.

«Кашкай» останавливается на парковке у подъезда Кустова, взлетаю на нужный этаж, но на этот раз дверь закрыта. Стучусь — тихо. Звоню Вере, затем Артему — абоненты не берут трубки. Заняты, видимо.

Наконец, дома. Закрываюсь, достаю и раскладываю таблетки на комод на всякий случай. Чтобы далеко не бежать.

Просто боюсь, что могу «загореться». Ситуации же похожи. Ну, как в тот раз было. Сначала Настя ушла, потом пытали. Врач учил, что нужно избегать любых повторений сценария, что я научусь со временем делать это на автомате, машинально. Впрочем, так и получается.

Я ж обнаженных девушек начал фотографировать только потому, что это был следующий этап. Как и сигареты. Если каждый день видишь соблазнительные женские образы, уже не так от них плющит, как если бы накрывало внезапное желание. А так вроде бы постоянно в тонусе держишься, вечно в «приподнятом» состоянии, и нормально.

Знали бы вы, какие войны я вел с самим собой. Как боялся по первости! Шаг за шагом к цели. Любая мелочь могла построить ассоциативный ряд к первой любви. Нельзя спровоцировать откат назад. Даже Вера этого не стоит. Вера...

Жарко. Или кожа горит? Не могу разобрать. На всякий случай убавляю сплит на семнадцать градусов, опускаю жалюзи, раздеваюсь до трусов. Хожу некоторое время по квартире. Ничего не хочется.

На кухне висит фотография Вериных сисек в мокрой майке. Повесила недавно, чтобы перед тем, как в студию ехать, на нее сначала смотрел. Она ведь обычно уже уходит к тому времени, как просыпаюсь.

«Каждый день моя грудь будет первой, которую ты увидишь!» — гордо сообщила мне, радуясь, до какой хитрости додумалась.

Так, теперь мне уже холодно. Захожу в комнату, смотрю на разбросанную одежду, взгляд цепляется за пиратский флаг над кроватью. Накатывает тошнота — то ли от таблеток натошак, то ли от понимания того, кем стал, какая жизнь предстоит, прошлые цели вдруг тускнеют, кажутся глупостью. Злюсь, аж рычу. Запрыгиваю на постель и сдергиваю этот гребаный флаг. Это не просто, ткань крепкая, прибита качественно. Отрываю с треском.

Он немного пыльный, даже чихаю, надежный, но ничего, поддается. Заворачиваюсь в черную ткань, сажусь на пол у кровати, давлю себе на виски.

Говорила же, что любит... Ничего понять не могу. Ведь говорила. Зачем?? Настя тоже говорила, впрочем.

Ну, видимо, Артем правда в постели хорош... или на что там бабы ведутся?

Все в моей жизни по-дурацки сложилось. Опыта не так много в этом деле. Особым красавчиком никогда не был — чувак как чувак. На шестнадцатилетие одна знакомая «дала» в ванной... в честь подарка на день рождения. По пьяни было и как-то скомканно, но мне все равно понравилось. Потом еще пара подобных случаев, а дальше все — роковое знакомство с Анастасией Чердак. Ну и дурацкая фамилия, подумал тогда. С семнадцати лет все мои эрофантазии включали только ее одну. Год ведь за ней таскался, ничего, тварь, не позволяла. Правда, видимо, только за руку со мной и хочется держаться. И котируюсь, лишь когда все остальные отказались.

А я ж верным ей был, хотя в том возрасте возможности уже стали появляться. Честный идиот.

А потом ее папаша, как в боевике, меня по башке шарахнул и в машину. Держал в подвале какой-то дачи за сто километров от Москвы, на отшибе. У озера. Сбрызгивал бензином и поджигал. В перерывах дочурка его раны чем-то вонючим мазала, пальчиками своими мерзкими водила непонятно с какой целью. Наверное, чтобы не подох раньше

времени. И так каждый день, а может, час, не знаю. Время пропало, превратилось в сплошную агонию со всплесками резкой и монотонной боли, пульсирующей и рвущей на части, кормили только хлебом и какими-то наркотиками, чтобы от «ощущений» в перерывах не откинулся. Она чем-то мазала, гладила меня, тварь, а он зачитывал лекции исправительные.

Я ж во всех грехах признался после первого же поджога. Все подтвердил, что только он хотел. На каждый вопрос кивал и хрипел: даааа. Лишь бы закончилось. Но он продолжал чистить мои душу и помыслы. Иногда икону притаскивал, чтобы прощения просил за содеянное. Что я только ни делал и ни говорил, лишь бы прекратить... Без толку.

Дочь свою запугал до поросычьего визга. Но я ее в этом не виню, любая бы согласилась. А иначе — обвинил бы ее в бл*дстве и тоже, поди, начал «очищать» от греха. Съехала крыша у Чердака. Подох он потом от инфаркта в психбольнице, в короткий момент просветления.

Нашли меня как раз вовремя, потому что уже не было сил никуда бежать, просто едва держался на коленях, облитый бензином, и понимал, что не могу пошевелиться, не то что до озера доползти.

А потом снилось это постоянно. Ее прикосновения, любимой моей Настеньки, и следом боль. Зациклило. Говорят, что психотравмы у взрослых — явление редкое, но до сих пор не могу выбраться. Столько лет прошло, а после каждого ласкового касания жду новой боли. Причем не сразу это началось, а примерно через полгода после случившегося, в голове ведь крутил постоянно, вот и перемкнуло. А потом как развернулось, мало не показалось!

Наверное, так должно было случиться. Это я уже переключаюсь на Артема и Веру. Видимо, она увидела в нем нечто особенное, что доступно лишь женщинам. Он на самом деле герой, я-то знаю. Сколько раз заступался за меня в школе. А когда на льдине плыли, горячий чай из термоса сам не трогал, а меня отпаивал по глотку. Артем только делал вид, что хлебает, но я-то видел, что притворяется. Чтобы мне больше досталось. Ноги мне грел, успокаивал, что сейчас мой папа на вертолете прилетит и спасет нас. Мне-то уже девять было, знал, что не успеет из Сочи в любом случае, но все равно верил, потому что уверенно он говорил. Его уверенность в своей правоте всегда подкупала. Он хоть и козлина редкостная, но создавать видимость того, что все под контролем, умеет. Да и надежный он, что тут говорить, пока хочет этого. Его способности тогда нас спасли.

А когда меня нашли после «отдыха» на даче Чердака, и я приходил в себя в больнице, то впервые видел, как он рыдает навзрыд. Я даже никогда не попрекал его в случившемся со мной, хотя какое-то время, признаюсь, винил. Его слезы тогда потрясли.

Возможно, если бы я нашел время с ним поговорить по поводу Веры и его ВИЧ по хорошему, все могло бы сложиться иначе.

Еще и работы нет до кучи. Вот ведь лето выдалось! Каждое очередное лето пытается меня добить, превзойти предыдущее.

Какое-то безразличие внутри, пусто. Больно и пусто, будто кровь в венах остановилась, не несется, а дрейфует, как море в штиль. Все остановилось. Я остановился, замер на орбите. Даже не горю — так, тлею. Никого не хочу видеть, вот бы они все сами договорились между собой меня ни о чем не спрашивать.

Принимаю решение прятаться, отлично осознавая, что никто не станет искать.

В дверь настойчивый звонок. Идите к черту, занят я. Так и сижу в своем флаге на полу, гипнотизируя пачку с транквилизаторами.

Щелчок замка заставляет вздрогнуть и вскочить на ноги. Ключи есть только у меня,

мамы и Веры. Тарашусь на дверной проем целую секунду, пока не заходит она.

Нет, она не заходит, а залетает.

Вера залетает в комнату и смотрит на меня с такой ненавистью, что все придуманные для встречи слова застревают в горле, даже «привет» с лету не выходит. Она слегка растрепана, волосы копной по плечам, в том же цветастом платье, что была утром, но босиком, хотя не слышал, чтобы разувалась. Ноги грязные, на левой коленке большая красная ссадина. Смотрю на нее, жду объяснений.

— Зачем пришла? — спрашиваю холодно, одолевают смешанные желания обнять и накричать. Борюсь с каждым.

Она молчит, решительно подходит, серьезная, брови сведены в кучу, губы плотно сжаты. Собранная и сосредоточенная, словно на экзамене. Размахивается и со всей силы бьет меня по лицу.

Жжет одна пощечина, потом вторая, третья. Поднимаю руки, блокируя удары.

— Прекрати! — понимая, что останавливаться она не собирается, хватаю за запястья, скручиваю ее, она вырывается, начинает кричать. Тут же отпускаю, она снова лезет в драку, стараюсь увернуться. Если бы не столько эмоций — обида, злость, отвращение — на ее лице, то действовал бы решительнее. А так... теряюсь. Догадки начинают скрестись внутри неприятно и болезненно, но пока гоню их.

— Ублюдок! — сообщает мне новый статус. — Да как ты мог! Еще и уклоняешься! Ненавижу, — с чувством, задыхаясь. Флаг, в который кутаюсь, падает, она продолжает сыпать ударами.

— Да что случилось-то?! — хватаю ее за плечи, хорошенько встряхиваю, пытаюсь привести в чувство. — Жених обидел опять? Неужели?! Так ты по адресу, проходи, располагайся, — киваю на кровать.

Она резко замолкает, тут же освобождаю. Отходит, опускается на корточки, прислонившись спиной к стене, закрывает лицо руками и тихонько плачет. Былая не свойственная ей решимость испаряется без следа, кажется, в этой драке победил я, противница полностью повержена. Но ликовать отчего-то не тянет. Осознание того, что я полный идиот, уже пришло, но все еще, скорее из упрямства, продолжаю стоять на своем. Смотрю на нее во все глаза. А ведь ей плохо. Кожей ощущаю исходящее от девушки отчаяние, как тогда, в баре. Хмурюсь, стараюсь мыслить хладнокровно, будто меня не касается. Кустов опять тебя трахнул без презерватива, что ли? Пришла переживать следующие волнительные полгода?

Просто уже трясет от одной мысли, что она с ним... он с ней... да еще и без барьера. А я... За руку держал? Пальцами трогал?

Нахрена она опять приперлась?!

Хватит, где-то у меня должна быть гордость. Надо заканчивать этот цирк, разрывать наш гребаный треугольник.

Но ее беда, как и обычно, трогает не меньше, чем моя собственная. Ее горе царапает тупым ножом по физическим шрамам. А слезы выворачивают проклятую Чердаком душу наизнанку. Даже после того, что случилось, предложите мне сдохнуть, чтобы она перестала страдать и оказалась здоровой — сдохну сейчас же.

Подхожу, присаживаюсь рядом.

Не мужик, а тряпка. Презираю себя, но понимаю, что помогу снова. Не так, как в

прошлый раз, конечно, но добивать не стану. Шепчу:

— Девочка моя, — как-то сипло выходит, — ты скажи, что мне сделать. Я сделаю. Хоть что. Только не плачь так сильно.

— Как ты мог меня бросить, Вик? — часто, тяжело дыша. — Ты ведь говорил сто раз, что ни капельки не любишь, ну почему тогда так хорошо относился? — она не кричит, не пищит, не ноет. Рассуждает практически спокойно, но от ее ровного тона внутри все переворачивается. Она топит меня пустотой в глазах, монотонностью речи. Вы представляете себе море после шторма? Эту лживую тишину, обманчивую умиротворенность, когда на волнах качаются обломки и трупы? Остатки чувств, надежды и веры...

— Зачем эта татуировка? — тычет на мою шею. — В чем был смысл?! — поднимает на меня выпученные глаза, повышает голос. — Ты ведь заставил меня поверить тебе.

— Вер... — тянусь к ее лицу, но она резко отталкивает, вскакивает на ноги, отбегает на середину комнаты, поднимаюсь следом.

— Не трогай меня! — а теперь уже кричит. Кажется, шторм продолжается. — Просто посмотри, — голос звучит гнусаво, потому что плачет, — это на твоей совести! Вся ваша семейка чокнутая! Вы все сговорились, чтобы подложить меня под него, да? Лишить меня будущего ему в угоду! И ты тоже! — тычет в меня пальцем.

— Конечно же, нет.

— Как нет?! Ты меня к нему отвез! Отдал из рук в руки и уехал! Да как ты посмел так предать меня после всего, что было!? Иди ты к черту со своей нерешительностью, ты просто подонок, такой же, как твой Артем.

— Я ждал тебя целый час, — с нажимом. Скрещиваю руки на груди.

— Он не пускал меня!

— Ты не позвонила.

— Телефон в машине остался. В твоей! Вик, он порвал на мне трусы! — она суматошно задирает длинное платье, показывая, что без белья. — Ты вообще в курсе, что у твоего брата аллергия на привычные способы лечения? Он отказывается использовать экспериментальные препараты и вообще слушать что-либо. А когда я решила пойти за тобой, он напал! Держал меня силой. Я вырывалась, билась, а ты не помог!

На мгновение кажется, что ослышался, но вид горячо любимой женщины, сейчас бьющейся в истерике, служит доказательством, что понял правильно. Это не она не выходила, это он ее не пускал. Картинка вдруг складывается и становится до боли ясной, и я понимаю, что Кустов — покойник.

— Ты просто уехал! О, нет, не просто. Ты еще и вещи занес, я споткнулась о сумку, когда убегала, и разодрала колено! — показывает на него, словно я мог не заметить. Наверное, то, что я чувствую сейчас — это ужас. У него много оттенков, оказывается. Есть ужас за себя самого, а есть — за любимого человека. И я не могу сказать, какой из них сильнее. А ведь об этом ощущении я знаю все, вы в курсе. А еще я точно знаю, что Кустову не понадобится экспериментальное лечение.

Она со мной не может справиться, когда балуемся, а он-то и вовсе — скала. Сука, убью. С недавнего времени, после разговоров с Анатолием Петровичем, под сиденьем «Кашка» на всякий случай лежит бита. Новенькая. Вот теперь и пригодится.

— Вера, ты подожди, пожалуйста, здесь. Закройся и никому не открывай. Я скоро вернусь, — медленно и спокойно говорю ей, поворачиваюсь к двери. Останавливает только

то, что без штанов. Надо хотя бы натянуть джинсы.

Но во время короткой заминки она снова кричит:

— Конечно, давай! — подходит и бьет меня по груди. — Давай, поспеши! Деритесь! Набей ему морду, а он пусть тебе, да посильнее. Кого вы там не поделили в школе? Бабу какую-то? Все разобраться не можете! Валяй, беги, выясняй с ним отношения. Может, вам обоим, наконец, полегчает. Вы ж только этого и ждали все эти годы, да? Повода поубивать друг друга. — Со злостью тарабанит ладонями по моим плечам, а меня поражает внезапное желание обнять ее крепче и забрать страхи себе, словно это естественно при простом физическом контакте. Потребность быть рядом настолько сильная, что на секунду затмевает жажду крови. Рывок. Хватаю ее крепко и прижимаю к себе. Ни разу так не делал, никогда еще не трогал ее с силой. Но сейчас вижу, как вырывается, и не отпускаю, напрягаю мышцы и прижимаю к себе. Она бьется.

— Вер... — шепчу. Она плачет.

— Или, может, вы сговорились? — вздрагивает от внезапной догадки. — Созвонились и решили проверить, как поведет себя наивная дура в пикантной ситуации, да? Играете мной, как хотите, оба! Вы это спланировали заранее, да? Признайся! Поспорили? На что, Белов?

— На тебя — никогда, — говорю довольно резко, она замолкает. — Никаких игр. С тобой всегда по-настоящему.

— Вик, — уже без злости, в голосе слышится лишь испуг. Трясется всем телом, маленькая моя. Дрожит, упирается ладонями, а я ее прижимаю так, как никогда раньше. Не давая права выбора, потому что физически сильнее, и хочу, чтобы она была сейчас близко. Едва отдавая себе отчет, что Артем час назад делал то же самое... — Вик, если бы он хотел, — громко всхлипнув и медленно, тяжело вздохнув, словно надолго задерживала дыхание: — если бы хотел, он бы это сделал, изнасиловал меня. Он ведь намного сильнее, он очень сильный и большой. Раньше он всегда так делал, когда мы ссорились. Никогда не просил прощения, а подкатывал, нападал, зацеловывая, и я всегда сдавалась. — Всклипывает. — Он решил, что если сейчас надавит, я сдамся, потому что соскучилась. Говорил, что мое тело ему ответит, что он засунет руку туда, и докажет мне, что я все еще хочу быть с ним...

Сильнее ее сжимаю.

— Но знаешь, — вскидывает на меня глаза, а в них упрямая решимость, — нихрена я не соскучилась! Вырывалась до последнего, пока он не понял, что я уже не контролирую себя.

Теперь сама прижимается, трясется, хотя продолжает бить по лопаткам, с силой царапать, щипать. Давай, отыграйся на мне, заслужил. А на ее шее и плечах засосы, смотрю сверху. Чувствую, как глаза наливаются кровью, клянусь, аж вспышки перед ними.

Все еще обнимаю, но двигаюсь к комоду, беру телефон. Кустов недоступен, разумеется. Дома его, скорее всего, нет. Звоню маме, Арине, — не видели гада. Или покрывают. Вера прижимается, уже вся грудь мокрая в ее слезах. Пишу ему: «Беги, тварь». Не доставлено.

Хочется ездить по улицам и искать знакомую фигуру, даже осознавая, что это бесполезно.

А еще хочется остаться с Верой.

Знаю, что вы сейчас думаете. Я полное дерьмо, которое ее недостойно. Но сам я поразмыслию об этом позже. Сейчас только обнимаю, да так сильно, что удивительно, как умудряется дышать.

— Я не успела обуться, — тихонько рассказывает, — так и убежала босиком. —

Переминается с ноги на ногу. — А тебя внизу не оказалось, я без денег. Он еще преследовал долго, извинялся, клялся, что никогда больше... что все понял. Ну, что я не хочу с ним и не люблю его больше. Но мне было так страшно.

Склоняюсь и дую на эти отвратительные синие, черные пятна на ее идеальной коже. Такую кожу нельзя портить уродливыми отметинами. Осторожно касаюсь губами, веду языком, словно залечивая, зализывая ее раны, будто не понимая, что не поможет.

Ее слезы все катятся и катятся.

— В какой-то момент мне показалось, что он не остановится, понимаешь? В какой-то миг я думала, что он сделает это со мной. А ты не помог! — отшатывается, снова отпихивает меня, пытается отойти.

Но я уже знаю точно, что должен сделать. Кустов подождет. «Поговорим» с ним позже.

Подхожу и снова прижимаю ее спиной к себе крепко, такую беззащитную, хрупкую, напуганную. Зажмуриваюсь.

Она вырывается, но слабо. Понимаю, что не хочет моей близости, но у нее не осталось физических сил сражаться. Выдохлась моя девочка.

Она дралась за меня. Дралась на пределе своих возможностей, чтобы быть со мной, а не с ним. Разворачиваю лицом к себе, смотрю в глаза.

Впервые в жизни действую силой с девушкой. Легонько касаюсь губами губ, чуть сильнее надавливаю.

Просто дрожит в моих руках.

— Не смей меня прощать. — Целую ее, зализываю засосы, нахожу их еще на груди, напрягаю руки, обнимая. Не могу пока позволить себе поцеловать ее еще где-то, только там, где раны. — Не вздумай забыть мое предательство. Но если снова подпустишь близко, не сомневайся, что я знаю цену твоего поступка.

А она ведь на самом деле дралась за меня, вы понимаете это? За меня, изуродованного кретина, столько раз намеренно обижавшего ее.

Совсем не такая, как женщины до нее. Они вообще в эту секунду все разделились на два лагеря: мою Веру и Насть.

Не получится нескольким адским неделям подчинить себе всю мою жизнь, я заваливаю Веру на кровать, вдавливаю в матрас собой для того, чтобы накрыть как можно больше ее тела. Долго целую в губы так, как любит, стараюсь, из кожи вон лезу, но она практически не отвечает, не стонет, не раскрывается для меня. Но и не отталкивает. Если бы напряглась, клянусь, я бы перестал. Я бы почувствовал.

Но она не напрягается. А, кажется, впервые за день позволяет себе расслабиться. Правильно, маленькая, теперь ты в безопасности. Обо всем позабочусь я, и уж лучше, чем в прошлые разы, поверь.

Она цепляется за мои лопатки. Мелькает мысль, что ее идеальные пальчики сейчас скользят по коричневым рытвинам. Но я ее отмечаю, четко понимая, что Вера боролась за меня. А я отныне буду за нее со всеми своими страхами.

Позволяю себе стащить с нее платье. Она расслаблена, держится за меня, послушно исполняет все, что хочу, но продолжает тихо плакать.

Трусь носом об ее шею, легонечко целую, касаюсь. Жалею. Не жду, чтобы ее тело ответило, но ведь знаю, как сделать ей приятно, и просто делаю это, чтобы поверила, что никогда с ней больше не поступят грубо. Вся моя сила только для того, чтобы сделать тебе хорошо, никогда по принуждению. Все будет так, как ты хочешь. Всегда.

Она обнимает крепче, и это движение поощряет. Неожиданно и как будто случайно получается, что она обхватывает меня ногами, я спускаю белье. А потом толкаюсь бедрами. В нее.

Мы оба ахаем вслух, громко, не ожидая и замирая, глядя в глаза, медленно выдыхая в губы друг друга. Дрожим. И я, и она, клянусь. Но я, кажется, сильнее. Удовольствие подчиняет, колет руки, ноги, словно выбивая новый узор на всю жизнь, звенит в ушах, едва ли не перебрасывая через край в первую же секунду. Сжимаю зубы, утыкаюсь в ее шею. Она приподнимает бедра, позволяя проникнуть глубже, а моя душа, или во что вы там верите, едва не вырывается из тела, лишая сознания, чудом цепляется за что-то, наверное, за дырявое, но упорно колотящееся сердце. Ощущения фантастические и незнакомые, они как будто не только в области паха, а во всем теле. Это бьет по мозгам, бьет, бьет, пока не сводит с ума.

Но она напрягается. В это секунду вдруг вспоминаю, с кем занимаюсь любовью. Это же после меня самый мнительный человек в мире. Умоляю, ни слова о ВИЧ. Только не сейчас!

— Пожалуйста, — шепчу на ухо невнятно, сбивчиво, из последних сил. — Просто умру, если откажешь.

Она обнимает крепче, слегка улыбается. Кивает мне.

Делаю один робкий толчок, чувствуя, как она выгибается в руках, вижу, как закрывает глаза и приоткрывает рот. Ресницы дрожат. Дыши, дыши, родная. Я тоже пытаюсь.

На выдохе ей на ухо, теряя крупницы контроля:

— Выходи за меня, — зажмуриваясь, а перед глазами белые вспышки, красные фейерверки. Такого не бывает.

— Да... — отвечает хрипло, будто с трудом, — только продолжай.

Она снова и снова выбирает меня одного.

И я продолжаю.

Одно движение, второе, третье... А потом без счета. Но каждое новое — для нее единственной и самой настоящей. Для нас обоих.

В это невозможно поверить, но Белов действительно спит.

Как в плохом кино, отключился прямо на ней сразу после...хм, процесса. Мерно сопит, расслаблен. Щеки румяные, на губах блуждает загадочная улыбка. Выглядит полностью довольным жизнью и собой. Вера глубоко вздыхает, зажмуривается и повторяет про себя несколько раз: пожалуйста, умоляю, пусть результат последнего анализа будет отрицательным. На все готова, лишь бы этот кошмар закончился, и за единственный раз их неосмотрительности ей не пришлось бы заплатить его жизнью. Ладно, Белов без царя в голове, но она-то как могла забыться и позволить чувствам победить осторожность?! Еще ВИЧ ему не хватало до кучи...

— Молодец, — шепчет ему одними губами, поглаживая по волосам, пропуская пряди сквозь пальцы. — Я тебя нисколько не люблю, чертов безрассудный кретин. Так же сильно, как и ты меня. На дух не переносу. Видеть не хочу. Пришла, чтобы избить тебя хорошенько. Что и сделала. А то, что лежу в твоей постели голая, все еще чувствуя пульсацию внутри после тебя, мой хороший, и этот приятный дискомфорт, когда много месяцев без секса и вдруг сразу сильно, ярко и на всю катушку, — лишь подтверждает вышесказанное. Да же?

Ты меня предал, сбежал, как последний трус, бросил, когда был нужен. Ненавижу.

Аж руки дрожат, так осторожно гладит, только бы не разбудить.

Он переворачивается на спину, и она тут же юркает ему на грудь, подмышку, именно туда, куда так долго стремилась попасть. Кажется, она только что победила его кошмар почти десятилетней давности, этих гребаных Чердаков, которые до сих пор приходят ночами в сновидениях и продолжают сжигать его душу с той же невообразимой жестокостью, с которой до этого изуродовали тело.

Только бы повезло, и угроза ВИЧ ушла в прошлое.

Теперь Вера лежит на Вике, водит пальцами по его груди, вырисовывая замысловатые узоры. Волосков не находит, ни один несчастный не выжил после ожогов. Но какой же здесь холод! Взгляд на сплит — табло показывает плюс семнадцать. Вот чокнутый белый медведь, как бы себе не отморозил... что-нибудь. Осторожно поднимается на локте, натягивает край покрывала.

Она ведь обещала себе помочь ему, чего бы ей это ни стоило.

«Чего бы ни стоило», — повторяет мысленно, сжимаясь в комочек от страха, нахлынувшего волной воспоминаний. Белов либо спит не крепко, либо вовсе притворяется, но, почувствовав это ее движение, слегка напрягает руки, сильнее прижимая к себе, медленно, словно неосознанно, поглаживает по спине, бедру, успокаивая. Он горячий, как печка, хочется продолжать лежать рядом, греясь, вдыхая любимый аромат, чувствуя себя в безопасности.

Она не удерживается и осторожно проводит кончиком языка по коже. Солено.

Наверное, полный идиотизм — отдаться мужчине через несколько часов после того, как пытались изнасиловать. Должно быть, она себя совсем не уважает.

Один из страшнейших женских кошмаров едва не стал явью, от ужаса колотило, тошнило, трясло. Она дралась на пределе возможностей, двигалась как в тумане, держась на одном адреналине. Сопротивление выглядело жалким и бесполезным, но надежда на то, что Белов вот-вот зайдет в комнату и поможет, стащит Артема с нее, — придавала сил. Продержаться минуту, другую, пять, десять...

А ведь она не могла позволить себе даже укусить Артема во время насильственных поцелуев или хорошенько поцарапать, вдруг не рассчитает силы и поранит кожу? И что потом? Опять полгода ежемесячных анализов? Просто сжимала зубы, отворачивала лицо, отталкивала, неспособная и на сантиметр сдвинуть нависшую над собой каменную глыбу.

Он ее не бил, только держал, целовал, трогал. Якобы нежно. Трогал везде. Как будто женщину можно возбудить одной физической стимуляцией и нежеланные прикосновения способны спровоцировать ответ.

Вик прав, центр удовольствия находится в голове и только. Никогда трусы не станут мокрыми, если мужик противен, что бы он ни делал, как ни старался, насколько бы умелым, опытным и привлекательным ни был. Сегодня Вера поняла, что умеет отважно сражаться.

Началось все будто в шутку, Кустов вел себя трогательно, казался забавным, обнимал ее. По-дружески за плечи. Словно ее поддержка особенно важна и необходима. Вера его мягко отталкивала, уговаривала позвать Вика, приводила тысячу аргументов, что пора братьям мириться и как это поможет Артему в борьбе за жизнь, молясь про себя, чтобы Белов не зашел в эту минуту, а то надумает себе того, чего нет и быть не может. Спустя несколько минут она орала, как сумасшедшая, только бы он услышал и заступился.

Но Артем сказал, что Вик не поможет. Не осмелится. Сбежит. Всегда будет выбирать одиночество и прикрываться трагическим прошлым. И оказался прав.

Зачем тебе такой мужик? Да, хороший, порядочный, но самые главные качества в нем

выжгли напроочь. Никогда он не сможет принять себя, а значит, и тебя. Вся жизнь с ним — бег по гребаному кругу.

И правда, как спутники. Он крутится вокруг своей трагедии, она — вокруг него.

Потом Артем внезапно перестал. Отпрянул от нее, отошел к окну, замер, как статуя, ссутулившись, пока она слезла с дивана и обессиленная, на дрожащих ногах, по стеночке, пробиралась к входной двери. Он кинулся следом, и она, откуда-то почерпнув новые силы, рванула вперед, к людям, кому-нибудь, кто может помочь справиться с этим психопатом, с которым еще полгода назад охотно спала, переживала, если он не хотел ее тело, отворачивался в кровати, ссылаясь на усталость, соблазняла бельем и кружевными сорочками...

Отвратительный мерзкий чужой мужик. От запаха его пота тошнило, от прикосновений сковывал ужас. Раньше она думала, что случись подобное — растеряется и впадет в ступор. Но нет, силы духа в ней больше, чем можно вообразить.

Кустов преследовал до остановки. Уже не нападал. Просто шел следом в своей замызганной одежде, со сбитыми руками, грязной головой. Никогда этот мужчина не позволял себе появиться в столь плачевном состоянии на людях. А сейчас будто боялся ее отпустить окончательно. Шел, согласный на все: и на разговор с братом, и на то, чтобы остаться добрыми друзьями, поговорить с мамой, чтобы та не принимала союз Веры и Вика в штыки. Предлагал всяческую помощь.

Сволочь, уговаривал ее вернуться за обувью, подвезти куда угодно. Твердил, что вспышки агрессии вызваны таблетками, что он раскаивается. В конце концов, не ожидал, что она откажет. Ведь столько раз сдавалась, принимала его, получала удовольствие от близости. Да еще какое! А потом любой их конфликт считался исчерпанным. Как будто только сейчас осознал, что между ними все — точка. Ни шанса на примирение. Словно его измен и прочих поступков для этого мало.

Незнакомая старушка пожалела и заняла Вере немного денег, чтобы сначала спастись от Кустова, а потом, уверившись, что он не едет следом, отправиться домой.

Поначалу сильно хотелось домой, а точнее — к маме. Но потом Вера вдруг пропустила нужную остановку. Не для того, чтобы пожаловаться Белову, посмотреть ему в глаза или лично уведомить, что между ними все кончено. Нет, она хотела его побить. Чем и занялась с порога. Огромное чувство к этому мужчине не могло исчезнуть мгновенно, оно по-прежнему было живо и распирало, но переродилось во всепоглощающую обиду и требовало выхода эмоций.

И вот сейчас Вера рассматривает своего «ненастоящего», ненадежного, считающего себя проклятым парня, изучая вблизи измененную огнем до неузнаваемости кожу, задумываясь, а что бы стало с Артемом, получи он такое тело. Продолжал бы болтать на тему готовности к взрослой жизни?

Под неровностями кожи у Вика спрятаны тугие мышцы, ни капли лишнего. Вера водит пальцами по его животу и выше, ощупывая пресс, рельефы груди. Она ведь ни разу не трогала его торс, ей доставались только руки и шея. А ты крепкий красавчик, оказывается, — улыбается, — но никто никогда об этом не узнает. Занимаешься в спортзале только для себя, верно? Перед каждым выходом на улицу напяливая несколько слоев одежды, под которыми красота мужского тела бесследно теряется. Жилистый, а с виду выглядишь скорее худым, чем мускулистым. Мог бы на пляже ловить взгляды и улыбки девиц, не случись с тобой страшного в юности.

Что же с тобой теперь делать?

Флаг пиратский сорвал, на полу валяется. Надо же. На стене даже пятно осталось более светлое. Наверное, долго там висел. Надо бы постирать.

На комодке таблеточки свои разложил, готовился. Решил вернуть ее брату, наглотаться транков и замерзнуть в одиночестве? Еще один дурацкий план, Белов.

Вера смотрит на него, так сладко спящего, поглаживает, хотя следовало бы положить сверху подушку и надавать (надавить?) посильнее. Видимо, решил, что она вдруг передумала и захотела снова со всего маху на убийные грабли под названием «Кустов», чтоб уж пришибло навсегда. Какая же цепочка мыслей тебя привела к этому дурному выводу? Что творится в этой голове? — гладит его по лбу.

Ну как тебе доверять теперь? — Опять хочется на него кричать. — Чего еще навывдумываешь?

Лишь бы правда до убийства не дошло. Когда она сказала ему про нападение, ужаснулась. От шока и ярости лицо Вика побледнело, а глаза потемнели. Она поняла сразу, что он сейчас поедет к Кустову и случится беда. Кажется, конфликта между братьями из-за нее избежать не получится. Надо убедить Вика, чтобы не совершал глупостей. Но пусть уж как-нибудь даст понять Артему, чтобы тот больше никогда к ней не прикасался.

Наверное, будет правильным встать и уйти. Белов не заслуживает прощения, виноват во всем не меньше родственничка. Она ему верила, как никому никогда, а он наглядно показал, что ее любовь для него значит ровно ноль. Подонок.

Но ей хочется остаться и закрепить результат. У них же получится еще раз?

Вера принимает решение для начала тщательно вымыть ноги, ведь по улице ходила, а теперь в кровати валяется. И поменять постельное. И пол протереть. Мало ли какую грязь с собой принесла.

По пути в душ прихватывает огромный флаг с жутким черепом, закутывается в него, потому что квартира превратилась в морозильную камеру. Выключает сплит совсем.

Запихивает черную ткань в стиральную машину, сыпет побольше порошка.

Моется долго, с остервенением драит себя мочалкой. Засосы, разумеется, не оттираются, теперь не скоро сойдут.

Упирается ладонями в кафель, давит, напрягаясь, стоит под горячим потоком воды, склонив голову.

Случившееся можно пережить. Женщины сильные, а ее ведь не изнасиловали. Всего лишь проверяли. Сжимает зубы, прищуривает глаза. Опять тестировали. Она сыта по горло гребаными проверками обоих братьев. Сил нет уйти, страшно остаться. Страшно принять неверное решение.

Ладно, хватит отмокать, небось, скоро и вовсе растает. Выключает воду, отодвигает створку кабины и на секунду замирает, встречаясь взглядом с Беловым, подпирающим спиной дверь.

Смотрит на него с вызовом. Давай, спроси, не после твоих ли прикосновений чищусь. Ну, задай этот вопрос! Покажи, что безнадежен и ловить с тобой нечего, и я уйду немедленно. Потому что достало биться головой о непрошибаемый череп кричащего об опасности «Веселого Роджера».

Ищет в зеленых глазах малейший повод к побегу, но не находит. Белов смотрит на нее жадно, голодно. Хочет. Вера опускает взгляд ниже и понимает — еще как хочет. Наверное, давно наблюдает. Понравилось, значит, наживую, по-настоящему? Слегка и против воли она

самодовольно улыбается. Он в ответ — тоже, одними уголками губ.

Надо же, голый стоит, не прячется. Быстрым движением Вик облизывает сухие губы. Смотрит серьезно, остро, пронизывающе. Шарит взглядом по ее распаренному телу. Кажется, он просто не способен думать ни о чем другом, кроме как...

Ее бросает в жар, несмотря на то что и без того разгорячена душем. Она ведь знает теперь, как это, когда он сверху и внутри, как двигается — нетерпеливо, сильно и требовательно, вместе с тем осторожно, смакуя каждое ощущение, как дышит и ускоряется, когда кончает. Она знает, какой он, когда изливается в нее, как сдержанно стонет, теряя контроль над толчками бедер, становясь резким и диким, как дрожит после, пульсируя внутри. А потом задыхается и тихонько лижет шею, благодаря, не справляясь с охватившей гаммой эмоций. Просто не справляясь, потонув в них, отключаясь, не заботясь даже выйти из нее, перенести часть веса на кровать.

Он хочет еще.

И, кажется, она тоже.

Но надо что-то сказать. В этой ванной и так слишком жарко, обмениваясь только взглядами, они достигают эффекта длительной прелюдии, готовые сорваться и накинуться друг на друга в любую секунду. Но для второго раза слишком рано. Сама его возможность пока под большим вопросом. Вера встает на прохладный кафель, окидывает Вика внимательным взглядом, улыбается широко и по возможности ехидно:

— Не знала, что ты обрезан, — подмигивает ему. Он тут же расплывается в улыбке, почесывает затылок. Кажется, смущается, но выглядит поувереннее, чем обычно. По крайней мере, не порывается схватить полотенце и прикрыться.

— Иди уже сюда, — говорит ей, раскрывая объятия. И она идет, обнимает его, прижимаясь своей влажной грудью к его. Ее кожа кажется белоснежной и невероятно тонкой на фоне его красноватой и будто шершавой. Но это впечатление обманчиво, поцарапаться об него невозможно. Теперь она точно знает.

— Поговорим? — спрашивает она, не удерживаясь и пробегая кончиками пальцев по его твердым плечам. Он некоторое время молчит, лишь поглаживает ее не спеша. Либо думает о чем-то серьезном, либо просто борется с возбуждением.

— Ладно, — его голос звучит хрипло. — Обо мне или о тебе сначала?

— С тобой это сделали из-за изнасилования, да? Тебе таким образом мстили? — Надо поставить в этом вопросе точку. Вообще, пора все точки расставить, сейчас самое время.

— Ты думаешь, я ее изнасиловал? — безэмоционально. Непонятно, обижает его вопрос, или просто интересуется.

— Думаю, он считал, что ты это сделал. Чердак, да? Кто он ей был? Любовник? Брат? Отец?

— Отец.

Она прижимается сильнее.

— Меня пытали. Психологи потом долго работали, но, видимо, не доработали. Мне немного сложно... жить, как все. Что ни шаг, то ошибка. Иногда они чудовищны. Да ведь, Вера? — нажимает голосом. Вспоминаются его слова о том, чтобы не прощала никогда, но понимала — цену он знает.

— Уж поверь, заметила, — кивает ему, вздыхает и утыкается в грудь. Так и стоят, обнимаются. Наверное, зря она его выбрала. Ведь предупреждал, что бардак в голове. Он кажется таким уверенным и надежным, когда нужна его помощь, но моментально пасует,

если требуется сделать шаг вперед к серьезным отношениям, заявить о своих правах на любимую женщину. Все его старания, положительные качества тут же меркнут, сам себе кажется недостойным. Себе, но не ей.

И что с ним теперь делать?

Обнимает ее, гладит нежно, осторожно. Склоняется и целует в макушку. Даже сейчас, когда его в прямом смысле трясет от жажды заняться настоящим сексом, сдерживается.

Заботливый какой, даже вещи занес к Артему, чтобы на первое время ей хватило. Поехал домой, закутался в свой флаг, как в панцирь. Сидел да сгорал себе тихонечко, никому не мешая. Не привлекая внимания. Думая, что никому не нужен.

— Ты сможешь с этим справиться? — спрашивает у нее через некоторое время. — С тем, что совершил Кустов. Я не знаю, что мне сделать и как себя повести с тобой, чтобы было правильно. Наверное, с ходу предложить снова потрахаться — не лучшая идея. Но на ум ничего другого не приходит.

Она смеется. Но затем отстраняется и бьет его ладонями по груди. Опять, мерзавец, пытается уйти от главной темы!

— Белов, я готова тебя тушить всю жизнь, ты понял или нет, чертов придурок?! — ударяет кулаком по его груди, от неожиданности он напрягается, но никак не реагирует. Терпит. — Но, клянусь, еще одно предательство — и все закончится, — она говорит резко, едва не переходя на крик. — Вбей это в свою больную башку, наконец! Я себя слишком уважаю для твоих игр. Если ты так и не сможешь поверить в то, что тебя можно полюбить, то я бессильна. Ты сейчас на гребаном испытательном сроке, и, клянусь, ты даже не представляешь, насколько он шаток, черт тебя возьми, Белов. И да, я справлюсь с тем, о чем спрашиваешь. И все, что ты можешь сделать сейчас, — продолжает тем же тоном на одном дыхании: — это предложить второй раз хорошенько потрахаться. Потому что в первый раз у тебя это вышло очень неплохо, но я верю, что ты можешь лучше и дольше, и...

Наверное, он устал болтать, сдерживаться или еще что, но дальше они целуются. Долго, страстно, как он любит и как научил ее. С языком, мокро, задыхаясь, впиваясь в губы, но теперь не только его пальцы повсюду — она действует на равных. Обнимает его руками и ногами, громко чувственно стонет, шумно дышит, зная, что от этих ее эмоций он дуреет. Он так много целует ее шею, грудь, живот и ниже, действуя жадно, нетерпеливо — как обычно, кайфуя от ее влажности для него одного. Но ко всему прочему добавляется проникновение. Быстрое, глубокое, скользкое и такое нужное, как раз вовремя, чтобы свести с ума обоих.

Она царапает спину о гладкий кафель, скрещая ноги на талии Вика, а потом он сзади, как и хотел, за что готов был отдать жизнь еще недавно. А привычное к его ласкам тело отвечает на любое его прикосновение так, как Вера никогда не ожидала от себя. Пусть он не первый у нее, но такой ее не знал ни один мужчина.

Ей нравится кричать для него. Нет, не во время оргазмов, потому что во время — не до криков; а просто показывая, как хорошо сейчас с ним, какое желанное удовольствие ощущать его внутри, поощряя к более резким и сильным движениям.

А после они лежат в ванной на голом полу, но холод кафеля оказывается кстати, откинули головы, наблюдают, как стиральная машина отжимает флаг.

Долго так лежат. Только что Вера во второй раз в жизни трогала его эрекцию, но, кажется, на этот раз тушить Белова не нужно.

— Покурить бы, да? — говорит он ей.

— Фу, как банально, — отвечает ему вяло, поднимая руку на уровень его глаз большим

пальцем вниз.

— Обычный банальный мужик, чего ты ждала, не пойму.

Вырвавшийся у нее смешок получается истеричным.

Хорошо, что осталась. Тепло так, уютно с ним вдвоем, даже на полу в ванной.

— Метнешься на кухню за сигаретами? — спрашивает Белов с энтузиазмом.

Следующий ее жест ему — оттопыренный средний палец, который он тут же облизывает, затем повторяет то же с указательным, и проводит языком между ними. Задерживается на этом месте, имитируя движения, которые обычно совершает ртом для нее там, отчего она снова дрожит. Узнает.

— Моя девочка, — говорит ей, улыбаясь. А потом хмурится. Моментально приходит догадка, о чем думает. На самолет в Сочи они опоздали, и это плохо. Уехать на несколько дней сейчас — лучший вариант из возможных. Подумать, поговорить, продолжить познавать друг друга с учетом новых возможностей, зализывая душевные раны партнера; позволяя времени притупить его жажду мести. Может, есть ночные рейсы? Он ведь снова вспомнил об Артеме, какие могут быть сомнения.

Вера думает о том, что в ближайшее время нужно не допустить встречи братьев. У Кустова не получится испоганить их счастье, в том числе собственной гибелью или травмами — что там Вик собирается с ним сделать?

Нельзя выпускать Белова из квартиры.

Кстати, ей показалось или они действительно обручились? Косится на него, а он просто тупо пялится в потолок, снова кажется расслабленным и довольным.

Когда они добираются до комнаты, она первым делом берет его планшет, заходит в свою почту. Так и есть, письмо из клиники на месте, прислали несколько минут назад.

Нерешительно протягивает планшет Вику, боясь даже на секунду оставаться на краю пропасти одна, узнать результат раньше. Он кивает, натягивает майку и трико, потом читает, хмурится. А через пару секунд показывает ей экран и самодовольно улыбается до ушей.

Иначе и быть не могло. Там написано совсем другое слово, но Вера читает его как «свободны!»

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 17

Хей-ле-лей!

Стоп! Давайте поговорим о моей работе. Ладно, согласен, хотя бы вспомним о работе. А также о маме, сестре, Артеме, клиентах, гребаном Костикове, который кинул всех в «Континенте», оставляя разбираться с разъяренными заказчиками.

Не могу я позволить себе отключить телефон и выпасть из жизни на сутки. Вдруг что-то случится? Всегда казался обязательным человеком.

Откуда это снова прорывается? Хей-ле-ле-лей!

Будь что будет... К черту.

— Вера, ты идешь?

— Нет!

Не солгала. Бежит.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 18

Твою ж мать!

Веселенькое начало отчета выходит, ну да ладно. Это я еще мягко выразился.

Пропускаем к дьяволу лирику, давно пора действовать, тем более что мозги, наконец, заработали.

Я у компа, соизволившего, ура, включиться. Быстрый взгляд на Веру — спит, родная моя, калачиком свернулась, скоро приду, обниму, поглажу. Только подожди, не уходи никуда. Затем на окно — темно за ним, сквозь плотные жалюзи свет не струится, не угрожает. Время неотложных тайных дел.

Поехали.

Вам я, кажется, не рассказывал, но Вере так раз триста напомнил, что осенью проходит один из главных в стране конкурсов эротической фотографии «Фестиваль интимной прозы». Обычно стабильно попадаю в пятерку лучших, и рекламу «ФотоПираты» получают отменную. Так вот. Вера думает, что в этом году мне нечего представить на конкурс. На самом деле — очень даже есть.

Быстро открываю папки, которые специально сделал доступными для любого пользователя, в надежде — что девица обнаружит их сама. Не обнаружила, к счастью. Тщательно уничтожаю следы подготовки Вериной фотографии к выставке. Помните, у меня было несколько неожиданно удачных снимков, когда она — пьяная, раскованная — в первый и последний раз мне позировала?

Да, да, я все знаю. Кретин, аморальный тип, вам хочется меня прибить и так далее. Самому себя хочется, без шуток, но пока не до этого.

Для фестиваля я выбрал самое чувственное фото, обладающее особым эмоциональным зарядом, усиленным в разы черно-белым стилем работы. Вера так смотрит с экрана... почему-то только сейчас доходит, что она ведь смотрела именно на меня в тот вечер, я ж за камерой прятался. Уже тогда по глазам видно было, что влюбилась.

Только взгляните на эти припухшие от поцелуев выразительные губы, тонкую длинную шею, хрупкие плечи и высокие груди с тугими узелками сосков — яркие цвета здесь не нужны, они бы мешали. Только четкие линии, указывающие на исключительность момента.

Волосы в полном беспорядке, темные и длинные на фоне белоснежной кожи оттеняют влажные, зовущие глаза. Палец висит над кнопкой «del», с экрана на меня смотрит взволнованная ведьма, сильная и слабая одновременно, которую хочется любить долго, грубо, наказывая просто за то, что непорочная, потусторонне красивая. Много шампанского, обработки, страсти, — узнать модель сложно, но вполне реально.

Эту девицу невозможно сфотографировать так, чтобы не вышло порно. Нет ни единого шанса превратить ее тело в искусство.

Удаляю. Все к чертовой матери чищу, в том числе на виртуальной флешке, не жаль десятков часов работы. Скорее уничтожить повод бросить меня окончательно, который собирался ей предоставить сразу, как покажется — что со мной из жалости.

А как бы иначе от нее было избавиться, чтобы отрезать самому себе пути к примирению? Переспать с какой-нибудь моделькой? Да ни за что. Не обижу так сильно, предпочтя другую. А вот показать, что недостойный урод, — вполне себе повод.

Готово. Теперь можно выдохнуть. Успел.

Вы, должно быть, думаете — хорошо, что хватило ума не послать фото на конкурс. Упс. Вообще-то не хватило.

Сделал это после очередного кошмара, когда опять снилось, что передал Вере свой флаг и его атрибуты. Но вряд ли работа пройдет даже первичный отбор — заметно, что съемка домашняя, и обычно в тридцатку конкурсных работ попадают более качественные и продуманные образы.

Так что расслабьтесь, все будет нормально.

Обещаю: теперь все будет нормально.

Хожу по квартире, обдумывая случившееся. Флаг мой идеально расправлен на сушилке, угадайте, кто постарался.

Кто-нибудь вообще понимает, что происходит? Сомневаетесь во мне? Просто вы не чувствуете разницу между тем, чтобы любить женщину на удалении и иметь физически. Восемь бесконечных гребанных лет считать себя чудовищем, живущем в вечном страхе перед каждой потенциальной подругой, вздумавшей сделать шаг навстречу и просто протянуть ладонь.

Треснуло проклятье-то. Нахрен покатилося.

И дело не в сексе даже! Не в том, чтобы сунуть-высунуть, смотрите глубже, в душу мне посмотрите, вот она, перед вами раскрытая. Перед ней, Верой моей, если хотите. Внутри погасло что-то, как будто дошло, наконец — чтобы быть с этой девушкой, мне не нужно платить за ласку кожей, вы понимаете? После ее касания жечь не будут. Можно мне. Впервые после того, как поквитался с Настей, допущен.

— Вик, ответь предельно честно, — просит Вера следующим утром сразу после того, как «булькнул» скайп, сигнализируя об окончании разговора. Девушка сидит в постели, закутавшись в одеяло, поджав ноги, листает на планшете страницы в соцсетях.

Поднимаю на нее глаза, ловлю внимательный взгляд.

— Ну, давай отвечу, — говорю настороженно.

Она молчит, не моргает. Я уже три раза за это время, а она — ни единого. Плохой знак, да? На всякий случай вчера удалил письмо из клиники, где доктор, помимо поздравлений, накатал предложение сдать еще пару сотен анализов на всякую фигню. За бешеные деньги, разумеется. Видимо, понял по Вере, что мы его клиенты.

Нашла, что ли, письмо в корзине?

— Вик, теперь, когда у тебя получается... ну, я про секс. Тебе, должно быть, захочется наверстать упущенное. Попробовать с другими женщинами. Да? — выжидающе и таким тоном, будто предлагает сама. Не смотрит, а таращится, еще секунда — и дыру просверлит, без шуток. С трудом сдерживаюсь, чтобы не начать кричать на нее только за это. Люди должны моргать, она ведь не киборг.

Додумалась же, однако. Или кто насоветовал?

Поднимаюсь с места и направляюсь на кухню, бросаю через плечо:

— Поверить не могу, что собираюсь жениться на дуре. Папа с мамой не одобряет. Выбрал из миллиарда самую глупую, — пораженно качаю головой, что еще добавить — не представляю. Выходит грубовато, но за реакцией девушки не слежу, кофе давно сварился, пора бы что-нибудь съесть.

Через несколько минут присоединяется ко мне, забирается на колени, обнимает, прижимается, поежившись, так как почти раздета, а в квартире прохладно.

— Вик, можно твой кофе? — указывает на полупустую чашку на столе. Киваю в ответ, говорю медленно, задумавшись:

— Всё мое тебе можно.

Она замирает на несколько секунд.

— Абсолютно всё?

— Не так уж это и много.

— Смотря для кого.

— Что насчет тебя?

— Думаю, мне каждая из твоих вещей очень пригодится, мой хороший, добрый, чокнутый бойфренд.

— Доброты уже не так много осталось. Растратилась она, ресурс исчерпаемый.

— Но вся, что есть — моя, ладно?

— Трындец, откуда ты вообще взялась, а? И зачем, не пойму? Терпимо ж у меня все было. Жил как-то до тебя.

— А теперь?

— Сама знаешь, что теперь. По уши, Вера. Клянусь тебе, что по уши в тебя.

Шепчет на ухо:

— Ты же сам меня из парка к себе домой привез. Ни единого шанса на побег не оставил.

Допивает кофе, морщится, так как он без сахара. Затем целует меня в шею и замирает. Обнимаю в ответ. Хорошо, что Вера молчит. И сидит тут.

Потом мы перемещаемся на кровать и долго разговариваем о ее и моих родственниках, гадая насчет реакций на наши новости, пытаюсь придумать, как максимально облегчить им всем процесс понимания ситуации. Решаю, что сначала сам поговорю с мамой. Она классная, добрая, лучшая, но уж слишком вспыльчивая, способная на неадекватные поступки в состоянии аффекта. И не надо, чтобы в момент ослепления прилетело Вере.

Касаемся острой темы. Приходится рассказать вкратце, что была девушка в прошлом, которая ушла от меня к Артему, и с которой в итоге поступил некрасиво. За что и поплатился.

— Угадай, откуда я знаю об обвинении в изнасиловании, — ставит меня в тупик.

Пожимаю плечами:

— Кустов сказал? Арина? Мама? — равнодушно перечисляю тех, кто в курсе.

— Не-а.

— Значит, сплетни дошли.

— То есть ты осознаешь, что о тебе ходят мерзкие слухи? Твоя обожаемая Варя Ради распускает их, кстати.

— Не она одна. Конечно, осознаю.

— Тебя это не беспокоит? — выпучивает глаза от удивления.

— А тебя? — с нажимом. Слежу за реакцией.

— А тебя?

— А тебя? — Добиваюсь того, чтобы она улыбнулась. Теперь говорить на щекотливую тему легче. Это ведь не просто, когда девушка, которой неистово хочешь нравиться, знает, что тебя чуть не посадили за изнасилование. Настя забрала заявление сразу, как Чердак помер, до этого стояла на своем в полиции, запуганная до смерти. Никто ж не знает наверняка, что там на самом деле случилось между нами, вдвоем же мы были, без третьего трахались. Как вспомню этот стыд перед мамой, отчимом, отцом и прочими... они все смотрели на меня якобы с сочувствием, и у каждого мелькала мысль — не просто так папаня устроил пытки. Было, наверное, за что. В глазах многих видел себя заслуженно подыхающей мразью, растлившей беззащитную девчонку, заслуживающей свою боль. Хорошо, что изуродован, ни одна больше не согласится согреть в постели, как клеймо на всю жизнь — предупреждение другим. Лишь отвращение вызовешь. Поделом, ублюдок.

— Я так могу долго, Белов, — улыбается мне. Тепло так, искренне, аж сердце щемит от ее доверчивости, несмотря ни на что. Вот за что она так хорошо ко мне относится?

— Я их сам пустил, Вера, — сдаюсь в итоге.

— Как?!

— Да легко. Сидели в баре с приятелями, один предложил познакомиться с девчонками за соседним столиком — ну очень молоденькими. Ну, я и ляпнул, что одной статьи мне хватит и теперь предпочитаю женщин, официально допущенных государством к траханью.

— Но зачем?!

— Угадай.

Приподнимает брови.

— Чтобы знакомые девчонки не лезли. Та же Варя, например. Вер, мой образ тщательно продуман до мелочей. Дурацкая тема. Сменим?

Она снова называет меня психом, но не отпихивает. И на том спасибо.

— Еще раз, Вер, ладно? Потерпишь? Знаю, что устала, но... хочется. Скоро уже собираться на самолет. Давай просто поцелуй, а потом совсем чуть-чуть кайфа для меня? Черт, звучит как-то убого, но не могу насытиться, — легонько прикусываю ее сосок сквозь футболку, смачиваю слюной так, чтобы почувствовала. Она чувствует, верьте мне, еще как. — Буду быстро, обещаю. Ты даже не заметишь.

— Да уж, тебя не заметишь, — отпихивает, закрывает мне рот ладонями, призывая заткнуться. — Только давай с презервативом?

— Мне и так нравится.

— Кто бы сомневался! Включай уже мозги, Белов.

И тут до меня доходит. Замираю, окончательно понимая, что вот именно сейчас, в данную секунду, разбился на своем жалком кораблике о рифы вдребезги. Клянусь, ни разу не вспомнил о контрацепции, не подумал даже. Вышибло из головы мысли о защите. Просто хотел девушку, начисто игнорируя робкий голос разума.

— Да ты не бледней так сильно, дыши, вкусный мой, вдох-выдох, чуть больше жизни. Нашатырь нести? Или где там твои транквилизаторы?

Приподнимаюсь на руках, присаживаюсь рядом с ней.

— Вечеринка отменяется? — ехидно подначивает.

Толкаю ее плечом, усмехаюсь.

— Честно, забыл. Ты там никакие таблетки не пьешь? Женщины же так делают.

— Нет, и не собираюсь.

— Ясно. Тогда барьер, — с досадой.

Некоторое время молчим.

— Ну и идиотское у тебя выражение лица, — говорит мне. — Будто тебе двенадцать и ты впервые увидел сиськи в реале.

Смеемся.

— Вер, а если ты... хм, беременная, то когда, говоришь, мы это узнаем точно? — пытаюсь направить свою летящую на полном ходу в неизвестность жизнь хоть по какому-то курсу, внести толику предсказуемости.

— Недели через две-три, — пожимает плечами. — Но ты не переживай сильно, с первого раза только в кино получается.

Наверное, она сейчас говорит об Артеме, они ведь полгода планировали, но без толку. Это много или мало?

Думать о ней и Кустове снова неприятно, но почему-то накатывает неожиданное ликование от мысли, что наш с Верой первый же раз может выйти успешным. Одергиваю

себя: полный абсурд сейчас планировать детей, когда душат долги, мы только-только помирились, и я на испытательном сроке.

Она опускает глаза, кажется, тоже расстроилась незавидной перспективке. Увидев ее реакцию, меня окончательно накрывает.

Сажусь напротив девицы, поднимаю ее подбородок, чтобы смотрела в глаза, нужно, чтобы уяснила хорошенько:

— Вер, только давай без глупостей, ладно? Если вдруг это случится, то сразу ко мне. Первым делом. Поняла?

— И что ты сделаешь? — спрашивает с вызовом, скрещивает руки на груди.

Злит то, как она видит ситуацию. Понимаю, что заслуживаю, но все равно бешусь. У нее такой взгляд колючий, аж передергивает. Эго внутри надулось, едва не лопается. Хищно прищуриваюсь, подаюсь вперед. Она хмурится, обидчиво поджимает губы. Ну и дура.

— Да ничего не случится, если посидишь пару лет дома! — говорю резко. — Никакие новые щербеты за это время не изобретут, наверстаешь. Никуда твоя карьера не денется, народ как жрал в ресторанах, так и продолжит. А я, в крайнем случае, наберу свадеб побольше, не умрешь с голода.

— Ты ж их ненавидишь.

— Да похрену! Если с дизайном больше не выгорит, от позора «Континента» не отмоюсь, найду, где заработать денег, хватит тебе. Поняла? Сама включай мозги, Вера, раньше надо было думать, с кем трахаешься. За-ра-бо-та-ю я, а если не веришь...

Она поднимает руки, сдаваясь.

— Да ладно, ладно, не спорю. Если что, то уйду в декрет, уяснила. Перестань только орать на меня.

— Не ору я. Но не надо вот так смотреть. Про испытательный срок я помню, и вполне себе в курсе, что не тяну на парня мечты. Но сама ведь виновата, так что давай без этой хрени.

— Без хрени, договорились, — тянется и целует меня в щеку. — Я маме скажу, что выхожу за тебя, ладно? Уже ведь можно.

— Без разницы, хоть статус ВКонтакте поставь. Вер, деньги будут. Все будет. Потерпи немного. Дай мне полгода. Просто ситуация с судом выбила из колеи. Не ожидал от Костикова, что смотается в неизвестном направлении, оставляя кучу долгов.

Целует меня в висок, обнимает, тянет на себя. Падаю сверху.

— Ты, главное, никогда не сомневайся во мне, тогда и я в тебе не стану. Обещаю, — шепчет.

— Я тут подумал, раз уж мы запортачили этот месяц, разом больше, разом меньше? — говорю на ухо уже совсем другим тоном. — А следующий уже начнем, как полагается. Расслабься, я доставлю тебе, обещаю.

Проводит пальчиками по моим плечам, спине под майкой, кажется, это значит: «давай».

— Можно посильнее, — неожиданно для себя прошу. Она замирает, напрягается. Не понимает, чего хочу.

— Когда гладишь, сильнее дави, а то плохо чувствую. Ну, кожей. Мне будет приятнее.

— Так? Уверен? Точно не больно?

Точно.

Днем ходим по квартире, собираем вещи в дорогу. Параллельно с этим Вера сушит

волосы в ванной, красится, я по телефону по очереди общаюсь со счастливой от новостей о нашем с Верой воссоединении Ариной, которая при первом же слове о Марке предупреждает, что села батарея; далее — с подозревающим что-то неладное папой; с недовольным очередной задержкой клиентом. Кустов, мать его, все еще недоступен. Если он думает, что моя злость имеет срок давности — поспешу его разочаровать при встрече. Когда-нибудь он появится, а я каждую минуту готов пробить его тупую башку хоть своей, хоть кулаком, хоть битой.

От мрачных размышлений отвлекает настойчивый звонок в дверь. Интересно, кто это, гостей не ждем.

— Вер, у тебя десять минут, и выходим, — перекрикиваю шум фена, она кивает и отворачивается к зеркалу. Ладная такая, оглядываю аппетитную фигурку с ног до головы, усмехаюсь, и иду натягивать носки, чтобы никого не шокировать бугристыми красноватыми ступнями, — джинсы, майка и толстовка уже на мне.

Открываю — первой в глаза бросается маска черепа на лице неизвестного невысокого плотного мужика в черной одежде. Прищуриваюсь, пытаюсь понять, кто это и что за маскарад. Но спросить не успеваю, в следующую секунду он снимает крышку с большого пластикового стакана из-под кофе и с размаху плескает мне в лицо жидкость, оказавшуюся до тошноты знакомой, разворачивается и бежит прочь, вниз по лестнице. А я хватаюсь за дверь, но поздно, руки слабеют, не выдерживают веса рассудка, черная пропасть раскрывает пасть, хватая острыми зубами памяти.

Фоновая, привет.

Привычная раньше боль — сейчас обескураживает и выбивает из реальности. Как будто не готов к ней, словно не знаю по секундам, что случится дальше.

Кислород перестает усваиваться пораженными участками кожи, а сама она по ощущениям — отмирает, распolzаясь, оголяя нервы, отбрасывает в адовое прошлое.

Но кто это, бл*дь, был такой? Слышу громкий топот вниз по лестнице, если брошусь следом — успею поймать, делаю шаг на лестничную площадку и скручивает.

Хватаю ртом воздух, и бензин попадает на язык, ядовитые пары в носу, глаза щиплет, а тело вдруг становится мокрым, как будто я облит полностью. Словно на меня опрокинули бочку, как в старые добрые...

Прорывная сносит планы, с ходу врываясь в игру с привычного низкого старта.

Прорывная, сука, начинает с первого импульса, затем идет второй, третий... я их считаю, прекрасно узнаю, представляю цену каждого последующего.

Нужны таблетки... Дотянуться. Снова в коридоре, шарю руками по комоду, хватаю портмоне.

Пятый, восьмой, десятый...

Падаю с кошельком в руках на колени, вспоминая свое некогда привычное место вымаливающего прощение за то, что отвратительный ублюдок, не достойный любви, жалости, пощады, жизни... Образы оживают, и я с ужасом думаю о том, что Вера может зайти и увидеть. Испугается.

Пачка таблеток двоятся, пальцы не слушаются, они горят, обугливаются, идут волдырями. Этого не может быть, не по-настоящему.

Держись, мать твою. Но откуда воняет паленой кожей? Вы тоже чувствуете, да?

Нихрена не вижу.

Зато знаю силу каждого импульса, но они спешат, обгоняют меня, подружки верные.

Всего могу выдержать не больше двадцати, находясь в сознании, потом мозг вырубается, падаю.

Сука, больно.

Зову на помощь.

Импульс двенадцатый, пятнадцатый... — каждый последующий сильнее предыдущего, стреляет под кожей, отторгая ее. Жарко. Будто снова там, у озера. Вся моя жизнь, реабилитация, успех — сыплется золой сквозь пальцы. Помню, как стою на коленях, облитый, горящий, мечтающий сдохнуть. Надо ползти. Ползти к воде, чтобы выжить. Хочу жить... Господи, как я хочу жить...

Откуда-то издалека доносится знакомый женский голос.

Беги отсюда...

Шестнадцатый, девятнадцатый...

Кожа лопается, пузыри повсюду, зубы скрипят, губы трескаются, лицо липкое. Надо ползти к озеру, весь мир сужается до простого — успею или нет, там шагов двадцать, не больше. Он никогда не поджигает далеко от озера, ему надо, чтобы я успел. И мне это надо, я не готов сейчас на тот свет...рано же.

Двадцатый...

Слишком быстро. Прохладная чистая заманчивая лужа недостижима.

Как никогда ясно осознаю, что проклят. Не способный дальше терпеть — кричу.

Настоящего и будущего не существует. Только прошлое. Пальцы разжимаются, и я в него падаю, люк захлопывается сверху, над головой, боль рвет на части. Последнее, что слышу — это Верин голос, но даже не пытаюсь цепляться за него, боясь утянуть девушку за собой.

Часть V

V часть

Плотные жалюзи не пропускают в комнату послеполуденный свет, сплит шумит привычно и по-домашнему, если сосредоточиться на ощущениях, можно почувствовать неспешное движение воздуха по комнате. Вере хочется подтянуть под себя голые замерзшие ноги, закутаться в плед. А лучше забраться бы к Вику в постель, где тепло, уютно и он сам, горячий, родной и мирно спящий под ее пристальным взглядом.

Будут ли у них еще ночи, подобные прошлой — незабываемой, искренней, когда объятия — сильные, крепкие — изломали мешающие жить воспоминания, осталось смести прошлое в кучу и выбросить за ненадобностью. Зачем так много думать о былом, когда вот оно — будущее, и Вик с Верой точно знают, каким сладким, сочным оно может быть. Привкус на языке остался — интересно, у него тоже или только ей теперь так кажется?

Вера нехотя отводит глаза от лежащего на животе расслабленного мужчины, скользит ими по окружающей обстановке: флага нет, три стены окрашены бежевой краской, а посередине четвертой — от пола до потолка — фотообои с изображением стоящей вдалеке, спиной к камере, обнаженной модели и на первом плане — большого, брошенного на пол фотоаппарата. Разбитого, непоправимо испорченного. Мужская рука замерла, выронив его за ненадобностью. Левая рука, покрытая плотным разноцветным узором, — первая и последняя профессиональная фотография Белова, которую она видела. Работа, принесшая ему третье место на одном из конкурсов эротической фотографии. Вик поймал момент,

когда страсть и похоть побеждают эстетическую потребность запечатлеть красоту. Наверное, эта борьба происходит внутри него каждый раз, когда работает в студии. Сильная фотография о приоритетах, выборе, наконец, признании поражения. В реальной жизни все иначе, в ней Белов так легко не проигрывает собственным демонам. Фальшивая фотография, и идея ее — пустая, глупая.

Бежевый диван у противоположной стены в зоне гостиной завален купленными Верой веселенькими подушками, большой рабочий стол, расположенный ближе к центру просторной комнаты, — набросками и папками с чертежами. Шкаф, комод, небольшая горка с телевизором — пожалуй, на этом все. Типичная берлога холостяка, почему-то ставшая родным домом находящейся на грани нервного срыва обычной, запуганной до смерти девушке.

На ум приходит первое в ее жизни решение, принятое не по указке родителей. Когда Вера училась в седьмом классе, неожиданно прямо на уроке от сердечного приступа умер учитель физики. Добрый, остроумный дядька, который проработал в школе более тридцати лет, учил еще Верину маму. Он запомнился тем, что с легкостью мог часами болтать на разные темы — от черных дыр в космосе до американских ситкомов, ставить единицы, радостной улыбкой встречая детские слезы, дремать во время контрольных, — в общем, всем, кроме как самой физикой. Родители решили, что Вере незачем прощаться с бывшим педагогом, сразу после школы ей следовало бежать домой. Будут ведь сниться кошмары, зачем портить детскую психику? Но она все равно пошла. Принесла цветы, помолчала у открытого гроба. Кошмары не преследовали, слезы не душили. От этого дня сейчас хочется оттолкнуться.

Веру всегда считали слишком слабой для потрясений и поступков, берегли и ни за что бы не отпустили в Москву, если бы не двоюродный брат, уехавший десять лет назад в Санкт-Петербург, сделавший там успешную карьеру. Едва ли не каждый вечер мама с упоением рассказывала, какой он молодец, талантливый, смелый, умный... Но когда Вера заявила, что тоже хочет испытать себя, над ней лишь посмеялись.

«Все будет хорошо, мама» — собирая вещи, монотонно бубнила она в ответ на причитания о том, что большой город ее погубит. Провожали девушку со слезами на глазах, как в последний путь. И весь первый год ждали, что сломается, вернется, испугается. Не испугалась. Периодами нападали тоска под руку с тем самым мерзким страхом, путающим мысли, подталкивающим к легким решениям, о которых потом жалеешь спустя годы, но Вера ни разу не пожаловалась и не попросила больше ежемесячно выделяемых денег. Потому что намного тяжелее было бы вернуться домой и каждый день слушать рассказы о других, более талантливых и рискованных людях. Поначалу она делала карьеру как будто назло родителям, но одним обыкновенным вечером, возвращаясь с работы по знакомому маршруту, вдруг поняла, что живет именно так, как ей нравится, и просыпается утром для себя любимой. А сомнения друзей и родственников лишь подстегивают действовать активнее, но не более того. Осознание уже достигнутого и предстоящего радужного — воодушевило, породив новые, более смелые цели. Через месяц после того неожиданно судьбоносного вечера ее взяли на новую работу, а еще через год — в «Веранду».

Неуверенность в себе — хорошо ей знакомое, перманентно давящее чувство, то и дело порождающее внутри сомнения, что прошла естественный отбор случайно, каким-то чудом урвала право на жизнь, а уж успех точно не дается таким жалким и хилым. Они с Виком абсолютно разные и одновременно поразительно похожи. Их отличающиеся вплоть до

мелочей внутренние миры как будто выкроены по единому шаблону. Они оба предпочитают молчать, скрывая, как много сил уходит на внутренние сражения.

Борись, мой хороший, самый сильный, смелый, надежный. Я буду рядом в беде и радости, держать тебя за руку, как ты меня всегда раньше. Знаю, что возьмешь на себя каждую мою проблему, как только скинешь гнет своих. Ты должен справиться сам, но если тебе, любимый, нужен стимул, то я вот она, рядом, посмотри и поверь, наконец. Если ты считаешь себя проклятым, то я такая же.

Вера вновь осматривает комнату, думая о том, что их мир создавался здесь, и когда они вместе, ничто не сможет помешать продолжить его обустривать.

Ожидание, наконец, заканчивается, он открывает глаза. Переворачивается на спину, смотрит по сторонам, моргает, облизывает сухие губы. Вера тянется и подает бутылку воды, отвечает улыбкой на благодарный кивок.

— Дома, — делает он очевидный вывод и заметно расслабляется, ощупывая лицо, шепчет беззвучно, но она почему-то понимает смысл сказанного и что это в данный момент важно.

— Привет, — говорит ему.

Белов долго пьет, потом вытирает губы тыльной стороной ладони.

— Привет, — отвечает, слегка улыбаясь в обычной манере, дескать, рад видеть. Всегда рад ее видеть, и это тоже важно, но уже для нее. Вик дышит медленно и тяжело, будто с трудом. Смотрит в потолок, хмурится. Одна из лампочек перегорела, нужно заменить. Оставшиеся дарят мягкий, настраивающий на отдых свет, создавая в просторной комнате иллюзию приближения ночи, прохлады, тишины. Какой смысл в середине дня опускать жалюзи и тратить электричество? Как в пещере спрятались.

— Я тебя ждала.

— Долго?

— Не знаю, часами. Там толпа на кухне. Прости, пожалуйста, я всем позвонила. Вообще всем. Так испугалась и не знала, что делать. Я тебя очень люблю.

— По уши, — подмигивает. Потом меняется в лице, начинает подниматься: — Ты в порядке? Этот урод не вернулся после того, как выдал мне билет в нирвану?

Услышав привычное «по уши», она выдыхает с облегчением. Почему-то боялась, что, очнувшись, Вик не узнает ее. Вот дура. Но он задал вопрос, нужно ответить. Отрицательно качает головой:

— Ты лежи, все нормально. Я никого не видела, кроме тебя. — И мысленно добавляет: на полу, не отвечающего на крики, схватившегося за голову, шепчущего несусветную чушь. — А кто это был, как думаешь?

— Есть одна идея. Мне нужен телефон, подай, пожалуйста. И скажи, чем вы меня накачали? Симптоматика смутно-знакомая. Понимаю, что мне войну объявили, а хочется смеяться и мультики смотреть.

Он едва не помер на ее глазах от фантомной боли, сейчас лежит в кровати — наголо бритый, бледный, моргает, глаза огромные, не может до конца осознать сквозь наркотики, что происходит, а ей хочется только одного — пожаловаться.

Рассказать в подробностях, как кинулась на шею к Полине Сергеевне, едва та переступила порог два часа назад, и что случилось после:

— Верочка, что произошло? — простой вопрос матери, которой сообщили, что ребенок в беде. — Вик в порядке?

— Кажется, да. Он с врачом сейчас.

— На тебе лица нет. Ты здорова?

— Просто... я очень сильно люблю вашего сына, — нелепый ответ, но что еще сказать, когда Платон Игоревич, психотерапевт Вика, осматривает его в комнате, и пока неизвестно, чего им будет стоить этот эпизод. Приступ купировали быстро, но нужно было ждать, не придет ли вторая волна. Так иногда бывает. Платон Игоревич привез машинку для волос, и они с Верой первым делом побрили Вику голову, а затем Вера протерла его кожу подсолнечным маслом и мыльной водой, иначе было не избавиться от стойкого запаха бензина. Комнату хорошо проветрили.

— Я не могу жить без него. Если с ним что-то случится, не представляю, что со мной будет. Вы поймите меня, нас, я не хотела, чтобы так сложилось. И он не хотел.

— Знаю, дочка. Никогда в этом не сомневалась, — та, как и в прежние времена, по-матерински погладила Веру по голове, говорила ласково, с легкой теплой улыбкой. — Все будет хорошо. Артему важна твоя поддержка, он должен скоро приехать. Но расскажи толком, что с Виком? По телефону я практически ничего не поняла.

Вера отстранилась, не сразу сообразив, о чем говорит Полина Сергеевна, несколько раз моргнула, потом приоткрыла рот от удивления, понимая, как сильно они с Беловым запутались сами и запутали остальных. Заперлись в его квартире от мира, спрятались под проклятым флагом, не думая о чувствах других, ставя на первый план свои, изодранные на лоскуты, как после сильного шторма. Залечивали раны, влюблялись сильно, страстно в души и тела друг друга.

— Другого сына, Полина Сергеевна! — горячо заявила она, аж сердце заболело, так много эмоций и любви вложила в эти слова. Как эта женщина не догадалась сама? Вера у Вика дома, в его футболке, позвонила с его сотового, попросив помощи. — Я про Белова вам говорю, — и снова быстро, будто в последний раз обняла Полину Сергеевну, прежде чем та успела отойти от шока и что-нибудь сказать. Руки Кустовой опустились, тело напряглось, словно Верины объятия ей стали неприятны.

Затем прибыли Арина с Артемом. Вик оказался прав: Арина знала о местонахождении брата, но скрывала. Кустовы топтались на кухне, почти все в сборе, перепуганные, как тогда, после аварии Вика на годовщину свадьбы Полины Сергеевны и дяди Коли. К счастью, Платон Игоревич вышел практически сразу, дал знак Вере идти к Вику, остальным сказал ждать.

Врач ростом под два метра, широченный в плечах мужик лет сорока с чисто выбритым лицом и пронизательными светлыми глазами занял собой весь коридор. Седой, как старик, хотя кожа на лице гладкая, да и осанка говорит о недюжинной силе. Никто не рискнул спорить, даже Артем притих и отступил к стене. Платон Игоревич, видимо, давно знал всех присутствующих, поэтому с ходу завел неторопливую беседу.

Оказавшись в комнате, Вера пододвинула кресло ближе к кровати, забралась в него с ногами. Тербила волосы, рассматривая кончики, выискивая посеченные, параллельно отвечая на сообщения Софии, которой тоже успела написать.

Живой — и ладно. Но какой же смешной без волос: череп ровный, гладкий, кожа на несколько тонов бледнее, чем на лице, слегка блестит от местами плохо стертого масла. Вик ощупывает голову, несколько раз проводит ладонью по гладкой коже.

— А я-то думаю, почему холодно.

— Пока ты лежал без сознания, мы с Платоном Игоревичем отрывались. Еще и ногти

тебе накрасили.

Он, конечно, не верит, но бросает быстрый взгляд на руки-ноги, которые высовывает из-под одеяла. Вика пришлось раздеть, потому что частицы бензина, казалось, намертво въелись даже в ту одежду, на которую не попала едкая жидкость.

Белов улыбается уголками губ, оценив шутку.

— Вик, может, полицию нужно вызвать? Я так и не поняла, что случилось. Кто это сделал? Облил тебя, да?

— И без полиции очевидно, что за клоун. Проверим. Судя по голосам, вся семья в сборе?

Вера обреченно опускает голову:

— Я еще и скорую вызвала, но Платон Игоревич приехал раньше и попросил отменить бригаду. Ты как?

— Штормит. У нас самолет скоро.

— Улетел уже.

— Трындец. Вер, где телефон, мать его? — повышает голос, выбираясь из-под одеяла, встает. Затем садится, давит на виски, давая себе передохнуть. Смягчается. — Прости, родная, что срываюсь на тебе. Неадекват. Не хотел грубить. Принеси, пожалуйста, гребаный мобильный.

Она кивает, направляется на поиски телефона. Встречается в коридоре с Платоном Игоревичем, чувствующим себя здесь как дома. Вероятно, нередкий гость. Но едва она заходит, дверь позади закрывается, и Артем начинает кричать. Негромко, и сквозь зубы, как умеет только он:

— Что вы сделали? Ты сделала с ним? Я же говорил, что ему нельзя, ты хоть представляешь, как тяжело обходятся эти откаты в траханное прошлое?!

— Я? — ахает Вера. Видеть Артема страшно, еще и такого агрессивного, не зажали многочисленные засосы на шее, плечах и груди, синяки на руках. Воспоминания о медвежьей силище, скалой навалившейся на нее, рожают очередной приступ паники, но Вера чувствует себя дома, а значит — увереннее. Она не бежит, вместо этого шагает вперед и прищуривается: — А может, это ты решил добить брата? Ты ведь один из немногих знаешь о его слабостях — и решил воспользоваться? Лицом к лицу слабо встретиться? Какая же сволочь, клянусь, когда он придет в себя, не буду даже пытаться за тебя заступиться! Как ты вообще посмел явиться сюда, как ни в чем не бывало?!

— Он мой брат, а ты кто такая? Он из-за тебя рискнул, и снова на транках? Ты стоишь этого, сама-то как думаешь?

— Что здесь происходит? — Полина Сергеевна вскакивает со стула и встает между ними. — Вы что несете оба?!

— Вера, Тёма здесь ни при чем, — берет ее за руку Арина, ободряюще кивает, — мы троим — с ним и Марком — кофе пили, когда мама позвонила. Но что случилось-то?

— Вера нам сейчас все подробно расскажет, — медленно произносит Полина Сергеевна, оглядев невестку с ног до головы, оценивая с какой-то новой, известной только ей, точки зрения. Хорошо, что Вера натянула шорты, врача так и вовсе встретила в одной футболке и трусах, боялась отойти от Белова, оставить даже на минуту.

В квартире резко становится жарко и тесно, хочется встать ближе к сплиту, хотя бы сунуть под него голову. Вик попал в беду, но, кажется, на Верин зов о помощи прибыли новые враги.

Рассказывать о проблемах больше не хочется, присутствующие давят, любое слово рискует прозвучать оправданием.

— Мама, я в курсе об этой сладкой парочке твикс, все в порядке. Этот вопрос мы закрыли. Никаких обид, — говорит Артем и выразительно смотрит на Веру.

Дверь на кухню открывается, Белов в спортивном костюме, но без носков, держится за косяк, смотрит слегка рассеянно, старается сфокусировать взгляд на лице каждого по очереди.

— Так, помощники, давайте тише. Вера, быстро в комнату и жди меня там.

Он тормозит маму, сестру, пытающихся его обнять, что-то спросить, подходит к столу, не отрывая внимательного взгляда от Артема, словно ожидая в любую секунду начала драки. Берет со стола мобильный. Артем в это время стартует с места, скрывается в коридоре, следом хлопает входная дверь.

— Сука, сбежал опять, — с досадой, но скорее безэмоционально проговаривает Вик. — Вера, тебя там Платон Игоревич ждет, — кивает ей в сторону комнаты. Девушка, наконец, уходит, слыша его спокойный голос: — Просто очередной откат, все в порядке, выплюсь и нормально будет. Езжайте домой, позвоню завтра. Mam, хорошо все у меня, не реви опять только. Тошно.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 19

К виску приставляют револьвер, холодное кольцо дула вдавливается в кожу, вычерчивая след-вмятину. Замираешь, зажмуриваешься, а через секунду после сухого щелчка курка открываешь глаза, понимая, что живой, и чувствуешь, спорю, то же, что и пробудившись после срабатывания триггера. Я ведь думал, что горю по-настоящему. Стоило столько месяцев избегать касаний желанной женщины, чтобы потом из-за чьей-то мести оказаться перед ней на полу жалким, потонувшим в болоте надуманных ощущений? Обливший хотел пошутить? Заставить паниковать?

Пусть захлебнется ожиданиями.

Но это ж надо, бензином прямо в лицо! Даже Чердак никогда не трогал голову, а тут дали понять, что церемониться не станут. Хотели бы — подожгли, никто не мешал бросить следом спичку. Значит, цели другие. Стараюсь рассуждать логически, но в итоге каждый раз оказываюсь в ванне с лейкой душа в обнимку. Не думал, что когда-нибудь кошмар быть сожженным заживо снова переключает из липких снов в траханую реальность, становясь физически опасным. Но теперь-то я не испуганный до смерти, связанный подросток, значит, и шансов выжить значительно больше.

Следующим утром после моего отката, собравшего на кухне толпу любопытных родственников, в Сочи улетает Джей Ви. Не хотелось к нему обращаться за помощью, но «Трахельки» находятся на грани, а деньги на банковском счете сами по себе размножаться не умеют. Вот в чем минусы фриланса — если вы не в строю, то никто за это платить не станет.

Для этого отчета у меня припасены сразу две важные новости: плохая и хорошая. Итак, по порядку?

Плохая заключается в том, что Прорывную приходится ловить и глушить по три раза на дню. Торчу, другими словами, как гребанный наркоман. Хей, не спешите меня списывать, не в первый раз.

Хорошая новость — количество Вериных вещей в моей квартире не уменьшается. В данный момент она бежит от шкафа к зеркалу в новых босоножках, юбке и лифчике,

пытаясь подобрать подходящую кофту. Критически осматривает свое отражение.

— Вер, ты красивая такая, назло мне наряжаешься, да? — говорю ей, наблюдая, как собирается на работу. — Хочется тебя потискать, как насчет второго октября? Какие у тебя планы на эту дату?

— Белов, успокойся, с побритой головой ты мне ни капли не нравишься. Вот отрастут волосы, там посмотрим, — подмигивает. — В октябре — вряд ли, но подумаю. Если только в шляпе будешь.

— Пиратской?

— И тельняшке.

— Всегда знал, что есть в тебе нечто такое... развратное, — усмехаюсь, она показывает мне язык, и наконец останавливает выбор на одной из алых маек. Натягивает ее на себя. — Ключи от машины возьми, и как доберешься, напиши, пожалуйста. Может, тебя на парковке кто из коллег встретит и проводит?

Замирает в проходе, смотрит недоуменно. Пожимаю плечами.

— Мало ли.

Она медленно кивает и уходит. Лучше бы ее отвезти, конечно, но я пока не готов к таким подвигам. Попробую настроиться на то, чтобы забрать вечером.

Марат Эльдарович в телефонном разговоре делает вид, что мы не знакомы, долго и безуспешно пытается вспомнить, кто я такой. Его подручный, напротив, узнает и начинает сочувствовать. Елейным голоском желает скорейшего выздоровления, причем ни с того, ни с сего, сам я не жаловался. Пытаюсь найти хоть какой-то выход, чувствуя себя подопытной крысой, с которой можно творить, что хочешь, безнаказанно — ох как это злит — решаю связаться с отцом Джей-Ви, Евгением Жоркиным. Мы с Виталиком ходили в одну художественную школу, поэтому его родителей я знаю, можно сказать, с детства.

Встречу назначаем в ближайшем кабаке, путь до которого запоминаю с трудом, всю дорогу смотрю под ноги, стараясь не шататься от львиной дозы успокоительных. Без шуток, двигаюсь на одном энтузиазме, кожа зудит, хотя перед выходом все тело намазал толстым слоем специальной мази. Тело как будто на самом деле заживает после ожогов; на последней стадии, когда уже не больно, а жить мешает по-прежнему...

Прохлада и полумрак заведения слегка успокаивают нервы, и хотя я понимаю, что спирт в бутылках на полках горит не хуже бензина, без устали уговариваю себя, что не станут меня поджигать в середине дня у всех на глазах. Заказываю воду со льдом, грызу ледяные кубики, они противно хрустят на зубах, вызывая неприятные ощущения между лопаток.

— Паршиво выглядишь, Белов. Виталик сказал, ты, как обычно, в *опе.

— Рад вас видеть, Евгений Борисович, — улыбаюсь. Этот мужчина один из немногих, кто восемь лет назад безоговорочно встал на мою сторону, буквально запрещая говорить со следователем, пока не разработаем стратегию спасения. Не поверил Насте. Вы же помните, что меня вдобавок еще и за решетку упечь хотели? Дочка Чердака долго стояла на своем, пока отец жив был, выгораживала его, таких ужасов про меня нарасказывала... Но об этом позже. — Спасибо, что уделили время.

С этим умным, хитрым, вечно занятым бизнесменом мы почти три часа беседуем на разные темы, он осторожно, медленно и ненавязчиво минута за минутой вправляет мне мозги, терпеливо объясняя разницу между трусостью и здравым смыслом. По его словам, необходимо иной раз подумать головой и составить многоходовку, пусть даже первое в ней движение — назад.

— Но не убьют ведь? У меня здесь сестра, мать, девушка — как защитить? Что делать-то посоветуете?

— Не убьют, времена сейчас другие. Но на место поставят. Красиво. В назидание другим. Твой Марат Эльдарович не из тех, для кого все средства хороши, я с ним вел когда-то бизнес. Нормальный он, не психопат. Да и твои брыкания его больше раздражают, чем досаждают. Задел ты его как-то. Не знаю... понравился, может? Бросил ему вызов, они нашли индивидуальный подход. Признай, что осознал, — одумался, готов пойти навстречу. Эй, Белов, посмотри на меня. Нос не вороти, ты не за Родину бьешься, не за женщину и даже не за идею. А за бизнес идиота, который тебя подставил. Где Костиков сейчас? В Англии? Штатах?

— Конец-то этому будет когда-нибудь? Я им звонил, сам искал встречи — ощущение, что не нужен больше. Но и точку никто не поставил.

— Чему конец? Конфликту вашему? Суд когда? А вообще, подумай-ка о переезде, мой тебе совет. Хотя бы на время.

О переезде? А с Верой что делать? Она согласится уволиться из своего ресторана ради меня? Да даже если и согласится, найти нас будет легко, слишком большая семья. Куда я, блин, денусь? Но как-то нужно на передний план выйти, чтобы близким из-за меня не прилетело. Прятаться — не мой вариант.

Хожу по квартире, грызу зубочистки, обдумываю, что делать дальше и как выбраться из бредовой ситуации, в которой оказался. Удобный я враг, даже бить не надо, руки марать, сам себя доведу, вытащи из кармана зажигалку.

Достаю на балконе сигареты, пытаюсь прикурить, чиркаю спичкой — сука, при виде огня руки трясутся. Не могу к лицу поднести, еще чувствую на нем горючую жидкость, вдруг вспыхнет. Держу в руке долго, настраиваюсь, сердце колотится, ощущаю его где-то в горле, без шуток. Повторяю про себя, что не трус, справлюсь, смогу. Будь мужиком, Белов, мать твою, это просто свернутая бумага, забитая табаком, давай, ну же!

Пальцы жжет, роняю, тушу голой ступней, морщусь от неприятных ощущений, возвращаюсь в комнату.

Пока еще не курю. Рано. Надо ждать еще.

Мама заявляется в половине пятого — спорю, умышленно выбрала день, когда Вера на работе. Без предупреждения приходит, как обычно, когда хочет застать меня дома. И хотя я теперь смотрю в глазок каждый раз, прежде чем открыть кому-то, впускаю ее.

Мама и раньше не любила ко мне ходить, потому что повсюду в комнатах висят фотографии обнаженных барышень, ее это смущает, а после того, как в мое отсутствие встретила здесь девицу, с которой спал пару лет назад и которая поговорила с ней вызывающе грубо, и вовсе перестала, обиделась.

Неторопливо проходит на кухню, в которой долго рассматривает Верину фотографию, осуждающе цокает языком, пока я готовлю бутерброды с мягким сыром, луком и зеленью — новая страсть, руккола осточертела. Параллельно отвечаю на сообщения Джей Ви, который советуется со мной по каждой мелочи.

— Моя работа, — заявляю с показушной гордостью, ткнув пальцем в Верин левый сосок.

— Да поняла уже. Тебе помочь чем-нибудь, сынок? — Интересно, это она о бутербродах или моей гребаной, опять катящейся в ад жизни? Пожимаю плечами и на первый, и на второй вариант.

«Соглашайся уже на любые уступки, пусть только деньги перечислят», — пишу Виталику, затем бросаю несколько раз «да» на уточняющие вопросы. Он занимается закупкой материалов, и каждую плитку, кирпич, мешок с цементом фотографирует и шлет мне, прежде чем включить в смету.

— Нормально все, — говорю вслух, — не в первый раз, и не в последний. Вера ничего подобного не видела, вот и навела паники, перепугалась.

Посвящать маму в то, что миллионер, хозяин крупной сети отелей — теперь мой личный заклятый враг, не хочется. Лишних вопросов мама не задает, видимо, считая, что перемкнуло меня из-за Веры. Пока не решил, говорить ли правду.

На редкость не вовремя звонит отец, мать вздрагивает, впиваясь взглядом в экран оставленного на столе мобильного, надпись «ПАПА» мгновенно выводит ее из равновесия, заставляя ерзать на стуле, заламывать пальцы, теревить салфетки. А когда-то давно нам было хорошо втроем. Правда, я этого не помню.

— Извини, — встаю из-за стола, выхожу в коридор, прикрываю дверь. Даже намек на то, что я продолжаю общаться с отцом, может испортить маме настроение, причем с каждым годом их вражда только набирает обороты, а с каждым моим новым приступом — выходит на новый уровень. — Да, пап? — уже в трубку.

— Ты как, Витя?

— Хорошо, а ты?

— Да я-то что, вот в саду теплицу чиню, накренилась. Соня цветы пересаживает. Девочки мочат вампиров и мумий в какой-то новой компьютерной игре.

Я уважительно присвистнул:

— Хоть кто-то из вас занят полезным делом.

— Наглые стали обе, ничего по дому не хотят делать. Лишь бы в компьютер уткнуться или телефон. Но я им устрою, с первого сентября обе как миленькие начнут учиться, прикрою лавочку. Как Вера?

— Вроде бы не пакует вещи, — хмыкаю. — Но ее паспорт на всякий случай припрятал среди носков.

— Ну что ты такое говоришь, она хорошая девушка и любит тебя по-настоящему. — Он тяжело вздыхает, будто мешкает, а потом выдает: — Витя, а помнишь аварию под Мурманском? Чуть не погибли все, левый двигатель сдох, не садились, а парили. А как шасси не убралось на взлете из Сочи? А ЮКАС, ты помнишь? Я тебе рассказывал, как горел самолет, мы вытаскивали пассажиров. Всех не успели, меня капитан оттащил, иначе сгорел бы тоже.

— Помню, конечно. Такое никогда не забудешь.

Он потом месяц пил не переставая, откапывали. А следом уволился.

— Ты думаешь, мне кошмары спать не мешают? И я живых людей из самолета не вытаскиваю ночь за ночью?

Неожиданный переход, а главное, тон, с которым отец это говорит — назидательный, с нотками раздражения, — сбивает с толку. Он давно со мной не разговаривал так, словно вынужден на пальцах объяснять элементарные вещи.

— Ты прав. У нас всех есть то, что мешает нас любить, — говорю осторожно после паузы, чувствуя, что ответить должен, но что именно — ни одной идеи.

— Соня ни разу меня не попрекнула. После последней аварии два года назад пришел домой, ни слова не говорю, сунул ей копию заявления на увольнение по собственному,

выпил полбутылки. Она детей спать уложила, сидела рядом — молчала, полночи ждала, как готов буду поделиться. Потом слезы мне вытирала, как сопляку тринадцатилетнему.

— Я не знал, что ты уволился из-за ЮКАСА. Ты же всегда говорил, что на пенсию пора устал.

— Не все бабы — лицемерки, сынок, есть среди них образчики истинной женственности, которые обласкают, когда на душе кошки скребутся, а потом и в упрек не поставят, что видели тебя жалким и слабым, даже во время сильных ссор. Это семья называется. — Его тон нарастает, вместе с негодованием. Видимо, сутки только и делал, что обдумывал мою ситуацию. Отец уже явно не в себе: — Вы в своей гребаной Москве напрочь позабыли о том, что значит семья и доверие! Успешность, деньги, весь этот никчемный блеск ослепляет, я понимаю, но не равняй себя по другим. Ты хороший парень, и я очень горжусь тобой. Держитесь с Верой друг за дружку, и все у вас сложится.

Так и стою, не зная, что ответить. А ведь в его словах чувствуется уверенность и... гордость, да? За свою семью, жену, жизнь? Вместо привычного сожаления, что все сделал неправильно, а ошибки фатальны и не поддаются исправлению.

— Мы держимся, пап, — наконец, отвечаю. И это самая искренняя вещь, которую он от меня услышал за последние годы, как будто я решился признаться, что тяжело. Сильно тяжело, мать вашу. Прикрываю глаза, папа молчит, переваривает. Открываться больно, родным — особенно. Ведь дело ж есть до их мнения, многое от него зависит.

— Я обещал сделать вид, что не в курсе, но Соня рассказала по большому секрету, а ей Вера — еще вчера, что ты ей предложение сделал. Это правда?

— Правда.

— Вы же в Сочи будете жениться? Приезжайте, устроим праздник!

— Я бы хоть сейчас сорвался, но Вере отпуск не дают, у нее важная работа, ресторан участвует в каком-то конкурсе кулинарном. А бросать ее здесь не хочу. Ближе к октябрю приедем. Но ладно, мне пора. Извини, но... мама в гостях, неудобно ее надолго оставлять одну. Потом перенаберу тебя, хорошо?

Небольшая пауза.

— Привет передавай.

— Ладно. Пап?

— Да?

— Рад был тебя слышать.

Захожу на кухню и сразу получаю в лицо упрек:

— Опять звонил напомнить, что я променяла жизнь единственного сына на личную? — с горечью.

— Он так не думает. А тебе наговорил всего этого... сколько лет назад? Три? Пять?...на эмоциях, — вздыхаю, сажусь напротив. — Вы бы обсудили тот никчемный разговор спокойно, хоть раз. Всем бы полегчало.

— Он спит и видит, как закапывает меня в ящике!

— Мама, блин! Ты думаешь, каково мне слышать, что из-за меня вы друг друга ненавидите?

— Не из-за тебя. Просто кое-кто алкоголик, а с больными головой людьми нормально разговаривать невозможно. Закроем тему. Расскажи лучше, как ты поживаешь. Вижу, она тебя неплохо кормит — заглянула в холодильник.

Пожимаю плечами, дескать, не жалуюсь. А дальше говорить-то и не о чем. Была ли за

последние годы у нас хоть одна тема, не связанная с моей ущербностью или фотографиями, которые мне нужно сделать/обработать/отдать друзьям/родственникам?

Добавлю, кстати, брить голову наголо — мне не идет. Вера смеется, говорит, что когда отрастут волосы, будет любить меня в два раза сильнее.

Сидим с мамой друг напротив друга за столом, жалость в ее глазах наворачивает слезы на мои, отвожу взгляд в сторону, моргаю. Когда вот так с ней наедине, начинаю ощущать себя снова на восемнадцать лет, вспоминаю первые месяцы реабилитации, ее поддержку и печаль, весь этот кошмар, через который проходили вдвоем день за днем, постоянные перевязки, боль, рвота при попытках начать питаться как-то помимо капельницы. Впервые встал перед зеркалом и поразился тому, какой тощий. И уродливый, разумеется. Тогда подумалось: зачем они меня выхаживают? Какой смысл? Мнимый гуманизм во всей красе.

— Ты прости, что заставил волноваться.

— Причет тут твое «прости»? Ты хоть иногда вводи меня в курс дела. Говорят, жениться собираешься. Позовешь хоть?

— А ты как будто и не рада?

— Пытаюсь свыкнуться. Размышляю: если бы у меня было трое сыновей, Вера бы успела перед всеми задом покрутить?

— Я ведь люблю ее, мам, — перебиваю. — А Вера полюбила меня таким вот, — дергаю за футболку. — А это непросто — ты ведь знаешь, что там под одеждой, — кладу ладонь на грудь.

Мама смотрит пристально, слегка, неосознанно качает головой, выдавая мысли, которые пытается тщательно скрыть.

— Но почему именно она? Я хочу вас понять, честно, но, Вик... Помоги мне в этом. Она бросила Артема в беде, как ей можно доверять после этого?

— Она от него ушла не из-за ВИЧ, и ты это знаешь. Просто не все могут простить измену.

— Говоришь словами своего отца.

— Неправда.

— Ее все знают как невесту Артема, — разводит руками. — Что мне делать с их фотографиями? Столько альбомов в «Одноклассниках»... А что говорить родственникам, соседям, друзьям и знакомым? Как это выйдет со стороны? Неужели у тебя совсем нет безразличия? Будете ночевать на даче в той же самой комнате/кровати, где она была с Артемом? Тебя призраки не закусуют?

Призраки закусуют, как же. Одиночество, безнадежность, когда год за годом ничего не меняется, и каплю ласки можно получить лишь от пьяной, подцепленной в баре на одну ночь идиотки, согласной на то, чтобы незнакомый мужик ей руки связал, лишив возможности двигаться, жаждущей экспериментов, от которых самого подташнивает, — вот что жрет, куски посочнее отхватывает.

Ревную ли я Веру к Артему, зная об их прошлом? Конечно, ревную, и вы читали мои прошлые отчеты. Но нужно ведь расставлять приоритеты, включая голову. И у нее, и у меня есть прошлое, пошло оно к дьяволу.

Мягко улыбаюсь. Мама, видимо, забыла, какой я; как только смог сам за собой ухаживать, больше перед ней не раздевался. Ей бы следовало прыгать до потолка просто от мысли, что какая-то женщина обратила на меня внимание. Стягиваю майку через голову, смотрю на маму, в ее глазах слезы, блестят, как драгоценные камни. Бесценные. За каждый

бы заплатил, если бы цена не оказалась столь высокой, величиной в сердце. Но не могу я отказаться от Веры, как бы в очередной раз маме ни было за меня стыдно.

— Я должен ее удержать. Она не видит во мне урод, не спрашивает, что случилось тогда там, на озере, и почему. Не знаю, чем заслужил столь хорошее отношение с ее стороны, но мне нравится жить, зная, что она мне верит.

— Вик, у меня плохое предчувствие. Знаю, что ты в это не веришь, но я ходила к астрологу, и...

— Она хорошая девушка, — перебиваю, на этот раз повторяя слова отца, словно чувствуя его поддержку. — Мы через многое прошли вместе и достигли того, что имеем, не сразу. А теперь мне нужно выиграть время, когда отпустит, и снова встану на ноги.

— Ох, Вик, как бы я хотела, чтобы ты оказался прав. Но уж очень ее метания подозрительны. Дядя Коля и вовсе считает, что она из-за денег.

На этом моменте я смеюсь, не удержавшись.

— А что ты удивляешься? Нужно думать на перспективу. Мы не вечны, и вам останется неплохое наследство.

— Уж очень я сомневаюсь, что дядя Коля оставит мне наследство, при всем моем уважении к нему и благодарности. А у тебя вроде бы ничего нет своего собственного, если не ошибаюсь? — Она фыркает, собираясь вновь завести песню, что для дяди Коли мы все одинаково любимые, я подаюсь вперед, говорю резче: — Мама, помоги мне. Нужно выиграть время, решить вопрос с работой, деньгами, башкой моей самовоспламеняющейся. Ты ведь знаешь, что эта квартира в ипотеке, папа деньги дал, но я почти все на операции спустил, только на первый взнос оставил. Руки, шея — это состояние целое. Я ж обожженный весь был, ты помнишь, хоть в мешке с прорезями для глаз ходи. Какие нахрен деньги? Ты о чем вообще? Вера знает, что, кроме долгов, мне ей и предложить разделить-то нечего.

Она трет лицо, выглядит усталой. Одеваюсь, хожу по кухне, наливаю ей чай, сервирую стол, нарезаю чизкейк, который Вера вчера весь вечер ваяла. В шкафу отыскались еще несколько макарун с толстым слоем шоколада внутри, прям плитка зажата между половинками печенья. Очень вкусно. Вера без сладкого жить не может и меня, кажется, уже подсадила на глюкозу.

— Непростая ситуация, сынок, но обещаю, что поговорю с дядей Колей, бабушками. Постараюсь смягчить и заступиться за вас. Только не ошибись. Твои промахи дорого обходятся. Ты импульсивен, склонен под воздействием момента принимать несвойственные своей натуре решения. А в душе — добрый мальчик.

— Ты ведь не пытаешься снова намекнуть, что Чердак со мной заслуженно?

— Нет! Такого никто не заслуживает.

— Но по-прежнему думаешь, что я ее силком, да? — И она понимает о ком речь, уточнять не нужно.

— Я никогда так не думала.

— Лжешь.

И в этом упрекнуть ее сложно. Первое время после своего спасения, находясь в хаотичном, безотчетном бреде, я только и делал, что путанно признавался в том, чего от меня ждал Чердак. Следовательно обещал, что напишу чистосердечное, как только смогу. Но едва понял, что за правду жечь больше не станут, сразу передумал идти навстречу обвинению. Но мама успела послушаться. С тех пор лишь единожды мы поднимали эту тему,

я сказал, что секс с Настей был обоюдно желанным, а она ответила, что для нее это не важно.

Как же, не важно.

Молчим, жуем бутерброды и сладости. Тот самый момент, чтобы упрекнуть ее за слив важной личной информации Кустову? Не хочется поднимать эту тему, но удержаться сложно.

— Как там Артем поживает? — спрашиваю.

— Вчера ночевал у нас. Заверяет, что искренне рад за тебя и Веру. Ты бы поговорил с ним.

— Поговорю, можешь не сомневаться. Как только перестанет от меня бегать.

— Только давай другим тоном? Вы — братья, родные — хоть не по крови, но по духу — люди. Ты, Артем, Арина должны держаться вместе всегда, а когда мы уйдем, — смотрит на люстру, — особенно. Вы — все, что есть друг у друга.

Киваю ей. Хватит с нее информации, дальше едим практически молча. Хронический стыд — болезненная эмоция, первая и самая яркая, которая ноет внутри при любом контакте с матерью.

— Только не замыкайся от нас, Вик.

Снова киваю, как автомобильная собачка, будто и не умею больше ничего. Спорю, говоря это, мама гадает, что Вера во мне нашла. Пытается постигнуть мотивы. Цель благородная, чтобы защитить, но она ранит. Близким нельзя открываться, вы помните? Я уже говорил сегодня. Практически все зависит от их мнения; сложно любить себя, когда мама не находит для этого повода.

Телефонная трубка вот-вот пустит корни в правый висок, сольется с ухом, затем с мозгом, хотя там и без того потяжелевшие мысли бренчат, не переставая. Но хоть руки освободятся. Не успеваю закончить один разговор, тут же начинается другой, вот только без толку старания, по-прежнему никаких новостей от «шутника». Если он мне угрожал, то где, мать его, требования? Может, я бы рассмотрел их внимательнее после разговора с Жоркиным-старшим. Пью таблетки горстями, тоскливо на душе, сижу в кресле, пишу карандашами средненькую копию шедевра Мунка по памяти.

— Покажи, — просит Вера. — Красиво. О чем эта картина?

На ней одетый в черное печальный мужчина прижимает ладонь к кровоточащему сердцу, словно душевной раны можно коснуться физически, наклепить побольше пластырей. А мимо проплывает светлый образ девушки.

— Даже приятные воспоминания могут вызывать страдания в настоящем, — говорю безэмоционально.

— Когда по ним скучаешь.

— Точно. Давай съездим в музей Мунка? Он в Осло.

— Чтобы посмотреть на популярный «Крик», который постоянно пытаются украсть?

— Забудь про «Крик». Тебе понравятся другие работы. Погугли его «Поцелуй», например. Там тяга друг к другу граничит с манией, жутью, дух захватывает.

— Давай лучше ты нарисуешь, а я посмотрю.

— Если бы у меня выходило достойно, то мои работы висели бы на выставках в Осло.

— Мне больше нравятся твои версии, — упрямо.

— Потому что все женщины на них похожи на тебя.

— Думал, не замечу?

Потом мы молчим, я набрасываю тот самый бессмертный «Поцелуй» — как и в оригинальной версии, лица целующихся расплываются, одно поглощает другое, становится его частью, и невозможно различить, где заканчивается мужчина и начинается женщина. Отныне это не имеет значения. Когда в комнате лишь двое, страстно желающих принадлежать друг другу, их души расщепляются, запахи смешиваются, тела соединяются. Со стороны связь выглядит неприглядно, даже пугает — одно лицо на двоих, подумать только. Но не спешите пройти мимо. Почувствуйте, как на редкость точно картина передает интимность момента. Как в жизни: секс между двумя влюбленными, важно, что именно влюбленными, а не банальный перепих, когда охотишься за разрядкой, — никто не должен видеть, это таинство. Какой же избитой ерундой я занимаюсь полжизни, выдавая ее за искусство; хочется выбросить в окно телефоны, фотоаппарат, остаться наедине со своей женщиной и чувствовать, как трепещет ее гладкое тело под ладонями. Когда склоняюсь сверху, дыша часто и глубоко, веду языком по коже, нащупывая пульс, капельки пота, все сильнее ощущаю ее «да» с каждым стоном, движением, вдохом-выдохом.

Вера мне как бы позирует, замерла, не улыбается даже. Так и сидим час или два, или пять минут, время растекается вокруг нас, становится трудно ощутимым. За окном темнеет, поэтому яркие глаза девушки перестают блестеть, превратившись в темные пятна на фоне бледной кожи. Наверное, мое лицо и вовсе походит на череп. Волос страсть как не хватает. Мы живем эти дни, не касаясь друг друга, потому что я пока не курю.

— Хочешь рискнуть? — спрашивает.

Конечно, черт возьми, да! Но вместо этого:

— Мама считает, ты со мной из-за корыстных целей, только не может разгадать, каких именно. Мучается. Предлагаю подкинуть ей брошюру о стигматофилии.

— А что это такое?

— Сексуальное влечение к людям, у которых на теле есть шрамы и татуировки.

— Хорошо, что сейчас можно найти всему объяснение, — без тени улыбки. — Долго тебя такого искала, потом через брата подбиралась, в доверие втиралась. Твоя мама поверит, не сомневаюсь. Займет в ее голове почетное второе место после «СПИД-терроризма» в рейтинге абсурда.

Улыбаемся. Наверное, если бы нас понимали, было бы чуточку легче. Впрочем, для того, кто горел заживо, подобные препятствия не имеют значения.

— Скоро снова будешь стонать подо мной, ясно? — вдруг говорю ей. Мужчина на моем рисунке полностью одет в черное и целует обнаженную девушку, — такая вот интерпретация шедевра.

— На это и нарываюсь, красавчик, — лукаво подмигивает, ведя плечом, выбившемся в ворот свободной майки.

Вера спит в кровати, я — на неудобном диване, которому, несмотря на впечатляющую цену, место на свалке. Но выхода пока нет, с ней спать не рискую, а отправить девушку на этого твердого, как нары, друга, совесть не позволяет. По утрам кости болят, делаю зарядку, но слабо помогает. Ситуация патовая, но пока терпим. Неделя всего прошла, завтра мне должно быть легче.

Тем временем на почту падает письмо с «Фестиваля эротической фотографии». Надеюсь, что там отказ.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 20

Накричал на девчонку по телефону просто так. Сдают нервишки-то, не виновата она в

том, что именно сейчас на рынок вышла новая экспериментальная мазь, способная облегчить существование таким, как я — людям-гриль.

Наташка ее зовут, на ресепшене сидит в клинике, улыбается всегда, когда прихожу к Платону Игоревичу, вы его знаете, и Льву Владимировичу, моему дерматологу. Позвонила в восемь сорок утра, это первая ее ошибка, сообщить, что по дружбе уже включила меня в список претендентов на гормональный препарат, который, как заявляют в инструкции, навсегда избавит от многих проблем соединительной ткани, местами заменяющей мне кожу.

Какой нахрен список, мать ее. Чтобы купить эту гребаную баночку, мне нужно продать что-то весомое, даже, можно сказать, объемное, в которое можно поместиться самому, чтобы жить, например, или ездить. Утрирую, но все же цены — космос, препарат американский, под заказ. Душу дьяволу заложить разве что — это идея, но можно подумать, нужны ему пользованные. Чем он меня в аду удивить может, если в отдельные минуты я думал что там уже, в соседнем мирке, где наказывают, а Чердак — его высочество Люцифер. Ангелом мне виделся с крыльями, нимбом и непонятно чем еще в руках. Шампуром раскаленным, как выяснилось позже. Помню момент, когда достиг точки невозврата. Или в передозе морфия дело, или в том, что тело уже местами гнить начало и мозг от него отказался, начал делать вид, что они не знакомы и никак не связаны. В ссоре, в общем. Центр боли выключился, и я понял, что свободен. Вот оно. Наступила нирвана, очищен огнем, наконец-то. И так легко стало, хорошо. Улыбался, полулежа в подвале, глаза открыл, а вокруг ангелы. Красотища. Думаю, ура, откинулся. Одно из божественных созданий кончиками лапок по телу мне водит, и где дотронется — там кожа срастается, заживает, наблюдаю и шепчу: спасибо тебе. Ангел долго меня лечил, а я все благодарил, без устали. Потом штаны мне спустил, и там тоже лечил, пока я не кончил, забрызгав его спермой. А как только это случилось, рвотные позывы пошли, едва успел на четвереньки перевернуться, чуть не захлебнулся; мир давай крутиться, вынуждая схватиться руками за стену, чтобы притормозить, лбом ее подпер, смотрю — а ангелов-то и нет. Ни злых, ни добрых. Два человека только. Хотя какие они люди — твари.

Когда впервые рассказывал об этом Платону Игоревичу, в пол смотрел на ковер индийский. Спорю, не просто так он там лежит, узорчатый, не меня первого отвлекал от внимательных глаз проницательного психолога. Так стыдно было тогда за то, что пережил пытки и запомнил их. Сидел напротив доктора, толстовка на мне черная, как уголь, огромная, рукава натянул, чтобы ладони и пальцы спрятать, которые в шрамах и бинтах, особенно на левой руке, там даже трудерма не справилась (пришлось забивать бугры рисунком), капюшон на лоб посильнее, на лице щетина пучками, плохо еще борода росла в то время. Чудище, без шуток. Раздавленный морально и физически, непонятно, зачем выживший. Платон Игоревич делал вид, что привык к таким историям, но точил карандаши. Медленно, неторопливо. За сеанс до пяти карандашей в ноль уничтожал, весь стол деревянными завитками и графитом оказывался завален. Не понимаю, почему врач от меня не отказался, кошмары ведь точно мучили после сеансов, я ж красочно рассказывал, в подробностях. Как орал, рассказывал, до кашля лающего, клочкующего, думал, легкие выплуну, как крошки с пола собирал языком, когда уровень гордости ушел в минус, оставляя в наличии только желание пожрать, хоть что-нибудь. Говорили ползти — полз, рыдать — рыдал, просить — просил. Много чего я там делал, в подвале этом, чтобы возненавидеть себя и свое тело, сквозь язвы грязь внутрь впитывал, пока душа не почернела, как тело местами да толстовка любимая. До сих пор в шкафу висит, как напоминание о том, кем

являюсь на самом деле.

А в последние дни забывать начал. Поверил. Вцепился в Веру, опять эта тавтология, но никуда не деться в моем случае, запудрил мозги девушке с многообещающим именем. Чего она ждет от меня, интересно? Защиты, поддержки? Родители ее чухнули, наконец, с кем дочка связалась. Относятся настороженно, полагаю, наводят справки. Но их и понять можно, брата моего они любили, а ко мне как относиться?

Итак, четвертое сентября. Вот и осень, наконец-то.

Ужины-обеда Вера приносит с работы, при мне не готовит, чтобы не воняло жареным мясом, хотя плиту я починил. Ну как починил, вставил вилку в розетку. Теперь она снова выключена от греха подальше. В квартире чисто, свежо, прохладно, хорошо так, даже выходить на улицу не хочется. Чем я и занимаюсь в основном — сижу взаперти, не считая коротких перебежек до спортзала. На улице слишком много подстерегающих опасностей, если вы понимаете, о чем я. Со мной же считали импульсы, должны понимать.

Выхожу из подъезда. Страшно, подраться хочется от злости и бессилия. Ощущение, что все кругом со стаканами одноразовыми ходят, а что в них — черт его разберет. Дымят, тычут в меня сигаретами; мимо проносятся машины, в двигателях которых каждую секунду происходят минивзрывы, только и слышу, как щелкают зажигалки, жду, что снова обольют.

Подхожу к «Кашкаю», отключаю сигнализацию, рывком открываю дверь — гипнотизирую руль. В спину ощутимо подталкивает порыв ветра, дескать, вперед, чего маячишь попусту, солнце отражается в чистом, до блеска, капоте. Привычное сиденье вдавливается в спину, ремень безопасности щелкает справа. Дышу.

Пока доехал до «ФотоПиратов», пропотел насквозь, благо в студии имеется душ.

— Нет ее, и не было, — говорит Тамара, едва переступаю порог. Тома в своих огромных очках деловито смотрит в ноутбук, быстро шаря мышкой туда-сюда — полагаю, сохраняется и сворачивает очередную компьютерную игру.

— Вот дрянь тощая, выловлю, по *опе ремнем первым делом.

Арина, которая должна была здесь меня ждать вместе с Марком, вновь не явилась. Телефон у нее недоступен. Мама утверждает, что девица-красавица ночевала у Веры, но это неправда. Не звонить же Артему, в самом деле? Кажется, он единственный в этом квесте обладает максимальным количеством информации о загадочном бойфренде сестры. По моему настоянию мама контролирует количество съеденного Ариной, но либо у сестры завелись паразиты, либо она блюет после каждого приема пищи, потому что позавчера она показалась мне прозрачной. Хочу обсудить с Верой возможность позвать Арину пожить у меня хотя бы недельку. Скажу сестре, что нужна ее помощь, дело жизни и смерти. Налгу, если потребуется, прикинусь еще более ущербным, чем есть на самом деле.

Разбираем с Томой накопившиеся дела. Томочка — умница, благодаря ей хоть где-то удастся сохранить порядок.

— Проблемы, Виктор Станиславович? — спрашивает она между делом.

— Ты помнишь день, когда их не было?

— Решаемые хоть?

— С твоей помощью — сто процентов. — Договариваемся о нескольких акциях и рекламе для привлечения новых клиентов. Студия дает стабильный доход, гасит часть кредитов и ипотеки.

У Веры в съемной квартирке приходится еще раз помыться, потому что от предчувствия, что «Кашкай» вдруг самовоспламенится вместе со мной внутри, сердце едва

не выпрыгивает из груди, потовые железы работают на все катушку, пью воду бутылка за бутылкой, она тут же выходит через поры. Одолевает страх какого-то другого, подсознательного уровня, когда убеждаешь себя, что все в порядке — выходи на сцену, зрители давно ждут тебя хорошего, для них — лучшего, а в голове бахает: нихрена не в порядке. Либо беги немедленно, либо грохайся в обморок. Какая-то часть в затылке в попытке парализовать замедляет движения, а картинка перед глазами уплывает влево, рулевое колесо поломалось. Поэтому приходится «подруливать», слегка дергаясь вправо. Платон Игоревич успокаивает: дескать, проявляются побочки обезболивающих. Но уже третий день без таблеток, сука, пытаюсь скорее слезть.

От Марата Эльдаровича тишина. Курить по-прежнему не получается.

Наскоро принимаю душ в Вериной ванной комнате для гномов, то и дело упираясь локтями в стены, затем начинаю одеваться. Понимаю, что забыл захватить чистую майку, а сегодняшнюю одевать не хочется, брезгливо бросаю ее на пол. Оборачиваю полотенце вокруг бедер, выхожу в комнату:

— Вер, у тебя же есть для меня чистая футболка? — слова застревают в глотке, обрываясь, как и желание существовать в принципе. Так бывает, когда приходится раздеваться перед врачами или вообще раздеваться. Я называю свою реакцию на ужас в глазах других, увидевших меня голым, минутой слабости.

Этого еще не хватало.

В крошечной комнате помимо Веры находятся еще два человека: незнакомые девушки лет двадцати пяти. Увидев меня, одна из них ойкает, зажимает ладонями рот, а другая — выпучивает глаза, хватается за сердце, выдавая что-то вроде «Господи, спаси и сохрани нас всех». Спасибо, что не перекрестилась.

— Добрый день, — говорю коротко, бросаю взгляд на покрасневшую до ушей Веру, и быстро ретируюсь обратно, борю порыв для верности закрыться на защелку. Неудобно получилось.

А она ведь стукнула в дверь и что-то сказала несколько минут назад, но я не расслышал. Просовывает мне одежду, натягиваю, упаковываюсь полностью, даже рукава толстовки раскатываю, максимально натягивая на кисти рук. Жаль, что не поможет. Зачем-то перекладываю гель для душа с верхней полки на нижнюю. Замираю, глядя на густой, насыщенно пахнущий гель, оставшийся в ладони, смешивающийся с чем-то красным, жидким. Упаковка в ладони дала трещину, порезался об острый край.

Наверное, уже не стоит предлагать вместе поужинать где-нибудь в честь праздника. У Веры же День Рождения сегодня. Мы, правда, вчера ночью уже начали отмечать, но собирались сегодня продолжить. В качестве подарка решил пока не говорить, что ее обнаженное фото занимает уже тринадцатое место на Фестивале, голосование идет полным ходом. Главное, чтобы в десятку не вошло, о первых десяти работах делают обзоры популярные блогеры, реклама идет колоссальная. Тринадцатое место — неплохо, я полностью удовлетворил свои амбиции. Пожалуйста, хватит за меня голосовать. Прекратите.

— Это не заразно, — говорю, выходя из ванной. Девушки смотрят на меня слегка округлившимися глазами, надеюсь, не будут требовать деньги на психоаналитика, а то мне самому на него в последнее время едва хватает.

Вере неловко и передо мной, и перед ними. Спорим, они поглядывают на нее, гадая, как она это делает — трахается с уродом, сколько водки выпивает перед этим, как сильно зажмуривает глаза, представляя, что вместо лысого чудища ее имеет Райан Рейнольдс или

какая-нибудь другая звезда.

— Классные татуировки, — говорит мне одна из них — полненькая блондинка, довольно симпатичная. Вера пытается нас познакомить, называет имена, которые мгновенно вылетают из памяти.

— Спасибо. Хочешь, и тебе сделаем? У меня абонемент, — подмигиваю. Она снисходительно улыбается, а другая, темненькая, в очках и поостроже, выразительно смотрит на Веру. — Шучу, — добавляю. Тоже смотрю на Веру: — Поеду, дела есть. Если что, звони, ладно?

— Я провожу, — Вера следует за мной, а на лестничной площадке просит задержаться. — Милый, прости, что так вышло. Я тебе говорила, что ко мне подружки приедут. Забыл?

— Нет, это я специально, — усмехаюсь.

— Тогда ладно.

— Арина опять не пришла, представляешь. Не отвечает на звонки, пробовал набирать с разных номеров. Еще физиономия этого Марка кажется смутно знакомой, но никак не могу вспомнить, где его видел. Хоть раз бы еще встретиться.

— Это очень странно, Вик. У нее сотни фотографий в «Инстаграме», а с Марком — ни одной. И фамилию не называет. У Арины вся жизнь напоказ. А стоит начать говорить о Марке, у нее или батарея садится, или тема вдруг переводится. Что-то она скрывает.

— Докопаемся. Ты ей звони периодически, если возьмет трубку — сразу мне сообщи, хорошо?

— Конечно.

— Держи, — протягиваю ей ключи от машины и кредитку, — развлекайтесь. С Днем Рождения, Вер. Двадцать четыре — это круто.

— Чувствуется, что долго думал над поздравлением. Душу вложил.

— А то. Заправишь полный бак?

— Конечно. Точно ничего, что оставляю тебя без машины?

— Нормально. Хочу пройтись. Еще раз прости, что так вышло с подружками.

— Пообещай, что не будешь расстраиваться. Я по этому поводу не комплексую, ты тоже не смей. Да и не перед кем, честно. Мне нет дела, что они подумают.

Киваю. Вставляю наушники, вприпрыжку спускаюсь по лестнице, натягиваю капюшон по сильнее, быстрым шагом следую в сторону дома.

Вот он я, на виду, пешком иду. Марат Эльдарович, ну сделай уже следующий шаг, ожидание — невыносимо. Не прячусь я ни разу, готов. Пока на нервах, в предвкушении финала, совершаю ошибку за ошибкой. Прошное накатывает, выжимает с трудом заслуженное светлое капля за каплей, душит, жжется. Не рехнуться бы, вцепиться зубами во что-то. В кого-то. В Веру. Урод, сам падаешь и ее тянешь. А пальцы автоматом ее за плечи держат, знаю ведь: если отпущу — конец придет. Не нужен мне кислород, который она не выдыхает. Не будет он усваиваться. Влюбился по уши.

Жду суда, как важнейшего дня в жизни. Почему-то не сомневаюсь, что этот день многое изменит.

Я ошибался. Ожидание катастрофы заканчивается за неделю до суда в понедельник. На часах почти три ночи, когда начинает разрываться телефон, арендодатель, у которого снимаю помещение для фотостудии, сообщает, что весь первый этаж здания горит.

Он сидит на своем жестком, как каменистый берег у бескрайнего моря, диване и смотрит в пол, думает. Выглядит спокойным, но руки дрожат. Пальцы слегка дергаются, глаза выпучены, — Белов обескуражен.

— Поедешь туда? — спрашивает Вера. Вик пожимает плечами.

— Надо посмотреть, удалось ли спасти что-то из оборудования. И связаться с Томой.

Звонит Тамаре, некоторое время они обсуждают, что было застраховано. А сразу после того, как арендодатель сообщает, что пожар затушили, срывается и уезжает. Хочется поехать с ним, поддержать, но Вера понимает, что он этого не хочет. Есть проблемы, которые должен решить сам, без ее помощи. Она ложится в кровать, но сон не приходит.

Непростой выдался месяц для них обоих, учитывая, что за это время они ни разу даже пальцами друг друга не коснулись. Наверное, так бывает в семейной жизни. И так поначалу все было слишком хорошо.

Неуловимая Арина, которую приходится караулить у подъезда и которая будто в рот воды набрала, на все вопросы выдает короткое: не твое дело, отстань. Очень по-взрослому. Полина Сергеевна, вместо того, чтобы помочь разобраться в проблемах дочери, улетела в Индию купаться в сомнительно-целебной реке Ганг и медитировать. Отпуск у нее дважды в год, и перенести его нельзя, но Вик убежден, что стоило бы попытаться, дело серьезное. Дядя Коля отмахивается, утверждая, что такая уж конституция у Кустовых — сколько ни ешь, не толстеешь. Но у него очередная молоденькая любовница, ровесница Арины, так что мужчине не до проблем взрослых детей.

На работе у Веры завал, в ресторане снимали популярный сериал, что способствовало резкому наплыву клиентов, и теперь даже понедельник по загруженности похож на пятницу. Кроме того, девушку отправили участвовать в конкурсе на телевидении в качестве ассистента Елены Леоновой, через месяц ожидается выход шоу на центральном канале. И съемки забирали ее из реальной жизни на все выходные дни.

Вик так и не появляется до утра, а оно для Веры начинается с рассветом, когда звонит мама и атакует с первого предложения:

— Вчера разговаривала с Марией Игоревной, — не то обличает, не то обвиняет.

Плохое начало — тетка Артема, гостеприимно принимавшая Верину маму на своей даче, в курсе практически всех семейных проблем.

— Ты знала, что этот твой Витя Белов помимо прочего сидел за изнасилование?!

Вот черт. С тех пор, как Верины подруги увидели шрамы Вика, рассказали своим мамам, а те в свою очередь — Вериной, каждый разговор с родителями заканчивается на повышенных тонах. А этот стартует со скандала.

— Не сидел. Было выдвинуто обвинение, но потом девочка забрала заявление.

В трубке молчат, слышатся всхлипы.

— Мамочка, пожалуйста, ну не надо так... Верь мне, он очень хороший. И тете Лизе понравился, когда они с Маринкой приезжали.

— А что насчет его кожи?! Это точно не заразно?!

— «Это» так же заразно, как мой шрам после удаления аппендицита. Я давно не замечаю недостатки Вика. Намного важнее его отношение ко мне, серьезные намерения, планы...

— Не замечаешь шрамы? Ты случайно не подседа на наркотики?

— Господи, нет, конечно!

— Мария Игоревна говорила, что он наркоман.

— Да уж тетке Артема виднее! Витя не наркоман, он принимает обезболивающее при необходимости. Это разные вещи.

— И тебе предлагает принять вместе с ним, да? Вера, не вынуждай отца ехать в город.

— Мама, не спеши с выводами. Вик — добрый, нежный, очень заботливый. Ранимый.

— Он ранимый?! Саша, — уже не в трубку, обращаясь к Вериному отцу, — она точно под кайфом. А потом снова в микрофон: — Вера, он признался во всем чистосердечно, Маша своими ушами слышала. Отмазать помогли связи Кустовых. Ты ослепла что ли, дочка? Как можно было после Артема увлечься таким...

— Артем об меня ноги вытирал, изменял, чуть не заразил ВИЧ. Хватит его в пример ставить! Артем — вот кто чудовище, не дай Бог с таким столкнуться.

В ответ тишина.

— Повезло, что я оказалась здорова. Это сто процентов, не волнуйся. Но если бы не Вик, то с ума бы сошла от ожидания диагноза. Все эти месяцы он меня поддерживал. Черт, он и пальцем ко мне не прикоснулся без разрешения, — они уже обе рыдают в трубку. Верин голос приобретает визгливые интонации. — Развлекал меня каждую минуту, чтобы я не чувствовала себя брошенной и прокаженной. Жизнь ставлю — даже если бы ВИЧ у меня подтвердился, он бы не оставил в беде, помогал. Делал, что может! Он надежный, понимаешь?

Тяжелый вздох в ответ.

— Девочка моя, он воспользовался твоей уязвимостью. Потому что в нормальном состоянии ты бы и близко его к себе не подпустила. Я знаю, что его шрамы — это мсть отца этой несчастной, и не возьмусь осуждать его действия.

— Мама, ты слышишь меня или нет?! Он этого не делал! А наговорил глупости в бреду, потому что сильно страдал физически, не соображал, что происходит.

— В бреду люди не лгут. — Не в трубку, приглушенно: «Саша, у Артема ВИЧ», — папа что-то бубнит в ответ. — Собирай свои манатки и дуй домой. Не для тебя Москва, я всегда это говорила. Люди там ужасные, черствые, жестокие, кругом смертельные болезни, наркотики, разврат и грязь. Сейчас же бери билет на поезд и увольняйся.

— Этого не будет. Мне здесь хорошо. И если ты дашь мне шанс все объяснить, то и сама в этом убедишься.

— Тогда отец выезжает первым же поездом.

— Вера, — строгий, бескомпромиссный голос отца из трубки, — если понадобится, за волосы тебя домой приволоку, ты поняла?

Он никогда не говорил с ней грубо. Слезы уже не остановить, они душат, ноет живот, сердце так и вовсе разрывается на части.

— Папа, я его люблю. И никогда не брошу.

— Это мы еще посмотрим. Скоро приеду. Жди. Матери плохо! Перезвоню.

Отключился. Да что ж такое-то! Вик, где же ты, уже восемь утра, звонок идет, но впустую. Потерял телефон, что ли? Тамара тоже не берет трубку — наверное, там что-то совсем страшное произошло. Но лишь бы живой. Не хочется грузить Белова еще сильнее, ему и без того непросто, каждый день вертит в руках свои сигареты, а пачка всё не пустеет, но знакомство с родителями, кажется, отсрочить не получится.

Вера всегда знала, что такой мужчина, каким кажется Артем, — мечта ее родителей: обеспеченный, красивый, начитанный. Располагающий к себе. Тогда как Белов, для

маленького города, — ходячая мишень для сплетен. Эпатажный, яркий, в своих дурацких кедах, с популярным сайтом-складом фотографий обнаженных девиц, исколотый цветными татуировками, причем на таких местах, что скрыть под одеждой невозможно. Не будешь же каждому объяснять, что он прикрывает ими шрамы, которые все равно остались заметными даже после операций, когда убираются слои дермы и соединительной ткани, выросшей в процессе заживления особенно пораженных участков тела, и наносится трудерма, стоящая, как бриллианты.

Тетка Кустова в своем репертуаре. С первого дня знакомства придиралась к Вере, как когда-то давно — к Полине Сергеевне, а теперь, когда Вера с Виком, и вовсе ядом брызжет. Захлебнулась бы хоть разок.

Год назад, когда дядя Коля в очередной раз едва не ушел из семьи, Вера присутствовала на семейном примирительном обеде. Она смотрела на пристыженного, виноватого будущего свекра, на заваленную цветами и подарками Полину Сергеевну, и четко поняла, что он никогда ее не бросит. Потому что лучшей матери, жены, хранительницы очага не найдет. Тем более что никто не помешал ему через полтора года, проводив жену в Индию, в очередной раз быть замеченным в новой интимной интрижке.

Еще и подружки подлили масла в огонь. Да и не подружки они ей, в общем-то, просто в чужом городе приятно иной раз поговорить с кем-то из своего маленького, родного. Так и общались годами, изредка встречаясь, обсуждая общих знакомых. Ох, как они защебетали, едва дверь за Виком закрылась, смакуя подробности увиденного.

Как назло, сегодня выходной, не получится забыться на работе. Некоторое время Вера ходит по квартире, гадая, чем себя занять и отвлечь, затем звонит Витиному тату-мастеру Диме, договаривается о встрече. И хоть его график забит на месяцы вперед, ради Веры он освобождает несколько часов в обед.

Ну почему же Вик не перезванивает, когда так сильно нужен ей?

Тату бить больно, но не так, чтобы запредельно. Тем более, Димка забавно шутит в течение всего процесса, что доживает последние минуты, так как Белов ему точно руки переломает за самодеятельность.

— Уж очень хотелось мне потискать Беловскую куклу, хоть за руку подержать, ну и подпортить такую тонкую, прозрачную кожу, — хмурится. — Зависть — мерзкое чувство. Теперь тебе не будут завидовать, изнахратила ты свою изюминку, Вера, — усмехается он, кропотливо заканчивая контур крошечного, размером с подушечку большого пальца рисунка. Пиратский флаг на запястье Веры по форме такой же, как флаг на груди Вика, только намного меньше, а вместо черепа на нем написано ее любимое «по уши».

Вера морщится, удерживая рожденные болью стоны внутри. Молчит. Успокаивает идеальная чистота вокруг, плитка на полу блестит, зеркала сверкают, ни пятнышка, пылинки или следов предыдущего клиента. Стерильно, как в операционной. Салфетки, перчатки, иглы — все одноразовое. Последние Димка при ней достал из запечатанной упаковки. Любопытно, знает ли он, что Вера недавно едва не стала носителем смертельного вируса? Вряд ли, Вик бы не стал болтать. Наверное, здесь всегда строго следят за чистотой. Хороший салон.

— Он тебя разлюбит, когда увидит тату, вот увидишь, — между тем перебивает негромкую расслабляющую музыку хриловатый голос мастера, ловко орудующего машинкой. Дима не отрывает серьезного взгляда от Вериной руки. — Он же двинутый на коже, прется, когда она идеальная, гладенькая, ровненькая. А теперь ты испорченная. Как

насчет сходить куда-нибудь в пятницу?

— Не пойди бы тебе к черту с такими предложениями? — произносит она с мягкой улыбкой, получая его широкую и добродушную в ответ.

— Шучу я, нормально все будет. Через месяц придеешь, подправим, и красота на всю жизнь.

— Да уж, красота, — черное пятно выглядит, как родимое, врожденный дефект, который стоило бы свести, а не платить за его нанесение.

— Ты только не говори, что это я тебе набивал. А то ведь башку мне открутит бойфренд твой, — промокает салфеткой рисунок.

— Раньше надо было думать.

— Пф, фиг я буду думать когда-нибудь, — показывает пальцем на свои бирюзовые глаза и смеется. Такое чувство, что он пьяный, причем по жизни, болтает без остановки всякую чушь, и лишь к концу сеанса до Веры доходит, что он специально ее отвлекает от неприятных ощущений.

— В последние недели Вик постоянно взвинчен, занят или недоступен. Что у вас там происходит вообще? — спрашивает, как будто между прочим.

— Всегда что-то будет происходить. Он справится.

Денег с нее Дима за работу не берет, сообщая, что это его свадебный подарок, подмигивает и желает удачи.

Если Вик для того, чтобы отвлечься, как и многие мужики, занимается спортом, Вере тренажерный зал никогда не помогал скоротать время, наоборот, в его стенах, слушая музыку, мысли шли в атаку. Вера едет в свой ресторан и помогает обслуживать праздник. Периодически задирает рукав и поглядывает на заклеенную пленкой татуировку, не веря, что осмелилась на это. Она хотела на запястье, но Дима сделал повыше, чтобы можно было при необходимости скрыть рукавом. Теперь родители увидят, что они с Виком стоят друг друга.

После работы ее никто не ждет. Место, где обычно стоит «Кашкай», занимает чужая машина. Скрежет неприятно чувство, как бы Белов не решил самоустраниться. Честное слово, Вик, сражаться за нашу любовь силы есть, но опять бегать за тобой и что-то доказывать — не получится, слишком устала. Если бы еще Полина Сергеевна хоть как-то помогла, поговорила с мамой, успокоила. Когда она возвращается?

Добираться до дома приходится на автобусе. В квартире все именно так, как Вера оставила перед уходом, Вика не было. Звонит Тамаре, та сообщает, что они расстались еще утром, посчитав убытки, а их оказалось немало. Тома с завтрашнего дня в отпуске на месяц — вероятно, с последующим увольнением, если не случится чудо и на Белова не снизойдет озарение, как спасти ситуацию и бизнес.

От матери приходит сообщение — фотография билета на поезд, взятого на отца. Прибудет завтра.

Вера смотрит на ногти, понимая, что сгрызла их до корней. Съедает большой пирог, который привезла с работы. Сначала свою порцию, потом Вика. Когда нервничает, ее всегда тянет на что-нибудь вкусненькое.

Будет ли Вик отстаивать Веру перед ее отцом, что-то доказывать ему, пытаться наладить отношения, услышав обидные обвинения, которыми сыпала мама по телефону? Если они встретятся, ему придется несладко. Что ей сделать? Уехать самой добровольно, чтобы уберечь обоих?

Поговорить бы хоть с кем-то. Вера сидит в его кресле, смотрит на часы — почти десять.

Поднимается, медленно подходит к комоду, берет в руки электронный тест на беременность и видит надпись: 2–3 недели — и жирный плюс. Кладет аккуратно рядом с еще пятью разными, на которых то плюсики, то две полоски.

Затем прячет их в комод.

Возвращается к компьютеру, включает музыку, ставит громкость на максимум, по закону время есть, соседям рано звонить участковому. И начинает танцевать, прыгать по квартире, кровати, дивану, подпевать в полный голос, трясти головой не хуже этих самих отмороженных музыкантов из плей-листа Белова, на концерт которых он потащил ее в середине лета. Жизнь меняется быстро, стремительно летит из-под контроля в неизвестные дали, заносит на поворотах так, что дух захватывает. Вера танцует, прикрыв глаза, крутится на месте, улыбается, чувствуя, как сомнения и надежды заворачиваются вокруг нее, сливаясь в единую пружину, которая натягивается, натягивается, предел-то будет? И хочется не думать больше ни о чем, не бояться, а жить.

Ей нужно увидеть глаза Вика. Сказать ему и дождаться ответа. Реакции. Тогда пружина дернется и распрямится, и назад пути не будет. Вера не уедет с отцом, пока не скажет Белову правду.

Приходится вдруг остановиться, почувствовав на себе пристальный взгляд. Вера оборачивается с радостной улыбкой — пришел, наконец-то. Но замирает, не веря своим глазам.

— Что здесь происходит? — спрашивает она, скрещивая руки на груди. Музыка продолжает играть, в ее веселых заводных аккордах тонут слова зашедших.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 21

Хорошо, что сегодня не жарко. На этом хорошие новости заканчиваются.

Ночью движение нулевое, добираюсь до бывшей обители «ФотоПиратов» за двадцать минут. Стою напротив ярко освещенного здания, любуюсь на почерневшие от копоти подоконники, мимо снуют пожарные в своих приметных костюмах, бликующих в свете фар красных спецмашин. Огня не видать. Вокруг толпятся сонные жители верхних этажей, кто закутан в одеяло, кто в куртку или халат, прижимают к груди паспорта и сумки, зевают, ждут вердикта — рухнет дом или нет. Полиция тут же крутится.

Потом начинаются разговоры, продлившиеся до позднего утра, в ходе которых выясняется, что от некогда популярной студии остался только раскрученный сайт. Это немало, да. Но, учитывая, что сейчас нет ни сил, ни желания, ни — главное — денег заниматься ремонтом, закупкой нового оборудования, — наличие сайта не слишком радует. Наверное, придется его продать. Параллельно со всем этим обзваниваю «Пиратов» — постоянных фотографов студии, сообщаю новости.

Почему я не бегаю кругами вокруг здания, не стучу головой об стены и не ору на всех? Ответ прежний — я знаю, что могло быть хуже. Студия могла гореть днем, и пострадали бы люди, могла гореть моя квартира, и пострадала бы Вера. Вот теперь меня начинает потряхивать.

Пожар обнаружили быстро и затушили легко, но это не помешало ему успеть испортить оборудование, мебель. Стены, потолок до черноты закопчены, вонь гари стоит неимоверная, прижимаю руку к лицу, дышу через ткань толстовки, пока стою в дверях и рассматриваю помещение. Огню все равно, чьи уничтожать клетки — живые или дорогостоящей техники.

Народ разошелся давно, а я все хожу поблизости. Жаль усилий, столько вложено сюда — эмоций, времени. Много хорошего связано со студией. Теперь и это в прошлом.

Обрушивается внезапная усталость, плечи, голову тянет к земле. С размаху впечатываю кулак в дверь, затем иду к машине. Черт-черт-черт! Стучу по капоту, пинаю колесо. В «Кашкай» садиться страшно, вдруг и он нахрен рванет. Упираюсь ладонями, дышу. Хотите убить — убейте, хватит нагнетать только.

Позади сигналит машина — оборачиваюсь — стоит знакомый БМВ Х5. Дверь призывно открывается. Не видно, кто внутри, но сомнений нет — за мной приехали. Бросаю взгляд на здание, бывшее некогда моим самым любимым местом в мире, где проводил все свободное время, занимаясь тем, что нравится и в чем чувствовал себя уверенным. Затем — на «Кашкай», одну из самых крупных покупок.

Подхожу. Забираюсь на заднее сиденье. Смотрю перед собой, справа — Анатолий Петрович в безукоризненно отглаженном костюме, впереди — те же парни: Лёня, кажется, и еще кто-то. Слаженная бригада. Привет всем.

— Вы сегодня будто без настроения, Виктор Станиславович, — взволнованно говорит Анатолий Петрович.

— Вам кажется. Не хотите бренд «ФотоПираты» приобрести по сходной цене? Уступлю со скидкой, как добрым друзьям.

Он смеется, толкает меня в плечо, отчего напрягаюсь, машинально готовясь к следующему удару посильнее. Его не следует.

— Сломались уже, что ли? — шутливым тоном говорит мне. — Новая стрижка вам удивительно идет.

— Благодарю, не без ваших стараний, верно? Дальше что делать будем? В планы посвятите?

— Извиняться, конечно.

— Перед вами?

— А вы еще перед кем-то провинились?

— Иди ты на хрен со своими намеками.

— Вот вам мешок, Виктор Станиславович. На голову надевайте. Если, конечно, хотите избежать неприятностей посерьезнее.

Дверь с моей стороны изнутри не открывается. Дернул ручку несколько раз — впустую. Да и бессмысленно было бы выпрыгивать на такой скорости. И так и так смертельный номер. Попросить за родных? Слишком жалко буду выглядеть?

— Понял уже, что не прав был. Ошибся, — бурчу. Тряпочный пакет изнутри пахнет кедровыми орешками. Интересно, многих в нем отвезли в неизвестные дали? — Семью не трогайте.

— И вас не собираемся, даже пальцем никто не притронется. Опять вы плохо о нас думаете, Виктор Станиславович. У нас сюрприз для вас, вот не хочется, чтобы раньше времени обо всем догадались.

Конечно, зачем руками трогать, облей и спичку брось. Бить не надо, напрягаться. Мешок на шее утягивают, завязывают сзади, чтобы снять тяжело было самому. Пробую стянуть, и тут же получаю в живот удар, потом в челюсть, по голове. Пробую защищаться, еще один под ребра, воздух со свистом выходит из легких. Боль парализует, и только слышу вкрадчивое: «О семье подумайте».

Затыкаюсь, успокаиваюсь. Сижу. Карма у меня такая, видимо, сдохнуть в руках маньяка. В голове не укладывается: за что? Калейдоскоп безумных идей: всех вспомнил, даже Настю, она в каком-то дурдоме лечится. Может, выпустили ее, решила меня добить? Завершить

начатый Чердаком ритуал? Но откуда у нее столько возможностей для действия? Да, она меня ненавидит, но ей в жизни не заработать даже на костюм для Анатолия Петровича. Да и с трудом верится в существование хоть какой-то связи между ней и Маратом Эльдаровичем.

Едем долго, не менее часа. Молча. Музыку слушаем громко, попсу по радио. Пробовал перекричать — не вышло. Анатолий Петрович подпевает, постукивает пальцами по пластику.

Машина останавливается, моя дверь открывается, чьи-то сильные большие руки — видимо, амбала спереди — вытаскивают на улицу, наклоняют голову ниже, ведут куда-то. В нос бьет сырой запах плесени, воздух становится спертый, тяжелым. Через мешок видно плохо, но понял, что стало темнее. Гараж? Подвал? Может, сейчас стянут пакет, а там торт, шарики, сюрприз...

Резко толкают вперед, опираюсь ладонями в шершавую стену, оборачиваюсь. Руки тянутся к мешку, но завязано на тугой узел. Пытаюсь развязать, порвать, пальцы напрягаю — не выходит.

— Ну что ж вы, Виктор Станиславович, растеряли свою уверенность и веру в победу? Удивлены? Больше не будете на нас жаловаться Жоркину? С коллегами обсуждать своего самого крупного клиента?

— Кинувшего меня.

— Вы считаете, можете понапрасну наговаривать на хорошего человека, унижать его безнаказанно? Тем более, собираетесь это в суде делать.

Молчу. К чему завязывать глаза, если собираешься убивать? Чердак никогда не завязывал. А эти что? Пугают просто? С трудом верится. Но эта ткань на лице давит морально, покруче бензоколонки.

— И что, вы всех, кто пошел против, вот так в подвалах закрываете?

— Так вы пока первый такой уникальный. Ваша помощь нам очень бы пригодилась, сами знаете.

Выдыхаю, стараюсь говорить спокойнее.

— Что говорить, научите — сделаю.

— Дак поздно уже, без вас все решилось. Но вы же не думали, что героем из ситуации выйдете? Вы с Костиковым чем-то похожи: выбираете женщин, за которых есть кому заступиться.

Вскидываю голову.

— Это тут причем? Наша фирма вам построила отель, разработала дизайн, закупила материалы, нашла подрядчиков. Отлично ведь все выходило.

— Никто этого и не отрицает. Мы с вами замечательно сработались. Но жизнь такая интересная штука... А мир тесен, словно гигантская общага, никогда не знаешь, с кем столкнешься у умывальника. Вы когда-нибудь жили в общежитии, Виктор Станиславович? Вряд ли. А мне доводилось. Веселенькое времечко, молодое. Молодежь вообще терпеливая, оптимизм хоть ведрами черпай. Вот и вы зря понадеялись на чудо.

Так вот. Вы знали, что семья моего босса и ваш любимый Костиков — давние враги? Причем это выяснилось совсем недавно, неожиданно для обеих сторон. И что прикажете делать в этой ситуации? Продолжать оплачивать врагу комфорт, элитные напитки, прекрасных дам?

— Враги из-за женщины?

— Так вы знали!

— Клянусь, нет.

— Вы представьте, каково это вдруг узнать, что вы платите человеку, который разрушил семью любимого брата? А есть что-то важнее семьи? Вот вы как считаете? Вам ведь знакомо предательство, вы побывали на дне и знаете, что из-за бабы можно потерять голову. Наделать разного. Любимая женщина — это ж тыл, опора. Когда она за спиной, можно горы свернуть, на войну идти. Время сейчас обманчиво мирное, но вы ж понимаете — война никогда не прекращалась. Каждый норовит в свою семью кусок посочнее притащить, оторвать у другого. А если вдруг понимаешь, что нет у тебя тыла больше. К стене хоть поворачивайся. Знакомо?

— Но у вас же все получилось. «Континента» больше нет, и такая слава идет, что нескоро еще светит бывшим работникам новое удачное место. Экспертизы затрахали предыдущие объекты, все ищут, к чему придраться.

— И находят, поверьте. Но вы ничего не поняли. Напрягитесь же, Виктор Станиславович.

— Вам нужно, чтобы я его тоже предал.

— Чтобы все его предали. И некому было позвонить даже. Он вам звонит?

Стаскивают с меня толстовку, футболку, перешептываются. Стою, как на сцене, позирую, уже второй раз за этот месяц, малознакомым людям. Требуется усилие, чтобы не начать закрываться руками.

— Жизнь-то вас как бьет, оказывается, — сочувствует Анатолий Петрович после долгой паузы. — Вы сейчас боитесь, я знаю. Наконец-то вы боитесь. Я навел некоторые справки и понял, почему вас так сложно испугать. Вы ведь думаете, что выше денег, боли, смерти. Верно? Плевали вы в лицо мне с моими предложениями и угрозами. Вы многое испытали, вряд ли хоть что-то забыли. И смогли с этим жить. Как вы вообще смогли выжить?

— Хотелось верить, что кому-то пригожусь.

— Никто из друзей Костикова не должен был выйти из ситуации победителем. Вы понимаете это? Осознаете, почему мы с вами, цивилизованные люди, в итоге оказались здесь, в подвале на окраине города?

Едва заметно киваю.

— В любом случае Костилов сбежал.

— Далеко он не убежит. Все плохое в жизни возвращается бумерангом. Скажите сейчас мне, как на духу, вас заслуженно так изуродовали? Как вы сами-то считаете?

Молчу.

— Тогда я вам скажу. Нет, Виктор Станиславович, вы жертва. А вот то, что случится дальше, вы заслужили своей упертостью, наглостью, самоуверенностью. Ну, так что насчет извинений?

Опять бензин, льют на лицо, мешок пропитывается мгновенно, так и задохнуться недолго. А следом Прорывная прижимает к земле, заставляет ссутулиться, едва не заскулить.

Осознаю себя сидящим на корточках. Руки к голове — тот же мешок, не сняли. Оказывается, намочили его не весь, лишь слегка на подбородке, иначе бы и правда задохнулся. Воздуха и так мало, а через плотную ткань каждый вдох-выдох с трудом осуществляется. Задыхаюсь. Пытаюсь его сдернуть, порвать — не выходит, завязали сзади так, что не развяжешь. Сам он крепкий, плотный. Продолжаю пробовать, конечно.

— Эй, — кричу — в ответ тишина. Прислушиваюсь — будто и нет никого. А бензином-то как воняет. Одна искра — и я труп. Жить-то хочется, еще сильнее, чем раньше.

Заставляю себя пошевелиться, шарю по полу руками, нужно найти что-то острое, чтобы освободить голову.

Надо выбираться отсюда, но как? Вера там, наверное, с ума сходит.

Телефона, конечно, нет. Карманы пустые, ни портмоне с таблетками, ни мобильного, ни спичек.

Прорывная прокатывается по коже, как бы напоминает, на что похоже текущее положение.

Дурят меня. Просто в очередной, бл*дь, раз напугали. Пора бы уже понять, что никто больше не будет жечь! Эта форменная дикость живет только в моей голове. А они и рады попользоваться. Интересно, видать, посмотреть, как люди от страха трясутся, когда им никакого физического вреда не нанесли.

Снова один на один с триггером. Не с Чердаком, тот в прошлом, ни с Настей, она вообще тут ни при чем, слишком запуганная, чтобы стать угрозой. Нет больше врагов у меня. В голове только. Сам себе угроза. И близким. Рычу от злости.

Анатолий Петрович про баб говорил, кажется. Про разных. Которые предают, ударяя в спину, и потом лучше уж к стене, чем к кому-то. Сквозь боль хватаюсь за эти мысли, чувствуя, что спасение где-то рядом, но они разбиваются о сомнения, рассыпаются. Нужно остановиться, подумать. Подумать сейчас.

Однажды я влюбился и сгорел заживо. Сначала кожа, потом мясо до костей, потом душа. Стала черной, проклятой. Меня считали чудовищем, никто не верил и не доверял, причем секрета из отношения не делали. Каждый день, каждую минуту я знал, что нельзя пережить то, что я пережил, и остаться прежним. Сохранить рассудок. Меня считали насильником, у которого к тому же и съехала крыша, ко мне относились хорошо, но всегда ждали чего-нибудь эдакого. И я сам себе перестал верить, считая непредсказуемым, опасным. Возненавидел себя, свое тело, свою сущность. И был уверен, что это заслуженно. Как любое попавшееся в ловушку животное, начал обороняться: каждая пострадавшая клетка моего тела отчаянно болела при каждом ласковом прикосновении, отсылая сигнал в мозг, чтобы опасался, бежал, прятался. Напоминая, что может быть, если поверю...

Это все так туго сплелось, куча узлов, попробуй распутай, шаг в сторону — боль, надежда — боль, попытка любить — боль. А потом у меня появилась Вера. Которая взяла за шкирку и хорошенько встряхнула с помощью доверия, нежности, любви.

Она радовалась этому. Такая чистая, искренняя, верная, надежная, будучи всегда рядом, захотела, чтобы я повернулся к ней спиной, и прижалась к моим изуродованным лопаткам, поцеловала между ними мягкими губами, провела по уродству нежными пальцами, оставаясь при этом такой же чистой, как была раньше. И тогда я подумал, что может быть, не все потеряно.

Держусь за голову, будто она тяжелая, помогая шее не уронить ее, поднимаюсь на ноги.

Некоторое время хожу по стенке, ощупывая камеру заключения, натыкаюсь на дверь, но она заперта. Дергаю, толкаю, стучу ногами, глухой стук отдается в ушах, ноге возвращается вибрация металла. Наверное, они приедут за мной. Хотели же сюрприз сделать. Или это он и есть?

А если не приедут? Пытаюсь взломать дверь. Этот гребанный мешок изводит, пытаюсь сорвать его, ору, да из какой ткани он, бл**ь, сделан?!

Вдруг слышу какой-то подозрительный звук. Тут еще и крысы, что ли?

Но нет, на животных не похоже. Равномерное дребезжание, похожее на вибрацию...

Падаю на колени, ползаю по полу. Только звони, кто бы ты ни был, продолжай звонить. Вызов обрывается. Новый следует где-то через полчаса, и наконец нахожу мобильный в куче строительного мусора. Провожу по экрану.

— Белов, привет, — прохладный, наигранно-официальный голос Кустова. — Я по делу. У тебя же есть номер сотового Алисы? Бабы, из-за которой ты в ДТП угодил весной помнишь такую?

— Помоги, — говорю, перебивая. Голову опять обносит. Наклонился, и так вышло, что вдохнул ядовитые пары.

Кроме нескольких ударов в машине, меня не били, не пытали, не оскорбляли даже. А мне так больно, что на все готов был, лишь бы освободить лицо и глотнуть воздуха.

— Алле? — переспрашивает он. — Чего ты там бормочешь?

— Тём, помоги, — хриплю. В горле, оказывается, так сухо, плюс мешок приглушает звук, приходится говорить в микрофон. Черт.

— Вик, ты где? Что случилось?! Мать твою, не молчи, — кажется, он, наконец, испугался.

— Не знаю, — шепчу, как могу громко.

— Опять накрыло?

— Да. Найди меня. Быстрее.

— Жди.

Отключается. А следом отключаюсь я сам, Прорывная достигает двадцатки, унося за собой, крепко повиснув на шее.

— Бело-о-ов! — Басовый знакомый голос возвращает в реальный мир. Приподнимаюсь на руках, затем медленно сажусь. Чуда не случилось, мешок все еще на месте, запах бензина стойкий, по-прежнему режет ноздри, но, кажется, я слегка адаптировался. Пытаюсь сорвать ткань с лица и от бессилия, чувствуя, как Фоновая тепленькой волной прокатывается по телу, рычу. Или кричу. Звук получается жутковатый, но достаточно громкий, чтобы слышали из-за стены.

Раздается звонкий щелчок, лязг, потом скрип открывающейся двери. Через плотную ткань нихрена не видно, но стало светлее. Меня дергают за плечи.

— Твою ж мать! — злится Артем, пытаясь сорвать мешок, ощупывает его. — Ты как всегда, неудачник, вляпался! Не снять, я сейчас, подожди.

— Эй, стой! — Не хочу, чтобы он уходил. Хватаю за плечо, держу крепко.

— Пошли, — дергает меня вверх, помогает встать на ноги, перекидывает руку через шею, тащит. — У меня есть нож в машине.

— Горло мне перерезать?

— Хорошая идея, но не сегодня.

Прислоняет меня к обжигающему капоту машины. Я тут же сползаю вниз на корточки.

— Ты как? Держись, брат, — он снова рядом, оттягивает мешок так, что пережимает веревкой горло, и я едва не задыхаюсь, но это длится несколько секунд, после чего он, наконец, освобождает меня и отшвыривает мешок в сторону. Я тут же падаю на колени и жадно хватаю свежий, сладкой болью наполняющий легкие воздух.

— Кто так с тобой? Сука, полицию вызвать? Или сами разберемся? — Артем собран, напряжен, руки сжаты в кулаки — готов к бою. Знаю я этот его взгляд — не стойте на пути. В детстве всегда был мне сигналом бежать. Внезапно улыбаюсь. — Ну так что?

Отрицательно качаю головой, припоминая, что стало с Костиковым, его бизнесом и

всеми теми, кто с ним хоть как-то связан.

Анатолий Петрович со мной не закончил, он не ожидал, что от одного запаха топлива я способен отключиться. Даже пульс мне, кажется, щупали. Растерялись и... уехали за помощью? Нужно уносить ноги, пока не вернулись.

Прорывная снова пытается подчинить. Наверное, это отражается на моем лице, так как Кустов матерится, накидывая на меня свою ветровку, я тут же упаковываюсь, застегиваю молнию до горла, после чего забираюсь в машину.

— Где твои таблетки?

Киваю в сторону старого гаража, в котором находился. Сколько же времени я там пробыл в отключке? На улице темнеет, закат такой красивый сегодня, яркий, на полнеба. Думал, и не увижу больше никогда. Даже свалка-промзона, где мы находимся, видится сейчас живописной и завораживающей. Артем срывается с места, на ходу включает фонарик на телефоне, возвращается через несколько минут, протягивая мне портмоне, ключи от «Кашка».

— Заглянул внутрь, таблетки твои на месте. И деньги. Значит, это не ограбление?

Качаю головой. Горло все еще саднит, рот открывать не хочется.

— Не можешь ты жить скучно, Вить. Вечно какая-то хрень с тобой случается. Гараж был закрыт снаружи на щеколду. Ты бы сам не выбрался. Хорошо, что у меня все еще подключена возможность поиска твоего мобильного.

Тем временем я достаю таблетки — не те. Те, что с собой — не помогут, Прорывную не заглушат. Тяжелая артиллерия осталась дома. Утром собирался в спешке, забыл положить.

— Хреново?

— Да. Поехали домой скорее.

— В больницу, может? У тебя кровь на лице.

— Домой, мать твою. Езжай! — опускаю козырек, открываю зеркало, рассматриваю лицо: фигня — губа разбита и небольшой синяк на скуле. Глаза, конечно, бешеные, очки бы надеть, оглядываю салон в поисках Артеминых — не нахожу.

Кустов протягивает мне салфетки, поворачивает ключ в замке зажигания, и машина срывается с места. А я тщательно вытираю лицо и шею, откидываюсь на сиденье, позволяю векам сомкнуться, отсчитываю импульсы.

— Хей, ты давай держись. Белов, не уплывай. Ты же можешь, так долго жил без эпизодов.

— Пытаюсь.

— Пытайся лучше, — бормочет Кустов. Сам бледный, взволнованный, двигается резко, дергано. Нервничает, что ли? — Тебе телохранителя нанять, может? Скинемся всей семьей на большого дядьку, будет таскаться за тобой всюду, у толчка караулить. Стоит ненадолго отвернуться, ты опять в подвале, Вик! Кто маньяк на этот раз?

— Черт, заткнись. Это с работой связано.

— Хей-хей, ты глаза не закатывай, — он несильно ударяет кулаком по моей ноге, я резко отталкиваю его руку и получаю ощутимый толчок в плечо. — Ты еще тут? Вик, пошли уже Настю к дьяволу, в прошлом они с Чердаком. У тебя сейчас все по-другому. Никто больше не будет мучить тебя ради удовольствия. Давай, говори, чего эти твари хотели. Будем разбираться.

— Студия сгорела.

Но Артем прав. Хотели бы — прикончили. Может, я действительно себя накручиваю?

Но как не накручивать, когда знаешь, какие люди бывают, и иногда реальная жизнь страшнее фильма ужасов. Невольно ожидаешь самого худшего.

— Трындец. Ладно, это х*рня. Ты ж женишься скоро. Наконец нашлась девица, которая готова тебе дать хотя бы в темноте.

Смотрю на него, прищуриваюсь.

— Что, неужели и при свете тоже? — обхватывает лицо ладонями, деланно качает головой. Когда он вот так паясничает, хочется прибить, ей-Богу.

Открываю рот, но он перебивает, резко тормозя перед светофором, я даже вперед подаюсь от неожиданности:

— Вернее, кто ее тебе нашел? Может, сейчас именно тот момент, когда стоит сказать дяде Артему спасибо? — смеется.

— Иди ты к черту.

— Курить хочешь?

— Да.

Он съезжает с дороги и паркуется, выходит из машины и пропадает из поля зрения, возвращается с двумя подкуренными сигаретами, одну пихает мне в рот. Делаю крепкую затяжку. Едем дальше.

— Мы уже скоро доберемся. Держи себя в руках, Вик. Я серьезно, брат. Думай о хорошем. Что в твоей жизни самое лучшее? Спорю, невеста моя.

— Бывшая.

— Увы. Чудесная, да? Давай о ней поговорим? Обсудим Веру?

— Угомонись.

— Хочешь, я тебе несколько советов дам насчет ее привычек и пристрастий? О позях поговорим, Белов? Ты ведь так жизнь с ней проживешь и не узнаешь, с твоими-то... хм, особенностями.

— Бл**ь.

— А хочешь, расскажу, как я первый раз ее, а? Интересно?

— Бл**ь, Кустов, я тебя убью сейчас, — сажусь прямо и, позабыв о безопасности, с силой толкаю его, машина опасно виляет, но через секунду Артем вновь контролирует движение. А я свои слова — нет: — Козлина ты конченная. Как ты не понимаешь, что я за нее тебя на куски разорву? Если ты еще хотя бы раз на нее посмотришь, не то что руку протянешь. Я ни хрена не забыл, что ты с ней сделал, но ты, мать твою, каждым словом продолжаешь упорно нарываться! Провоцируешь меня.

— Понял-понял, сам угомонись, — он смеется. — Еще тогда дошло до меня, когда она кричала твое имя. Ну, у меня дома. А я, знаешь ли, не привык, когда женщины подо мной вспоминают других мужиков.

Закипаю. Он, наконец, перестает изображать наигранную веселость, продолжает серьезно:

— Вырывалась она и звала тебя. Тогда ее слова врезались в память, как лезвием по самолюбию прошлись, серьезно. Осознал, что делаю и до чего докатился. Любит она тебя, — поджимает губы. — Потому что ты хороший. Несмотря на всю гребаную хрень, что с тобой вечно случается, ты всегда был и будешь лучше меня. Но ничего, скоро я сдохну от простуды какой-нибудь и перестану маячить перед вами. Немного потерпите.

Тяжело вздыхаю.

— Как ты вообще мог, серьезно, без защиты с кем-то левым трахаться? Ты ж лечился

уже от какой-то дряни несколько раз, и опять?

— А вот и нет, — поглядывает на меня, затягивается сильно, втянув щеки, хотя уже до фильтра докурил, и начинает говорить, выдыхая изо рта и носа темный дым, — с презиками я всегда теперь. Подставила меня девка. Забыл, что зуб на днях удалил, во рту рана открытая, ну и...

Смотрю на него, моргаю. Он пожимает плечами, закатывает глаза.

— Ну, ты и лузер, — говорю.

— Знаю. Твоя поддержка, вообще-то, не помешала бы, брат, но ничего, и так справляюсь. Почти смирился уже. Больше баб насиловать не тянет, можешь не волноваться. Близко ни к кому не подойду, уж поверь. Такого счастья — видеть плюс напротив своей фамилии — никому не пожелаю. Как ты жил один столько лет, будучи изгоем? Как не рехнулся? Научи.

С твоей помощью я жил, травку ж вместе курили, ну, или просто сигареты. Ты приезжал ко мне каждый день почти. Стоило написать: «купи курево» — и Кустов тут как тут. Фильмы смотрели, мир хаяли, в компигры рубились. Будто у тебя другой жизни не было. А потом что? Как Артему помощь понадобилась, я обиделся и отвернулся. Деньгами хотел откупиться. А сам хоть один раз позвонил просто так? Не было такого.

Молчу. Что ему сказать? Приехал же опять за мной, несмотря ни на что. Не в первый раз. В Артеме хорошего мало, но... меня он в беде не бросал ни разу.

— Алиса тебе зачем? — перевожу тему. — Ты ж из-за нее мне позвонил?

Мы уже подъезжаем к моему подъезду, на улице совсем темно. Смотрю на телефон — тридцать восемь пропущенных от Веры. Вот черт. Кустов ищет свободное место для парковки, а я выворачиваю шею, выглядывая из машины, ища свои окна — свет горит. Дома она. Слава Богу.

— Я все думал, кто тебя облил тогда в твоей же квартире, — задумчиво говорит Артем. — Сначала, правда, решил, что Вера врёт и это она виновата. Это ж догадаться нужно — облить бензином. Такая хрень в целом мире на тебя только и подействует. Попробовали бы со мной такое вытворить... ага, догнал бы тут же и так по башке настучал, чтобы больше неповадно было. Значит, этот кто-то сильно в курсе лишней информации. Уж и на маму думал, на отца, Арину... Допрос им устроил с пристрастием. А сегодня увидел одну девицу в кафе, очень похожую на Алису, и вспомнил кое-что. Алиска твоя ко мне приходила как-то давно. Пришла сообщить, что ты с моей женщиной живешь. Будто я не знал. Да нажаловалась, что ты ее отшил грубо, обидел сильно, до глубины души. Вот это зря. Сначала рассказал ей про себя все, а потом унизил, да еще на улице прилюдно.

— Ничего я ей не рассказывал.

— Она все знает, Вить. Уж поверь, не от меня. Что тебя бензином облили и подожгли. И что тебе до сих пор это в кошмарах снится.

Трындец. Вспоминаю тот безумный вечер в баре «Бегемоты и павлины», мы с Алиской напились, едва на ногах стояли оба... Я ведь думал, что она и слова не понимает, только смеялась и ластилась... Я ей почти все рассказал в ту ночь.

— Мы тогда с ней приговорили две бутылки вина, потрахались — не переживай, я был осторожен, — продолжает Артем. — Замашки у нее, конечно, те еще... Где ты ее выкопал? Попросила руки ей связать... Господином меня называла. Тебя реально это вставляет? Ладно, не важно. Она заявила, что больше не будет хранить твои секреты. И визитку показала. Но я тогда не обратил внимания, чью. Не до этого было, уж прости. Кто-то ей

вручил эту визитку. Говоришь, с работой связаны проблемы?

Мы сидим в машине возле подъезда. Мне хочется поскорее наверх, убедиться, что с Верой все хорошо, верчу телефон в руках, гадая, что она себе навдумывала за это время. Но разговор интересен. Значит, Алиса меня подставила. Как раз в тот день, когда Артем нажаловался маме на СПИД-терроризм, я и познакомился с Анатолием Петровичем, а следом — наорал на Алису. Хорошо бы встретиться с девицей и расспросить поподробнее.

— Вик, тебе помощь нужна? — спрашивает Кустов. — Меня тревожит то, что я забрал тебя из запертого гаража с мешком на голове.

— Не знаю.

— И, кстати, ты уже не трясешься. Посмотри на свои глаза в зеркало.

Смотрю. Они нормальные. Кажется, только что я сам загасил Прорывную. Без таблеток. Такое было хоть раз раньше? Сам себе отрицательно качаю головой. Платон Игоревич оказался, как и всегда, прав: страхи прошлого отступили именно тогда, когда появились более сильные актуальные.

Выходим из машины. Поднимаю голову и буквально любуюсь на свет в окнах своей квартиры. Какое же это счастье — возвращаться домой к ней, внутри аж потряхивает от нетерпения обнять Веру, поцеловать, и будь что будет. Как ни странно, именно в тот момент, когда меня загнали в очередную опасную ловушку, внутри проснулось ярое желание жить и вера в будущее.

— Тём, спасибо, что приехал. И вообще.

— Должен будешь. А лучше — скажи Вере, чтобы не боялась больше. Ну, и если так уж хочешь, дай мне в морду, заслужил. Только не отворачивайся. Хотя бы иногда звони, ладно? И еще... Это твое.

Он протягивает мне сверток, какую-то белую ткань. Разворачиваю в руке и понимаю, что это Верино белье. Порванное. То самое, которое он с нее сорвал, когда...

Он что, его с собой носит? Зря.

Отказываться от столь щедрого предложения нет ни сил, ни желания. Сжимаю зубы и с размаху бью по морде. Этот человек неисправим, как он может одновременно быть тем, кто бросается, не глядя, спасать брата, и, спорю, за своих влезет в любую драку, не думая, сможет ли выйти из нее живым, но в то же время способный вышвырнуть женщину в лужу, а затем едва не изнасиловать ее.

Снова перед глазами она — моя хорошая, испуганная, дрожащая, в синяках и засосах, со ссадиной на коленке, босыми ногами... Такая незащищенная, одновременно сильная и стойкая, стоящая за моей спиной, такая нужная. Не могу удержаться и бью его так, что рука немеет, он действительно пропускает первый удар, руки по швам, но потом начинает отбивать следующие. В этот момент я подпрыгиваю и впечатываю свой лоб в его.

И это то, что нужно. Как же я мечтал о хорошей драке. Мы толкаем друг друга, он налетает и валит меня на землю, оба падаем, катимся, осыпая ударами, пытаюсь одновременно отпихнуть, прижать к земле и подняться самому. Трещит голова, ноет все тело. Приятно, что не от Прорывной. Силы и близко не на равных, с тоской вспоминаю о бите, уныло валяющейся в «Кашкае», но не сдаюсь.

— Сейчас полицию вызову, прекратите немедленно! — незнакомый женский голос над головой. Из окна. — Нашли место и время! Все спать хотят!

С трудом отстраняемся друг от друга, сидим на земле, прерывисто дышим, сверлим глазами оппонента. Артем грязный, в синяках. Сильный, сволочь, от ударов голова

кружится. Я старался так бить, чтобы не до крови. Моя же стекает с губы и, кажется, из носа. Последний, кстати, горит и распухает.

Кустов улыбается. Сначала уголком губ, затем шире. Потом смеется.

— Наконец-то ты научился драться не как девка, — сообщает мне. Поднимается не с первой попытки, падает, но упорно встает снова, пошатываясь, подходит и протягивает руку. — Мир?

— По первоначальному плану ты не должен был встать с земли, — отворачиваюсь и поднимаюсь сам, без его помощи. Делаю шаг, но припадаю на ногу — кажется, потянул что-то. Главное — суметь добраться до лифта, дома отлежусь.

Братья стоят в обнимку в проходе, зайти в комнату не решаются. Вера выключает музыку, оглядывает их с ног до головы — оба грязные, земля комьями падает на чистый пол. В ссадинах и синяках, будто после хорошей драки. У Артема волосы в жутком беспорядке стоят дыбом, светлые джинсы в черных разводах, колени мокрые, словно стоял на них в луже — так ему и надо, а Белов — со своим отрастающим ёжиком на голове, в чужой куртке, с распухшим носом, в крови — и вовсе то еще зрелище. О лучшем отце для ребенка можно только мечтать.

Вера упирает руки в бока. Какое счастье, что он живой. Но облегчение старается скрыть. Они что, отрывались целый день, дрались-мирились в удовольствие, пока она тут с ума сходила? Вон какие довольные физиономии.

— Вы что, пьяные? — спрашивает.

— Пока нет, — говорит Артем, расплываясь в улыбке. — Но Вик сказал, что у вас есть ром.

Вера поджимает губы, невольно хмурится. Еще недавно она больше всего хотела, чтобы эти двое помирились, но сейчас сомневается, правильно ли это. Засосы и синяки на ее теле зажили, но память это не стерло. Вик обещал отомстить Артему, так какого черта сейчас держится за него, как за спасательный круг?!

— Вер, я сейчас все объясню, — Белов тоже силится улыбнуться, протягивает ей ладонь в примирительном жесте. — Ты, главное, не волнуйся. Все хорошо.

— Да я вижу.

Выглядят они на самом деле забавно, но Вера заставляет себя хмуриться, плотнее стискивает зубы. Она от страха чуть не рехнулась, сделала тату, поругалась с родителями — папа уже едет в поезде... узнала о беременности. И неизвестно, повлияла ли татуировка на ее ход! А эти, по всей видимости, так увлеклись, что напрочь позабыли написать или позвонить.

— Ладно, я, пожалуй, пойду. Пассажира доставил. Вик, завтра набери меня, — Артем для верности показывает знаком, чтобы Белов позвонил, аккуратно освобождается из объятий и покидает квартиру.

— Вы помирились? — спрашивает Вера, как только за Кустовым закрывается дверь. — И подрались?

— Очень долгий день. Я тебе расскажу, но дай минуту отдышаться. Ты как? Все хорошо?

— Глядя на тебя — не уверена. Вик, как ты мог подраться с Артемом? Это же опасно! Одно неверное движение и...

— Я контролировал ситуацию. И перепроверил, хм, площадь поражения. Его крови на

мне нет.

Он тянет к ней уже обе руки, зовет к себе, Вера нехотя подходит, затем отвечает на его робкую улыбку своей. Позволяет его грязным рукам со сбитыми костяшками пальцев сжать ее ладонь.

— Почему ты не позвонил? Я так волновалась! — ругается она, толкая его в плечи. Затем обнимает крепко, с душой. Тут же отстраняется, спохватившись: — Ой, Вик, прости, ты как? Коснулась тебя.

Вик отмахивается, прижимает ее к груди с силой, не позволяя отстраниться, мягко целует своими разбитыми губами, отчего она чувствует соленый привкус крови. И чего-то еще.

— Вик, ты пахнешь бензином.

— Ш-ш, тихо, — ей на ухо. — Забудь о правилах. На тебя они не распространяются. Я тебе доверяю. Вер... я думал, что умру сегодня. И решил, что ты обязательно будешь скучать.

— Боже мой, что ты такое говоришь.

— Будешь же?

— Вот, смотри, — суется, задирает рукав, показывает ему тату, с которого сдернула пленку. — Я с ума сходила, волновалась. Никогда так больше не делай. Я всегда должна знать, где ты и с кем. Хорошо?

Он смотрит на рисунок, недовольно качает головой. Вера тянется и целует его в губы, стараясь отвлечь. Получается.

— Мне нужно в душ, — говорит он, — потом приду и пообнимаемся. Я устал и хочу обниматься. На кровати. К дьяволу этот диван! Как же кости после него болят, зачем я вообще купил его?! Завтра же выбросим к чертовой матери, лично распилю хренову штуковину на гребаные части, — психует, делает резкий жест рукой.

— Завтра у нас другие планы.

— А подробнее?

— Иди в душ, потом.

— Ладно. Вер? Спасибо, что дождалась меня.

— Ты, главное, возвращайся. С тем, чтобы дождаться — проблемы не будет.

Еще так рано, что даже не рассвело. Прохладный осенний ветер гуляет по перрону, заглядывает за шиворот прохожим, заставляя поежиться. Громкий женский голос достигает каждого уголка вокзала, озвучивает время отправления и прибытия поездов и электричек; вокруг суетятся люди с сумками, чемоданами, спешат найти свой вагон или выход в город. Вокзал живет круглосуточно; вне зависимости от времени года, дня недели и цифр на часах здесь постоянно случаются судьбоносные события.

Поезд с Александром Павловичем прибывает в пять двадцать, Белов, прислонившись к колонне и прикрыв глаза, дремлет стоя. Вечером было принято решение одеть его солиднее, но утром пришлось передумать: с синяками и бритой головой в костюме Вик смотрелся еще более странно. Пусть уж выдерживает свой нестандартный образ до конца: кроссовки и бордовая толстовка мало что изменят. Вера стоит поодаль, приподняв воротник пальто, переступает с ноги на ногу. Молча, с легкой улыбкой на губах рассматривает отца своего будущего ребенка. Она все еще не знает, как он отреагирует на новость. Вчера не было возможности сказать, они обсуждали другие, более актуальные вещи. И она не решилась.

Хотела обрадовать утром, но снова побоялась, смалодушничала, сославшись, что еще нет десяти утра, хотя Вик и заявил, что на нее правила больше не распространяются. Нужно

подойти и сказать ему.

Вот прямо сейчас. Сделать шаг, потом другой. Открой же глаза, Белов, и спроси, почему она нервничает. Хватит делать вид, что спишь!

Ладно, он молодец, безропотно поднялся час назад, чтобы встретить папу, сказал, что готов ко всему. Даже улыбнулся.

Прохожие оглядываются на него. Татуировки на запястьях, ладонях и шее не скрыть рукавами и воротником. И это не считая синяков и ссадин после драки с братом. Да уж, малыш, мамочка позаботилась подыскать для тебя приметного папу.

Вику нужно сказать до того, как приедет отец. Он должен владеть полной информацией. Может, молча сунуть в руки электронный тест, который она зачем-то таскает с собой в сумке? Или написать смс?

Не думала, что это будет так сложно. Ведь... если в первую секунду он расстроится, вряд ли она сможет когда-нибудь его за это простить. Осадок останется на всю жизнь. Наверное.

Вера уже почти готова подойти и начать разговор, как объявляют о прибытии нужного поезда. Белов отлипает от колонны, потирает лицо, шею, зевает. Ободряюще подмигивает ей, берет за руку и ведет в нужную сторону, чуть прихрамывая на левую ногу.

Вот и нужный путь, они идут вдоль еще движущихся вагонов, ища среди них тот, что с указанным в билете номером.

— Все в порядке, Вер. Я ему, конечно, не понравлюсь, но... Главное, что я тебе нравлюсь. А потом у меня будет много времени, чтобы изменить первое впечатление. Хорошо? Ты, главное, держи меня в курсе того, что будет для тебя хорошо. И я все сделаю. Только не молчи и не скрывай ничего.

— Вик... — Вот отличный момент. Открой же рот и скажи! Вера злится на саму себя, но упорно сжимает губы. Так хорошо и надежно, когда он крепко держит за руку, говорит приятные вещи. Страшно разрушить момент. Но разве весть о ребенке может что-то разрушить? Вера так давно об этом мечтала, планируя еще с Артемом, что сейчас дышать боится от радости. И хоть беременность случилась неожиданно, и придется уходить с работы, временно оставлять карьеру, Вика опять же ждут ненавистные свадьбы, но... они должны справиться. Ведь они любят друг друга. Он весь вечер говорил ей об этом, когда обнимал, целовал, любил нежно, долго, мягко.

Поезд стоит, еще пара минут, и к ним спустится папа. Вера вцепилась в плечо Вика, не представляя, чего ожидать.

— Все будет хорошо. Если не хочешь уезжать из Москвы, я не позволю увезти тебя насильно, — негромко говорит он ей, наблюдая за выходящими из вагона, готовый в любой момент сорваться и помочь с сумками.

— Вик, — она стискивает его ладонь изо всех сил, он напрягается, переводит на нее удивленный взгляд, смотрит в глаза. — Я беременная.

Белов замирает, глаза расширяются, как будто он вновь столкнулся с триггером. Губы секунду дрожат, а затем расплываются в улыбке. Он моргает, смотрит на Веру, а она улыбается ему в ответ. Затем он становится серьезным, сводит брови, прищуривается.

— Нет, пожалуйста, — пугается она, — верни улыбку! И радость на лице верни. Это так важно.

Он мешкает, а потом снова расслабляется, улыбается. Широко так, по-дурацки. Папа появляется в ближайшем в выходе окне вагона, но Вик его не замечает, он тянется и целует

Веру в губы, обхватив руками ее лицо, чтобы не вздумала отстраниться. У нее и мысли такой нет.

— Ты ж говорила, с первого раза только в кино получается. С ума сойти, Вер, — говорит, прижимаясь своим лбом к ее.

— С ума сойти, да.

— Когда ты узнала?

— Вчера вечером.

Мгновение они смотрят друг на друга и радуются. Потом Вера переводит глаза на отца, Вик тоже оборачивается. Оставляет ее, чтобы помочь Александру Павловичу с сумкой, но тот нетерпеливо отмахивается. Ноша нетяжелая, перекинута через плечо. Мужчина приехал налегке, видно, что ненадолго и по делу. Верин папа невысокий, седовласый, но по-прежнему крепкий мужчина. Вере приятно видеть его полным сил, энергии даже после сомнительно приятной ночи в пути.

Она обнимает отца, и он ее крепко в ответ.

— Дочка, рад тебя видеть.

— Пап, познакомься, это мой Вик. Вик, это Александр Павлович.

Белов протягивает руку, Верин папа ее быстро, нехотя пожимает, хмурится.

— Виктор, я приехал, чтобы забрать Веру домой, — говорит он довольно резко. Видно, что готовился к встрече. К борьбе, если понадобится. Может, и хорошо, что о Белове ходят разные слухи, не так шокирует его внешность при первой встрече. По крайней мере, папа виду не подает.

— Отличная идея, — Вик с энтузиазмом кивает. — И как здорово, что вы лично приехали за Верой. Одну бы мне отпускать не хотелось.

— Что-о? — восклицает Вера, поворачиваясь к Белову. — В смысле, отличная идея?!

Вик снова кивает.

— Так надо, Вер. Побудешь немного у мамы с папой, отдохнешь, подышишь свежим воздухом, — подмигивает, но его улыбка ей не нравится. Она не искренняя. Что он задумал? — Пойдемте к машине, а то нас снесут сумками.

По пути Белов рассказывает Александру Павловичу свой план. Ближайший поезд обратно сразу после обеда, а пока они поедут в квартиру, отдохнут, Вера соберет вещи, уладит вопросы на работе и в путь.

— Как я их улажу, интересно? — бурчит она, чувствуя себя преданной.

— Что-нибудь придумаем. Если не выйдет, то уволишься. Нужно ехать, Вер. Мне так спокойнее будет.

— Белов, купи мне воды. Сейчас, — вот только ногой не топает требовательно.

Папа садится в «Кашкай», а когда Вик возвращается из магазина, Вера выходит ему навстречу и снова толкает в грудь, не заботясь, что за ними наблюдают. Другого момента поговорить, может, и не появится.

— Что ты задумал?!

— В смысле? Всего лишь вода, как ты и просила.

Она берет бутылку и с размаха кидает ее в ближайшую урну, скрещивает руки на груди. Белов провожает полет минералки задумчивым взглядом, хмурится, но молчит, спуская поступок на тормозах.

— Почему ты отсылаешь меня?!

— Это временно. Я приеду за тобой через пару недель, когда тут все образуется.

Обещаю.

— Тебе угрожает опасность, да? Это как-то связано с пожаром в студии, верно? Ты мне чего-то не рассказал? Я тебя не оставлю! И не надейся даже! Я буду с тобой! А если что-то случится, а я там? Кто о тебе позаботится?! Я никогда тебя не брошу.

— Знаю я, — обнимает ее, прижимает к себе, нелепым движением проводит по голове. — Ничего не случится. Мне нужно подумать, привести дела в порядок. Я за тобой приеду, не сомневайся.

— Живой.

— Конечно. Все будет нормально. Не плачь. Вер, ну не реви. По уши, помнишь? — он целует ее в губы, щеки, закатывает рукав пальто и целует тату. Кладет руки на талию, ощутимо, даже через плотную ткань верхней одежды, поглаживает. — Все будет хорошо. Ничего не бойся. Я обо всем позабочусь.

— Если бы я не была беременна, я бы осталась, и ты бы ни за что меня не отослал. Понятно? — Он кивает. — Точно понятно?.. Вики, а ты рад? Или не очень? Я должна знать.

— Очень рад, — целует ее в висок, прижимает к себе. — Ты сейчас будешь послушной девочкой и поедешь в свою деревню, посидишь там и подождешь меня. Не будешь нервничать и переживать. Я неубиваемый. Даже огонь не берет, сколько ни жгли — похрену. Что со мной только ни случалось: и кости ломались, и на льдине плавал, в башке каша была полная... Штырило от всего подряд. Обвинение — позор на всю жизнь, как клеймо на лбу. Все похрену. А теперь жизнь расщедрилась и вручила мне бонус. Тебя. И уж поверь, я его не упущу. Все будет хорошо, но мне нужно, чтобы ты была в безопасности. И ты должна помочь мне с этим.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 22

До чего же противно-обыкновенный вид из моего окна. Двор с небольшой детской площадкой и куча припаркованных, кто во что горазд, по обочинам дороги автомобилей. Машинально нахожу среди них свой, размышляю, что стоило бы заехать на мойку: на черной краске пыль особенно заметна, да и раздражают разводы на лобовом стекле. Солнце такое яркое сегодня. А ведь обещали дождь. Ладно, хозяин квартиры, пялящийся в окно так, словно разглядел вдали Альпы, — выдает себя с потрохами. Но атмосфера вокруг натянутая. Звенит. Поверьте мне на слово.

Вера от души хлопает дверцами шкафов, с остервенением швыряет вещи в чемодан, ходит туда-сюда, старательно топая, бросает на меня убийственные обиженные взгляды. Еще немного, и я припомню несанкционированную татуировку — додумалась же, зажму девицу в углу и хорошенько отшлепаю. И, судя по неодобрительным взглядам Александра Павловича на вызывающе ведущую себя дочь, он не станет мешать мне в этом темном деле. Мужчина, спрятав руки в карманах брюк, прогуливается по квартире с таким видом, будто впервые в Лувре — вокруг все новое, интересное, стоящее внимания. «Тихо, Вера, ты что себя так ведешь», — негромко укоризненно цыкает он в сторону девушки, когда та в очередной раз дернулась на мою реплику о предстоящем походе в ЗАГС, рывкнув, чтобы я пошел куда подальше со своими блестящими идеями. Гормоны уже шалют?

Кажется, Александр Павлович не ожидал, что придется защищать именно плохого парня от наивной беспомощной девицы, а не наоборот.

Фотографии обнаженных моделей мы поснимали, но фотообои в комнате отрывать не стали, и судя по хмурому цоканью папы — стоило бы. Впрочем, поздно уже что-то скрывать. Все самое мерзкое обо мне он уже знает.

Непросто, знаете ли, беседовать с отцом любимой девушки, который думает, что ты — психопат-насильник. Но Александр Павлович оказывается человеком простым и выдержанным. Он за мной наблюдает, присматривается, иногда его мысли слишком очевидны, но, думаю, он имеет на них право.

— Я должен сам посмотреть. Покажи, — говорит он мне на кухне, прикрыв дверь, чтобы Вера не услышала и не бросилась меня защищать. Вздыхаю. Вот в кого Вера такая бестактная — само и выяснилось.

Стараюсь угодить, что еще остается. Как могу. Задираю футболку, показывая полоску кожи на животе на несколько секунд. Верин отец опускается на стул, задумчиво качает головой. Мой папа в таких случаях сразу бежит к морозильнику за водкой. А этот ничего, держится. Покраснел только слегка.

Беседуем с ним. Сообщаю, что Вера ждет моего ребенка, что буду жениться и так далее. Уточняю, что люблю ее. И буду из кожи вон лезть. Студия в прошлом. Он понимающе кивает, но, кажется, надеется, что, пожив дома, Вера одумается, а ребенка они уж как-нибудь без меня воспитают, прокормят. Это заметно по выражению лица и уклончивым ответам, тяжелому вздоху. Пусть думает, что хочет. Пока мне все равно. Лишь бы он Веру увез в безопасное место, дав мне выиграть время. Нужно будет съездить к Марату Эльдаровичу и обсудить один важный вопрос. С Анатолием Петровичем мы не договорили, и это меня беспокоит. Благо, спасибо Артему, появилась возможность улучшить условия встречи.

Примерно в тот самый момент, когда я заверяю, что продаю свой сайт и больше не собираюсь работать с обнаженными моделями, на почту падает поздравление с тем, что Верина фотография вышла в финал Фестиваля. Шесть конкурсных работ отныне борются за призовые места. Кабздец. Зная это, я умудряюсь смотреть в глаза сидящему напротив мужчине и уверять, что позабочусь о его дочери лучше, чем кто-либо другой. Ситуация, однако.

Вера снова плачет, когда обнимает меня на прощание. Целует, пихая язык мне в рот. Без шуток, чертовски неудобно перед папой, что на нее нашло?

— Мы скоро увидимся, — шепчу ей, она быстро кивает, но будто не верит. Слезы так и текут без остановки. Тем не менее, все же удастся затолкать ее в поезд, вслед за отцом, который быстро жмет мне руку и желает удачи. Уверен, он не сомневается, что больше никогда меня не увидит. Хех. Со стороны выглядит, будто я ребеночка девке сделал и быстренько сплавил родителям. Но его мнение — меньшая из моих проблем на данный момент.

Заниматься делами уже поздно, нужно хорошенько выспаться. Автопилот, конечно, вывозит, но всему же есть предел. А мне предстоит один из сложнейших разговоров в жизни. И я действительно собираюсь добровольно сдаться врагам. Надеюсь, когда проснусь завтра утром — передумаю.

В кровати одному тоскливо. Может, на диван уйти, где ночевал весь последний месяц, кроме предыдущей ночи? Прошлая ночь... плохо ее помню, обрушилась на нас с Верой внезапной нежностью и желанием, не отвертеться было. Соскучились. Потираю жестковатые подушечки пальцев друг об друга, а вчера ведь гладил ими Веру, пока любил. Острая, болезненная тоска тогда связала нас, ведь еще не собирался отпускать от себя девушку, но уже будто предчувствовал неизбежность разлуки. Так медленно все происходило, долго, с длительными глубокими поцелуями, обсасыванием кожи партнера,

толчками сильными, редкими и глубокими, сопровождающимися ее стонами, вырывающимися из приоткрытого рта. Так мы тоже любим, оказывается, вчера выяснилось.

Это лето по праву может считаться самым сумасшедшим в моей жизни, оно будто вознамерилось искупить оплошности предыдущих жарких сезонов, чувствуя вину за проколы собратьев. Соскакиваю с кровати, иду на балкон, где хранятся сигареты. Курю, хотя не хочется. Могу, вот и курю. Размышляю. Этим летом досталось всем, кто находился рядом, но мне впервые за много лет удалось сорваться с привычной орбиты.

Так и не позвонил сегодня Артему. Повода не нашел, да и желания не возникло после всего, что он наговорил мне, даже в лифте не удалось заткнуть поток тошнотворных слов. Хотя один момент оказался забавным:

— Надеюсь, тебе полегчало после драки, — Кустов нажал кнопку моего этажа. — Давно мечтал мне двинуть? Все еще ревнуешь, что ли?

— Не-а, — прислоняюсь к стенке, стараясь держаться невозмутимо.

— Зная тебя, думал, что не выдержишь морального прессинга и сбежишь от Верки, что было бы мне на руку. Только я не могу понять один момент. Почему тогда, на концерте, вы смеялись?

— Когда это? — прищуриваюсь.

— Ну, твоей "Нежити" любимой. Я ж видел, что вы меня тоже заметили. И рассмеялись. Это, кстати, больше всего взбесило. Даже погром в квартире устроил. Впервые. Как вы вообще могли радоваться, когда мне так хреново было?

— Не помню такого.

— А чего тогда улыбаешься опять? Все ты помнишь, рассказывай.

— Понятия не имею, о чем ты, — сказал я и рассмеялся — то ли это нервное после всего пережитого, то ли из-за перекошенного недовольством лица Артема, то ли и правда от того, что кое-что знаю.

— Сейчас будет второй раунд, Белов, если ты не уймешься. Колись.

Расскажешь такое, если бы.

..Артем вспомнил пятое августа, день икс, когда в Москву приезжала моя любимая музыкальная группа. В то время я действительно умирал от ревности, детально вспоминая времечко, когда моя девушка являлась не девушкой мне вовсе, а будущей невесткой. Мы с Верой веселились в баре на рок-концерте «Голливудской Нежити», ловя безудержную энергетику отвязных музыкантов, их энтузиазм, страсть к любимому делу. Одетая в белый полупрозрачный топ и обтягивающие леггинсы, Вера пританцовывала у нашего столика, изредка подпрыгивая, чтобы лучше рассмотреть, что происходит на сцене. Я наблюдал, откинувшись за спинку стула — больше за ней, чем за группой. В начале августа Вера еще не прикасалась ко мне, но уже видела раздетым.

— Согласись, что они крутые, — сказал ей сразу после выступления группы на бис. В ответ девица, представьте себе, лишь пожала плечами и усмехнулась. — Давай, признайся, что это лучшая музыка, что тебе доводилось слышать.

Она закусил губу и закатила глаза, слишком очевидно строя из себя кокетку, чтобы это пролезло. И хотя я готов спустить ей многое, в тот раз взорвался:

— Ну скажи, что не зря я потратил сто баксов на твой билет в VIP-зону!

В ответ — снова вздох и невнятный лепет на тему какого-то магазина, куда нужно заехать, потому что дома закончились какие-то продукты, необходимые для сегодняшнего ужина...

— Аaaa, женщина, я тебе о важном — ты мне о еде!

— Они очень громкие. Но веселые, это да. В следующем году сходим снова, так уж и быть.

— Хей, не гони лошадей, — приобняв ее, веду к выходу. Мы специально дождались, когда большая часть людей покинула зал, чтобы не толкаться в проходе. — Так далеко я обычно не загадываю.

— Я теперь тоже, — отпарировала она незамедлительно, опустила глаза, тем самым заставляя меня вновь почувствовать себя полным кретином, ведь о ее статусе станет известно не раньше, чем через пару недель. Вот черт, испортил настроение. Смотрю на ее глаза — они влажные, еще немного — и Вера снова начнет тихонечко плакать, украдкой, заверяя, что все в порядке. Ненавижу, когда она так делает. Бешусь от бессилия. А ведь настроение было потрясающим, вот что я за человек такой? Сжал ее ладонь и повел за собой в темный переулок за зданием, подошел совсем близко, едва не прижимая своим телом к стене.

— Я не о том, ты же поняла?

— Поняла, — она смотрела на меня снизу вверх доверчиво, но грустно.

— Черт, что ж я вечно не заткнусь вовремя. У тебя все будет хорошо.

Кивнула мне, но не поверила. С ней иногда бывает очень сложно. В тот момент, когда Вера узнала о вероятности наличия вируса в крови, она смирилась со своим будущим. Приняла этот факт как данность, отныне всегда поступая только так, как следует носителям ВИЧ — будь то беспощадные средства безопасности, которые мы использовали постоянно и которые обламывали мне весь тот слабый кайф, на который мог рассчитывать, или планы на будущее.

— Я еще тут, ты помнишь? Несмотря на риски.

— И это странно. Прости, но иногда меня пугает твое поведение. И настораживает. С твоей кожей... прости, но с твоей кожей и прочими проблемами после пожара... ВИЧ доконает тебя раньше, чем меня или Артема.

— Опять про Артема, — я тут же отошел от нее на шаг, прижался спиной к стене. Везде Артем, куда ни ткни, с кем ни начни разговаривать — в итоге любая тема сводится к Кустову. Интересно, Вера часто его вспоминает? А я?

— Опять паранойя, Вик? — теперь Вера приблизилась. Погладил ее по голове, пропуская волосы сквозь пальцы. — Твоя ревность меня обижает и ставит в неловкое положение. Он в прошлом. Есть только ты. Единственный.

— Я пытаюсь не ревновать, но, знаешь ли...

— Куда уж мне! — она всплеснула руками, разнервничавшись. — Вездесущая Алиса ведь не прокалывала тебе в том месяце колеса у машины и не оставляла нам письмо на двери красной помадой: скучаю.

Я рассмеялся, вспоминая проделки этой настырной дурехи. Но теперь-то они в прошлом — после скандала, что я ей устроил прямо на улице, не осмелится больше лезть. Надеюсь, что Алиса в прошлом.

— Всякую фигню запоминаешь, Вер.

— Ты тоже.

— У Алиски не все в порядке с головой. Она двинутая. Думаешь, меня одного преследует? Да у нее игры такие, спорю, с десятков мужиков еженедельно обходит, стараясь выбиться в постоянные любовницы. А Кустов... он был на концерте. Ты видела?

— Нет!

— Терпеть не может «Нежить», а ведь приперся зачем-то. Попробуй эту двухметровую фигуру не узнать в толпе.

А потом она потянулась ко мне и прошептала кое-что невероятное. Но смешное. К машине мы шли, улыбаясь во все тридцать два. Seriously, я был поражен до глубины души. Нет, мне стало страшно. Точнее, давненько мне так страшно не было, если не брать в расчет Чердака. Впервые я по-настоящему понял, с кем связался, кто прячется под личиной этого скромного кареглазого повара, и что мне грозит в случае того, если провинюсь перед девушкой. Захотелось обнять Веру, прижать к себе и расцеловать ее ладони. Разве можно не сойти с ума от этой сильной, обычно молчаливой и всегда все понимающей девицы? Угадывающей мысли. Да бросьте, такого не бывает.

Кустов, сволочь, переставил машину на пустой парковке так, чтобы занять место напротив «Кашкая». Вот не лень же было ждать, пока все разъедутся, искать мое авто. Но тогда, увидев его белую «Ауди», я лишь расхохотался, ничего не смог с собой поделаться. И пожалел его. Я даже сделал взмах рукой, отсылая салют. Он замер с сигаретой в зубах, мрачно таращился на нас, пока мы садились в машину.

И вот прошлым вечером он припомнил мне ту ночь и потребовал объяснений.

— Белов, отвечай, что смешного было? Я всю голову себе сломал, пока думал! Ожидал ведь другой реакции, — мы уже подошли к входной двери, из-за которой подозрительно громко звучала музыка, я достал ключи.

Конечно, ты ожидал испортить мне вечер и расстроился, что не вышло.

— Ни за что не скажу, брат. Прости, — и снова смеюсь, позволяя поддержать себя за плечо, так как нога почему-то немела все сильнее и удерживать себя в вертикальном положении становилось сложнее.

Информация о том, что ты чистил зубы ершиком для унитаза, будет похоронена вместе со мной. Для твоего же блага. Не везет тебе с девушками даже больше, чем мне. Бедняга.

Просыпаюсь в шестнадцать тридцать, на телефоне — двадцать восемь, без шуток, сообщений от Веры, общим содержанием: ты предатель.

«Доброе утро, Вер, — пишу ей, забивая кофемашину зернами. — Как добрались? Какие новости?».

«Добрый вечер, предатель», — отвечает.

Смеюсь. Не спрашивайте меня, что чувствую по поводу того, что скоро стану отцом. Я скажу, что ничего, кроме волнения и легкой паники, и разочарую вас, а мне этого не хочется. Когда Вера сказала, что беременна, я услышал что-то вроде: теперь я от тебя никуда не денусь. Не знаю, что меня ждет и как все это будет. Это ж первый мой ребенок, никакого опыта за плечами. Но знаете что — я хочу узнать. Мы с Верой решим вместе, как перестроить наши жизни и подготовить квартиру к появлению нового человека, когда встретимся. Спланируем каждую мелочь, как она любит. Дождаться бы.

Пью кофе, общаюсь с друзьями. Они предлагают отметить мой успех на Фестивале, а так же «помянуть» студию, собравшись вместе. И правда, сто лет не виделись, почему бы и нет. Перед смертью не надышишься, но мне действительно хочется немного отвлечься, расслабиться. Тем более, я проспал до вечера, а заявляться домой к Эльдаровичу на ночь глядя не хочется. Заодно будет время подумать и решить, звать ли с собой Артема.

Наш привычный бар, расположенный в подвальчике одного старенького дома, как и обычно в будний день, полупустой, что на руку. Джей Ви, я, Димка, еще пара ребят

потягиваем пиво, обсуждаем работу, ближайшие перспективы. Виталик напился до такого состояния, что виснет на мне и упрашивает продать «ФотоПираты» «за любые нахрен деньги».

— За «нахрен деньги» хоть завтра забирай, — посмеиваюсь я, хотя мысль кажется удачной. Материальные возможности Жоркина вполне позволяют ему подобную блажь, и мне не так жалко будет передавать Тому и свои идеи в чужие руки. Иногда смогу приходить, снимать в удовольствие... Одетых женщин. Зная, как Вера реагирует на обнаженку, воздержусь от провокационных проектов, хотя бы пока она не родит. А там видно будет — может, и удастся сохранить хобби.

Делимся на команды, играем в бильярд, каким-то образом в середине вечера к нашей компании присоединяется еще одна — женская. Девчонок на одну меньше, чем нас, что однозначно к лучшему, так как я экспериментировать не намерен... хотя...

Одна из них, услышав мое имя и хвастовство Джей Ви, что он без пяти минут владелец модных «ФотоПиратов», переключает свое внимание на меня, автора и пока еще владельца бренда. Присаживается рядом на диван, воркует, что начинающая модель и всегда мечтала попробовать себя в стиле ню. И Варечка Ради — ее кумир. Ну что ж, пожалуй, до Ради ей как до Луны, но попробовать можно. Не со мной, разумеется. Показываю пальцем на Джей Ви, но бородатый тощий чувак без известного имени ее, кажется, не впечатляет. Эх, знала бы ты, сколько денег у его отца, глупая... А вот мои татуировки — очень даже. Она проводит пальцами по моей руке, через некоторое время по лицу и, будто случайно в эмоциональном рассказе, кладет ладонь на грудь. Ничего. Не происходит ничего. Мне похрен. Для верности прижимаю ее руку к себе сильнее, опускаю чуть ниже — она намек понимает, не против. Пробегает пальцами по моему животу, ремню, ширинке, чуть надавливает... А я улыбаюсь и, наконец, убираю ее руку в сторону.

Господи, у меня столько таблеток куплено про запас, неужели придется их выбросить! Восторг. И единственная мысль в голове: скорее позвонить Вере и поделиться, что справился и больше можно не опасаться случайных касаний. Кажется, я победил! Не нужно за мной бегать, караулить, защищать. Заботиться теперь моя очередь.

Вовремя себя одергиваю, Вере уж точно не стоит знать, как я это проверил. Блокирую следующую попытку коснуться меня, говорю коротко: не хочу.

На диван, где сидим мы с начинающей моделью, подходят остальные, кроме Димки и фанатки его бирюзовых глаз, которую он усердно учит играть в бильярд, обнимая сзади. Черт, мне ж тоже теперь так можно. Ни разу не пробовал, клянусь...

Останавливаю попытку усесться ко мне на колени, двигаясь и показывая, что места еще много.

— Вик, а ты участвуешь в Фестивале эротической прозы?

— Конечно, он участвует. Мало того, он в финале уже, — хвалит меня Жоркин, подмигивая. Вот дурак, нужна мне эта реклама сто лет.

Жоркин протягивает свой огромный телефон и листает перед всеми финалистов. Я тоже заинтересовываюсь, беру мобильный, изучаю соперников. Разумеется, когда конкурс только запустили, я просмотрел все работы, но в основном мельком, не до этого было. А затем лишний раз заходить на сайт конкурса стыдно было. Перед Верой.

Одна фотография заставляет меня остановиться.

Передо мной будущий победитель, никаких сомнений. Тощая девушка сидит полубоком, закрывает руками лицо. Кожа белая, густо напудренная. Заметно выделяющиеся позвонки

отмечены чередующимися капельками черной и красной краски, темные волосы собраны вверх в небрежный хвост, открывая вид на костлявые плечи — покрытые синяками-следами от пальцев. Девушка держится уверенно, кокетничает, словно стесняется фотографа, но, впрочем, против съемки не протестует. Ее поза, наклон головы, руки показывают, что ей весело. Ей нравится прячущийся за камерой тот самый человек, кто оставил синяки на плечах, руках. Я не люблю насилие, никогда не понимал, как можно получать удовольствие, доставляя или получая боль. Из-за этого испытывал некоторые проблемы с моим ампула любителя БДСМ. Ведь смысл связывать женщину, чтобы потом только погладить?

Но не будем обо мне. Увеличиваю кадр многократно, качество отличное, позволяет. Справа на поясице у модели крошечная татуировка — две перекрещенные кости. Вот так совпадение, рисунок полностью в моем стиле.

— О, а это ж я набивал, — тычет в телефон неожиданно оказавшийся рядом Димыч. — Узнаю! Красивые косточки.

— Тату твоей работы, что ли? Ничего, что они по моему макету? Ты не обнаглел ли? Я для себя их рисую, разрабатываю, а ты теперь всем шлепаешь без разбору, еще и денежки берешь?! Выражение «нарушение авторских прав» не слышал никогда?

Он фыркает, пожимает плечами.

— Так сеструха твоя же, с ней и разбирайся. И вообще, я не виноват, что твои бабы ко мне бегают, сам рекламу даешь. Мне что, выгонять их теперь?

Кажется, только что меня окатили ведром ледяной воды.

— В смысле, моя сеструха? — поднимаюсь с места. Теперь мы оба стоим, смотрим друг на друга.

— О-о-у, — восклицает Джей Ви.

— Ты уверен, Дим? — спрашиваю. Он моргает, растерянно говорит:

— Конечно, уверен. Я свою руку ни с чьей не спутаю. Обижаешь.

— Кабздец. — Хватаю куртку и двигаюсь в направлении выхода.

Какой же я идиот, почему раньше не рассматривал конкурсные фотографии? Нет, я пролистал, конечно, все, но их было так много... И с первого взгляда не смог узнать сестру. Столько обработки, лицо закрыто, поза ей не свойственная.

Она женщина взрослая, может жить и фотографироваться, как хочет, но вопрос на миллион: синяки у нее настоящие?

Оказавшись на улице, закуриваю и одновременно ищу через поисковик имя и фамилию автора. Марк Креманкин. Знакомый бренд. Популярная сволочь. Вот почему лицо сорокалетнего дядьки в окне моей машины тогда показалось смутно знакомым. Он же в Европе живет, целая серия у него выставок с участием побитых женщин. Я не слишком интересуюсь его персоной и работами, далекий мне стиль. И вообще всегда думал, что все это грим, но учитывая постоянные синяки Арины, ее нелепые оправдания и вообще — несвойственную замкнутость, худобу, стоит разобраться в ситуации.

Звоню сестре — как и обычно, не берет трубку. Дядя Коля недоволен, что беспокою, но все же отвечает, что Арина живет у подруги уже несколько дней. Конечно, пока мамы нет, ему похрен, где и что делает Аришка, старый черт занимается личной жизнью. Бесит, вы бы знали как, что он регулярно оскорбляет маму подобными поступками, но влезать — бессмысленно. Мать его снова простит, а я останусь крайним. Было уже, проходили. Вот если бы она сама попросила о помощи...

Что же делать, где искать сестру? Боюсь, одному мне не разобраться.

— Мужик как мужик этот Марк. Я и не знал, что он фотографирует кого-то, — бурчит Кустов, вручая мне одноразовый стакан с кофе. Мы встретились в круглосуточной кафешке быстрого питания, недалеко от бара, из которого я часом ранее выбежал, как ужаленный.

К слову сказать, трубку Артем взял далеко не сразу. Обиделся, значит, что не позвонил раньше. Только на фразу: «Аришка в беде, перезвони» — соблаговолил ответить на вызов.

— Кустов, он профи.

— Не помню, чтобы он сообщал, как на жизнь зарабатывает.

— А ты и не спросил?

— Да мне похрену было. Арина приглашала выпить кофе и немного развеяться, да просохнуть от виски, я и соглашался. Чувак рассказывал, что много путешествует, у него дом в Испании. Да и вообще, я его всего дважды видел! — пытается оправдаться. Это лишнее, ведь Артем виноват не больше меня: оба проморгали девку.

— И тебя не смутило, что лет ему в два раза больше, чем ей?

— А ты, можно подумать, через пятнадцать лет перестанешь фотать восемнадцатилетних невинных фей голышом и переключишься исключительно на ровесниц?

— Это совсем другое.

— Разве? Так что, твой человек молчит еще? Может, позвонить ему?

— Ей. Нет, она уже выяснила, где студия Марка и написала мне. Но что-то читать лень, вот решил кофе для начала допить! — психую.

— Успокойся. Сейчас найдем его, потом сестру, если это правда, ну, что он ее колотит, начистим рыло. Расскажи лучше, над чем вы с Верой смеялись тогда на концерте Андэдов. Я спать не мог, все думал, гадал. Я что, клоун вам?

Снова расплываюсь в улыбке:

— Честно, понятия не имею, о чем ты.

Артем передразнивает, но в этот момент падает сообщение в ватсаппе. Тома выяснила, что знаменитый Креманкин уже несколько месяцев снимает целую студию, правда, на другом конце города. Я бы тоже мог пробить по контактам, но потратил бы на это в два раза больше времени — не слишком у меня много знакомых. Итак, едем, поглядим, что там за студия.

Отчеты непотопляемого пирата. Запись 23

Когда мы с Верой ездили в тот единственный раз на Красную Поляну в Сочи, то гуляли на свежем воздухе несколько часов подряд, пока девица-красавица не стерла ноги в кровь. Терпела бедняга, хорошо, что сам заметил ее хромоту и сходил в аптеку за пластырями. Она ни разу не пикнула и не пожаловалась.

Мы тогда много держались за руки, любовались сумасшедшими видами, стоя близко друг к другу. Чаще всего она — спереди, я — за спиной, руки на ее талии, изредка утыкался в ее шею, пьянея от аромата кожи, улыбаясь от волной накатывающих воспоминаний. Хотел ее тогда до дрожи, не поверите. Впрочем, как и сейчас. Но тогда не верил, что второй раз состоится. Теперь не сомневаюсь, что все у нас получится.

Вера была серьезной. Она вообще чаще всего серьезная, даже в моих воспоминаниях всплывают прежде всего ее умные строгие глаза, сжатые губы. Сложно было ее заставить улыбаться, не говоря уже о том, чтобы вызвать смех. Она запрещала себе радоваться, снова и снова возвращаясь к мысли о вероятности состоявшегося инфицирования. Всегда находилась

в тонусе, контролировала ситуацию. Даже когда потом, спустя недели, будил ночью, если вдруг захотелось ее, строго следила за каждым действием, не позволяя вольностей. И мне такое поведение казалось знакомым и понятным. Мы были с ней как два контролера, преуспевших в своем деле на зависть друг другу, оба чокнутые, попробуй разберись, кто больше.

Нам было хорошо вместе с первого дня. Может, поэтому удалось так быстро привыкнуть к жизни вдвоем.

Пока Кустов ведет машину, пишу краткое письмо своему другу — бывшему психиатру, благодарю за идею ведения отчетов. Я не знаю как, почему, но они действительно работают! С тех пор, как я начал их составлять, мне страшно везет. Есть, конечно, и неприятности, но все равно они намного лучше того, что происходило со мной из года в год ранее.

Не могу сдержаться и говорю вслух:

— Вера беременна, — как бы невзначай.

— Да? — искренне удивляется Артем. — А от кого??

Пишаю его в плечо, он начинает смеяться:

— Нифига себе, — качает головой. — Серьезно? Не врешь? Мне можешь сказать правду.

— Я тебя убью сейчас.

Он смеется.

— Ну, поздравляю. Мужик ты, что еще скажешь. А кого ждете, уже известно?

— Нет, кажется. Но сам факт этого — сносит крышу. Так что... я, конечно, хочу прикопать Марка за Арину, но нужно сделать это так, чтобы без исков в суде, понимаешь? У меня теперь есть люди, за которых я несу ответственность.

— Наконец-то. Ты ж этого всю жизнь хотел.

— А чего хотел ты?

— Ха. Терпеть не могу, когда кому-то от меня что-то нужно.

Кто бы сомневался. Меняю тему:

— Ты давно знаешь про мои проблемы?

— В каком плане? — делает вид, что удивляется.

— Кустов, не строй из себя дурака. Ты спросил, от кого Вера беременна. Ну и до этого намекал пару раз. Что я, совсем идиот, что ли?

— Мама сказала.

— Да знаю уже.

— Почти сразу, как ты перед ней разнылся. Через пару дней мне позвонила.

— Трындец. Это ж сколько лет уже? И молчал.

— Но это хорошо, что она мне доверилась. Потому что до этого она излила душу своим тренерам по йоге, и они ей такого насоветовали... — он закатывает глаза. — Благо я вовремя отговорил ее действовать.

— Чего-о? — я застонал, закрывая лицо рукой.

— О да. Они ей порекомендовали позвать тебя на семинар, чтобы там обработать на тему: женское начало в мужчинах.

— Не понял?

— Ну, раз из-за психотравмы бабы у тебя под запретом, почему бы не поискать родственную душу среди представителей...своего пола.

— Бл*ть. Так вот почему они так на меня смотрят, когда прихожу фотографировать их

тусовки. Мама превзошла себя. Еще бы статус поставила в Одноклассниках.

— Если тебе станет легче, то тема ВИЧ у них в последнее время самая актуальная. И мне настоятельно советовали заняться йогой. Можно подумать, сев на шпагат, я смогу победить вирус, — он кривит губы, отворачивается, пряча эмоции.

— Ты терапию начал?

— Нет еще.

— Надо, Артем.

— Нахрена?

— Поверь мне, ублюдочная полоса когда-нибудь закончится и жить тебе захочется. И лучше, чтобы возможностей у тебя в этот момент было максимальное количество.

Хмыкает:

— Я правда любил Веру. Может, ей моей любви оказалось мало. Или не поняла она меня. Все запуталось. Я такой, какой есть.

— Гордиться тебе нечем.

— Но я рад, что у тебя с ней все хорошо. Нет, серьезно. Будьте счастливы. Ты заслужил. Ну и она тоже, пусть будет в порядке. А я попытаюсь загнать свои чувства подальше. Будто и не было ничего. Покрестить-то ребенка позовете? Все ж я вас свел вместе, а спасибо так и не услышал.

— Иди к черту.

Артем паркует машину, и мыдвигаемся к современному одноэтажному зданию, в котором и находится место Икс — студия загадочного Креманкина.

Заперто, но, побродив некоторое время вокруг строения, мы приходим к согласию насчет того, что из форточки звучит еле уловимая музыка. Стучимся настойчивее, долбимся.

В итоге нам все же открывают, и на пороге, кто бы сомневался, Арина собственной персоной. Заспанная и закутанная в одеяло. Смотрит на нас вытаращенными глазами, моргает, будто не узнает, а затем кидается и обнимает обоих, да с такой силой, что мы с Артемом стукаемся лбами. Виснет на наших шеях. Мы ее тут же подхватываем, тоже обнимаем.

— Помогите мне, я больше не могу, — шепчет она.

Я выпрямляюсь, отстраняя сестру, и, сжав кулаки, делаю шаг внутрь, но что-то, вернее, кто-то тормозит движение. Артем:

— Спокойно. Вера беременна, не забывай. А мне терять все равно нечего.

— Вера беременна! — хлопает в ладоши Арина, затем под моим строгим взглядом опускает глаза и цепляется за мое плечо.

Сначала в студию заходит Артем, затем я, следом Арина. Небольшой коридор обрывается так же резко, как и начинается, и мы попадаем в просторную круглую комнату без окон, окрашенную черной краской. И повсюду, не поверите, приколоты к стенам, развешаны на лесках, подобно выстиранному белью, фотографии сестры.

Да, в том же самом стиле, что и на Фестивале. Гребаное искусство насилия, принуждения, избиения, эротики, — все переплелось, смешалось. Тошнит. Здесь столько образов, ракурсов, — клянусь, хватит на полноценную выставку.

— Твою ж мать, — выдыхаю, оглядываясь. Достаю сигареты, прикуриваю. Арина все еще держится за мое плечо, утыкается в него.

— Прости меня.

— Но зачем?! — спрашиваю. — Арина, тебе действительно это нравится? Он тебя

принуждал?

— Нет! — Это ответ на первый или второй вопрос? А затем она тихо добавляет: — Поначалу было классно. Он казался интересным, умным, недостижимым. Он фотографировал меня, и под объективом его камеры я превращалась в богиню. Марк видел меня такой, как никто и никогда! — горячо заверяет.

— А потом? — спрашивает Артем сквозь зубы.

— А потом все пошло не так. Ему нужно было больше эмоций, чем я способна показать, глубже образы, чем те, что я могу изобразить. Он художник, он так видит. А нарисованные синяки не передают и половины страсти, что была между нами.

Мы с Кустовым ругаемся — что примечательно, одними и теми же словами.

— Я не могла рассказать вам! Вы бы его убили! — кричит она, плача. — Или покалечили. А он бы вас уничтожил — после. Самой же уйти не получалось. Он как зараза. Сколько раз я рвала с ним, убегала! Помнишь тот вечер, когда ты приехал к Вере и нашел там меня якобы после ограбления? Я поклялась, что больше никогда не позволю ему к себе прикоснуться. Он перешел все границы. Я думала, что умираю, а он скакал вокруг с камерой, как психопат. А потом... потом он приехал и... я сама села в его машину. Понимаете, даже когда он меня бил, он всегда оставался очень нежным.

— О чем ты, черт подери? — рычит Артем.

— Утешал, обнимал, целовал. Шептал: потерпи, моя маленькая, моя хорошая. Немножечко осталось, ты умница, красавица, ты самая лучшая. Еще капельку, один разочек, любимая... — ее глаза блестят фанатизмом, от которого становится жутко. Что-то такое я уже видел в совсем других глазах. Безумие человека, готового на все, чтобы оправдать поступки, на которые толкают внутренние демоны.

— Он умеет так жалеть... как никто в мире. Ради того, чтобы он жалел, обнимал, шептал и любил, можно стерпеть многое.

— То есть тебе здесь хорошо? — получается громче и грубее, чем я планировал. — Нам с Артемом уйти, ты остаешься?

— Нет! Заберите меня, умоляю. Прекратите это. Сделайте так, чтобы он перестал мне звонить, приезжать. Пожалуйста. Я сама не справлюсь. В минуту просветления я послала фотку на Фестиваль, чтобы ты, — ударяет меня по плечу, — все понял. Но ты так долго не понимал... ничего! Марк, как узнал, был в ярости, он презирает подобные конкурсы.

— Птица другого полета, еще бы.

— Но он никогда, клянусь, никогда не бил меня просто так или в наказание. Только ради искусства. В остальном он самый нежный и лучший.

— Птица какого там полета?! — орет Артем на сестру, и когда та закатывается в рыданиях, бросается на портреты и начинает их рвать. Помешкав несколько секунд, я к нему присоединяюсь. Мы швыряем мебель, топчем фотографии, кромсаем плотную бумагу, едва отдавая себе отчет, что это бесполезно, — в любой ближайшей фотомастерской можно распечатать еще тысячу снимков.

Арина к нам присоединяется, схватив большие ножницы. Ее глаза снова блестят, но сейчас — энтузиазмом и жадой прекратить все это, пока она с остервенением режет произведения отвратительного искусства на мельчайшие кусочки, подобно шредеру. А затем начинает резать себе волосы, но тут мы с Артемом подключаемся и забираем острый предмет из ее рук.

— Вы же мне поможете? — спрашивает она через полчаса. Мы втроем сидим на полу в

студии, пьем односолодовый виски из горла, передавая бутылку из бара Креманкина Великого по кругу.

Арина морщится, делая глоток, зажимает рот тыльной стороной запястья, кашляет, кривится. Впалые щеки тут же вспыхивают румянцем, глаза косеют. Совсем еще ребенок.

— А где вы вообще познакомились?

— Он сам нашел меня и написал первым. Понравились мои фото в «Инстаграме». Кстати, твоего авторства, Вик.

— Кабздец, как приятно слышать.

— Но он нашел в них море ошибок. И раскритиковал каждую.

— Да куда уж мне, — киваю на горы изрезанной бумаги вокруг, — до профессионалов.

— Он от меня не отстанет, пока не закончит свою долбаную выставку. А это еще два образа, — снова начинает плакать, — но я не выдержу! Он там такое придумал! — закрывает лицо ладонями. — Не смогу. Не переживу. Мне страшно от его планов.

— Никаких образов больше не будет.

— Я здесь все нахрен подожгу с ним вместе, если только сунется. Уж я знаю, как это делается. Кстати, где он?

— Вик, не надо, — пораженно шепчет Арина. — Не вздумай, не связывайся с ним. Я знаю, ради меня ты не такое сделаешь, но не подставляйся.

— Так где он, Арин? — повторяю вопрос.

— Улетел по делам в Париж. Послезавтра, — делает паузу, смотрит на часы, — нет, уже завтра утром вернется.

— Интересно, он когда-нибудь слышал о СПИД-терроризме? — задумчиво тянет Кустов, встречаясь со мной взглядом. — Белов, будет весело, обещаю. Не так тепло, конечно, как от горящего человека, но тоже не замерзнем.

«Конечно, родная, как только здесь закончу — сразу к тебе», — пишу Вере.

«Я очень сильно по тебе соскучилась. Мама твердит без остановки, что ты не приедешь, всю строит планы, как будем сами воспитывать малыша. Собирается уходить на пенсию и сидеть с ним, пока я пойду работать чуть ли не сразу после родов. И строить личную жизнь».

«Вер, ты же понимаешь, что я приеду?».

«Да, но ее слова тяжело игнорировать. Тем более, я бы сама хотела сидеть с ребенком, хотя бы первый год. А папе ты понравился. Но он тоже считает, что больше мы тебя не увидим».

«И тем не менее, я ему понравился?» — отправляю ей смеющийся смайлик. — «Обещаю, что как только разрулю проблемы, сразу за тобой, первым делом. Как ты себя чувствуешь?»

«Тошнит постоянно, но это неплохо. Так я точно знаю, что беременная, — токсикоз во всей красе. А сегодня утром, когда проснулась без тошноты, перепугалась до смерти. Вернее, мама подлила масла в огонь, сказав, что это плохой знак. Настраивайся, дочка, на худшее. У нее так же было, и она потеряла ребенка. Но к завтраку, к счастью, мне снова поплохело».

«Вер, блин... Все хорошо будет».

«Прости, что жалуюсь тебе на маму, это ужасно некрасиво. Да я и не жалуюсь вовсе, она замечательная. Но умеет себя накручивать с пол-оборота, да и меня заодно. Хотя я сопротивляюсь, честно».

«Сопровствляйся изо всех сил, Вер. У нас все будет прекрасно, обещаю тебе. Больше

позитива. Тебе сейчас только он и нужен».

«Ты прав, милый. Но когда ты рядом, мне спокойнее».

«Я скоро буду снова. Просто подожди».

О том, что мы с Артемом только что здорово разукрасили физиономию — и не только ее — одному из самых известных фотографов Европы, я писать не стал. Пальцы ноют и немеют, отчего печатать сообщения сложновато, но игнорировать Верин зов о помощи нельзя. Вы же знаете, какая она. Накрутит себя до предела, потом попробуй назад раскрути, убеди, что все в порядке. Поэтому я ей набираю сообщения, пока Креманкин отхаркивает кровь, силясь подняться на четвереньки. Вы, возможно, думаете о нас с Артемом, как о двух отморозках, предпочитающих любой конфликт решать на кулаках. Думайте, что хотите, это наша сестра, и отвадить от нее психически нездорового козла мы обязаны. И используем тот способ, до которого додумались.

В любом случае, по-хорошему Креманкин разговаривать не захотел. Мы пытались. Уверенный в себе прилизанный гелем гад, появился час назад на пороге студии и начал кричать, чтобы мы убирались с его территории куда подальше, иначе он вот сейчас же вызовет полицию. И вообще, все претензии по поводу сестры готов принять его адвокат, а сам он разговаривать с такими нищebroдами не намерен.

Ну как ему было не врезать после такого, судите сами.

К слову, Арина прячется у меня дома. За прошедшие сутки впервые с Артемом оставили ее без присмотра, до этого разговаривали без остановки обо всем на свете, стараясь отвлечь. Без шуток, у меня челюсть болела.

Короткая перепалка показала, что бить Марк умеет только хрупких молоденьких девчат, против нас он лишь смехотворно замахивался, теряя равновесие от собственных неуклюжих движений.

Он, конечно, физически развит и подтянут, тренажерку посещает регулярно, без сомнений, но сила — ничто, когда нет техники. А на нашей с Артемом стороне, помимо количественного преимущества, насмерть стояли злость и желание отомстить за сестру.

— Ты сейчас же удаляешь Ариныны фотографии со всех ресурсов, не сохранив ни единой копии, — говорю ему, убирая телефон в задний карман джинсов.

— Рехнулся?! Татуированный фрик, ты представляешь себе, сколько там часов работы?! Сколько сил, времени, идей? Они золотые! Лучшая моя выставка! Да я скорее сдохну. Ну, давайте, убивайте. Что застыли? Кишка тонка? В тюрьму не хочется, да? Тогда проваливайте отсюда. Ладно, это избиение я вам прощу, так уж и быть. Понимаю, сестренку жалко. Но выросла деваха-то ваша. Видели бы вы, на что она способна, какой потенциал хранит... — он не успевает договорить, получая еще один удар от Артема.

— Садись, мать твою, — Кустов хватает его за подмышки, поднимает и бросает на стул, заставляет откинуться на спинку, держит. Хватка мертвая, из лап этого лося не вырваться.

— Арина, должно быть, рассказывала, что у ее брата ВИЧ? — спокойно говорит Артем. Креманкин моргает, смотрит на нас непонимающе.

— Как, нет? — удивляюсь. — Ну, так вот, почитай, — протягиваю ему медицинскую справку, которую тот быстро пробегает глазами.

— Хреновы твои дела, парень, — говорит он мне.

— Не то слово. Так вот, мне похрену, как подышать, — задираю майку, показывая живот и грудь, Марк аж затрясся от вида шрамов. Мне становится немного не по себе в этот момент, но план есть план, следуем ему. — Смотри, что он делает с кожей. Такая вот

деформация. Хочешь себе такую же красоту? — Он таращится на меня, дергается, пытается встать, но не тут-то было, Артем вцепился мертвой хваткой. Между тем я распечатываю шприц, выпускаю из него воздух и прокалываю себе вену, набираю чуток крови, затем демонстративно выпускаю ее вверх фонтанчиком. Марк морщится, отворачивается. Он в ужасе дергается, вырывается.

— Ты что задумал? Э! Это убийство! Тебя посадят! Не вздумай, слышишь? Ты сгниешь в тюрьме!

Подхожу, хватаю его руку, задираю рукав. Марк страшно орет, клянется, что сделает все на свете, пытается откупиться, обещая золотые горы. Одолевают странные ощущения, пока вгоняю иглу ему в руку. Переглядываемся с Артемом, тот кивает.

Потом отходим от Марка, тот падает на пол и рыдает. Некоторое время наблюдаем за этим уродом, курим. Затем, когда он немного успокаивается, я подхожу и показываю ему свой паспорт, в который тот смотрит, не сразу фокусируя взгляд.

— Слушай меня, тварь. Моя фамилия Белов, читай, ну же, если не разучился. — Артем подходит и показывает ему свои права. — Видишь, какая фамилия на справке? ВИЧ у него. А я полностью здоров, недавно проверялся. И ты, пока что. Но, сука, если ты еще хотя бы раз попадешься или мне, или ему на глаза, не дай Боже встретишься с Ариной или ответишь на ее звонок или сообщение — а она девица непредсказуемая и наивная в силу возраста, или опубликуешь где-то фотки сестры, инъекцию мы повторим. Но на этот раз с верным братом.

Лишь бы Креманкин не рискнул проверить, насколько решительно мы настроены. Ведь одно дело напугать, другое — преднамеренно убить. Остается надеяться, что цель достигнута и Марк в ужасе.

— Мне терять нечего, ты понял? — гаркает Артем для закрепления эффекта. — Все равно сдохну, с тобой или без. Так что найди себе другую работу. Фотографируй природу, спорт, еду, а от девок отвали. Уяснил? Пойдешь в полицию — тот же итог. Достану тебя все равно. Я ходячий труп, мне похрену на все.

В ответ кивок. На этом мы уходим. Можно было разобраться с ним жестче, сломать пару костей, например, но мы не готовы ставить на кон свое будущее. А оно у нас есть: и у меня, и у Кустова. Несмотря на все страшные уроки, которые нам преподала жизнь. Да, возможно, заслуженно, но непомерно жестоко. Навсегда ломая, не позволяя вернуться к себе предыдущему. Заставляя приспособиться. Выстроить себя заново. Я уже смог. Получится ли у Артема?

— Это неправда, ты ведь понимаешь? — говорю ему. — У тебя есть будущее. И ты не ходячий труп. И если захочешь, то все может измениться. Работа, семья, другая жизнь. Только нужно захотеть.

Он лишь подмигивает на мой внезапный порыв поддержать.

С Кустовым мы никогда не сможем общаться как раньше. Вера навсегда встала между нами, рассорив, — оба это понимаем. То, что он сделал — простить нельзя. Забыть — время покажет. Но в машине перед особняком Марата Эльдаровича мы жмем друг другу ладони крепко.

И все же нет, я не смогу забыть то, что он сделал с моей любимой девушкой, а ему придется жить с чувством вины. Но что бы ни случилось, я буду звонить и спрашивать, как у него дела и как проходит лечение. И если он напишет, чтобы я купил курить, то сорвусь и приеду.

Перед тем, как позвонить в высоченные резные ворота, я еще раз проверяю почту и

вижу, что упало письмо от Баля Олега Николаевича. Он пишет, что рад за нас с Верой и что самое лучшее нас ждет впереди. Это странно — общаться с человеком, которого не видел ни разу в жизни, да и не хочется, если честно. Но который знает обо мне все, даже самые страшные вещи. Набираю полную грудь воздуха, выдыхаю и звоню в домофон.

Артем ждет в машине с телефоном в руке, настроен решительно, кивает мне, подбадривая. Ему не нравится блестящая идея сдать врагам добровольно, но мне не терпится поставить в этом деле точку. Меня ждет море дел. Я знаю точно, что мать несчастлива в браке, Арина находится в депрессии после случившегося, моя беременная мнительная невеста подвергается ежедневным атакам своей еще более мнительной и негативно настроенной матери, а брат обещал начать терапию, только если я выживу, запросто переложив на мои плечи ответственность еще и за свою жизнь.

Как-то так вышло, что все они накинули крючки мне на шею, приходится двигаться, выживать, тянуть.

Улыбаюсь, заходя в просторный двор, уже зная, что буду говорить.

Встречает меня незнакомый мужчина средних лет, отдаленно похожий на Марата Эльдаровича, но моложе, и стройнее в два раза. Он улыбается, и сходство испаряется, будто не было. Смотрит остро, внимательно, одет дорого, на прислугу не похож, хотя попробуй разбери — Анатолий Петрович тоже на вид бизнесмен.

— Добрый день. Я звонил Марату Эльдаровичу насчет встречи, он сказал, что будет ждать меня сегодня, — говорю вежливо, без вызова. Я настроен на мир, надеюсь, они — тоже.

— Виктор Станиславович? — тянет мне руку — пожимаю. — Меня зовут Руслан Эльдарович, можно просто — Руслан. Проходите, я ждал вас.

Мы заходим в дом, идем по просторной прихожей, краем глаза я отмечаю ужасно безвкусный, но бесстыдно дорогой ремонт, те самые малахитовые гобелены, позолоченные диваны с рюшами и кисточками, на которых так настаивал мой бывший клиент. Неуютно тут, будто пыльно. А может, я просто понимаю, куда попал и что могу не выбраться. В прошлый раз они закрыли меня в гараже, нацепив мешок на голову, облив бензином, чего ждать на этот?

Но бежать поздно. В кабинете нас двое. Руслан чувствует себя здесь как дома. Пока он серьезен, снова похож на Марата Эльдаровича, делаю ставку на брата. Мне показывают садиться на стул напротив стола, за которым уже устроился в громадном кожаном кресле Руслан, предлагают чай, кофе. Все это лишнее.

— Рад с вами познакомиться, Руслан, но о встрече договаривался с другим человеком, — снова пытаюсь начать разговор.

— Знаю, Виктор. Но Марат Эльдарович очень занят, его сейчас нет в стране. А поговорить с вами нужно. Тем более, мы не ожидали, что вы позвоните сами, да еще решитесь приехать после случившегося.

Скрещиваю руки на груди, можно подумать, мне оставили выбор. Он продолжает:

— Я восхищен. Думал, что потерял вас после шоу, которое устроил Анатолий Петрович.

— Потеряли меня? В каком смысле?

Он отвечает на сообщение в телефоне, просит подождать одну минуту.

— Давайте договоримся хоть до чего-нибудь в отношении... — начинаю говорить и резко замолкаю, прервавшись на полуслове.

— Продолжайте, я в курсе всего.

Ах, вот оно что. Вся семья Эльдаровичей в курсе.

— ... в отношении моей травли. А раз вы в курсе всего, что со мной случилось много лет назад, моих слабостей, страхов, то скажите, наконец, чего вы в итоге добиваетесь. Уничтожить Костикова удалось и без моей помощи. Хотите преподать урок — так у вас вышло.

— Вы пришли за этим?

— Да. Я понимаю, что мне с вами не тягаться ни в плане денег, ни в плане связей. Вы прочитали историю моей жизни, которую я скрываю всеми возможными способами, играючи. И теперь жжете мое имущество, угрожаете мне или моим близким. Чего вы от меня хотите? Скажите — я сделаю. Только отпустите уже.

— Стоп. Виктор, вы запутались. Экспертиза показала, что поджога не было. В студии перемкнуло проводку или что там еще.

— Да, но...

— Не было поджога. Случился несчастный случай. Виктор Станиславович, вы за кого меня принимаете? Маньяка какого-то? Вы уже встречались с одним, поэтому ищете черты того сумасшедшего, который вас изувечил, в каждом теперь?

— Методы у вас не внушают доверия. Гараж, мешок...

— Я хочу предложить вам работу, — вздыхает он, откинувшись на спинку стула. Дверь открывается, заходит Анатолий Петрович — я тут же напрягаюсь всем телом, но тот идет мимо с подносом. Ставит на стол кофе для себя, меня и Руслана. Сам присаживается на диван поодаль, коротко поздоровавшись.

— Вы извините, что так вышло. Цель была иной. Мы хотели выяснить, кто вы такой, почему не идете навстречу, отвергаете все предложения. И такое узнали... Ваша история переполошила всех. Не каждый день встретишь человека, прошедшего через ад и оставшегося в своем уме. Передайте спасибо вашей подружке, кстати, без нее бы мы не знали куда копать.

— Алиске.

— Кажется, да. Хорошенькая и очень на вас обиженная блондиночка. Мы решили провести эксперимент. Наверное, это было слишком, но, даю слово, никто не ожидал, как на вас подействует обливание бензином. Хотели припугнуть, не более.

Включается Анатолий Петрович:

— А потом сгорела ваша студия. И грех было не воспользоваться ситуацией.

— Случайно ехали мимо, а тут сюрприз? — саркастически улыбаюсь, не веря ни единому слову.

— Именно. У вас с утра съемка должна была быть, это я забронировал часы. Нужно было поговорить с вами. Подъезжаю и вижу — здание погорело. И вы рядом сидите.

— Решили добить? — усмехаюсь.

— Это было лишнее, — сухо перебивает Руслан. — Анатолий Петрович должен был с вами связаться для того, чтобы переговорить насчет нашего предложения, а не устраивать похищение.

— Какого предложения?

— Сигарету, может? — услужливо протягивает мне пачку Анатолий Петрович. Издевается, сука. Ладно. Киваю, беру из его рук. Подкуриваю от протянутой зажигалки. Они оба наблюдают за мной неотрывно. Видимо, правда разузнали все от и до. Заинтересовал их, надо же. Пожимаю плечами. Щелкаю зажигалкой, подношу к огню ладонь, терплю, затем

отдергиваю. При этом смотрю Руслану в глаза. Он хлопает в ладоши, без шуток. Это перебор, поэтому никак не реагирую.

— В подвале было страшно, — добавляю.

— Методы, которыми пользуются люди моего брата, я не одобряю, — сухо добавляет Руслан. — Я хочу предложить вам хорошее место. Мне нравятся все ваши идеи по отелю на Яблоневой, и впечатлило то, как вы спорили с Маратом, отстаивая свою точку зрения — корректно, настойчиво и аргументированно. Также я посмотрел другие ваши проекты и даже фотографии. И вы мне угодили. Как человек, личность. Вы активный, смелый, преданный. Полный энтузиазма. Не хотите поработать на меня?

— Спасибо, нет. Уже поработал.

— Вы не поняли, не на брата. А на меня. Он затеял всю эту возню с Костиковым из-за меня, но я его не просил. Мне уже давно нет дела ни до вашего бывшего босса, ни до его жены, бывшей когда-то моей женой. Ладно, не суть. Я готовлю огромный проект сети отелей по Черноморскому побережью, начиная от Крыма и заканчивая Адлером. Возможно, прорвемся и в Абхазию. Кое-что будем строить, если найдем подходящие отели — выкупим и переделаем.

— А какая концепция?

— Вот вы мне и скажете. Вернее, не только вы. Набирается команда. Нужен новый бренд, который будем раскручивать с нуля. Что-то неожиданное, уникальное для нашего юга. Уютные номера, отличный сервис, незабываемые СПА. Мне нужны люди, на которых можно положиться, опереться. Работы будет адово море. И денег тоже. Вам как, интересно?

Молчу. Думаю. Предложение, конечно, заманчивое. Но снова связываться с этими людьми не хочется.

— Не сомневайтесь даже, зарплата — белая, официальное трудоустройство. Детали обсудим. С уже набранной командой можно познакомиться. Если кого-то порекомендуете, то проведем собеседование. Давайте, решайтесь. Нам нужны такие, как вы — молодые, талантливые, честные. Не боящиеся трудностей.

— Пока вы зарекомендовали себя как не самый лучший работодатель, — тяну время, хаотично соображая, что ответить. У меня девушка беременная, нельзя мне ввязываться во что-то рискованное. Но деньги тоже нужны, причем по той же причине.

Он протягивает мне визитки.

— Поговорите с этими людьми, они вам расскажут обо мне. Наведите справки. И позвоните. Но лучше — поскорее. Потому что в следующем месяце мне бы уже хотелось всех собрать в Адлере, где будет центральный офис, и приступить к работе. Два здания уже выкупили...

Он говорит и говорит, и с каждым словом все больше хочется согласиться. Знает, на что давить, умеет заманивать. В моем случае — не работа, а мечта. Затем он берет телефон, что-то печатает, и мне приходит сообщение — на карту свалилась значительная сумма.

— Считайте, что это аванс или, если все же откажетесь, возмещение морального ущерба. Идите, думайте, Виктор Stanisлавович. Посоветуйтесь с вашей девушкой. Что вам делать в Москве? На юге стройка в самом разгаре, вы как дизайнер там больше пригодитесь.

После этих слов он поднимается, я тоже. Жмем руки, затем меня провожают на улицу. Так и не понял, как оказался за воротами. Артем высовывается из машины и спрашивает: «Все нормально?» — киваю в ответ.

В голове сумбур. Руслан произвел впечатление, он совсем не такой, как его старший

брат. Видно, что человек современный, умный, методы Марата Эльдаровича ему неприятны. Но... нельзя же быть до конца в этом уверенным? С другой стороны, в любой момент можно нарваться на того, кто кинет на деньги. От всего не застрахуешься. Такая уж у меня профессия — временами неблагодарная. А в Москве мне действительно пока делать нечего. Работы нет, студия сгорела, фотографировать свадьбы — не хочется. Бродить по компаниям — искать место? Слава раздавленного «Континента», боюсь, еще долго будет наступать на пятки.

Зачем-то набираю номер Софии.

— Вик, привет! — радостно говорит она. — Как дела? Мы с Верой созванивались, она там скучает у родителей, бедняжка. И у них какие-то перебои с интернетом, представляешь?

Какая хорошая новость! Вере бы вообще его вырубить навсегда.

— София, я посоветоваться. Как со второй мамой.

— Да, слушаю, — говорит она серьезнее, даже строго. Тем же тоном, каким общается с дочерьми: — Что такое? Ты можешь рассказать мне все, — категорично заявляет, и я расплываюсь в улыбке.

— Слушай, а в Сочи же есть роддом?

— В Сочи я родила двоих детей, Вик, и уж поверь — не под пальмой.

— Отлично. Вера беременна.

— Вау, поздравляю!

— Да. И... мне работу предложили у вас. Хорошую. Пока еще ничего не ясно, но им удалось меня заинтересовать. Проект длительный, на несколько лет. Вот думаю, согласится ли Вера уехать из Москвы, и стоит ли ей вообще предлагать.

— Конечно, стоит! Вик, даже не сомневайся. Здесь такой кайф, воздух чистый, влажный. Море. У меня подруга близкая — акушерка с огромным опытом работы. К самому лучшему врачу твою Веру устроим, будет наблюдать. Потом и в роддоме договоримся. Я тут всех знаю: детские врачи, центры, садики, школы... Мне все близко, недавно же проходили. А вы там сами что делать будете? Кто вам подскажет? Да никто. Поживете у нас!

— Может, первое время и придется, пока я точно не решу, остаемся или нет. А потом снимем квартиру. Наверное, Вере захочется отдельное жилье.

— Конечно. Подыщем в нашем районе вам что-то. Будете к нам приходить хоть каждый день — все свое в огороде растет, натуральное. Дворик. Ребенок гулять будет в саду. Это отличная идея. Лучшая, что приходила в твою голову.

От радостной перспективы, описанной Софией, сердце учащается. И правда, звучит заманчиво. Если получится, как планируем. А почему бы и не получиться? В крайнем случае, женятся люди и в Сочи, никогда не поздно взять фотоаппарат и заняться фотосессиями.

А что меня держит в Москве? Мама, сестра, брат? — будут приезжать в гости. Может, увидев, что у меня наконец-то все налаживается, родители смогут... хотя бы поговорить. А потом и простить друг друга, как знать.

Могила Чердака? — я вас умоляю. К черту ее! К дьяволу! Хватит уже чернить мою душу. Не настолько она в итоге оказалась уродливой, раз получается выкарабкаться.

— Тогда я поговорю с Верой, — говорю все еще неуверенно.

— А я со Стасом. Он в обморок упадет от новости. Как здорово-то, Вик! Я так за вас рада! А то вечно приедешь — один, угрюмый, недовольный. С отцом поцапаетесь — и спать. То ли дело сейчас. Такой ты мне больше нравишься.

— Ладно, я понял. Надо идти. До связи.

Кое-как обрываю Софию, с ней можно часами болтать ни о чем. Направляясь к машине Артема, прижимаю ладонь к груди, но не к флагу, а к колотящемуся сердцу. Флаг пусть будет, он — мое прошлое, нет ни малейшего желания удалять его или перекрашивать. Он — напоминание о том, чего я больше всего боялся: стать чудовищем, подобным Чердаку, опасной тварью, в которой жажда мести и своей извращенной справедливости не оставляет места человечности и... вере в хорошее. Клянусь, я не такой, как он. Жизнь тестировала, подкидывала поводы слететь с катушек, но я устоял. Вы гордитесь мной? Если ждали момента начать, то сейчас — самое время.

— Поехали. Нужно отвезти Арину к родителям. Мама уже прилетела, наверное. Интересно, дядя Коля, хм, прибрал квартиру?

— Тоже знаешь про его роман с этой, как ее?

— Да он особо и не скрывал. Ладно, не будем об этом. Слишком неприятно.

— Мне тоже обидно за маму, что бы ты там себе ни думал. Надеюсь, она ни о чем не узнает.

И поэтому в своей личной жизни ты поступаешь обычно так же, как твой отец. Но судя по выражению лица — Кустов не врет. Нашу маму он любит, я знаю. И ценит. Наверное, она единственная женщина, которую он уважает. И, вероятно, ждет от своих подружек такой же покладистости и всепрощающей любви.

Артем следит за дорогой, а я смотрю в телефон, открываю календарь. Трое суток после спасения Арины из лап Креманкина пролетели незаметно. Эти дни мы занимались только тем, что развлекали сестру, устроив ей насыщенную программу, включающую парки, аттракционы, кино, театр, душевные беседы обо всем на свете... и девушка неожиданно быстро начала улыбаться и становиться собой, прежней. И, что самое главное, нормально кушать! Вовремя мы ее спасли. Страшно подумать, что случилось бы, доведи Марк задуманное до конца, а затем выбрось ее из жизни — как ненужный, выжатый до корки апельсин, показав на весь мир, какой крутой мачо и на что готовы женщины ради его внимания.

— Так что тебе сказали-то? — говорит Артем.

Передаю в нескольких словах суть разговора с Русланом. Артем глубоко задумывается, но отвергать идею не спешит. Пока везет меня домой, не переставая болтает о себе и блестящих идеях насчет ухода в контрактники или открытия сети автомоек с каким-то другом — такой вот разбег, а я размышляю о будущем. Налаживается все. Деньги — есть, планы кое-какие — тоже имеются. Угрозы, напротив, — в прошлом. Надеюсь только, что Вера захочет со мной разговаривать после того, как узнает о фотографии на Фестивале. Будет ужасно несправедливо потерять достигнутое из-за такой ерунды.

— И тогда я эту Алиску хрясь о панель лицом!

— Чего? — прерываю поток мыслей, цепляясь за последние слова Кустова. — Что ты сделал?

— Припечатал о панель в машине. Вон, даже вмятина осталась от носа. Эй, я пошутил, нет, конечно, вмятины, — любовно гладит мягкий пластик «Ауди».

— Ты рехнулся, что ли? Ты зачем с ней вообще продолжаешь общаться?

— Зато больше она рта о тебе не раскроет никому.

Пораженно качаю головой.

— Она мне, между прочим, после этого уже три раза позвонила. Так что все путем. Ты

хоть и предпочитаешь такого склада девиц, обращаться с ними совсем не умеешь. Пожестче с ними надо, — показывает мне кулак. — И вообще, бабы любят, когда с ними строго. Еще Пушкин говорил: чем больше женщину мы любим...

Закатываю глаза. Когда уезжал утром на встречу с Эльдаровичем — Арина еще спала. Время близится к обеду, надеюсь, она выспалась и отдохнула. Потому что ей предстоит долгий разговор с вернувшимся из Азии, набравшейся очередных безумных идей, мамой. И ее группой йог-поддержки. Раз уж нам с Артемом досталось, чем она хуже? Правильно — ничем. Пройдет полную реабилитацию в мамином стиле, как миленькая. Чтобы в следующий раз думала, попадать ли в передрыгу.

«Завтра приеду, Вер. Жди. Утром рано встану и в путь. В ночь бы уже рванул, но нужно с Ариной и мамой побыть. Арина с Марком, кажется, все. Окончательно расстались. Можно спокойно оставлять ее одну».

«Расскажешь подробнее?»

«Как приеду — конечно. Ты там еще ждешь меня?»

«Шутишь? Телефон из рук не выпускаю».

«Я соскучился. И у меня много новостей. И планов. Не верю, что пишу это, но — до завтра».

Стрелка спидометра показывает за сто двадцать километров в час, машина летит по пустой трассе, любимая музыка подбадривает, гремит, на пару со второй чашкой кофе не дает заснуть. Светает. Мне действительно весело. Сжимаю руль от нетерпения. Я в пути уже несколько часов, больше половины трассы за плечами, осталось совсем немного. И пока есть время, давайте поговорим о пиратских отчетах.

Понадобилось двадцать три штуки, чтобы решить мои нерешаемые проблемы, сорваться с тошнотворной орбиты выживания, за которую зацепился когда-то давно, мечась между болью и страхом эту боль испытать.

Смотреть на меня голого по-прежнему трудно. Но «трудно» — это хорошее слово. Мне оно нравится. Оно лучше, чем «невозможно». Оно дарит надежду и веру.

«Кашкай» летит по гладкой, как стекло, дороге в сторону городка Веры. Хорошая машина, надежная, но я подумываю о том, чтобы сменить ее на что-то солиднее. Новая работа обещает хорошие перспективы, большие деньги, и теперь можно позволить себе помечтать. Переезжая на новое место, не хочется тащить за собой старые вещи из прошлой жизни. Ничего забирать не буду из Москвы. Особенно диван! Помилуйте, месяц на нем мне до конца жизни в кошмарах сниться будет.

Квартиру в столице пока сдам в аренду, и если с Верой приживемся в Сочи, то и вовсе — продам. Купим просторное жилье в том же районе, где дом отца, там спокойно и инфраструктура развита.

Главное, чтобы Вера одобрила план и согласилась на неожиданный переезд. Но что она может противопоставить? Экология, море, климат — уболтаю в пользу Сочи. Работа, карьера — в южной столице полно ресторанов, уж без места точно не останется. В отношении медицины, садилов, школ — София с ней поговорит. Надеюсь на вторую маму. Она уже, кстати, готовит с дочерьми презентацию на английском и французском, включающую танцы, песни и стихи, чтобы показать, как хорошо развиты ее дети. Кроме того, на крайний случай у меня припасен бонус-аргумент: темными ночами в Сочи мы сможем сколько угодно купаться голышом! А она обещала, вы же помните?

Сейчас нужно подумать, как преподнести новости, чтобы Вера не испугалась. Она консерватор, к любым переменам относится настороженно. Но... друзья, я пообщался с теми, кого уже набрали в команду Руслана — и точно знаю, что хочу работать с этими людьми. Я о них слышал, знаю многие законченные проекты, где они успели засветиться. Куда попало они не подались бы, и уж точно не стали бы вкалывать за копейки.

Руслан сказал, что ждет меня в Адлере через две недели, там и обговорим детали, подпишем договор о трудоустройстве.

А еще... Вот сейчас важный момент будет. Переломный. Поймите меня правильно: я очень надеюсь, что отчеты мне больше никогда не понадобятся. С их помощью я рассказывал вам о своей бесконечной борьбе, делился настолько личными страхами, что о них стыдно признаться даже друзьям и родителям. Учился верить. Сначала это было смешотворно и жалко, кто я — обожженное чучело, от которого шарахались повидавшие жуть медсестры в больницах, на что смею надеяться? Затем постепенно обретал уверенность в себе. Учился доверять, а также быть тем, кому хочется поверить. Вы прошли со мной долгий путь. И знаете... без вас бы я не справился. Вы подталкивали меня, подбадривали, помогали своим молчанием. Иногда осуждали, иногда смеялись или даже хвалили. Но дальше я должен двигаться сам. Проблемы изменились. Изменился и я. У нас с Верой впереди жизнь со всеми ее трудностями, радостями, но это уже будет совсем другая история. Без триггеров, Чердака, Насти. Без желания обвешаться пиратскими флагами, слухами, странностями.

Я планирую держаться. Забыть о кошмарах, ревности и недоверии. А значит, отчеты мне больше не понадобятся. Запомните это. Пока у меня все хорошо, я смогу обходиться без них. Следовательно, если долго не пишу — не теряйте. А просто порадитесь. Значит, мы с Верой живем в квартире на черноморском побережье, растим детей, работаем. Справляемся. Мне этого хочется. Надеюсь, ей тоже все еще будет хотеться — после того, как она узнает о том, что ее фотография заняла третье место на Фестивале. Аринина, кстати, — второе, — не оценили Креманкина в России по достоинству. Надеюсь, этот внезапный успех — первый и последний в статусе модели для обеих девушек. Все же сестра нацелена продолжать учебу и стать косметологом. Но на всякий случай буду приглядывать за ней.

Рядом на пассажирском сиденье сверкает, переливается в первых солнечных лучах, пробивающихся сквозь тучи и окно, популярный гляцевый журнал «НУ», в котором Верина фотография на развороте. Вообще-то, разворотов целых три — сколько и призовых мест.

Хреновы мои дела.

Возможно, я погорячился, и отчеты мне еще понадобятся. Так что пока не расходитесь! Побудьте со мной еще немного. Через пару часов Вера узнает правду, даст пирату от ворот поворот, и придется мне как-то снова приспособливаться. И опять одиночество, сочувствие в глазах отца и Софии, понимающие кивки мамы, после которых хочется убиться об стену. Потом, может, спустя время — одноразовые подружки в темноте комнаты, перчатки, потому что действительно трогать не хочется, но настолько скучно, что готов уже и на это; наручники, веревки. Хоть основные, самые опасные триггеры, связанные с прикосновениями и огнем, остались в прошлом, неровности сухой кожи никуда не делись, и потрогать себя я никому не позволю, уж точно. Перед Верой-то стесняюсь, когда с ней — все равно одеваюсь, не даю коснуться своей груди и лопаток лишний раз, чтобы не спровоцировать неприятные эмоции. А подпустить близко кого-то еще? Даже думать об этом не хочется. Я хочу с Верой. Хочу сделать реальным все то, о чем сейчас думаю. Хочу иметь ее. И очень хочу, чтобы она

всегда была рядом. Я не из тех, кто нуждается в разнообразии — я тот, кому от него тошно.

О нет, только не это. Ну до чего же глупый поступок участвовать в Фестивале! И неожиданная ненавистная победа. Хочется ее скрыть, но не выйдет. Вера все равно узнает, и пусть лучше от меня. Странно, что все еще не узнала. Видимо, она сейчас сидит совсем на других форумах.

Бескрайние поля, припорошенные первым снегом, наконец остаются позади. Въезжаю в низкий город, где самое высокое здание — в пять этажей; сверяясь с навигатором, ищу нужную улицу, дом. Значит, здесь Вера и выросла. Может, мы погуляем немного и она что-нибудь о себе расскажет, проведет экскурсию. Я планирую завтра же забрать ее в Москву, и сюда она вернется теперь нескоро. Пусть попрощается. Если захочет — задержимся на день, время позволяет.

Познакомлюсь с ее мамой, наконец, вживую. Сделаю сюрприз папе, который если и ставил на мое бегство — теперь крупно проигрался.

Лишь бы Вера меня не выгнала. И вообще захотела со мной разговаривать после сделанного. Она же говорила мне сотню раз, что не сможет простить предательство. Что для нее архиважно принадлежать только одному мужчине, раздеваться только для него одного, доверять. Смотрю на тираж «НУ» — сто тысяч экземпляров. Это помимо всех электронных журналов и блогов, в которых будут освещены победители. А в Москве даже повесили несколько баннеров, кстати.

Трындец... на что я надеюсь?

Вот он подъезд. Лестница. Поднимаюсь на пятый этаж пешком, лифта нет, и с каждым шагом сердце колотится все отчаяннее. Сейчас раннее утро, я не выдержал и сорвался в дорогу ночью. Наверное, Вера еще спит. Будет сюрприз. Кто бы знал, приятный ли.

Пусть бьет меня, кричит, обзывает — лишь бы простила. Я ж не хочу больше один. Только с ней. Все планы и идеи насчет Сочи имеют значение, только если она останется рядом. Иначе и думать не хочется.

Ну вот, нужная дверь с номером пятьдесят девять. Тяжело вздыхаю несколько раз. Ну что ж, через минуту мы узнаем, будут ли у нас еще отчеты. Понадобятся ли они мне. Теперь все зависит от настроения и реакции Веры.

Звоню в дверь. Тишина. Потом шаги.

Посещает неприятная мысль, что открыть может не Вера вовсе, а ее мать или отец, например, — сейчас восемь утра, интересно, они уже ушли на работу? Черт, сначала хочется поговорить с ней, потом уже с родителями. Но выбирать не приходится. Заслужил.

Замок, наконец, щелкает, дверь открывается. Я счастливчик, потому что на пороге — Вера в домашних бриджах и длинной майке. Бледная, сонная, взъерошенная. Лицо слегка зеленоватое — видимо, из-за одолевающей тошноты. Она видит меня, лицо озаряется счастливой улыбкой, глаза блестят, Вера сжимает ладони от восторга, потом тянется ко мне и... я не выдерживаю ее красоты, доверчивости, любви, которую она дарит мне все это время просто так, незаслуженно.

Выдержать ее радость невозможно. Под гнетом совести и раскаяния я сначала опускаю глаза, а следом падаю на колени. Прямо на пороге. Вера мешкает секунду, затем тоже опускается. Легонько обнимает меня за затылок, прижимается своим лбом к моему.

— Опять накосячил, Белов? — мягко спрашивает, легонько поглаживая шею.

Киваю, зажмурившись. Обнимаю ее в ответ, стискивая в ладони злополучный журнал, тысячи копий которого продаются по всей стране.

— Сильно? — спрашивает она.

Снова киваю:

— Еще как сильно.

Она прижимается всем телом. Мы молча обнимаемся — долго, крепко, чувственно. Соскучились же страшно.

— Мне не понравится? — спрашивает.

— Абсолютно нет, — качаю головой. Испытательный срок полетел к чертовой матери.

— Тогда, пока я еще ничего не знаю, поцелуй меня. А потом расскажешь.

Улыбаюсь, она следом. И мы целуемся тоже долго, нежно, именно так, как любим, постепенно поднимаясь на ноги. Она увлекает меня за собой в квартиру.

— Ты одна? — спрашиваю.

— Да, родители будут после пяти. Пойдем, расскажешь, что натворил опять. А я тебе завтрак приготовлю. Голодный? — все еще держит мою руку, отпускать не намерена.

Прохожу в коридор, довольный тем, что мы вдвоем, гадая, слишком ли нагло будет отложить разговор на потом, а сейчас продолжить ее обнимать? Я ж так быстро ехал, спешил, так сильно скучал. Она идет на кухню, затем вдруг оборачивается, смотрит на меня в ожидании. Ресницы распахнула, глаза большие, сама серьезная, но взгляд мягкий. Кивает, подбадривая.

Ну вот и все. Сейчас мы узнаем, придется ли вам читать очередной отчет, или двадцать три в моем случае — число идеальное. Удастся ли воплотить в жизнь идеи насчет Сочи, работы-мечты, наших с Верой детей, и ее, девушки моей, находящейся всегда рядом, ласковой и поддерживающей. Возможно ли мое будущее без черного флага над кроватью. Я нервно улыбаюсь, набираю в грудь воздуха побольше и начинаю говорить. А сказать предстоит многое. Но начинаю со слов, что люблю ее по уши.

И протягиваю журнал.

Больше книг на сайте — Knigolub.net